

Тринадцатые Феодоровские чтения

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЕВРОПЫ

Плaнaнiе
РОССIЯНЪ
по Ледовитому морю

итенан. Муравовъ и Навиоа въ 1734 и 1735
тениан. Мисогина и Скуратовъ въ 1736
йтениан. Обвуса въ 1734, 1736 и 1737
Штурмана Маника въ 1738 и 1740







По благословию
Высокопреосвященнейшего МИТРОФАНА,
митрополита Мурманского и Мончегорского



ТРИНАДЦАТЫЕ
ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Мурманская митрополия
Министерство образования и науки Мурманской области
Министерство культуры Мурманской области
Кольский научный центр Российской академии наук

Материалы международной
историко-краеведческой конференции

ТРИНАДЦАТЫЕ
ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДНИЙ СЕВЕРА ЕВРОПЫ

г. Мурманск
18–20 сентября 2020 года



Издательство Кольского научного центра
2021

«Исторические поселения севера Европы». Материалы историко-краеведческой конференции. Тринадцатые Феодоровские чтения: под ред. митрополита Митрофана (Баданина). — Апатиты: Издательство Кольского научного центра, 2021. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-91137-452-5

ISBN 978-5-91137-452-5

© Митрополит Митрофан (Баданин), сост., 2021

Феодоритовские чтения проводятся с 2006 года и посвящены памяти выдающегося христианского подвижника, замечательного богослова и историка – преподобного Феодорита Кольского («русского философа Феодора»), пришедшего в начале XVI века с проповедью веры Христовой и просветившего евангельским светом земли Кольского Севера.

Тема XIII Феодоритовских чтений: «Исторические поселения Севера Европы» (К 455-летию основания г. Колы) позволила осветить вопросы образования и дальнейшего развития средневековых поселений Европейского Севера, сыгравших существенную роль в истории, и оказавших значительное влияние на культурную идентичность Северных регионов в России и Европе. Рассмотреть тему ключевого влияния христианства на историческое и культурное становление северных поселений.

СЛОВО О ПРЕПОДОБНОМ ФЕОДОРИТЕ, ПРОСВЕТИТЕЛЕ КОЛЬСКОМ (1481–1571)



Великий северный старец, преподобный Феодорит Кольский в начале XVI века пришел в эти древние, колдовские «вотчины князя бесовского» с проповедью веры Христовой и не отступил от задуманного, пока не просветил евангельским светом эти некогда пустынные, «полночные» земли Великой Лапландии.

Преподобный Феодорит Пустынник – первый из святых подвижников Крайнего Севера, который с детства возжелал и сознательно готовился к великой миссии: к просвещению этого края, к покорению просторов Великой Лапландии. Всю свою долгую жизнь он посвятил воплощению этой мечты, и столь грандиозная по своему масштабу задача была им успешно решена.

В этом славном делании кольский старец не остался одинок. Феодорит как духовный отец породил великий сонм святых Кольского Севера, оставив после себя целую плеяду последователей школы монастырского старчества. Среди его учеников такие знаменитые подвижники, как преподобные Трифон Печенгский и Варлаам Керетский, преподобномученики Печенгские Иона и Герман, игумен Гурий и с ним 116 мучеников.

Духовное наследие, завещанное нам великим просветителем Кольским – преподобным Феодоритом, многогранно и масштабно. В равной степени уникальными и достойными восхищения являются обстоятельства его долгой жизни, свидетельствующие об очевидном «от молодых ногтей» избранничестве подвижника, об угодности Господу его великих дел и свершений.

С семи лет пребывая во Владычнем монастырьке при Ростовской архиепископии и трудясь над переписыванием книг для соловецкой библиотеки, возревновал юный «дьячишка Федор» о повторении подвига святителя Стефана, просветившего в XV веке светом веры евангельской языческие народы Великой Перми.

Для осуществления этой достойной миссии юный Федор обладал всеми необходимыми внутренними качествами и дарованиями. Очевидные способности к языкам, филологические, философские и богословские таланты он в полной мере наследовал от выдающихся предков.

В конце XV века, с 1493 года, двенадцатилетний отрок Федор уже числится в послушниках «на Соловецком острове, в монастыре, иже лежит на Ледовом море». По уставу преподобного Зосимы Соловецкого, искус послушания для соловецких послушников продолжался не менее трех лет, но игумен Досифей уже через год принял решение о постриге отрока с наречением имени Феодорит. Такая, как могло бы показаться, поспешность отнюдь не затрагивала незыблемых основ монастырского устройства, служащих формированию в каждом иноке человека внутреннего молитвенного делания и нацеленные на духовное созидание «служителя Христова и домостроителя тайн Божиих» (1 Кор. 4,1).

Об этой мудрой несуетности воспитания «новой твари во Христе», о понимании того, что главное делание жизни монаха, на которое не жаль времени, – это преодоление самого себя и своего «ветхого человека», дабы, стяжав Благодать Святого Духа, «облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4,24). Об успешном решении этой величественной задачи ярко свидетельствует вся долгая жизнь великого старца.

Целых восемнадцать лет пребывает инок Феодорит в полном и неотступном послушании у своего учителя, старца Зосимы, затем двенадцать лет подвизается в лопарских пустынях, пребывая в богомыслии и молчании, на долгие годы скрывается в пустынях Кирилло-Белозерского монастыря, постигая великую науку священнобесмолвствующих.

И лишь стяжав благодать Духа Святого, войдя в духовную силу «мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4,13), священно-инок Феодорит изливает свои благодатные деяния на эту иссохшую, жаждущую землю. Ему уже сорок пять лет, и лишь скудные строки летописей доносят до нас свидетельства успешности его миссионерских трудов.

1526 год – Кандалакшский залив, устье реки Нивы. «Освящали церковь Рождества Иоанна Предтечи и многих лоплян крестили во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу Православную веру христианскую»¹.

1533 год – Кольский залив, устье реки Колы. «Церкви Божия освящали, Благовещения Святой Богородицы да Чудотворца Николу, и самих многих крестили лоплян во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу православную и святую веру»².

С 1533 по 1540 год – «Заволжские пустыни», скиты Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь трудится Феодорит над созданием письменности лопарского народа.

1540 год – «на устье Колы реки созидает монастырь», ставит «церковь во имя Пребезначальной Троицы и, собрав братию, дает им Устав»³.

1542 год – «наученных от Феодорита и оглашенных лоплян единого дня крестилось яко две тысячи человек со женами и детьми»⁴.

С 1548 по 1551 годы – вновь в Кандалакше, где созидает Рождества-Богородичный (Кокуев) мужской монастырь и «бывает в нем игуменом».

Игумену Феодориту в это время исполнилось уже семьдесят лет, но впереди кольского старца ждали новые великие деяния и испытания. Это и скорбь несправедливого гонения, и тяготы незаслуженного осуждения на ссылку, и слава и почет «премудрого» богослова, отстаивавшего высоту русского вероисповедания перед гордыми греческими иерархами в 1557 году. Он блестяще выполнит эту знаменитую «Константинопольскую миссию», доставив из Царьграда для русского Государя «древнюю книгу» с благословением Вселенского Патриарха на возведение на царство по чину «венчания императоров византийских». Таким образом получит официальный

¹ Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. М.–Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

² Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.

³ Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 332.

⁴ Курбский. С. 333.

статус идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва – Третий Рим».

За исполнение этой важнейшей дипломатической задачи Феодорит сподобится царских почестей и великих милостей от Иоанна Грозного, увенчавшихся и искусительным предложением даровать Феодориту «такую власть духовную», которую тот бы только «захотел».

Но блаженный старец до конца дней своих будет вновь и вновь стремиться к своей избраннице – к «полнощной стране», к земле Кольской, объезжая «детей своих духовных, как монахов, так и лопянов, наученных и крещенных от него, печась о спасении душ их», и, духовно окормляя Печенгский и Кандалакшский монастыри, в сане архимандрита достигнет блаженной кончины, отойдя ко Господу в родном Соловецком монастыре в возрасте девяноста лет.

Современник Феодорита и его духовный сын князь Андрей Курбский напишет вскоре, обращаясь к «теплохладному» человеку века сего: «Зри сюда, лицемерный христианин, какие храбрые еще обретаются старцы в Православной земле, на правоверных догматах воспитанные. Чем более престареют и изнемогут телом, тем большую храбрость и ревность ко благочестию во Господе полагают, и проникаются Богом и живут под покровом Вышнего».

Яркая жизнь великого апостола Крайнего Севера, преподобного Феодорита Кольского ясным образом свидетельствует об утратах нашего времени, обличая болезненную суетность нашей жизни и духовную немощ современных христиан.

Как мы теперь знаем, у преподобного Феодорита с детства была мечта, и в своих трудах по просвещению Лапландии Феодорит, следуя примеру просветительских деяний Стефана Пермского, конечно же, намеревался повторить опыт утверждения епископской кафедры на присоединенных к православию землях Крайнего Севера. И, как святитель Стефан стал первым архиереем Великой Перми, так мечтал и Феодорит, чтобы и здесь, на Кольской земле, был свой архиерей «Великой Лапландии».

В 1996 году мечта жизни кольского подвижника исполнилась: на земле Великой Лапландии впервые появилась самостоятельная Мурманская епархия. И не удивительно, что благословением первого архиерея епархии, епископа Мурманского и Мончегорского Симона в 2003 году первым из святых, в земле Кольской просиявших, был прославлен в лике преподобного Феодорит, просветитель Кольского края, с установлением дня его памяти 17/30 августа.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ТРИНАДЦАТЫЕ
ФЕОДОРИТОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ СЕРГЕЯ ЕВРОПЫ

«Я далеко не восторгаюсь тем, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечества, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог нам ее дал. Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости...»

А. С. Пушкин
(из письма к П. Я. Чаадаеву)

МИТРОПОЛИТ
МИТРОФАН
(Баданин),
глава Мурманской
митрополии

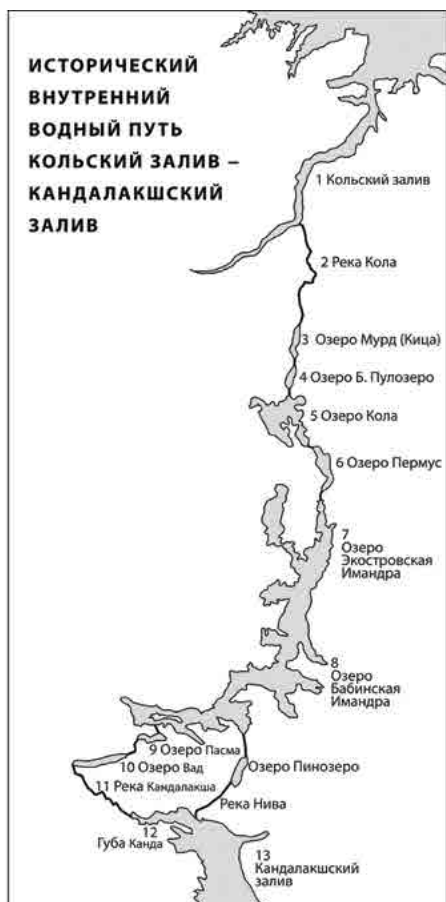


КОЛА. ИСТОРИЧЕСКИЙ СТАТУС И ВОЗРАСТ ПОСЕЛЕНИЯ

Исключительное историческое значение Колы как поселения, возникшего в устье Кольского залива, определялось выдающимся значением Великого водного пути, что со времен глубокой древности соединял Баренцево и Белые моря. Сегодня практически забыто это понятие: «Великая река Кола», или «Кола-рѣка»¹, которая долгие столетия служила неизменным торговым, данничным и промышленным путем, соединявшим земли Великой Лапландии и Новгородской Руси. Именно нахождение крайних точек начала и конца этой великой водной артерии определило статус и выдающееся значение поселений Колы и Кандалакши.

«Книга Большого чертежу» дает древнее описание этого исторического водного пути,

¹ Воскресенская летопись под 1532 г. // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.



Водный путь Кола–Кандалакша



Кольский остров

что соединял Кольский залив с Кандалакшским заливом, отделяя Кольский полуостров (в то время – остров) от материковой части Лапландии. Текст «Книги» свидетельствует о том, что в те древние времена этот водный путь по рекам и озерам практически воспринимался как морской путь: «От Кольской губы прямо¹ усть реки Нивы, те все реки морским берегом стали в губе».

¹ На старославянском слово «прямо» означало «напротив». Слово «прямо» в его современном значении звучало как «премо». Дьяченко Георгий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 521. (Далее: Дьяченко. Словарь.)



*Поднятие берега в сантиметрах за год.
Журнал Geer Gerard de. Om Skandinaviens, Стокгольм*



*Поморы и лопари
промышляющие перевозом*

Сегодня, вследствие поднятия Кольского полуострова и всей Фенноскандии в целом, такого «морского берега» единой губы уже не существует. Но в те времена нынешний Кольский полуостров авторами «Книги» справедливо воспринимается как **остров**. Таким образом, «скорость поднятия дна здесь составляет 4–5 мм в год»¹. Но все равно, «наибольшая скорость поднятия характерна в целом для Мурманского побережья. Современное состояние в северной части Европы контролируется сетью GPS под названием “Бифрост”. Результаты данных GPS показывают пиковую скорость около 11 мм/в год»².

Примыкающий к области Финнмарка в своей северной части берег Ботнического залива, согласно многолетним замерам, поднимается на 90 см за сто лет. «По примечаниям шведов, вода в Балтийском море упадет за сто лет на 45 дюймов [113 см – м. М.]»³.

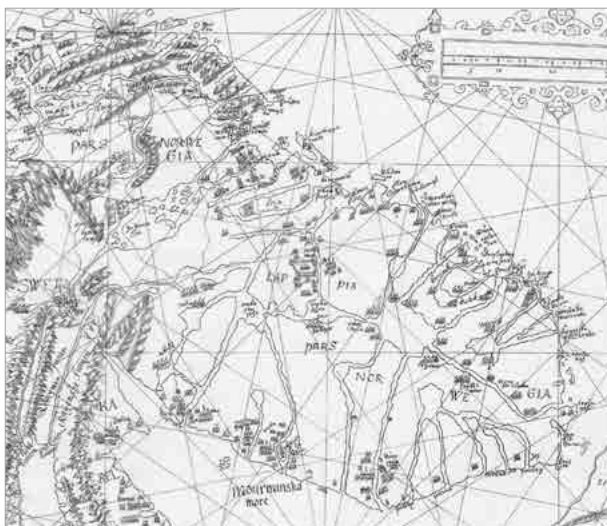
О существовании такого прямого **морского** пути, отделяющего Кольский остров от материка, свидетельствует и надпись на карте Вильяма Борро, составленной около 1556 года: «Кола река про-

¹ Мурманская область: География и история освоения. Мурманск, 1996. С. 98.

² Johansson J. M. Continuous GPS measurements of postglacial adjustment in Fennoscandia. // Journal of Geophysical Research. 2002. № 107.

³ Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. М., 1788. Ч. 1. С. 67.

*Водные пути
Кольского Севера
в XVI в. по карте
Симона ван
Салингена*



в 1519 году преподобный Феодорит Кольский «на малом кораблеце» добрался до «глубоких варваров, лопарей диких»¹.

В том же ключе может быть оценена и информация агента «Московской компании» англичанина Артура Эдвардса, приведенная в письме к своим английским коллегам. В 1565 году он описал «Путь в маленьких судах вдоль берега от св. Николая [район нынешнего Северодвинска. – м. М.] до Вардегуза [норвежский г. Варде. – м. М.]»². В своем описании плавания, начинающегося вдоль Корельского берега («река Ненокса, Унская губа, Лобшаньга, Усть-Наволоок»), Эдвардс рекомендует затем через Соловки доплыть до Кандалакши, после чего следующим пунктом плавания он сразу указывает – «Усть-Кола». То есть для путешествия от Кандалакши до Кольского залива даже не требуется никаких пояснений – путь известный и прямой. И уже далее, после выхода из Кольского залива, указаны пункты-ориентиры, ведущие на запад, в Норвегию: «Поган-Наволоок, Цып-Наволоок и Кегора».

¹ Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XVI в. М., 1986. С. 332. (Далее: Курбский Андрей. История о Великом князе Московском.)

² Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels, and Discoveries of the English Nation. A New Edition, with Additions. L. P. London, 1809. T. I. P. 408.



Новгородские владения XIV в.

Этот и иные многочисленные водные пути Европейского Севера подробно представлены на карте Симона ван Салингена 1585 года.

Как известно, вновь возродить «Великую реку Колу» предполагалось в XX веке в период великих «Сталинских строек», согласно проекту 1934 года. Строительство Кольского канала, наподобие Беломорско-Балтийского, обеспечило бы плавание из Баренцева в Белое море судов океанского класса, поскольку проектная глубина канала была заложена в пределах от 7,4 до 8,5 метров.

Что касается первых упоминаний названия Колы в письменных источниках, то вопреки тиражируемому утверждению, в договоре 1264 года непосредственно «волость Коло» не упоминается. В этом договоре между Новгородом Великим и тверским князем перечислены новгородские владения на тот момент: «А се волости новгородские: Бежиче, Городец, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволожье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера»¹. В этом списке

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 9.

*Предтеченская
церковь
г. Кандалакии 1786 г.
постройки. Фото
В. А. Плотникова*

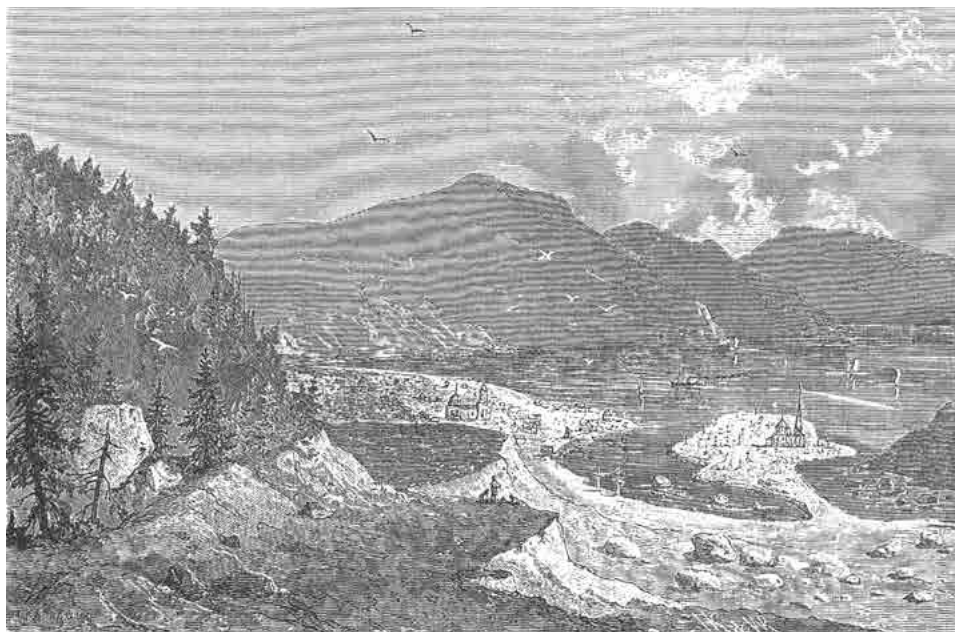


упомянутая «Колоперемь» – это земли как бассейна реки Колы, так и территории на запад от них, или по-норвежски Финнмаркен. Встречающееся толкование этого названия – «"Колопермь" как "около Перми"»¹ – не выдерживает критики, поскольку в русском языке слово «около» никогда не сокращалось до «коло». Так что «Колопермь» – это Кольская Пермь, в отличие от известной Перми, простирающейся на восток от Белого моря. Нет сомнений и в том, что эта волость – Колопермь – должна была иметь свой административный центр – поселение Колу.

Последний раз Колопермь, как территория новгородской волости с этим новым русским названием (в документе – Голопермь), упоминается в грамоте Новгорода Тверскому великому князю Михаилу Ярославичу в 1304 году. После этого года волость Колопермь исчезает из перечня земель, принадлежащих Великому Новгороду.

Нынешнее празднование 455-ой годовщины основания Колы опирается на сообщение из «Дневника» голландского дипломата и купца Симона ван Салингена XVI века, писавшего: «Что касается Мальмуса, то, когда антверпенские суда впервые прибыли туда

¹ Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976. С. 23.



Кола на гравюре XIX в.

в 1565 году, там было не более трех домов»¹. Надо сразу сказать, что эта информация и этот год явно принижает древность этого русского поселения.

В дореволюционной историографии, как, впрочем, и сейчас, существовало правило усвоения даты основания поселению, исходя из первого упоминания его в письменном источнике. В то же время любое поселение на Руси признавалось состоявшимся лишь после постройки и освящения там храма.

Так, например, на сегодня годом основания Кандалакши – «Кандалакжской губы, усть Нивы-реки» – справедливо признан 1526 год, о чем и свидетельствует летопись: «Государь велел архиепископу Макарию послати из Новаграда от соборных церкви, священника и диакона [иеромонах Илия (Тучков) и иеродьякон Феодорит (Жиденов)]. – м. М.]. И они ехавше свящали церковь Рождества Иоанна Предтечи, и многих лоплян крестиша во имя Отца и Сына, и Свя-

¹ Филиппов А. М. Русские в Лапландии. С. 299.

Изображение Кольского острога на гравюре в книге Геррита де Вера. 1598 г.



того Духа, в нашу Православную веру христианскую»¹.

Аналогичным образом необходимо рассматривать и вопрос года основания г. Колы. «В лето 7040 года (1532 год)... тое же зимы приехаша в Великий Новгород лопяне с Мурманского моря, с Колы-реки, с Тутоломи, и били челом государеву преосвященному Макарию и просили антиминсов и священников церкви Божия свящати и самих просветити святым крещением. И боголюбивый архиепископ Макарий послал от соборных церкви святей Софии священника и диакона, и они, ехавши церкви Божия свящали, Благовещения Святей Богородицы да чудотворца Николу в Филиппов пост, и самих многих крестиша Лоплян во имя Отца и Сына и Святого Духа, в нашу православную и святую веру»². Таким образом, 1532 год по Р. Х. без всяких сомнений может считаться годом основания поселения Кола.

В то же время существует устойчивое мнение историков о много более древнем возникновении поселения Колы; дореволюционные историки высказывались и о еще более древнем возникновении некоего укрепления на этом месте: «Кольский острог выстроен двинянами в XII столетии для покровительства беломорским треско-

¹ Софийская летопись. 1526 год. // Полное собрание русских летописей. Л.-М., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

² Софийские летописи. // Полное собрание Русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.

*Кольская крепость
Вавилон*



ловам»¹. Или даже еще более ранние сроки: «русские промышленники еще задолго до постройки норвежской крепости Вардегуз густо населяли Мурман, что доказывается фактом существования здесь поселения Колы, возникшего еще в X веке»².

В русле этих утверждений можно упомянуть, что еще в XIII веке новгородский посадник Валит-корелянин имел здесь – в Усть-Коле – каменное укрепление: «каменную загороду в двенадцать стен», о чем сохранились письменные свидетельства в «Опросных речах данщиков». «И назван был у него тот оклад Вавилоном... в Коле, там, где ныне острог, обложено было у него [у Валита-корелянина] камнем двенадцать стен. Но то, что было в Коле им построено, то развалено, когда острог делали [в 1583 году. – м. М.]».³ Дореволюционные историки полагали вполне возможным «существование здесь поселения Колы, возникшего еще в X веке с целью развития промыслов»⁴. Следует принять и замечание другого российского историка на этот счет: «В 1310 году король Хакон [король Норвегии Хакон Магнуссон (1340–1380 гг.). – м. М.] нашел необходимым для защиты своих новых подданных [речь идет об изгнанных с Кольского полуострова Александром Невским биармийцев. – м. М.] от

¹ Козмин Кир. Варангерское море и его история (Из жизни Архангельского севера), Архангельск, 1914. С. 4. (Далее: Козмин К. Варангерское море).

² Шидловский А. Ф. Шпицберген в русской истории и литературе. Краткий исторический очерк. СПб., 1912. С. 3.

³ «Опросные речи данщиков...». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

⁴ Козмин К. В. Исторический обзор Мурманского берега. С. 3.



Кольский острог (реконструкция)

набегов корел, основать крепость Вардегуз. Но русские еще раньше основали Колу, именно в 1264 году»¹.

Размышляя об упомянутой выше Кольской крепости Вавилоне, следует вспомнить, что на Севере «вавилонами» называют часто встречающиеся каменные кладки-мегалиты, то есть выложенные камнями концентрические круги, имевшие некое сакральное значение в языческих культах.

По сути эти мегалиты есть повторение в миниатюре упомянутого Кольской крепости – «Вавилон» – «каменной загороды в двенадцать стен». Такая круглая крепость, построенная «новгородским посадником Валитом-корелянином», надо полагать, и дала название этому месту. Таким образом, название Кола легко увязывается с известным с глубокой древности словом «коло», что означает «окружность», «кольцо», «круг». Кроме того, в этом же ряду стоит старославянское слово «Коула», что означает «крепость, башня, замок»².

¹ Кузнецов С. К. К вопросу о Биармии. С. 47–48.

² Дьяченко. Словарь. С. 275.

Вновь возвращаясь к необходимой корректуре даты основания города Колы, следует признать, что ряд наших историков слишком доверительно отнеслись к известному сообщению из «Дневника» Симона ван Салингена XVI века: «Что касается Мальмуса, то, когда антверпенские суда впервые прибыли туда в 1565 году, там было не более трех домов»¹. Надо понимать, что голландский дипломат сознательно, с политическими целями, преуменьшил степень заселенности Мальмуса (Колы) в то время.

Обустроенность русской Колы, несомненно, была более значительной, нежели упомянутые «три дома». К этому времени одни только купцы Строгановы имели в Коле немалое хозяйство. В 1569 году, постригаясь в монахи, глава рода Аникей Федорович завещал своим сыновьям «в Коле двор со всеми хоромы и с заплотиною (с оградой)... на Мурманском же, в Коле, варница старая и с цреном и с двором... да варница новая и с цреном в Лавне реке и с двором»². Заметим также, что «под 1550 годом упоминается в Коле Гражданская управа»³.

Или иное свидетельство. В 1556 году, то есть еще за десять лет до появления Салингена, в «Жалованной грамоте» перечисляются обширные владения в Коле одного лишь Троицкого Печенгского монастыря: «В волости Коле два двора, да четыре амбара, да кузница, да в реке Коле рыбные ловли, да на реке Коле мельница, да у них же варница данье, да варница монастырское строение...»⁴.

Не столь давно введенное в научный оборот знаменитое свидетельство Нуосиа-русского, записанное также в 1556 году, окончательно опровергает информацию Салингена. Документ «Финляндский источник...» подчеркивает, что Кола – большое селение, больше Кандалакши: «Кандалакс, которая размером с четыре церковных прихода, и Колансооу, в которой людей, может

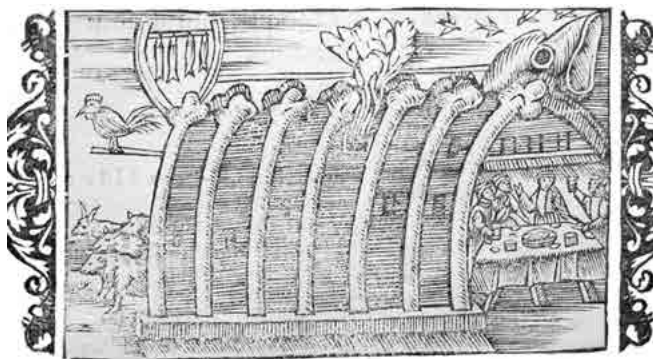
¹ Филиппов А. М. Русские в Лапландии. С. 299.

² Ушаков И. Ф. Православие на Кольском Севере.

³ Дергачев Н. Подробное описание Лопской земли. 1870. № 70

⁴ Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929. С. 438.

*Дома, построенные
из китовых костей.
Гравюра О. Магнуса,
XVI в.*



быть, как в пяти церковных приходах»¹. Приходами или погостами назывались поселения, в которых имелась материальная возможность содержать церковь с церковным причтом. Во всяком случае, это поселение имело не менее 15–20 дворов и 100–120 человек селян. Таким образом, население Колы в середине XVI века составляло 500–600 человек.

Равным образом следует указать на необходимость принятия новой даты основания Колы по времени строительства здесь церквей, что произошло в 1532 году.

Упомянутое нами выше в предании о Валите-корелянине время, «когда в Коле острог делали», относится к 1582 году. В этом году в Мальмус был назначен первый кольский воевода – русский боярин Аверкий Иванович Палицын. Воевода «устроил для норвежцев гостинный двор, поставил весы с норвежскими гирями, стал собирать со всего десятину и ввел другие усовершенствования»². В это время датский король Фредерик II направил военную эскадру к Мурманскому побережью с приказом захватывать все иностранные суда, и даже «в самой Кольской гавани». В ответ Иоанн Грозный повелел построить в Коле «острог, или бруствер». Царской грамотой от 17 декабря 1583 года в Колу был направлен знающий «острожное дело» воевода Максак Федорович Суди-

¹ Шаскольский И. П. Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI века. // История географических знаний и открытий на Севере Европы (Сборник статей). Л., 1973. С. 33.

² Филиппов А. М. Русские в Лапландии. С. 305.

Деталь острога
с верхним и
подошвенным боем



мантов: «Государь наш, – сообщал Судимантов, – в свою отчину, в Колу волость прислал меня, воеводу своего, для своего дела»¹.

Таким образом, «до 1585 года Кола вместе с Печенгой и Кигором имели большее значение для внешней торговли России, чем гавани в устье Северной Двины»². «Только из Нидерландов в Колу ежегодно приходило от 20 до 30 судов»³.

Интересную особенность строительства жилья в Коле описал французский путешественник, посетивший ее в 1653 году. Кола – это «небольшой городок, скорее пригород, построенный между горами на берегу небольшой реки». В городке только «одна улица», все дома деревянные, а крыши этих домов «очень чисто сделаны из рыбьих костей» и имеют «наверху спереди... отверстие», через которое внутрь «проникает свет»⁴.

Описание начала XVII века дает нам представление о фортификационных решениях при строительстве крепостей на Крайнем Севере в то время: «Острог Кольский на усть-Колы реки и Туломы, от реки Колы стена городовая 50 сажень [107 метров. – м. М.]⁵, бой подошвенный и верхний [бойницы нижнего и верхнего

¹ Русские акты Копенгагенского архива. С. 207.

² Шаскольский И. П. О возникновении города Колы. // Исторические записки. М., 1962. Т. 71. С. 278.

³ Громыко М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века. М., 1960. Вып. 17. С. 240.

⁴ Ламартиньер П. М. Путешествие в северные страны. С. 29.

⁵ Сажень – русская мера длины. 1 сажень равна 3-м аршинам, или 7-ми футам, или 2,1336 м

*Троицкая
церковь в Коле на
Монастырском
острове*



уровня. – м. М.]». Здание церкви, построенной на месте древней Никольской часовни, оказалось в ограде новой крепости: «Да в остроге ж церковь с трапезою Никола чудотворец клетски, деревянная, теплая», и также в периметре острога летняя «церковь страстотерпца Христова Георгия, деревянная ж, студеная, верх шатровый. А в церквах образы, и книги, и ризы, и на колокольнице колокола строение мирское. А служитель у тех храмов протопоп Маркел»¹.

Кроме того, в 1611 году на «Монастырском острове» [ныне это территория Кольского кладбища. – м. М.] «за рекою за Колою, против острогу на острове на месте Петрова монастыря церковь теплая деревянная верховных апостолов Петра и Павла, с трапезою, строение Петровского монастыря игумена Гedeона с братьею. Да в монастыре же церковь Успения Пречистыя Богородицы с трапезою, поставили ново, верх шатровой на подклетьях, колокольница и колокола строение монастырское»².

Количество населения в Коле позже, в XVII веке, можно оценить по Переписным книгам: «Всего в Колском остроге в тридцати в пяти дворах посадских людей и с теми, которые поверстаны

¹ Харузин Н. Н. Русские лопари. Приложение № 2. С. 410.

² Харузин Н. Н. Русские лопари. С. 433.

в пушкари, сорок человек, да два попа, да дьякон, да пономарь, а у них детей и братьи и племянников сорок три человека, да двадцать человек недорослей. И за Колою рекою живут на тяглой земле во дворе кольские стрельцы. Стрелецких пятьдесят семь дворов, да двор сотника стрелецкого. В Колском остроге за Колою рекою в Печенском монастыре двор конской, да на мельнице келья, да в старом Печенском монастыре от Колскаго острога за триста верст двор монастырской для приезде промышленных людей, а работных людей и бельцов у них в монастыре всего шесть человек, да наемной казачек»¹.

¹ Переписная книга Кольского острога, посада и уезда Л. Секирина. РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, № 15056. 1678–1679 гг. Л. 9–9 об.

ДАВИДОВ

Руслан Александрович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук



ОБОРОНА ГОРОДА КОЛЫ В КРЫМСКУЮ ВОЙНУ В РАПОРТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ЛЕЙТЕНАНТА А. М. БРУННЕРА

Адъютант архангельского военного губернатора Андрей Мартынович Бруннер во время Крымской войны, в 1854 и 1855 гг., побывал во многих селениях на побережьях Белого моря. Он внес значительный вклад в организацию обороны Севера России. На Мурманском берегу А. М. Бруннер принял на себя командование над малочисленной инвалидной командой заполярного уездного города Колы. Кольский гарнизон и добровольцы из его жителей приняли неравный бой с английским военным пароходом, в ходе которого большая часть города сгорела во время пожара.

АНДРЕЙ МАРТЫНОВИЧ БРУННЕР – ЧТО О НЕМ ИЗВЕСТНО?

Биография А. М. Бруннера до сих пор не привлекала внимания историков; его деятельность в годы Крымской войны не описана в литературе. О нем нет сведений ни в одном из известных много-томных дореволюционных справочных изданий конца XIX – начала XX вв.: ни в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», ни в «Русском биографическом словаре», ни в «Военной энциклопедии». На время написания настоящей статьи (сентябрь 2020 г.) об А. М. Бруннере также не было статьи и на таком популярном ресурсе интернета как Википедия.

Что же о нем известно?

Еще в конце XIX в. были напечатаны краткие сведения о службе А. М. Бруннера на флоте с 1842 по 1880 г. в одном из томов «Общего морского списка»¹.

Кроме того, отдельные рапорты, написанные А. М. Бруннером в 1854 г. и сохранившиеся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО), были опубликованы в журнале «Наука и бизнес на Мурмане» – в номере, почти полностью посвященном 150-летию обороны города Колы в годы Крымской войны². Вот, фактически, и все.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А. М. БРУННЕРА

Занимаясь историей Крымской войны на Русском Севере, нам удалось обнаружить, среди прочего, дополнительные источники, характеризующие личность А. М. Бруннера и его деятельность.

¹ Общий морской список. Часть IX. Царствование Николая I. А-Г. Спб., 1897. С. 301–303.

² Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 4 (43). С. 36, 41–44, 48–49.

В ГААО, помимо рапортов А.М.Бруннера, также сохранились и его формулярные списки, другие ранее не публиковавшиеся документы, связанные с его службой в Архангельской губернии, в том числе и относящиеся ко времени Крымской войны¹.

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ) также есть неопубликованные формулярные списки А.М.Бруннера², копии некоторых его рапортов³.

Как это ни странно, до настоящего времени историками оставались незамеченными напечатанные в «Морском сборнике» воспоминания А.М.Бруннера о его деятельности в 1854 и 1855 гг. Эти воспоминания, насколько нам известно, не использовал и не цитировал никто из историков, когда-либо обращавшихся к тематике обороны Колы в годы Крымской войны. Почему? Это объясняется, на наш взгляд, следующими причинами.

Во-первых, наиболее полные комплекты журналов «Морской сборник» за дореволюционный период сохранились лишь в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Для историков и краеведов других регионов (например, Мурманской и Архангельской областей) они были относительно труднодоступны. Лишь сравнительно недавно значительная часть номеров «Морского сборника» была выложена в интернет.

Во-вторых, воспоминания были опубликованы в «Морском сборнике» в 1878 г., т.е. более чем через двадцать лет после описываемых в них событий. Историки, занимаясь событиями Крымской войны на Русском Севере, по понятным причинам большее внимание уделяли публикациям «Морского сборника» за годы войны (1853–1856 гг.), чем публикациям в том же журнале в последующие десятилетия.

В-третьих, воспоминания в журнале были помещены под несколько невнятным и не вполне адекватным содержанию заглавием – «Состояние берегов Белого моря в 1853–1856 годах», за которым

¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 93–94 об., 123–124 об., 170–173, 177–178 об. и др.

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 243. Оп. 1. Д. 7283.

³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 915. Л. 4–12, 14–17 об.

терялся подзаголовок – «Из воспоминаний участника обороны». Крымская война в заглавии публикации не упоминалась. Не упоминался в заглавии и город Кола (находящийся, кстати, отнюдь не на берегах Белого моря), обороне которого была посвящена большая часть текста.

И, главное, под текстом публикацией вместо полной фамилии автора были указаны лишь инициалы – «А. Б.»¹.

При сравнении текста воспоминаний, написанных от первого лица и подписанных инициалами «А. Б.», с сохранившимися в архивах текстами рапортов А. М. Бруннера, не остается сомнений, что «А. Б.» – это «Андрей Бруннер». Кроме того, это же подтверждается и соответствующим разъяснением составителя «Указателя статей “Морского сборника”» 1873–1882 гг.²

В настоящее время не существует специальных работ, посвященных А. М. Бруннеру и его деятельности в Архангельской губернии в годы Крымской войны по организации обороны края вообще и города Колы в особенности. Однако имеющиеся источники, часть которых ранее либо не была введена в научный оборот, либо не ассоциировалась с личностью А. М. Бруннера, дают для этого необходимый материал.

В данной статье мы представим краткие биографические сведения об А. М. Бруннере и расскажем лишь об одном, но наиболее ярком эпизоде его службы – об организации им обороны города Колы в 1854 г.

СЛУЖБА А. М. БРУННЕРА В 1842 – НАЧАЛЕ 1854 г.

Андрей Мартынович Бруннер родился 10 ноября 1824 г. По вероисповеданию – лютеранин; по происхождению – из дворян Мо-

¹ А. Б. Состояние берегов Белого моря в 1853–1856 годах. Из воспоминаний участника обороны. // Морской сборник. 1878. № 7. Неофициальная часть. С. 1–19.

² Зеленой Н. Указатель статей «Морского сборника» 1873–1882 годов. СПб.: Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1883. С. 184, 267.

сковской губернии. 15 (27) марта¹ 1842 г. начал службу юнкером на Балтийском флоте в 19-м флотском экипаже. 1 (13) января 1844 г. был произведен в мичманы.

В 1842–1850 гг. А. М. Бруннер был в плаваниях на Балтийском и Немецком морях.

В 1842 г. – на корабле «Фершампенуаз» и транспорте «Пинега»; в 1843 г. – на фрегате «Аврора»; в 1844 и 1845 гг. – на корабле «Выборг»; в 1845 и 1846 гг. – на пароходо-фрегате «Смелый»; в 1847 г. – на корабле «Выборг» и транспорте «Або»; в 1848 г. – на шхуне «Снег»; в 1849 г. – на шхунах «Снег» и «Град»; в 1850 г. – на корабле «Сысой Великий».

6 (18) декабря 1849 г. произведен в лейтенанты.

15 (27) марта 1850 г. переведен из 19-го в 13-й флотский экипаж².

30 января (11 февраля) 1851 г. исполняющий должность архангельского военного губернатора Роман Платонович Боиль направил письмо в Инспекторский департамент Морского министерства с просьбой назначить лейтенанта Бруннера к нему адъютантом, указав, что он знает лично сего офицера «с хорошей стороны»³. Просьба Р. П. Боиля была удовлетворена. А. М. Бруннер был назначен адъютантом к Р. П. Боилю с жалованием, согласно утвержденному расписанию по чину и с учетом удержания на пенсию, – 307 руб. 12 коп. серебром и «квартирными» от военного ведомства – 85 руб. 71 1/2 коп. серебром, т. е. всего 392 руб. 83 1/2 коп. серебром в год⁴.

В ГААО сохранились «Формулярный список о службе и достоинстве 13-го флотского экипажа лейтенанта Андрея Бруннера, назначенного Высочайшим приказом в 11-й день апреля 1851 года № 1120 адъютантом к архангельскому военному губернатору», кондуитный список и другие документы.

¹ Здесь и далее даты даны по юлианскому календарю или «старому стилю», а в скобках – по григорианскому календарю или «новому стилю». В настоящее время разница между календарями составляет 13 суток; в XIX веке – 12 суток.

² РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 7283. Л. 6–7 об.; Общий морской список. Часть IX. Царствование Николая I. А-Г. СПб., 1897. С. 301.

³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 4619. Л. 2–2 об.

⁴ Там же. Л. 4–4 об.

Из документов видно, что по состоянию на апрель 1851 г. А. М. Бруннер был холост; недвижимого имущества не было ни у него самого, ни у его родителей; в иностранной службе, под судом он не был, штрафов не имел; из иностранных языков знал немецкий и французский. Офицеры, под командованием которых он служил ранее, характеризовали А. М. Бруннера как очень достойного человека: «Поведения благородного, в должности хорош»; «поведения и должности очень хорош»; «Поведения весьма благородного, в должности отлично усерден»¹.

До начала боевых действий на побережьях Архангельской губернии летом 1854 г. А. М. Бруннер успел побывать в качестве адъютанта в нескольких командировках. Зимой 1851–1852 гг. он ездил в уездный город Онегу с проверкой хлебного магазина «по случаю дошедших до высшего начальства сведений о беспорядках». Уже после начала Крымской войны, весной 1854 г., Р. П. Боиль послал А. М. Бруннера в Вятскую и Вологодскую губернии для закупки двухсот тысяч пудов ржаной муки в Архангельский запасной хлебный магазин. Однако закупка не состоялась: предлагавшиеся А. М. Бруннером цены совершенно не устроили местных купцов, рассчитывавших продать муку как можно дороже в условиях военного времени², а полномочий, сопоставимых с теми, что появлялись у командиров красных продотрядов более отдаленной эпохи, у А. М. Бруннера не было.

После того, как в марте 1854 г. Великобритания и Франция объявили войну России, военный губернатор Р. П. Боиль и его адъютант А. М. Бруннер сосредоточились на решении военных вопросов: оставались считанные недели до выхода льда из Белого моря, открытия навигации и появления неприятельских эскадр.

¹ Там же. Л. 7–11 об.; 24–24 об.; 27–27 об.; 29–29 об.

² РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 7283. Л. 9 об.–10.

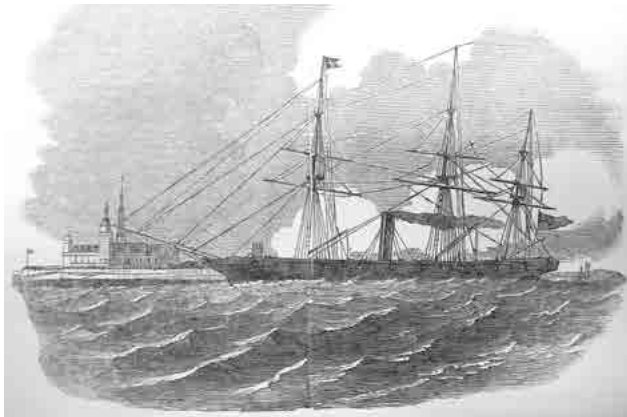
АРХАНГЕЛЬСК И СОСТОЯНИЕ
ОБОРОНЫ ПРИМОРСКИХ УЕЗДНЫХ
ГОРОДОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
К НАЧАЛУ ЛЕТА 1854 г.

До середины XIX в. Архангельск был крупнейшим центром военно-морского судостроения России. В период 1734–1852 гг. в Архангельском адмиралтействе было построено свыше 220 линейных кораблей и фрегатов (для сравнения: на верфях Санкт-Петербурга за тот же период – менее 150)¹. Но в то же время город оставался в положении «сапожника без сапог». Российская империя на начало Крымской войны располагала здесь лишь далеко не новым бригом «Новая Земля», выполнявшим функции брандвахты и шхуной «Полярная Звезда», занимавшейся в основном снабжением беломорских маяков. На бриге и шхуне были несколько орудий, с которыми они могли вступить только в самоубийственный бой с эскадрами неприятеля – без шансов на победу. Ни в столице – С.-Петербурге, ни в Архангельске не было иллюзий относительно возможностей ведения боевых действий против сильного противника в Белом море; это даже не обсуждалось в переписке вице-адмирала Р.П.Боия с военным и морским министерствами.

Российские власти, не имея возможности встретить противника в море и принять бой, приняли решение сосредоточиться на обороне Архангельска, как административного и экономического центра губернии, где работали адмиралтейство и порт. Было решено перевооружить защищавшую Архангельск Новодвинскую крепость и усилить ее гарнизон; устроить и вооружить артиллерийские батареи на островах дельты Северной Двины; построить гребные, вооруженные пушками канонерские лодки для прикрытия батарей и укомплекто-

¹ Список русских военных судов с 1668 по 1860 год / под ред. Ф. Ф. Веселаго. СПб., 1872. Архангельский исследователь В. А. Пальмин в своей диссертации и публикациях приводит более конкретные цифры за 1734–1852 гг.: в Архангельском адмиралтействе – 225 кораблей и фрегатов; на верфях Санкт-Петербурга соответственно – 148. См., например: Пальмин В. А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. С. 174. Нам известно, что отдельные историки не вполне согласны с этими расчетами, не оспаривая, однако сути: Архангельское адмиралтейство в указанный период было действительно крупнейшим судостроительным предприятием России.

«Миранда» на
Балтике. 1854 г.
До начала кампании
в Белом море. На
заднем плане –
датский замок
Кронборг. Источник:
*The Illustrated
London News*. 1854.
March, 25.



вать их командами; раздать ружья жителям деревень; наладить систему связи и оповещения. Надо сказать, что мероприятия эти были выполнены. Система обороны Архангельска показала себя в навигации 1854 и 1855 гг. вполне эффективной. Английские и французские военные моряки, пытавшиеся вести разведку и промеры глубин в устьях Северной Двины, неоднократно вступали в перестрелку с командами русских канонерских лодок и артиллеристами с острова Мудьюг¹.

Приморские уездные города – Онегу, Кемь, Колу и Мезень – военное начальство, как столичное, так и губернское, в 1854 г. не успело ни укрепить, ни усилить артиллерией. Да, честно говоря, и не пыталось это сделать. Инвалидные команды в этих городах были малочисленными. Как нам удалось недавно выяснить на основе документов Национального архива Великобритании, на каждом из неприятельских пароходов и фрегатов численность экипажа суще-

¹ Давыдов Р. А. Материалы к истории обороны Русского Севера в годы Крымской войны: Новодвинская крепость, береговые артиллерийские батареи и флотилия канонирских лодок в дельте Северной Двины (январь–май 1854 г.). // Новые материалы по истории фортификации: статьи и материалы Первой международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование», Архангельск, 18–19 сентября 2009 г. Архангельск: Новодвинка, 2012. С. 46–65; Давыдов Р. А. Враг у ворот: оборона о. Мудьюг в 1855 г. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2: Статьи и материалы III и IV междунар. науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование», Архангельск, 20–22 сент. 2016. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 293–295.

ственно превосходила численность русской инвалидной команды любого из названных выше городов! В начале 1854 года на вооружении инвалидных команд Онеги, Кеми и Колы имелось 74, 73 и 82 ружья соответственно; на каждое полагалось всего по 35 боевых патронов, а фактически было их еще меньше. 16 (28) марта по распоряжению Р.П.Боиля из Архангельска в Онегу, Кемь, Мезень и Колу были отправлены грузы с дополнительными боеприпасами: еще по 25 патронов на каждое ружье. Из упомянутого количества часть ружей была признана непригодной для ведения прицельной стрельбы (зимой 1854 г. в Коле таких ружей было около половины), некоторые ружья вообще не стреляли. Пушек инвалидным командам приморских уездов не полагалось¹. В случае необходимости на огонь корабельной артиллерии новейших иностранных пароходов русские могли ответить лишь неприцельной стрельбой из нескольких десятков старых ружей.

Перед командующими эскадр, которые Великобритания и Франция отправили в Белое море, в начале лета 1854 г. открылась заманчивая и легко осуществимая перспектива установления здесь полного контроля над судоходством и даже полного прекращения внешней торговли России через беломорские порты, не говоря уже о каботажном плавании русских судов².

КОМАНДИРОВКА А. М. БРУННЕРА ЛЕТОМ 1854 г.

В июне 1854 г. ситуация на Севере складывалась неопределенная: официально блокада беломорских портов неприятелем еще не была объявлена, но военному губернатору стали поступать сведения о за-

¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Л. 8–8 об.

² Подробнее см.: Давыдов Р. А. Особенности морского судоходства в Белом море в годы Крымской войны 1853–1856 годов (По документам архивов России и Великобритании). // История северного мореплавания: материалы историко-краеведческой конференции «Девятые Феодоритовские чтения» / под ред. епископа Митрофана (Баданина). Североморск – СПб: Ладан, 2017. С. 170–216.

хватах частных русских парусных судов; подвергся многочасовому обстрелу Соловецкий монастырь...

Для сообщения жителям селений, расположенных на морских побережьях Архангельской губернии, о грозящей им опасности, для проведения эвакуационных мероприятий и организации самообороны Р. П. Боиль послал нескольких чиновников разных ведомств.

12 (24) июля лейтенант А. М. Бруннер также получил соответствующее предписание.

«Предписываю Вашему Благородию с получения сего немедленно отправиться по тракту в гг. Онегу, Кемь, Колу и Соловецкий монастырь. Во время пути стараться успокоить и ободрить жителей, указав мне главные местные пункты, где можно ожидать нападения гребными судами и как их лучше отразить и даже овладеть ими. Крестьянам, не имеющим ружей, велеть заготовить дубины длиною от 5 до 6 футов, с заостренным концом, которые в руках их будут хорошим оружием, чтобы валить наповал и колоть неприятеля, и внушить при этом крестьянам, что смелым Бог владеет, и они с этим оружием легко победят англичан, которые весьма плохо управляютсся с ружьями, не то что наши матросы, хорошо к тому приученные. Заметить главные пункты, где впоследствии можно будет их укрепить, и какие имеются местные средства для устроения укреплений; измерять, по возможности, наскоро глубину в устьях рек и сделать поверхностную съемку местности.

По прибытии в Соловецкий монастырь осмотреть там место, где стоял неприятель, и удобно ли избрано в монастыре то место, где выстроена наскоро временная батарея. Если же удачно, то по своему усмотрению дополнить и устроить временную печь для каления ядер, дав наставление, как с ними управляться; в монастыре ободрить братию и объявить мою благодарность за хорошую защиту.

Везде, где Вы будете, в случае появления неприятеля, поручаю Вам принять командование по обороне, как по званию своему, так и по известной Вашей опытности в морском и военном деле. По возлагаемому на Вас поручению меня извещать по возможности и о важных случаях посылать ко мне донесения с нарочным или по эстафете, как найдете нужным.

В случае если заметите в уездных городах какие-либо между местными чиновниками распри или неисправности по гражданскому

управлению, стараться разыскать и водворить согласие и порядок, необходимый при настоящем военном времени, не отвлекаясь, впрочем, от главного предмета Вашей командировки.

При сем прилагается открытое предписание об оказании Вам всевозможного содействия со стороны местных начальников, которым и предъявлять это предписание, когда представится к тому надобность; подорожную на проезд, прогоны и порционные деньги принять из моей канцелярии и, по возвращении в Архангельск представить мне отчет в расходах прогонных денег»¹.

Мы не станем здесь подробно описывать всю командировку А. М. Бруннера. Ограничимся лишь общей информацией.

А. М. Бруннер выехал из Архангельска 12 (24) июля – в тот же день, как получил предписание военного губернатора. Сначала по Онежскому почтовому тракту, затем на наемном карбасе в Соловецкий монастырь. «Противное маловетрие» замедляло движение карбаса, и в монастырь он прибыл 15 (27) июля. В течение восьми дней он давал указания по устройству новых батарей и печей для каления ядер, обучал ими пользоваться, сформировал отряд стрелков – в основном из числа богомольцев. А. М. Бруннер побывал в уездном городе Кеми, селе Кандалакше и небольших поморских деревнях. Адъютант военного губернатора вместе с денщиком преодолел сотни верст на карбасах по морю и пешком по почтовому тракту через болота и горы. 5 (17) августа прибыл в Колау².

УЕЗДНЫЙ ГОРОД КОЛА

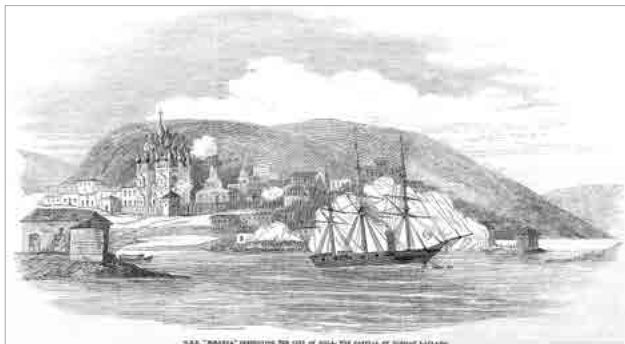
Кола – поселение в Кольской губе, в месте слияния рек Колы и Туломы, расположенное на мысу в довольно красивом месте. Дискусии о том, когда возникло это поселение, со временем ставшее острогом, а еще позже – городом, среди заинтересованных данным вопросом историков и краеведов не прекращаются до сих пор.

¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5581. Л. 63–64; РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 915. Л. 2–3.

² РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 915. Л. 4–5 об.

Корабль Ее Величества
«Миранда»,
уничтожающий
город Колу, столицу
русской Лапландии
(Оригинальная подпись
к илл.: «H.M.S.
"Miranda" destroying the
city of Kola, the capital
of Russian Lapland»).

Источник: *The Illustrated London News*.
1854. October, 7.



Сейчас пока принято считать, что первые известные упоминания о Коле в письменных источниках относятся к XVI в.¹

В 1582 г. в Колу из Москвы был направлен воевода А. И. Палицын с отрядом стрельцов, в 1583 г. при другом воеводе – М. Ф. Судимантове – начато строительство Кольского острога, ставшего административным центром края. В последней четверти XVI – первой четверти XVII в. острог неоднократно подвергался нападениям со стороны датчан и шведов². Учитывая неослабевающий интерес, который проявляли иностранцы к Мурманскому побережью, русские власти держали в Кольском остроге сильный гарнизон. Так, в 1647–1648 гг. здесь находилось 5 сотников и около 500 стрельцов, а также отряд пушкарей из 9 человек. В 1680-х гг. артиллерийское вооружение Кольского острога состояло из 54 пушек, из которых 39 располагались на башнях и 15 хранились в «зеленом погребе»³.

На протяжении XVI–XVIII вв. башни, стены и постройки Кольского острога перестраивались. Менялась численность гарнизона, его вооружение. В 1780 г. по распоряжению Екатерины II Кола стала уездным городом и в 1781 г. получила свой герб. В честь открытия города была устроена торжественная церемония с пу-

¹ Шаскольский И. П. О возникновении города Колы. // Исторические записки. М., 1961. Т. 71. С. 270–279; Ушаков И. Ф., Дашинский С. Н. Кола. Мурманск, 1983. С. 7–10.

² Щербачев Ю. Н. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326–1690 гг. М., 1893. С. 124–125; Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854): военно-исторический очерк. Мурманск, 1960.

³ Ушаков И. Ф. Кольский острог... С. 14.

шечной пальбой, выборы городских чинов. Императрица пожаловала 8000 рублей на строительство новой каменной церкви, распорядилась соорудить в Коле тюремный замок, так как прежняя «караульня» уже не вмещала большого числа ссыльных. Но укрепление города не предусматривалось, а большая часть орудий и боеприпасов была вывезена из города поближе к морю – в Екатерининскую гавань Кольского залива, где предполагалось построить военный порт¹. План этот так и не был осуществлен, но орудия в Коле не вернулись. В 1801 г. они были переправлены в Соловецкий монастырь².

Зачем российские власти умышленно превратили когда-то грозный Кольский острог в беззащитный город – остается загадкой. Было ли то недальновидностью или желанием «сэкономить» казенные расходы за счет безопасности северной окраины империи, значение которой из столицы казалось ничтожным? Или и то и другое вместе? Расплата за глупость и жадность столичных чиновников наступила быстрее, чем можно было представить. Вот только расплачиваться пришлось не им, а жителям Колы. И позориться перед врагом пришлось местному начальству и гарнизону. В 1809 г., в эпоху наполеоновских войн, когда Россия присоединилась к известной «континентальной блокаде», англичане без особого опасения высадили в Коле десант и разграбили город³. Но даже и после этого столичные власти не сделали никаких организационных выводов: к началу Крымской войны пушки в Коле так и не появились! Неудивительно, что в 1854 г. англичане, в очередной раз ставшие «неприятелями», снова решили посетить Колу с ее малочисленным и плохо вооруженным гарнизоном.

¹ Энгельгардт А. П. Русский Север. СПб., 1897. С. 90.

² Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря и других подведомых сей обители монастырей, скитов, приходских церквей и подворьев, с присовокуплением многих царских, патриарших и других знаменитых гражданских и духовных лиц, грамот, относящихся к истории сего монастыря: в 3 ч. 2-е изд. М., 1853. Ч. I. С. 186.

³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 601; Рейнеке М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. С. 16–17; Ушаков И. Ф. Кольский острог... С. 34–35; Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. С. 93–94.

ГАРНИЗОН И ЖИТЕЛИ КОЛЫ В ОЖИДАНИИ НЕПРИЯТЕЛЯ В 1854 г.

2 (14) марта 1854 г. кольский городничий Григорий Евдокимович Шишелов направил архангельскому военному губернатору, управляющему также гражданской частью, Роману Платоновичу Боилью рапорт под грифом «секретно». Городничий напомнил губернатору о «разорении» Колы в 1809 г. и отметил, что сделать это снова неприятелю не составит никакого труда, поскольку у местной инвалидной команды пригодных для прицельной стрельбы ружей лишь около 40 штук, боевых патронов к ним мало, а «пушек вовсе не имеется». Он полагал, что роты егерей и восьми орудий было бы вполне достаточно для организации обороны Колы. Он предлагал устроить батареи на мысах в Кольской губе, на оконечности Монастырского острова, «где в тесном проходе для плавания всегда бывает сильное действие воды, особенно во время прилива и отлива», откуда можно было вести не только артиллерийский, но и ружейный огонь. Он просил разрешения привлечь к обороне Колы лопарей, «хоть по десяти человек с каждого погоста», известных своей меткостью в стрельбе из винтовок, хорошо знающих местность и способных заблаговременно известить власти в Коле о приближении неприятеля. Опасения у Г.Е.Шишелова вызывали и появившиеся слухи о недостатке хлеба на севере Норвегии. Он не исключал, что в случае, если неприятелем будет прервана традиционная поставка хлеба в Норвегию на поморских судах, норвежцы из-за начавшегося голода могут решиться на разбой и грабежи¹.

В ответе военный губернатор Р.П.Боиль сделал строгое начальственное внушение: «Мне известно, что кольские жители народ отважный и смысленный, а потому я надеюсь, что в случае недостатка по каким-либо причинам орудий в г. Колу, они не допустят в свой город неприятеля, которого с крутых берегов и из-за кустов легко могут уничтожать меткими выстрелами; (...) одна только трусость жителей и нераспорядительность городничего может понудить сдать город, чего никак не ожидаю от кольских удалцов и их градоначальника. Да поможет вам Бог нанести стыд тому, кто поку-

¹ Кунцевич Г. З. О защите Колы... С. 5.

ситься на вас напасть. Предписываю Вам объявить о сем жителям г. Колы»¹.

По распоряжению военного губернатора 16 (28 марта) из Архангельска в Колу были отправлен груз с боеприпасами для ружей – всего 2050 патронов. Днем позже капитан 1-го Архангельского гарнизонного батальона Пушкарев получил из Архангельского арсенала 100 ружей, форму для литья пуль и 500 кремней, а из Новодвинской крепости – 2 пуда пороха, 6 пудов свинца для пуль и бумагу для патронов². Он также отправился в Колу, сопровождая оружие, и прибыл туда в начале апреля по старому стилю.

Капитан Пушкарев при содействии городничего раздал ружья и боеприпасы жителям города и сделал рекогносцировку местности вокруг Колы и по берегам Кольской губы. Во время одной из поездок на Екатерининском острове он нашел двухфунтовое орудие³, которое, как предположил Пушкарев, могло иметь отношение к давнему пребыванию здесь лейтенанта М. Ф. Рейнеке. В самой Коле им было «отыскано» еще одно орудие – шестифунтовое. После испытаний капитан Пушкарев установил их на импровизированные станки в местах, которые посчитал наиболее удобными для обороны города: одно – поблизости от расположения инвалидной команды, другое – у общественного соляного магазина. Также где-то «отысканной» картечи хватило для изготовления десяти боевых зарядов «половинного размера». Сообщая об этом архангельскому военному губернатору рапортом от 5 (17) мая, капитан Пушкарев попросил выслать порох и прочую принадлежность для найденных орудий, но в ответе от 15 (27) июня получил отказ⁴.

9 (21) июня в Колу пришли тревожные известия о близости неприятеля; капитан Пушкарев собрал и построил в назначенном им сборном пункте у Воскресенского собора не только инвалидную команду и обывателей города, вооруженных ружьями, но и местное начальство. Через день, 11 (23) июня, члены кольской ратуши направили Р. П. Боию прошение с подзаголовком «Об освобождении членов

¹ Там же.

² ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Л. 8–8 об., 29, 33, 40.

³ В воспоминаниях А. М. Бруннера оно называется фальконетом.

⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Л. 78–79, 80.

ратуши от нахождения на сборных пунктах по случаю тревоги при появлении неприятеля». Участие в сборе почему-то им очень не понравилось. Перспектива новых сборов и возможного личного участия в бою плечом к плечу с солдатами кольского гарнизона и с ружьями в руках против неприятельского десанта повергла людей, обычно имеющих дело с бумагами и чернильницами, в глубокое уныние. В пространном послании архангельскому военному губернатору они попросили избавить их от участия в сборах, мотивируя это тем, что «дела, денежные документы с книгами и другие бумаги, ратуше принадлежащие», в это время будут оставаться без присмотра. (Можно подумать, что обычно члены ратуши не расставались со своими бумагами ни днем, ни ночью: на них ели и вместе с ними спали). Они просили разрешения в случае реального появления неприятеля не идти на сборный пункт, а «сберегать принадлежащие ратуше дела с денежными книгами, суммами и другими бумагами, отвозя таковые из города в секретные, безопасные места»¹. Р.П. Боиль, получив это письмо 6 (18) июля, в тот же день написал короткий ответ: «Предписываю городской ратуше г. Колы по приготовлению к отражению неприятеля исполнять, что потребует капитан Пушкарев, который знает военное дело более, нежели члены ратуши»².

Вечером 31 июля (12 августа) капитан Пушкарев «за непослушание» и «дерзости» выбил зуб рядовому М. Жалобневу³. Жалобнев выхватил нож и дважды ударил им своего обидчика, тем самым обеспечив капитану постельный режим и лишив его возможности принять командование над кольской инвалидной командой в случае нападения неприятеля. (Впоследствии М. Жалобнева отвезли в Архангельск и предполагали расстрелять; по решению Р.П. Боиля расстрел был заменен наказанием шпицрутенами – 3000 ударов; 38-летний, служивший с 1839 г., М. Жалобнев выдержал это наказание; за инцидент с Жалобневым капитан Пушкарев был наказан двумя сутками гауптвахты)⁴.

¹ Там же. Л. 99–100.

² Там же. Л. 101.

³ Встречается и другой вариант написания фамилии – Жолобнев (см.: ГАМО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 51. Л. 298 об.).

⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5533. Л. 51.

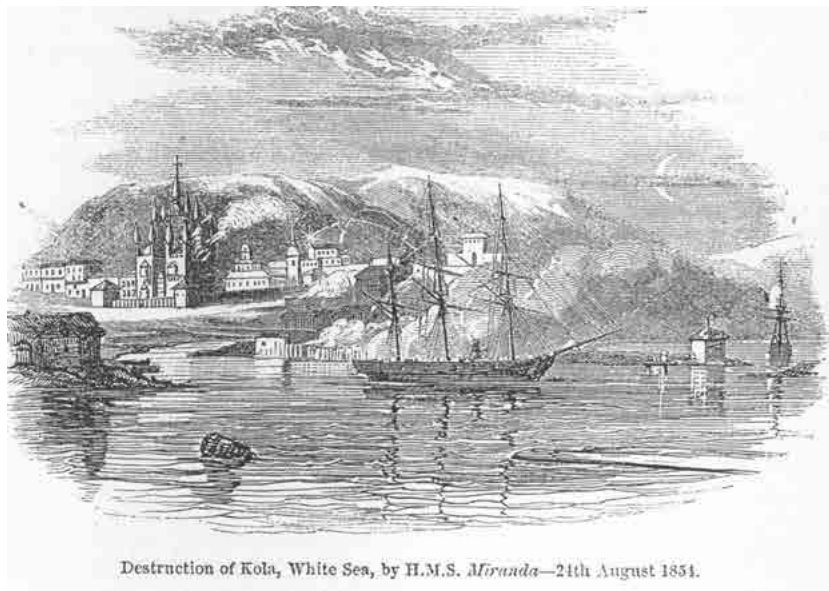
ПЕРВЫЕ ДНИ А. М. БРУННЕРА В КОЛЕ

Вот что писал А. М. Бруннер в воспоминаниях о своем прибытии в Колу и своих первых впечатлениях.

«На предпоследней станции от Колы от встречного почтальона я узнал, что присланный в Колу из Архангельска по случаю войны капитан линейного батальона Пушкарев опасно ранен ножом в грудь рядовым инвалидной команды, которому Пушкарев пригрозил наказанием за непослушание. Это известие заставило меня торопиться, сколь возможно. Оставалось часов 15 ходьбы, но трудно было пройти такое расстояние не отдыхая, тем более, что иногда приходилось отклоняться от прямого пути, чтобы подстрелить что-нибудь на обед, так как запасы провизии истощились.

Наконец с высоты обрыва фут в 300, в который упирается дорога, открылась в низменности Кола. Городок этот не имеет ничего общего с другими великороссийскими уездными городами. Этот – просто несколько десятков деревянных домиков, сплотившихся на мыске слияния рек Колы и Туломы. Особняком от города, на возвышенности – бревенчатый пятиглавый собор¹, обнесенный такою же стеною с небольшими по углам башнями. На полускате горы между городом и собором одиноко стоит восьмигранная бревенчатая башня с узкими окнами в виде бойниц. Собор, говорят, современен Петру Великому; башня же, нужно полагать, гораздо древнее. Против нее, на острове реки Колы, казенный (общественный) хлебный магазин; на самой оконечности мыса – соляной магазин. Все постройки ветхие, почернелые от времени. Вообще, город походит на подгородную “солдатскую слободку” – обычную принадлежность наших городов.

¹ Построенный в 1680-х гг. Воскресенский собор правильнее назвать не «пятиглавым», а «девятнадцатиглавым», если учитывать все, в т. ч. и сравнительно небольшие по размерам главы. Этот собор – один из шедевров русского деревянного зодчества, более чем полтора века был главной достопримечательностью Колы и предметом особой гордости его жителей. Подробнее см.: Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы (Из истории русского оборонного зодчества конца XVI – начала XVIII вв.). // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 77. С. 201–236; Сорокажердьев В. Крылатый собор. // Мурманский вестник. 2008. 27 августа; Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков. / сост. и авт. статей Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Мурманск, 2013.



Разрушение Колы кораблем Ее Величества "Миранда" 24 августа 1854 г. (Оригинальная подпись к илл.: «Destruction of Kola, White Sea, by H.M.S. Miranda—24th August 1854». Город Кола английским издателем ошибочно указан, как находящийся на Белом море). Источник: Pictorial History of the Russian War 1854–5–6.: with maps, plans, and wood engravings. Edinburgh; London: W. & R. Chambers, 1856. P. 194.

Рассказ почтальона оправдался: действительно временно-командующий инвалидной ротой лежал тяжелораненый; город был в тревожном состоянии, ожидая прихода англичан. Предположение это жители основывали на том, что один негодай, кольский мещанин, взятый английским корветом с рыбопромышленного судна, похвалялся перед товарищами привести англичан в Колу»¹.

Упоминаемый А. М. Бруннером «негодяй» – это, вероятно, бывший крепостной крестьянин Федор Иванов по прозвищу Гагарка. Он занимался бродяжничеством, проживал нелегально в Санкт-Петербурге, был под судом «за буйство и кражу» и выслан в Колу. В Коле Гагарка продолжал буйствовать, за что был однажды наказан розгами. Англичане захватили Гагарку на рыбных промыслах.

¹ А. Б. Состояние берегов Белого моря в 1853–1856 годах... С. 10–11.

Заметив неприятельский пароход, он будто бы помешал бывшему вместе с ним на шняке крестьянину Пайкачеву направить шняку к берегу, угрожая деревянной жердью, и несколько раз ударил по лицу находившуюся вместе с ними женщину, чтобы «унять» ее плач. Позже российские чиновники полагали, что Ф.Иванов остался на английском пароходе и уехал в Англию¹. С течением времени в народной памяти образ ссыльного крестьянин Федора Иванова по прозвищу Гагарка удивительным образом трансформировался. Пошедший в услужение врагу уголовник и буйный пьяница превратился в патриота, пожертвовавшего своей жизнью ради Родины. В 1930-х – 1950-х гг. Гагарку воспели в стихах, о нем написали в газетах и сняли детский художественный историко-приключенческий фильм «Таинственная находка» (Киностудия им. М. Горького, 1953). Гагарке едва не поставили памятник. Как справедливо замечал историк Ю.Н.Беспярых, у нас всегда исследовательский энтузиазм заметно уступал патриотическому...²

Видя состояние капитана Пушкарева, не оправившегося от ножевых ранений, лейтенант А.М.Бруннер решил задержаться в городе. Он осмотрел орудия, найденные Пушкаревым. Одно из них ему совершенно не понравилось: «край дульной части» был отколот. Пообщавшись с жителями Колы, он вынес неутешительное заключение: люди были совершенно не опытни в стрельбе, поскольку мало кто из них раньше имел собственные ружья. Благонадежность нижних чинов инвалидной команды, один из которых едва не зарезал своего командира, также вызвала сомнения. Обо всем этом А.М.Бруннер коротко написал в рапорте военному губернатору³.

Спустя годы, А.М.Бруннер напишет об этом же гораздо более эмоционально и подробно.

«Несмотря на видимое и настойчивое желание жителей укрепить город, средства его обороны были весьма печальны и заключались в следующем: на оконечности мыса впереди соляного магазина

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 13. Л. 95–96; Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5621. Л. 3–4; Сорока-жердьев В. В. Кольская оборона: мифический герой Гагарка. // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 4 (43). С. 23–26.

² Тревожные годы Архангельска. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 6.

³ ГААО. Д. 5582. Л. 123–124 об.

устроен земляной бруствер с канавою для прикрытия стрелков; в замаскированной амбразуре – фальконет без цапф, привязанный к двум бревешкам, заменяющим лафет. На полускате горы у древней башни тоже бруствер; в амбразуре – древнее орудие, хотя и большего калибра, но еще менее годное – дульная часть его сверху, наискось, более чем на фут, отбита; поставлено оно на четырехугольный бревенчатый сруб. При каждом – по пяти зарядов; ядра и картечь – самодельщина.

Орудия эти найдены кольскими жителями в Екатерининской гавани и с большими затруднениями привезены оттуда. Затем средства обороны ограничивались 25-ю инвалидами и 90 человеками жителей, вооруженных кремневыми ружьями; ни инвалиды, ни жители не умели стрелять. Осмотрев эти средства, первая моя мысль была уничтожить и следы этой обороны, более опасной нам самим, нежели неприятелю (выделено мной. – Р. Д.), считая, что тогда город останется силен своею беззащитностью и не будет повода начинать против него неприязненных действий. Сообразив данное мне поручение, доставку жителям ружей и настрояние их, решил оставить эту мысль и сделать возможные улучшения в сооружениях. Неотлагательно было поставить эти обломанные орудия так, чтобы имелся свободный откат или отдача, и утолстить брустверы, которые не могли защитить даже от картечи»¹.

Чуть поправим А. М. Бруннера: инвалидов было не 25, как он вспоминал годы спустя, а в два раза больше. Согласно рапорту, написанному им же 13 (25) августа 1854 г., «в действии находились», не считая добровольцев и помимо капитана Пушкарева, три унтер-офицера Кольской инвалидной команды и 50 рядовых². Суть дела, впрочем, это не сильно меняло. Забегая вперед, скажем, что кольской инвалидной команде с добровольцами-горожанами будет противостоять новейший английский пароход с командою почти в 200 человек. А по двум старым русским пушкам, когда-то давно брошенным из-за своих дефектов и «от нужды» поставленным на бревнышки вместо лафетов, будут вести огонь, не жалея боеприпасов, 15 корабельных орудий.

¹ А. Б. Состояние берегов Белого моря в 1853–1856 годах... С. 11–12.

² ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 172 об.

Не питая никаких иллюзий относительно эффективности организуемой им обороны, А. М. Бруннер решил оборудовать новые позиции для стрелков на скалистом берегу Кольского залива, на подходе к Коле. Местные жители сообщили ему, что на Еловом мысу у Вороновской луды для этого есть подходящее место. Купец Шабунин предложил А. М. Бруннеру воспользоваться несколькими имеющимися у него медными орудиями (вероятно, сигнальными, используемыми на поморских судах); пушки было решено увезти на новую батарею. Также местные купцы сообщили А. М. Бруннеру, что готовы нанять вооруженных ружьями лопарей – метких стрелков – для «караула». Адъютанту военного губернатора идея понравилась¹.

А. М. Бруннер вспоминал: «Распорядившись этими работами (в Коле. – Р. Д.), я поспешил поехать по заливу верст за восемь от города. Туда привлекало меня уверение мореходов, которое подтверждала и карта, что фарватер у Вороновской луды значительно суживался, идя на протяжении сажен ста почти вплоть к отвесной скале высотой около двухсот фут. Такими условиями можно было с выгодой воспользоваться для обороны. Осмотрев местность, я убедился, что стрелки, скрытые в траншеях на вершине скалы, могли бы безнаказанно действовать почти отвесно по палубе идущего судна. Имея с собою несколько кирок и лопат, заложил траншею или просто канаву, столь глубокую, чтобы человек мог свободно скрываться в ней. Грунт оказался каменистый, работа предстояла трудная; нужно было возвратиться в город, добыть инструментов и рабочих»².

Тем временем вдоль из Горла Белого моря вдоль Мурманского берега к Кольскому заливу уже шел английский военный пароход «Миранда».

«МИРАНДА» ПОДХОДИТ К КОЛЕ

Деревянный винтовой пароход «Миранда» («Miranda») был спущен на воду в 1851 г. Тоннаж (tonnage) – 1039 т. Длина

¹ Там же. Л. 123–124 об.

² А. Б. Состояние берегов Белого моря в 1853–1856 годах... С. 12–13.

между перпендикулярами – 196 фут.; ширина максимальная – 34 фут. Глубина трюма (depth in hold) – 20 фут. 9 дюймов. Осадка с трехмесячным запасом провизии – 15 фут. Мощность машины, установленной в 1851 г. (железный котел был изготовлен в 1847 г.) и прошедшей ремонт в 1853 г., составляла 250 л. с. Угольные ямы вмещали 250 т топлива; воды – 34 т, балласта – 25 т. Согласно судовому журналу, за период с 26 марта по 21 октября 1854 г. команда состояла из 200 человек, в том числе: 28 офицеров, 41 унтер-офицер (petty officers), 74 матроса, 33 юнги (boys) 1-го и 2-го классов, 24 морских солдата (mariners). «Миранда» была вооружена четырнадцатью 32-фунтовыми орудиями и одним 68-фунтовым орудием¹.

До прибытия к Коле в команде «Миранды» уже были потери: один моряк был убит, другой – искалечен во время боя у Соловецкого монастыря².

Командовал «Мирандой» капитан Эдмунд Лайонс (Edmund Moubray Lyons).

Как ни покажется странным, командир английской эскадры в Белом море Э.Омманей и архангельский военный губернатор Р.П.Боиль ожидали возможного развития военных действий у Колы по одному и тому же сценарию: британский десант на шлюпках подойдет к Коле, а кольский гарнизон, не выходя из города, будет его ждать. Похожее уже было в 1809 году! Но в 1854 г. произошло то, что в юриспруденции называется «эксцессом исполнителя». Пароход Королевского флота «Миранда» под командованием капитана Эдмунда Лайонса вошел Кольский залив. С «Миранды» действительно спустили шлюпки, но не для того, чтобы сделать с их помощью их разведку, а чтобы безопасно провести пароход по незнакомому фарватеру к «столице русской Лапландии» на расстояние ружейного выстрела.

А.М.Бруннеру не хватило всего двух-трех дней, чтобы устроить батарею в узком месте залива и привести туда солдат с вооруженными добровольцами!

В трехтомнике, посвященном истории Британского флота

¹ The National Archives. ADM 53/5617; ADM 135/311.

² Clowes W. The Royal Navy. A history from the earliest times to the present. Vol. VI. London, 1901. P. 428.

«с древнейших времен до настоящего времени», опубликованном в 1860-х гг., обстоятельства появления у Колы в августе 1854 г. английского парохода представлены следующим образом.

«В середине августа капитан Омманей послал «Миранду» обследовать Колу (здесь и далее перевод мой. – Р. Д.). Это было место значительной политической важности, поскольку являлось столицей русской Лапландии; оно было сильно укреплено и защищено гарнизоном. Капитан Омманей, несомненно, ожидал от капитана Лайонса, что тот проведет лишь разведку на шлюпках, так как Кола лежала на тридцать миль вверх по небольшой реке того же названия (здесь и далее р. Колой – «river Kola» – в этом и других английских изданиях называли Кольский залив – Р. Д.), в которую ранее большие суда не проникали. Капитан Лайонс, однако, не захотел ограничиваться одной лишь разведкой, если можно было сделать большее. И хотя длина «Миранды» была около 220 футов, а осадка – 15 футов, он решил провести ее вверх по реке.

Для человека, настроенного не замечать невозможного, невозможного мало. Послав две шлюпки вперед, чтобы измерять глубину, он на короткой дистанции следовал за ними. Во многих местах река была настолько узкой, и берега настолько крутыми, что хорошо размещенная там батарея могла бы поразить любое судно; но поскольку враг никогда и не мечтал о необходимости такой защиты¹, дерзкое судно через день оказалось в пределах двух миль от города.

На следующее утро капитан Лайонс изучил Колу и ее оборонительные сооружения с вершины мачты. Увидев хорошо защищенную частоколом батарею и возвышающиеся над рекой постройки с бойницами для ружейного огня, он решил не использовать для атаки шлюпки, а подвести корвет к городу. Так началось плавание по реке, настолько трудное из-за ее естественной извилистости и сильных течений, что за целый день удалось продвинуться лишь на одну и три четверти мили. Но без решительности и настойчивости его капитана, превосходно поддерживаемого рвением команды, даже этот результат не мог бы быть достигнут.

¹ Как было отмечено выше, А. М. Бруннер как раз хотел устроить там батарею, но не успел.



Горящий Воскресенский собор Колы под обстрелом с «Миранды». Фрагменты с иллюстраций, опубликованных в Великобритании в 1854 и 1856 гг. Обращают на себя внимание купола собора. В английской газете 1854 года кресты над куполами отчетливо видны. А на иллюстрации к книге, опубликованной в 1856 году, их нет! Единственный крест над одним из куполов представлен в виде закорючки, более похожей на флюгер. Вряд ли необходимость убрать кресты над горящим собором с ранее опубликованной иллюстрации была продиктована техническими причинами. Скорее всего, издатель книги не хотел, чтобы у английских читателей возникали политически не корректные мысли при виде корабля Ее Величества, методично уничтожающего христианский храм из корабельных орудий.

Однако, когда судно встало на якорь в пяти сотнях ярдов от города, дело было фактически сделано»¹.

1 ярд равен 3 футам или 91,44 см. Пять сотен ярдов – чуть больше 450 метров. Лейтенант А.М.Бруннер указывал в рапорте, что «Миранда» под белым флагом встала на якорь в 200 саженях от города², т.е. примерно в 430 м. Таким образом, противники – А.М.Бруннер и Э.Лайонс – оценивали расстояние между городом и парходом примерно одинаково: 430–450 метров.

Согласно рапорту лейтенанта А.М.Бруннера от 13 (25) августа 1854 г., «Миранда» появилась у Колы при следующих обстоятельствах.

¹ Yonge C. D. The History of the British Navy from the Earliest Times to the Present Time: In 3 volumes. London, 1866. Volume III. P. 320–321.

² ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 170 об.

«Августа 9-го дня в 10 часов утра с очистившимся туманом открылся в расстоянии 8-ми верст от Колы медленно идущий военный трехмачтовый винтовой пароход. Выйдя из-за Елова мыса и придя на расстояние полторы версты от города, он поднял английский флаг и, по-видимому, приготовился к бою; спустил брам-реи и выдвинул орудия. Между тем, шлюпки его делали вблизи его промер, а вооруженный баркас завладел стоявшею между ним (пароходом. – Р.Д.) и городом раншиной (выведена была она на то место по распоряжению господина городничего по причине зловония груза – испортившейся трески). К вечеру пароход отошел за Елов мыс, и шлюпки последовали за ним»¹.

В воспоминаниях А.М.Бруннера встреча с «Мирандой» описана им опять-таки подробнее и эмоциональнее. Судя по его воспоминаниям, он едва не погиб или не попал в плен, когда возвращался на карбасе от места, где он хотел устроить батарею.

«Было часов пять утра (солнце в это время года не заходило), густой утренний туман, скрывавший от нас даль, немного расчистился, и мы увидели в заливе, в миле от нас, корпус большого судна. Уверjali, что это кольская шхуна, которую ожидали. Вскоре, хотя еще не был виден рангоут, но нельзя было сомневаться, что судно это военное; блеснувший на нем огонь и гул пушечного выстрела доказали, что и нас с него приметили; затем несколько ядер одно за другим, с небольшими промежутками прорикошетировали впереди и сзади нашего карбаса, который усиленно греб к городу. Имея сильное противное течение, мы мало продвигались вперед; английский же корвет, который был уже ясно виден, значительно приблизился к нам, а потому мы пристали к берегу, подтащили карбас и ускоренным шагом направились в город. Нужно было спешить туда, ввиду тревожного состояния, в котором он, вероятно, уже находился, услышав сделанные по нам выстрелы. Мы не отошли и тридцати шагов от оставленного карбаса, как раздавшийся сзади нас треск заставил оглянуться: неприятельское ядро от карбаса оставило только щепки. Дорога по скалистому и каменистому берегу была ужасная; наше следование обратилось в бегство, потому что из опасения беспорядков в городе я дорожил минутами. По сча-

¹ Там же. А. 170.

стью, на берегу р. Туломы, против батареи, на мыске, нашлась маленькая шлюпка, на которой мы и переправились. Действительно, в городе была уже тогда суета невообразимая: командир инвалидной роты и некоторые из его подчиненных потеряли голову, так что для предупреждения беспорядков я вынужден был принять решительные и строгие меры, и на случай неисполнения моих приказаний даже пригрозил расстрелянием. Первою моею заботою была отправка в безопасное место уездного казначейства и другого имущества. Жители сами о себе озаботились; с необыкновенною поспешностью они оставляли город и увозили вверх по р. Туломе свое имущество»¹.

И снова из рапорта А. М. Бруннера от 13 (25) августа 1854 г.: «В 8-м часу вечера (9 (21) августа. – Р. Д.) по сигналу со шлюпки пароход вышел из-за Елова мыса и, поднявши белый флаг, стал на якорь в 200-х саженьях от города, против соляного магазина, где построен был нами бруствер (в тот день только что оконченный) и поставлено древнее орудие. Вскоре с парохода была послана к берегу под белым флагом шлюпка с письменным требованием сдачи города и гарнизона военнопленными. На это требование был дан словесный отказ»².

10 (22) АВГУСТА 1854 Г. АНГЛИЙСКИЙ УЛЬТИМАТУМ И ПЕРЕГОВОРЫ

В рапорте, написанном А. М. Бруннером архангельскому военному губернатору вскоре после боя у Колы, не говорится, где и кем был дан «словесный отказ» англичанам на требование сдаться. Однако в другом документе, сохранившемся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, А. М. Бруннер описал эти обстоятельства более подробно. Впервые в отечественной историографии на этот документ обратила внимание архангельский историк Н. А. Карбасникова.

Шлюпка, направлявшаяся от английского парохода к городу, была встречена на половине пути кольскими жителями, также быв-

¹ А. Б. Состояние берегов Белого моря... С. 13–14.

² ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 170 об.



Командир «Миранды» –
Э. Лайонс (Edmund
Moubray Lyons).

Источник: Clowes W. *The Royal Navy. A history from the earliest times to the present. In 7 vol. Vol. VI. London, 1901. P. 457.*

шими на небольшом гребном судне. Из объяснений, данных им на ломаном русском языке, они поняли лишь, что на шлюпке есть конверт, который следует передать «начальнику города» или кому-либо, кто говорит на иностранных языках. Узнав об этом, лейтенант А. М. Бруннер, переодевшись в штатское, под видом секретаря городничего подъехал к английской шлюпке и принял приглашение пообщаться лично с командиром «Миранды». Несмотря на вежливую встречу (Э. М. Лайонс пригласил А. М. Бруннера в свою каюту), разговор, который велся на французском языке, закончился с единственно возможным в тех условиях результатом. Э. М. Лайонс был непреклонен в своем требовании капитуляции гарнизона. Он не без оснований полагал, что в состоянии с легкостью уничтожить плохо

защищенный город, почти полностью застроенный деревянными зданиями. Для адъютанта военного губернатора лейтенанта А. М. Бруннера, вполне понимавшего, что грозит городу, сдача, тем не менее, была также неприемлемой: ведь его командировали в Колу для организации обороны, а не для того, чтобы по его приказу солдаты invalidной команды сложили оружие перед неприятелем.

Потом оба офицера какое-то время обсуждали, казалось бы, сугубо специальный вопрос: постановку «Миранды» на шпринг. Э. М. Лайонс объяснял это предосторожностью, предпринятой лишь из-за переменчивого течения; А. М. Бруннер видел в этом неприкрытую угрозу и действие, не соответствующее переговорному флагу (постановка корабля на шпринг, действительно, была обычной практикой в парусном флоте для обеспечения наиболее эффективного огня артиллерии одного борта по неподвижным целям). Можно предположить, что диалог продолжался отчасти по инерции: оба поняли, что боя не избежать...

А. М. Бруннер заявил, что имеет полномочия дать отказ на требования о сдаче. Э. М. Лайонс сообщил ему, что через час начнет бо-

евые действия, и А. М. Бруннер, взяв письменный текст ультиматума, покинул «Миранду»¹.

Вот текст этого ультиматума:

Текст оригинала ²	Перевод ³
The undersigned Captain of Her Britannic Majesty's steam ship «Miranda» hereby demands the immediate and unconditional surrender of the forts, garrison, and the town of Kola with all arms, cannon, and ammunition and every article of whatever description belonging to the Russian Government.	Нижеподписавшийся, капитан Ее Британского Величества парового корабля «Миранда» сим просит немедленной и безусловной сдачи укреплений, гарнизона и города Колы со всеми снарядами, орудиями и амуницией и всеми какими бы то ни было предметами, принадлежащими российскому правительству.
If these terms are accepted, the garrison are required, at the expiration of one hour from the receipt of this communication, to pile their arms on an open space without the town, the officers at the same time delivering up their swords, and the whole surrendering themselves as prisoners of war. The arms of the male inhabitants who have been enrolled must (having been previously collected by the garrison) also be delivered up at the same time.	Если эти условия будут приняты, то гарнизон имеет через час по получении сего сложить свое оружие на открытом месте вне города, а офицеры отдать свои шпаги и все сделаться военнопленными. Оружие мужчин – жителей вооруженных (по отобрании оного гарнизона) также должно быть сдано в то же время.
If these terms are strictly complied with, the town will be spared and private property respected, but the forts will be destroyed, and the government property either destroyed or embarked.	Если эти условия будут в точности исполнены, то город будет пощажён и частная собственность останется сохраненною, но укрепления будут разорены и все правительственное имущество будет или разорено, или взято.
In the event of the above terms not being accepted, it is recommended that all women and children should immediately leave the town. One hour will be allowed from the receipt of this communication for an answer to be returned; if at the expiration of that time no reply is sent, or if, being sent, it does not contain an unconditional acceptance of the above terms, hostilities will commence.	В случае же непринятия вышепрописанных условий рекомендуется, чтобы все женщины и дети немедленно оставили город. По получении сего дается час времени на присылку ответа. Если же по прошествии сего срока не будет прислан ответ или, если и будет прислан, но не будет содержать в себе безусловного принятия вышепрописанных условий, то начнется бомбардирование.
Е.М. Lyons, Captain.	Капитан Э. Лайонс.
Dated on board Her Britannic Majesty's Steamship Miranda, at anchor of Kola, the 10th/22nd of August 1854.	На корабле Ее Британского Величества «Миранда» на якоре близ Колы 10/22 августа 1854 г.

¹ Карбасникова Н. А. Оборона г. Колы в 1854 году. // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973. С. 42–43; РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 915 (старый номер дела – 987; на него дана ссылка в упомянутой здесь публикации Н. А. Карбасниковой).

² ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 175–175 об. Фотокопия подлинного документа опубликована В.В. Сорокажердьевым: Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 4 (43). С. 46–47; полный текст на английском языке был опубликован в Великобритании в 1856 г. в кн.: Pictorial History of the Russian War 1854–5–6. Edinburgh; London: W. & R. Chambers, 1856. P. 187.

³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 176–176 об.

Спустя годы, А. М. Бруннер вспоминал: «Парламентер (...) изъявил желание говорить с начальником или его адъютантом. Никто из наличных городских служащих не говорил на иностранных языках, необходимо было ехать мне, но платье мое во время пути до того обносилось, да и вся прочая обстановка была такова, что казалось неприличным назваться лейтенантом флота; назвал себя секретарем городничего, который по болезни не выходит.

Парламентер (флотский лейтенант) не имел полномочия на переговоры и пригласил меня поехать на корвет для объяснения с командиром. Последовав приглашению, я был принят на корвете даже с военным почетом, несмотря на дрянную посудину, в которой я приехал, и мою солдатскую шинель, которую тогда носили офицеры.

Командира корвета, встретившего меня на шканцах, я старался убедить в ошибочности предположения, что г. Кола “крепость”. Стена с башнями и амбразурами – на которую он указал – есть памятник древности и что “войска”, им замеченные, есть необходимая принадлежность всех мест, имеющих городские учреждения и что неприязненными действиями против города, как места “военного или крепости”, будет наноситься вред большею частью интересам частным.

Но разговоры эти, несмотря на их продолжительность, не изменили дела, мы расстались на том же, т. е. он на настоятельном требовании сдачи, а я на решительном отказе»¹.

У капитана Лайонса в процессе переговоров возникло подозрение, что перед ним не гражданский чиновник, а офицер, причем офицер флота. Причиной тому, вероятно, была выправка А. М. Бруннера и свободное владение им специальной военно-морской терминологией. И остается только догадываться, что в большей степени повлияло на решение А. М. Бруннера переодеться для переговоров: опасение быть захваченным в плен и вызванное этим стремление к конспирации и или же стыд за грязный и поношенный мундир перед англичанами?

Возвратившись на берег, А. М. Бруннер разделил инвалидную команду и вооруженных жителей на несколько отрядов, разместив их под

¹ А. Б. Состояние берегов Белого моря в 1853–1856 годах. Из воспоминаний участника обороны. // Морской сборник. 1878. № 7. Неофициальная часть. С. 14–15.

прикрытием крутых берегов рек Колы и Туломы. Андрей Мартинович полагал, что сохранившиеся ветхие укрепления древнего острога, наспех сделанные бревенчатые завалы и брустверы не выдержат прицельного огня корабельных орудий со столь близкого расстояния. В эффективность применения древней пушки с искривленным каналом ствола, к которой капитаном Пушкаревым были подготовлены заряды картечи и порох на несколько выстрелов, он не верил.

Вечером священник Алексей Алексеевский и дьякон Константин Дьяконов с крестом в руках и святой водою «при испрошении помощи Божьей на отражение врага» обошли город, ободряя его защитников¹.

Пользуясь наступившими сумерками, А. М. Бруннер решил снять поставленные англичанами бакены и передвинуть раншину с вонючей треской, используемую англичанами в качестве ориентира, на другое место. Была небольшая надежда, что «Миранда», маневрируя на незнакомом фарватере без навигационных знаков, сможет получить повреждения о подводные камни. Добровольцами для этого вызвался мещанин Григорий Немчинов и еще двое жителей Колы, находящиеся под надзором полиции. Более четверти версты они несли на руках карбас, сняли до десятка бакенов и посадили раншину на отмель². Надо заметить, что это смелое предприятие было отнюдь не столь бесполезным, как может показаться. «Миранда», маневрируя у Колы, задела днищем каменистое дно³. Однако корпус ее выдержал.

11 (23) АВГУСТА 1854 г. БОЙ

Из трехтомной истории Королевского флота: «Капитан Лайонс предложил городу сдаться; его предложение было отклонено. Когда следующим утром с бортов его корабля обрушился ливень

¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 583. Л. 202 об.–203.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 170–173.

³ ТНА. ADM 53/5617; ADM 135/311.

бомб и каленых ядер (в оригинале – *pour of shells and red-hot shot*. – Р.Д.), решимость, с которой противник некоторое время отвечал, показала, что неповиновение было обусловлено не бравадой, а стойкой храбростью. Наша орудийная прислуга, однако, была слишком хороша, чтобы их сопротивление оказалось для них чем-нибудь полезным. Целый город был вскоре охвачен огнем. Пожар стал угрожать самой «Миранде», стоящей в трехстах ярдах от города, которой в ходе боя очень мешали сильные приливные и отливные течения, в то время как ветер время от времени бросал обломки горящих построек на ее палубы. Капитан Лайонс был вынужден делать все, чтобы мачты, такелаж и паруса оставались постоянно влажными, чтобы спасти их от возгорания»¹.

Из рапорта лейтенанта А.М.Бруннера: «С рассветом в 2.30 тронулся с места белый флаг, и началась канонада. Наше орудие после одного сделанного из него выстрела было сбито со станка, а вскоре дульная его часть оторвана и вдоль орудия сделалась большая трещина. При этом контужен легко в голову рядовой Василий Горбунов и ушиблен осколком станка рядовой Иван Филиппов; нас же осыпало осколками и головнями горевшего соляного магазина. Видя, что пули наши по дальности не могут вредить неприятелю и, лишившись орудия, считал присутствие на батарее бесполезным, потому и отступил с находившимися при мне 15-ю человеками invalidной команды под прикрытие берега р.Туломы. При переходе этом был легко ушиблен унтер-офицер Ксенофонт Федотов и рядовой 3 ласт. экипажа Дмитрий Гавриков»².

Между тем, во многих местах города усилился пожар от действия неприятельскими бомбами, калеными ядрами, гранатами и небольшими коническими свинцовыми пулями с приделанными к ним коробками с горючим составом. Ядра большого калибра переносили горящие головни с одного дома на другой. Теснота строений и узость деревом мощеных улиц делали усилия к прекращению пожара невозможными.

Во время действия на неприятельском пароходе команда была скрыта бортами, но на марсах и салингах находились люди, на ко-

¹ Yonge C. D. The History of the British Navy... Р. 321.

² Ушибы были получены обломками горящих зданий.

торых и действовали наши стрелки немногими винтовками; трое стоявших на марсе было убито и ранено¹, один из них уронил зрительскую трубу. Каждый наш ружейный выстрел вызывал залпы из неприятельских орудий картечью и ядрами большого калибра»².

Из воспоминаний А. М. Бруннера: «В 5 часов утра на корвете спустили белый флаг и открыли пальбу ядрами, картечью и бомбами.

После второго выстрела фальконет наш подбили, причем контужен в лицо осколком станка отставной канонир, бывший при нем за комендора. Кремневые ружья, давая осечки, действовали очень плохо; несмотря на сильную отдачу их, пули, по-видимому, не долетали.

Бруствер наш сильно пострадал от неприятельских снарядов, так что не давал более защиты; кроме того, сарай сзади нас загорелся от лопнувшей бомбы; оставаться с людьми на батарее было и бесполезно и невозможно, а потому я повел людей под берег реки Туломы, шагов 30 от бруствера. В этот момент я был контужен, должно быть, картечью, упал и потерял сознание и очнулся только тогда, когда денщик – мой матрос – думая, что я убит, стал тащить меня от головней горевшего сарая; боли я в то время не чувствовал, но оказалось, что эфес сабли моей отбит, а заряженный пистолет, висевший на портупее с правой стороны, разбит, ствол его согнулся и по середине разорвался вдоль, откуда и вышел заряд; в шинели оказалось восемь пробоин картечью. Желая убедиться в безопасности места, избранного для милиции, я направился туда, но там никого уже не оказалось, все ушли в горы. Тоже сделали и бывшие на батарее у башни; бруствер осыпался, подбитое орудие лежало на земле. Всего осталось налицо человек 20 инвалидов, 5 охотников из жителей и вольный фельдшер, который хлопотал около контуженного канонира и двух других, легко ушибленными осколками строений.

Пальба с корвета прекратилась; можно было ожидать посылки десанта; для встречи его я назначил унтер-офицера и десять инвалидов и две винтовки (которыми до того действовал при помощи денщика), укрыл их в углублении берега р. Колы против острова

¹ Английские источники не подтверждают этого.

² ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 170–173.

хлебного магазина, предполагая, что пошлют поджечь его, так как от бомб он не загорелся. Только что перешел я на р. Тулому, как услышал выстрелы и получил уведомление, что катер, пытавшийся пристать к острову, после нашего залпа возвратился, а от последующих выстрелов на нем два весла перестали грести. Затем с корвета стали опять стрелять бомбами в магазин, который в нескольких местах загорелся.

Шлюпка корвета занялась промером фарватера, вне выстрелов наших плохих ружей, к тому же стрелки наши, действуя против нее, подверглись бы явной опасности на открытом берегу, где не оставалось ни малейшего прикрытия для них; не представлялось и возможности переправиться через р. Тулому, чтобы устроить засаду на Вороновской скале, потому что два или три карбаса, оставленные жителями, были разбиты ядрами; старания исправить их были напрасны; пытались тушить пожар, но безуспешно, горело во многих местах одновременно; постройки были так тесны, что вскоре прежнее место города представляло только дымящиеся головни; уцелел один дом, близ старой башни. На мыске между соляным магазином и бруствером хранились в довольно глубокой яме несколько зарядов – огонь добрался туда, и взрывом сбросило фальконет в амбразуру вниз к самой воде. Думал было поднять его, но только высунулись мы из-за берега Туломы, пули засвистели кругом. Не стоило рисковать жизнью людей для негодного фальконета. Такие условия ставили в необходимость оставаться пассивным зрителем распоряжений неприятеля при положительной невозможности ими противодействовать. Положение, способное возмутить самого хладнокровного!

На палубе корвета заметно было большее движение, а работ не было, слышны были песни; думалось: неужели там празднуют победу?»¹

Из трехтомной истории Королевского флота:

«Русский гарнизон был настолько решителен, что даже тогда, когда орудия его главной батареи были подавлены, долго вел по кораблю пальбу из ружей, пока капитан Лайонс не послал лейтенанта Макензи со шлюпками оттеснить их. Лейтенант выполнил его приказ

¹ А. Б. Состояние берегов Белого моря в 1853–1856 годах... С. 16–17.

с совершенным успехом и потом, возвратившись туда снова, разрушил множество общественных зданий и магазинов, которые находились в части города, не тронутой пожарищем (по всей видимости, здесь говорится о высадке на Монастырский остров, где находились магазины. – Р.Д.). На следующий день (т.е. 12 (24) августа. – Р.Д.) «Миранда» возвратилась в устье реки. Отсюда, узнав о небольшом отряде торговых судов в Личке, она пришла туда, захватила их всех, числом шесть, и, прежде чем кончился месяц, воссоединилась с капитаном Оманнеем, не имея ни одного человека, потерянного в ее беспрецедентном предприятии»¹.

В отсутствии потерь у англичан нет ничего удивительного. Фактически не имея ни одного исправного орудия, защитникам Колы ничего другого не оставалось, как стрелять по «Миранде», которая маневрировала на значительном удалении от города – около 400 метров – из старых гладкоствольных кремневых ружей. С такого расстояния поразить кого-либо на борту парохода было возможно разве что случайно. Всего защитники Колы израсходовали 1182 патрона и один орудийный заряд².

Во время боя большая часть команды «Миранды» находилась вне видимости русских стрелков, скрытая бортами. Практически не подвергая риску жизни своих моряков, Э.М. Лайонс получил возможность действовать, словно на учебных стрельбах, в условиях, приближенных к боевым. Обреченный город, плотно застроенный деревянными домами, с массивным деревянным собором Воскресения Христова, с военной точки зрения представлял идеальный объект для обстрела.

Слышимые англичанами с береговых укреплений ружейная стрельба и грохот от единственного пушечного выстрела дали им повод в дальнейшем гордиться военной победой, а не вспоминать со стыдом сожжение маленького русского городка и оставление без крова большей части его жителей, включая женщин и детей, посреди безлюдных заполярных просторов в преддверии наступающей зимы. Справедливости ради отметим, что Э.М. Лайонс не склонен был преувеличивать ту опасность, которую представляли

¹ Yonge C. D. The History of the British Navy... P. 321–322.

² Ушаков И. Ф. Кольская земля... С. 257.

защитники Колы для его парохода. Более того, в его донесении командующему английской эскадрой Э. Омманею при желании можно увидеть нечто похожее на сожаление: «Когда мы отходили (от Колы. – Р.Д.) утром 24-го (12 августа по юлианскому календарю, или старому стилю. – Р.Д.), пожары, уничтожившие остатки города, распространялись на небольшое предместье – единственную уцелевшую его часть. Однако это печальное уничтожение всего города вызвало характер сопротивления. Упрямство, с которым враг настойчиво продолжал стрелять из различных частей его вплоть до их разрушения, вынудили меня совершить это. Отрадно думать, что никто из не участвовавших в бою не пострадал, поскольку помимо срока, указанного в ультиматуме, женщины и дети с поклажей покидали город весь предыдущий день»¹.

Будучи образцовым офицером и подданным своей колониальной империи, сыном, достойным своего отца – очень известного военного моряка, Э.М. Лайонс не мог простить неповиновения ультиматуму.

Адъютант архангельского военного губернатора А.М. Бруннер, в свою очередь, никак не мог согласиться выполнить его условия, не нарушив данного ему архангельским военным губернатором четкого приказа: «В случае появления неприятеля (...) принять командование по обороне».

Э.М. Лайонс своим ультиматумом поставил перед А.М. Бруннером непростой выбор – выбор между войной и позором.

А.М. Бруннер, отлично понимая, к каким последствиям приведет правильный выбор, этот выбор сделал.



В 1854 г. газета «Северная пчела» дважды печатала материалы из иностранной периодики об английской «победе» у Колы². Публикации иностранной периодики основывались на присланном в Лондон донесении командира «Миранды». По всей видимости, впервые это донесение появилось в лондонской газете «The Times», откуда его заимствовали другие издания и британские историки, под-

¹ Цит по: Pictorial History of the Russian War 1854–5–6... P. 187.

² Сборник известий... С. 52–53.

бирающие материал для своих многотомных историй королевского флота¹.

Уничтожение портового города Колы – «столицы русской Лапландии» – в глазах британского общественного мнения было более достойной акцией, нежели сомнительная, с точки зрения норм христианской морали, безрезультатная и бессмысленная стрельба по Соловецкому монастырю. При прочтении донесения Лайонса возникало ощущение, что моряки с «Миранды» одержали славную победу в крайне невыгодных для них условиях над превосходящими силами противника. Описания действий «Миранды» по уничтожению Колы занимают около половины объема страниц, отводимых британскими авторами под описания всех военных действий на Русском Севере в 1854 и 1855 гг.

Э. М. Лайонс не прожил и года после описанных здесь событий. В 1855 г. «Миранда» под его командованием вместе с другими английскими и французскими кораблями участвовала в боевых действиях на Черном и Азовском морях. Здесь было гораздо страшнее, чем на далеком Севере. Здесь на «Миранду» смотрели в прицелы не солдаты инвалидной команды, вооруженные старыми ружьями, а опытные артиллеристы, наводившие на нее орудия с береговых батарей. Во время одного из боев Э. Лайонс был тяжело ранен, а «Миранда» повреждена. После ранения Лайонс боролся за жизнь почти целую неделю, однако начавшаяся гангрена не оставила ему шансов. 11 (23) июня 1855 г. Э. Лайонс умер².

Лейтенант Андрей Мартынович Бруннер за отличие при обороне Колы был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом³. В 1855 г. он побывал в Онеге, Кеми, Сумском посаде и Соловецком монастыре, где инструктировал местные военные команды и добровольцев. С 1856 по 1859 г. командовал новой шхуной «Задорная» и совершал на ней плавания в Белом море, занимаясь, в частности,

¹ Yonge C. D. The History of the British Navy... P. 320–322; Clowes W. The Royal Navy... P. 429.

² Clowes W. The Royal Navy... P. 457–458; Морской сборник. 1855. № 8. Отдел первый. Смес. С. 79.

³ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Т. 2. Д. 4593.

снабжением маяков¹. Вся его дальнейшая жизнь, так или иначе, была связана с военным флотом, за исключением сравнительно недолгого времени, когда он инспектировал Николаевское девичье училище. В 1860-х гг. он был дежурным штаб-офицером штаба главного командира Николаевского порта, управляющим канцелярией главного командира Николаевского порта, капитаном над Николаевским портом. В 1878 г. его назначили командиром Ревельского флотского полуэкипажа. В звании капитана 1-го ранга он умер в 1880 г. Среди его наград есть медаль и крест за участие в покорении западного Кавказа².

Российские власти в середине 1850-х гг. выделили денежные пособия пострадавшим жителям Колы.

С. П. Хрущов, зимой 1855 г. сменивший Р. П. Боиля в должности архангельского военного губернатора, посоветовал потерпевшим свои жилища колянам переехать в другие селения и уезды. Но жители Колы не спешили следовать этому совету, равно как не спешили возвращать выданные им ружья, прося оставить их для защиты своего обращенного в пепелище города. Губернатор С. П. Хрущов удовлетворил эти просьбы, разрешив оставить оружие до окончания войны³.

Согласно исследованиям современного российского историка П. В. Федорова, лишь 31 семья, получив пособие, уехала тогда из Колы; и около половины из тех, кто уехал, потом вернулись обратно – заново отстраивать свои дома и обживатьсь⁴. Словно подтверждая этим тихим и незаметным поступком пафосные строки А. С. Пушкина, написанные на четверть века раньше:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

¹ Морской сборник, 1855. № 11. Официальные статьи и известия. С. 63; РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7426, 7636, 7833.

² Общий морской список. Ч. IX: Царствование Николая I. А–Г. СПб., 1897. С. 301–303.

³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Л. 180–180 об.

⁴ Федоров П. В. «По любви к родному краю»: об укорененности местного населения Колы в XIX – начале XX веков. // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты, 2006. С. 14–18.

А каковы же были мысли столичного «начальства» о будущем Колы?¹ Не будем забывать, что именно благодаря ему – далекому от Севера во всех смыслах этого слова – малочисленный гарнизон Колы в XIX в. остался без артиллерии, т.е. фактически был лишен возможности противостоять атакам противника с моря. Колу решили больше не укреплять и не вооружать; кольскую уездную администрацию, если говорить современным чиновничьим новоязом, «оптимизировали».

В 1858–1883 гг. огромная территория Кольского уезда была присоединена к Кемскому. Кола на это время стала заштатным городом; часть кольских учреждений, их имущество были переведены в г. Кемь². Это привело к невообразимым трудностям в администрировании и полицейском надзоре; жители отдельных селений, обитатели сезонных становищ Мурмана годами не видели чиновников и полицейских, не говоря уже о врачах, учителях, священниках. После сожжения во время Крымской войны древняя «столица русской Лапландии» уже не смогла снова стать значимым центром притяжения административных, промышленных и коммерческих интересов.

Понимание важности изучения, освоения и защиты арктических территорий России к людям в столице империи, принимающим решения, приходило очень долго.

В 1890-х гг., сравнительно недалеко от Колы, благодаря энергичной поддержке архангельского губернатора А. П. Энгельгардта и министра финансов С. Ю. Витте, был основан город Александровск (ныне Полярный – крупнейшая база Северного флота ВМФ России). В условиях уже другой войны – Первой мировой – в 1916 г. был основан город Романов-на-Мурмане (с 1917 г. – Мурманск). В наши дни Мурманск – областной центр и крупнейший незамерзающий морской порт России в Арктике. А Кола – его город-спутник. Не сдавшийся врагу и сожженный, он возродился вновь, как известная птица феникс, из пепла.

¹ Слово «начальство», вытесненное сейчас из делопроизводства словом «руководство» и сохранившееся преимущественно в разговорной речи, в середине XIX в. было общеупотребительным и широко распространенным в российской прессе и документообороте.

² ПСЗРИ–II. Т. XXXIII. № 33838; ПСЗРИ–III. Т. III. № 1369.

Тимофей Владимирович
ПИСКУНОВ

руководитель отдела
культуры Мурманской
епархии



К ИСТОРИИ ОДНОГО ПОРТРЕТА. ХУДОЖНИК И ЕГО ОБРАЗ

Предисловие

На территории Кольского залива в разное время были последовательно основаны три исторических поселения: города, выполнявшие в разное время роль главных военных административных и экономических центров. Первым из них стал Кольский острог, впоследствии уездный город Кола, затем, вскоре после разорения Колы в 1854 году, центр уезда переместился во вновь построенный в Екатерининской гавани Александровск, и затем в условиях военного времени создавался город Романов-на-Мурмане, нынешний Мурманск.

21 сентября (4 октября) 1916 года в конечном пункте железнодорожного пути, соединившего Мурман со столицей российской империи Петроградом, был основан новый город. По инициативе министра путей сооб-

щения А. Ф. Трепова с высочайшего одобрения он получил название в честь царствующего монарха Николая Александровича Романова – Романов-на-Мурмане. Проект планировки города, составленный согласно замыслам А. Ф. Трепова под руководством инженера путей сообщения В. В. Сахарова, имел в виду увековечить в названиях главных улиц и площадей имена правящего императора и членов его семьи. Центральную площадь города предполагалось назвать Александровской в честь отца царствующего монарха императора Александра III, именно с периодом его правления связано начало активного социального и экономического развития Кольского края в конце XIX столетия. Император Александр рано ушел из жизни, не успев завершить многих полезных и важных начинаний, в том числе касавшихся обустройства северных окраин России.

«...Теперь уже его царствование принадлежит истории», – написал Зинаиде Лихтенберг после похорон старшего брата императора Александра III великий князь Алексей Александрович, первый, к слову сказать, из представителей императорской семьи со времен Петра Первого, посетивший Мурман в 1870 году и положивший своим визитом начало активному развитию края; и он прибавит одну из лучших страниц к ней. Эпоху лучезарную, светлую, спокойную, но сильную, как он сам, который действительно олицетворял собой тип Русского Царя. Спокойный, но мощный... «Теперь у меня одно пламенное желание, чтобы Господь благословил и помог нашему юному Царю на его новом и страшно тяжелом поприще...»

Согласно первоначальному плану, стержневой улицей нового города Романова должен был стать названный в честь царствующего императора Николаевский проспект. Параллельно проспекту предполагалась к устройству вторая большая улица – Ольгинская, названная в честь великой княжны Ольги Николаевны, старшей дочери государя. Главным перпендикуляром городской планировки должен был стать Алексеевский проспект, получивший имя в честь наследника – цесаревича Алексея. На плане он связывает железнодорожный вокзал и Александровскую площадь. С восточной стороны центральную городскую площадь огibal Александринский проспект в честь супруги государя императрицы Александры Федоровны. Вдоль него должны были расположиться собор и здания правительственных учреждений. За ними полукругом планировалось проложить Мариинскую улицу,

названную в честь третьей дочери императора – великой княжны Марии Николаевны. Еще одна из центральных улиц должна была носить имя великой княжны Татьяны – Татьянинская. Рядом с Татьянинской планировалась улица Анастасиинская, названная по имени великой княжны Анастасии.

Так, Романову-на-Мурмане предполагалась будущность северных морских ворот России и крупного международного города-порта с прямыми и широкими улицами и проспектами, в плане напоминающими столичный Петербург. «Новый город у Кольского залива будет сооружен в соответствии с последним словом западноевропейского городского строительства, где каждый романовский житель с самого начала будет пользоваться всеми благами культуры», – сообщал в беседе с журналистами граф М. Е. Нирод, товарищ министра императорского двора, назначенный попечителем вновь устраиваемого города Романова.

Удивительно, что такой проект, призванный увековечить имя императора и его семьи, появился не многим более чем за год до их трагической гибели в подвале Ипатьевского дома в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. «Император и императрица думали, что они умирают за Отчизну, – писал об этих событиях Пьер Жильяр, француз, преподаватель французского языка и наставник цесаревича Алексея, почти до последних дней остававшийся с царской семьей. – Они умерли за все человечество. Их истинное величие не в императорском достоинстве, но в достижении высших человеческих добродетелей, до которых они постепенно возвысились. Они стали духовно совершенны; это дало им не земную, преходящую силу, но чудесную твердость и ясность души древнехристианских светочей, против которых бессильны людская злоба и которые торжествуют в самой смерти». Так, «достижение высших человеческих добродетелей» – это был путь нескольких поколений последних Романовых. Нравственные качества и любовь к Богу с детства воспитывались в семье отца Николая Второго императора Александра Третьего, который в свою очередь усвоил их от своей матери императрицы Марии Александровны. Сегодня хотелось бы рассказать об одной реликвии, связанной с последними Романовыми, которая находится в Мурманском областном художественном музее, а именно: портрете бабушки последнего императора Николая Второго, ма-



Рис. 1. Портрет императрицы Марии Александровны из собрания Мурманского областного художественного музея

тери Александра Третьего императрицы Марии Александровны. Именно она оказала значительнейшее влияние в религиозно-нравственном отношении на несколько поколений последних Романовых.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. О ПОРТРЕТЕ «НЕИЗВЕСТНОЙ» ...

В Мурманской областной картинной галерее среди небольшого собрания живописи XVIII–XIX вв. представлен один, в своем роде уникальный, шедевр: портрет императрицы Марии Александровны работы художника Йохана Келера, написанный в 1881 году (Рис. 1).

История его появления в музейном собрании подробно описана на страницах газеты «Полярная правда» за 1972 год. Автором серии небольших публикаций была Л. Мараховская, тогдашняя заведующая изоотделом Мурманского областного краеведческого музея. Всего вышло три очерка: «Загадка портрета неизвестной», «Снова о портрете неизвестной» и «Разгадка портрета...». В них сообщается следующее. В середине 1971 года Мараховская обнаруживает в запасах музея женский портрет, принадлежащий кисти художника Келлера. При этом ни о самом художнике, ни о том, кто изображен на портрете, ни о его появлении в музее ничего не известно. Начинается расследование, переписка с другими музеями и искусствоведами, о ходе которой сообщается в газетных заметках. По итогам годичной работы было установлено, что на картине изображена императрица Мария Александровна, что портрет был передан в Мурманск в 1932 году из собрания Русского музея, согласно решению сектора науки Наркомпроса в рамках перераспределения музейных ценностей. А в Русский музей попал незадолго до того из Эрмитажа, где в свою очередь оказался после октябрьской революции 1917 года при национализации частной коллекции графа П. С. Строганова, в ко-



Рис. 2. Портрет художника И. П. Келлера. Напечатан в журнале «Русская старина» в 1886 г.



Рис. 3. И. П. Келлер. Портрет отца, 1863 г. Художественный музей Эстонии

торой и находился первоначально. Кроме того, были установлены подробности биографии самого художника.

О ХУДОЖНИКЕ ИВАНЕ ПЕТРОВИЧЕ КЕЛЛЕРЕ.

В настоящее время существует несколько подробных очерков, посвященных творчеству Келлера, принадлежащих советским искусствоведам, однако наиболее полно и интересно сообщают о жизни художника его собственные автобиографические записки, помещенные в журнале «Русская старина» за 1886 год (Рис. 2).

Итак, Йохан Келлер, или на русский лад Иван Петрович, родился 24 февраля 1826 г. в бедной эстонской крестьянской семье, состоявшей, кроме отца с матерью, из четырех сыновей и двух дочерей (Рис. 3, 4).

Семейство проживало в местечке Вастемыйза Вилиандинского уезда в Лифляндской губернии. Впоследствии название городка Вилианди (Феллина) художник избрал для себя творческим псевдонимом и подписывал картины Келлер-Вилианди. Несмотря на бедность (семейство жило в маленькой курной избе), Йохан сохранил о детстве и родительском

доме самые теплые воспоминания (Рис. 5).

Воспитателем его до пятилетнего возраста была старшая сестра, а уже через год сам мальчик исполнял те же обязанности по отношению к маленькой племяннице. Родительское отношение было строгим, но ровным, без сердитости и потакания. Лишь однажды



Рис. 4. И. П. Келлер.
Портрет матери, 1863 г.
Художественный музей
Эстонии



Рис. 5. «Дом где родился художник»
(«Пейзаж с избушкой»). 1863 г.
Художественный музей Эстонии

Келер вспоминает, как ему попало за то, что, вопреки запрещению матери, он откусил от незрелого яблока, не срывая его, впрочем, с дерева.

Тихо и однообразно протекало детство художника, лето было посвящено сельскохозяйственным работам, а зимой семейство собиралось в тесный кружок и занималось пряжей, тканьем, выделкой деревянной посуды и чтением. Семейная библиотека была невелика и состояла из трех книг на эстонском языке: Библии, Евангелия и собрания духовных песен. Особенно сильное впечатление на маленького Йохана производило чтение о разрушении Иерусалима. Когда ребенку исполнилось девять, его отправили в город к старшему брату, работавшему в столярной мастерской. Однако вскоре брат уехал, и Келлер, уже поступивший к тому времени в уездное училище, переехал жить к домохозяину, которому родители будущего художника вынуждены были платить не малую для себя сумму: 20 рублей в год. Здесь, в училище, мальчику приходилось трудно, поскольку, несмотря на свою прилежность и старательность, он оказался плохо способным к изучению языков, а все преподавание происходило тогда на немецком. Так, годы спустя, уже будучи известным художником, Келлер сделался активным участником движения эстонцев за национальную идентичность, при этом видя одну из главных проблем для культурного развития эстонского народа в засилье неметчины: «До-



Рис. 5.1. Вид города Феллина (Вилианди)



Рис. 5.2. Вид города Феллина (Вилианди)

стойно внимания до чего немцы упорно противодействуют эстам во введении в их школы родного эстонского языка; в университетском городе Дерпте (Тарту) до сих пор нет народных школ, и потому бедное эстское население в городе менее грамотно, чем эстское крестьянское население, живущее в лесах и обучающее своих детей в эстских волостных и приходских школах», – напишет он впоследствии в воспоминаниях (Рис. 5. 1, 5. 2).

Через три года отец, истощивший финансовые возможности на образование сына, вынужден был забрать мальчика из школы и определить к управляющему мызою (поместьем) письмоводителем. Именно тут Йохан впервые проявил свои художнические способности, в точности скопировав рисунок растения из сочинения известного ботаника Карла Линнея. За это он получил одобрение управляющего и новое ответственное задание срисовывать заторные чаны, кубы и другие части винокуренного завода. Работа понравилась, и добрый управляющий предложил мальчику всерьез задуматься о будущем живописца, на что Йохан простодушно возразил, что не хочет быть живописцем, «потому что они грязные». Управляющий постарался объяснить, что не все живописцы грязные, а некоторые пишут хорошие картины. На это ребенок тут же ответил: «Тогда я с удовольствием буду живописцем». С этого дня началась карьера Келера-художника.

Рис. 5.3. Церковь в
имении гр. Сиверса
Венденский замок.
Современный вид



Вняв данному им совету, родители отдали сына в обучение к местному мастеру, соединявшему в себе профессии маляра и лакировщика. Основным занятием его были покраска и роспись стен и потолков, а также лакировка экипажей. Через три года учебы Келер достиг уже определенного совершенства в работе и получил от хозяина первый самостоятельный заказ: написать декорации для заезжей труппы актеров. Пушка, изображенная пятнадцатилетним художником, вышла как настоящая и доставила заслуженные похвалы. Вскоре представилась новая возможность проявить себя. Владелец имения Венденский замок сенатор граф Сиверс решил построить в своем парке православную церковь в русском стиле, украшенную внутри живописными изображениями. Заказ на ее роспись получил мастер-наставник Келера, при этом, не уповав исключительно на свои силы и способности, пригласил помощника-живописца из Риги. Но сколько ни старались «профессионалы», головки херувимов выходили у них сердитыми, решили дать попробовать Ивану (Йохану). Попытка оказалась удачной: рисунок понравился и мастерам и самому графу Сиверсу, и работа получила полнейшее одобрение. Однако похвалы не влияли на материальное положение юного живописца, и только спустя шесть лет работы в мастерской появились первые заработки: 75 коп. в неделю (Рис. 5.3).

В это время у Йохана возникает мысль о дальнейшей учебе художественному ремеслу и переселении для этого в Петербург: «Продав

Рис. 5.4.

*Императорская
Академия художеств
в Санкт-Петербурге*



пальто и кое-какие из моих вещей, я собрал деньжонок на место на пароходе из Риги в Петербург и отплыл в столицу, где проживал мой старший брат столяр», – вспоминает художник. По приезде молодому человеку сразу же удастся устроиться в помощники к вывесочному мастеру, с оплатой 6 рублей в месяц. Тот, видя старание и талант юноши, по прошествии непродолжительного времени разрешает ему посещать вечерние классы в академии художеств (Рис. 5.4.).

В академии, наряду с практическими занятиями живописью, ученикам читались лекции, в том числе «историю изящных искусств, – вспоминает Келлер, – читал покойный Григорович (Прим. – Российский искусствовед и историк искусства, профессор Академии художеств); он был известен между учениками своей любимой фразой, повторяемой из года в год, на которой либо из лекций, но не более одного раза: “Искусство – не колбаса, его нельзя делить по кусочкам!”».

После трех лет успешной учебы Йохан Келер делает «первые попытки в портретной живописи», так сообщает он в воспоминаниях: «я нарисовал свой портрет и портрет дочери прачки, а та, в благодарность, сшила мне рубаху. Кроме того, я написал за 5 рублей портрет сапожника, затем кондитера, который дал за работу 20 рублей». Несмотря на видимый коммерческий успех, художник решает не исполнять более посторонних заказов и даже увольняется из вывесочной мастерской с тем, чтобы всецело сосредоточиться на учебе в Академии. Занятия стали успешнее, однако материальное положение сделалось самое бедственное, так что после получения на очередном акте (Прим. – экзамене) трех серебряных медалей

Келлер решился хлопотать о стипендии. Но ответ профессора Маркова, наставника художника, был категорически отрицательный: «Беднее Вас люди есть, им нужно давать стипендию». «Но кто же может быть беднее меня, – возражал Келлер, – мне приходится жить в долг!». На это профессор невозмутимо прибавил: «Вы хорошо работаете и можете сами зарабатывать деньги». Но помощь все-таки была оказана помощником инспектора Академии Фрике, который выхлопотал бедному студенту стипендию от общества поощрения художеств.

Но вот время учебы в академии приблизилось к концу, и художник рассчитывал по ее завершении отправиться для продолжения образования за границу. Однако, несмотря на получение за свои работы нескольких золотых и серебряных медалей, возможности ехать на казенный счет не представилось, и Келлеру пришлось самому позаботиться о приискании необходимых средств для путешествия. «Вскоре, – вспоминает он, – счастливый случай вывел меня из затруднений: мне поручили писать портрет покойного Государя во весь рост. Эту работу я окончил весной 1857 года и получил за нее 1200 рублей, из которых половину послал своим родным в Лифляндию, а 600 рублей оставил себе на поездку за границу».

Следующее пятилетие жизни художника прошло в Европе. За это время были осмотрены многие города и художественные музеи Германии, Голландии, Франции и Италии. Большую часть времени Келлер провел в Риме и его окрестностях, посвящая время преимущественно пейзажной живописи. Отсюда в 1862 году он привез в Россию множество этюдов и несколько законченных работ (Рис. 6).

Вернувшись в Петербург, Иван Петрович начинает преподавательскую деятельность в академии художеств и на высших женских классах «Общества поощрения художеств», а одновременно с этим получает приглашение давать уроки живописи великой княгине Марии Александровне, дочери правящего императора Александра II и императрицы Марии Александровны, продолжавшиеся впоследствии 12 лет до ее замужества. Вот как вспоминает он об этих занятиях: «Государь часто заходил во время урока, как в петербургском Зимнем дворце, так и в Петергофе, где для этюдов с натуры занятия происходили на чистом воздухе. Его Величество с самым живым участием следил за успехами своей единственной, нежно любимой



*Рис. 6. «Девочка у родника» 1862 г.
Художественный музей Эстонии*



*Рис. 6.1. Портрет ученого
и путешественника
П. П. Семенова Тянь-Шанского*

дочери, что можно было заметить из выражения его лица и всего обращения с нею. После урока, в большинстве случаев, они удалялись одновременно, потому что это был час, назначенный для их совместной прогулки».

В 1863 году Йохан Келлер предпринял поездку в родные края, где проникся особым состраданием к нуждам соплеменников, эстонских крестьян. В то время в Эстляндской губернии существовал особый уклад жизни и межсословных взаимоотношений во многом сохранившийся со времен раннего средневековья, когда эсты были завоеваны сначала датчанами, а затем немецкими рыцарями. С тех пор права остзейских немцев, состоявших из дворян-землевладельцев, жителей городов, занимавшихся преимущественно торговлей и ремеслом, и лютеранского духовенства, хотя и были несколько ограничены во времена шведского владычества (с середины XVI до начала XVIII столетия), но после присоединения к Российской империи по окончании Северной войны вновь возвращены, упрочены и расширены Петром I. Таким образом, в середине XIX века население Эстляндии было разделено на две неравные группы: «немцы» и «ненемцы», как обзывает их в своих мемуарах Келлер. При этом, по мнению автора, прибалтийские дворяне и духовенство сохраняли по отношению к эстам позицию

«гордых завоевателей», будучи уверенными в своих привилегиях, а эстонские крестьяне «были убеждены, что все зло происходит от того, что русский царь не знает, какие порядки существуют в Эстляндии и Лифляндии, потому что, в противном случае, сжалился бы над несчастными эстонцами и распространил бы на них свои милости». Так, с 1864 по 1868 годы в Петербурге последовательно побывали 3 делегации, обращавшиеся к императору с петициями об улучшении положения эстонского крестьянства, при сочувствии и участии в этом деле Йохана Келлера. Депутаты, хотя и были приняты императором, но обращения их были отправлены на рассмотрение в Министерство внутренних дел и впоследствии оставались без ответа, а сами представители отправлены домой, к великому огорчению художника, который, кроме всего прочего, оказался за участие в подобном предприятии под пристальным вниманием полиции. Положение стало меняться лишь несколько десятилетий спустя, благодаря трудам эстляндского губернатора Сергея Владимировича Шаховского, назначенного на эту должность в 1885 году. Он обратился к решению ровно тех вопросов, что поднимались ранее эстонскими представителями, пеня на равнодушие и бездельность петербургским чиновникам.

Между тем, к семидесятым годам Келлер становится одним из известных и востребованных петербургских портретистов.

В это время он создает образы великих князей Михаила Николаевича и Владимира Александровича, графа Зубова, барона Фредерикса, путешественника Семенова-Тян-Шанского (Рис. 6. 1.), канцлера князя Горчакова. Портрет последнего считается особенно удачным, в настоящее время он находится в фондах Исторического музея в Москве. Первоначально князь отказывался от позирования, отговариваясь постоянной занятостью, но уже после первого сеанса был настолько доволен работой художника, что в последующем соглашался позировать столько часов, сколько требовалось, продолжая в то же время «заниматься делами, слушать доклады и принимать иностранных посланников... Вообще канцлер, – как отметит позднее живописец, – во время нашего знакомства с ним, особенно поражал меня быстротою ответов в беседе с самыми разнообразными лицами, что свидетельствовало о его замечательной находчивости».



*Рис. 7. Южный берег
Крыма. Около 1875 г.*



*Рис. 8. Императрица
Мария Александровна.
Фотография. Около 1880 г.*

В те же годы состоялась поездка Келлера в Крым, где были написаны несколько романтических горных пейзажей (Рис. 7).

Здесь же, в Ливадии, выполнен портрет императора Александра II. Он был начат с фотографической карточки, но вот, делится в записках Келлер, «в одно утро неожиданно вошел Государь и, застав меня в мастерской, изъявил готовность теперь же позировать передо мною. Разумеется, я с благодарностью воспользовался этим предложением, чтобы подвинуть работу... Но тут неожиданно отворилась дверь, собака, лежавшая у ног Государя, бросилась вперед с громким лаем, на минуту показалось испуганное лицо генерала, после чего дверь снова захлопнулась. Все совершилось так быстро, что я даже не мог разглядеть кто был непрошенный посетитель. Но это несколько не нарушило сеанса, потому что Государь сидел неподвижно в прежнем положении. Всех сеансов было четыре. Во время одного из них, который продолжался около часа, я решился просить Его Величество не смотреть так строго, потому что в таком случае портрет не будет соответствовать тому представлению, которое народ имеет о своем милостивом монархе. Государь улыбнулся, но через минуту лицо его приняло прежнее серьезное

выражение...». В дальнейшем – в 1881 году – художником был выполнен еще один портрет Александра, к тому времени уже почившего, для подарка персидскому шаху, а также портрет царствующего императора Александра III, написанный с натуры в Гатчине. Этим же годом в каталоге посмертной выставки Йохана Келлера, со-



Рис. 9. И. П. Келлер.
Портрет императрицы
Марии Александровны.
1881 г. Мурманский
областной
художественный музей



Рис. 10. И. А. Тюрин.
Портрет императрицы
Марии Александровны.
1880 г. Эрмитаж.

стоявшейся в академии художеств в 1900 году, значится и портрет Марии Александровны. Подробности обстоятельств его написания остаются неизвестными. Вероятнее всего, портрет заказной, и был написан или завершён по фотографии сразу после кончины императрицы в память о ней (Рис. 8, 9).

К этому же времени относится аналогичный портрет кисти И. А. Тюрина из собрания «Эрмитажа» 1880 года (рис. 10), а также написанный немногим ранее портрет работы художника Ивана Крамского 1877 года (рис. 11), и портрет неизвестного художника из собрания Исторического музея (рис. 12).

Среди четырех изображений, образ, созданный художником Йоханом Келером, выделяется особой пронзительностью и кажется освященным страданиями последних лет жизни императрицы.

*Кто б ни был ты, но, встретясь с ней,
Душою чистой иль греховной,
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.*

Эти строки Федора Ивановича Тютчева, посвященные Марии Александровне в 1864 году, вполне можно вполне отнести к настоящему портрету.

В завершении описания жизни и творчества художника следует добавить, что в настоящее время Йохан Келер считается основоположником национальной эстонской реалистической живописи, и большая часть его работ находится в Художественном музее Эстонии, где в собрании картин XVIII–XIX столетий занимает одно из центральных мест.



Рис. 11. Иван Крамской.
Портрет императрицы
Марии Александровны.
1877 г.



Рис. 12. Портрет
императрицы Марии
Александровны.
Неизвестный художник.
1880–1884. ГИМ.

Часть вторая. «... Мир лучший, мир духовный». (О роли и значимости Марии Александровны в жизни императорской семьи).

*«Наставь юношу при начале
пути его: он не уклонится
от него, когда и состарится»
(книга Притчей Соломоновых, 22:6).*

В семье императора Александра II Мария Александровна всегда была для своих детей первым наставником в их нравственном и религиозном воспитании. Приехав в Россию в 1840 году шестнадцатилетней девушкой в качестве невесты наследника, она в течение непродолжительного времени под руководством священника Василия Бажанова усвоила основания новой для себя веры и вскоре приняла православие. Вот как описывает этот день великая княжна Ольга Николаевна, ставшая на новой родине одной из близких подруг невесты, а впоследствии супруги императора Александра: «5 декабря в церкви Зимнего дворца была пышно отпразднована церемония перехода Мари в лоно православия. С необычайной серьезностью, как все, что она делала, она готовилась к этому дню. Она не только приняла внешнюю форму веры, но старалась вникнуть в правоту этой

веры и постигнуть смысл слов, которые она читала всенародно перед дверьми церкви, в лоно которой должна была вступить. Первые слова “Верую” она произнесла робко и тихо, но по мере того, как она дальше произносила слова молитвы, ее голос креп и звучал увереннее. Во время Таинства подле нее стояла ее восприемница мать Мария, игуменья Бородинской обители, высокая, аскетичная, вся в черном,



Рис. 13. Портрет императрицы Марии Александровны. 1857 г. Частное собрание



Рис. 14. Великий князь Александр Александрович. Начало 60-х годов

подле нее особенно трогательной казалась Мари, в белом одеянии, в локонах вокруг головы, украшенная только крестильным крестом на розовой ленте, который надел на нее Митрополит после того, как лоб девушки был помазан миром. После Причастия лицо Марии светилось радостью. Во время молебна ее имя было впервые упомянуто как имя православной. На следующий день была отпразднована помолвка и в соответствующем манифесте она названа Великой княгиней Марией Александровной» (Рис. 13).

По прошествии времени один из старших сыновей, затем унаследовавший престол, император Александр III, вспоминая, писал о ней: «Мама постоянно нами занималась, приготавливала к исповеди и говенью; своим примером и глубоко христианскою верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама, мы все, братья и Мари, сделали и остались истинными христианами и полюбили и веру, и церковь... Папа мы очень любили и уважали, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог нами столько заниматься, как милая, дорогая

Мама. Еще раз повторяю: всем, всем я обязан Мама, и моим характером, и тем, что есть» (Рис. 14–16).

О роли Марии Александровны и значимости для детей в период их становления рассказывает интересный и трогательный фрагмент из юношеского дневника великого князя Алексея Александровича, младшего брата императора Александра III, четвертого сына в семье. Вот как он описывает начало Великого поста в середине февраля 1865 года: «Но оканчивается наконец веселое время, и настает Великий пост, хотя не очень весело, да что делать. Надо когда-нибудь



Рис. 15. Александр II с сыновьями Николаем, Александром, Владимиром, Алексеем, Сергеем и дочерью Марией Александровной.
Около 1862 года



Рис. 16. Императрица Мария Александровна с сыновьями Сергеем и Павлом.
Начало 70-х годов

очистить душу от грехов, а ведь их довольно много. Я думаю, что время скоро пройдет, и не заметишь, как опять начнутся балы, театры, и опять будешь грешить. Таков мир! Таковы люди!». Надо заметить, что в то время Великому князю было 14 лет. Алексей имел характер непосредственный и прямодушный, кроме того, ближайшими его друзьями были старшие братья, что, конечно, ощущается порой в «глубокомысленном» тоне дневниковых записок (Рис. 17).

Далее он весьма серьезно продолжает: «Мы будем говеть на первой неделе поста, как обыкновенно (Прим. – В семействе императора Александра было принято придерживаться строгого ограничения в еде и ежедневного посещения церковных служб в течение первой и последней недели поста, накануне Причастия), в первый раз я буду причащаться без Мама, и это очень жаль, потому что она всегда помогала нам хорошенько подготовиться». Наступивший год начался для семьи в разлуке. Во время путешествия по Италии осенью 1864 года тяжело заболел старший сын и наследник престола Николай. Мария Александровна срочно выехала в Ниццу, куда он был перевезен для лечения. Самые младшие дети остались в Петербурге на попечении нянь, а старшие – братья Александр, Владимир и Алексей – были с отцом, императором Александром II.



Рис. 17. Великий князь
Алексей Александрович
1863 год



Рис. 18. Протоиерей
Василий Бажанов.
Духовник членов
императорской семьи

«Мама написала нам всем трем письмо, – сообщает затем Алексей, – в котором она просит нас подумать о говении. Папа сказал, чтобы мы переписали его. Вот это письмо...». Здесь следует текст письма, написанного на французском языке и аккуратно перенесенного автором в свой дневник:

«Мои дорогие мальчики, вы получите это письмо за несколько дней до начала Великого Поста, до той недели, когда мы вместе будем молиться, и когда я так сильно буду по вам скучать. Впервые вы будете причащаться без меня, не забывайте меня ни в ваших молитвах, ни во время анализа своих поступков, к которому я прошу вас отнестись серьезно, а не поверхностно, ведь ни одна ваша самая тайная мысль не скроется от Господа. Держите все свои ошибки и грехи в своей памяти, и Иисуса Христа – в своем сердце, чтобы он стоял между вами и Богом Отцом и искупил вас ценой своей драгоценной крови: “Помози рабом Твоим, иже честною кровию искупил еси”. Это молитва для вас, в эти дни покаяния, когда я так хотела бы быть с вами, мои дорогие, но рядом я или далеко – мои молитвы и мои мысли не покинут вас. Я надеюсь, что вы подготовитесь, читая молитвы сами и вместе с Бажановым (Прим. – Отец Василий Бажанов с 1848 года и до самой смерти в 1883 году был духовником и наставником для членов императорской семьи), но более всего я надеюсь, что в церкви вы постараетесь быть сосредоточенными, и что столь чудные молитвы

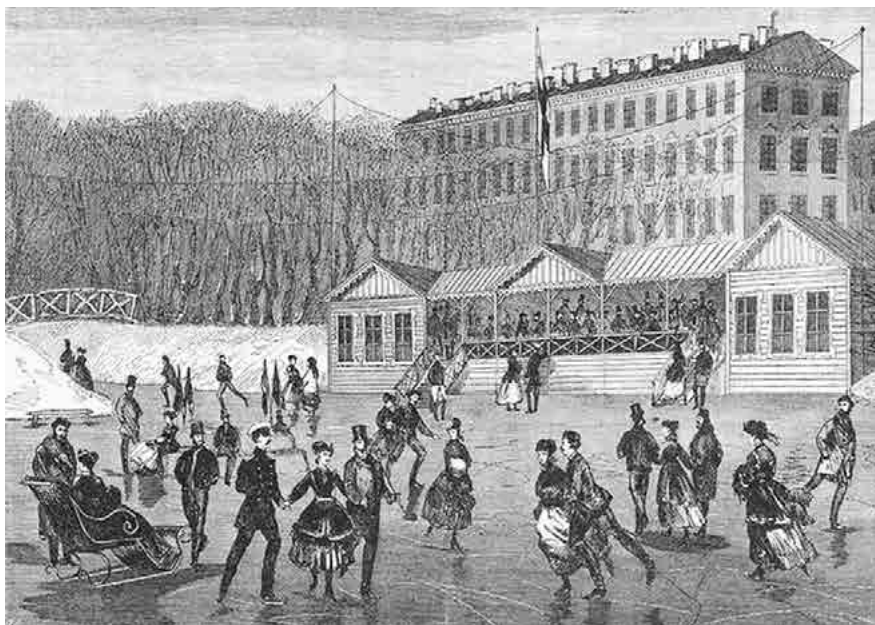


Рис. 19. Один из Петербургских катков в Юсуповском саду. 1869 год

приведут вас к покаянию, осознанию своих грехов перед Господом, перед своим ближним и перед самими собой. Молитесь: “Господи, избави мя всякого неведения, и забвения, и малодушия, и окамененного нечувствия”. И Господь дотронется до сердец ваших своею божественной благодатью. Благословляю и целую вас, мои дорогие дети. Господь с вами» (перевод с фр. Е. Шлосман) (Рис. 18).

И вот настали первые дни поста. Для старших детей утро началось с церковной службы, затем уроки, прогулки и развлечения на свежем воздухе. Алексей с братьями особенно любили катание на коньках. Зимой в Петербурге устраивалось множество ледяных катков, первый и наиболее представительный был в Таврическом саду, в дневнике именуемый великим князем «Таврида». Каток в «Тавриде» был местом, куда собиралась аристократическая молодежь Петербурга. Как отмечал в воспоминаниях князь В. П. Мещерский, «буквально весь бомонд стал кататься на коньках, чтобы ежедневно бывать от двух до четырех часов на Таврическом катке в обществе великих князей». А вечером отец со старшими сыновьями снова были в церкви на вечернем богослужении (Рис. 19).

Вот краткие выдержки из дневника юного великого князя, сохранившие память об этом времени:

Вторник. «Был у утренней службы и имел три урока. Папа сказал нам, что мы не будем приобщаться на этой неделе, а, по всей вероятности, на последней, потому что Мама не здорова и не может говеть (Прим. – В семье было принято причащаться всем вместе один раз в начале или в конце Великого поста). Хотя в Ницце климат хорош для нее, но все-таки иногда она простужается. В 2 часа был в “Тавриде”. Вечером у повечерия и пил чай у Папа».

Среда. «... В 11 ч. был у преждеосвященной обедни, которая продолжалась 1 $\frac{3}{4}$ часа. В 2 часа катался в Таврическом. Вечером Папа получил депешу, в которой извещают о кончине королевы Анны Павловны (Прим. – королева Нидерландов, младшая дочь императора Павла I), которая скончалась сегодня, т. е. 17 февраля 1865 г., последняя из большой фамилии Павла Петровича».

Четверг. «После утренних уроков я был у службы, т. е. у часов. В 1 $\frac{1}{2}$ в крепости, где была панихида по Анпапа (Прим. – дедушка великих князей император Николай I) и Анне Павловне. Обедал у Папа. Вечером после службы пил у него чай».

Пятница. «Сегодня день восшествия Папа на престол. Мы были у обедни и на молебне. Вся служба продолжалась 2 часа, и я немного устал, но, не смотря на то, был в “Тавриде”. Обедал у Папа...».

Суббота. «Были все уроки, потому что сегодня служб нет. В 2 часа был в “Тавриде”, где делали мины в снегу. Обедал у Папа. Вечером был у всенощной, потому что суббота. Пил чай у Папа».

Воскресенье. «Утром пил чай и гулял с Папа. В 11 часов у обедни, после которой был у дяди Низи (Прим. – Великий князь Николай Николаевич старший, младший брат императора Александра II) и у Н. В. Зиновьева, чтобы поздравить их с приобщением. Обедали у тети Мери (Прим. – Великая княгиня Мария Николаевна, младшая сестра Александра II). Вечером был у Папа...».

Так незаметно и буднично завершилась первая постовая неделя. Посещение церковных служб перемежалось для братьев с учебю и развлечениями, свойственными возрасту и времени года. Приобщение к церковной жизни носило последовательный, но довлеющий характер, будучи одухотворяемым родительским примером и вниманием, особенно со стороны матери-императрицы (Рис. 20).



*Рис. 20. Императрица
Мария Александровна.
Середина 60-х годов.*

Дети, воспринявшие христианский образ жизни и материнские наставления в раннем возрасте, руководствовались ими и в будущем. С наибольшей силой и выразительностью это проявилось, пожалуй, в характерах и судьбах Александра и Сергея – императора Александра III и великого князя Сергея Александровича. Александр III в жизни обладал глубоким и живым религиозным чувством, которое доминировало при любых ее обстоятельствах. Он жил с постоянным ощущением власти Божьей, Божьего присутствия и Божьего про-

мысла в окружающем мире. Это имело место даже в минуты самых страшных и тяжелых испытаний, одним из которых, пожалуй, самым значительным, стала катастрофа, произошедшая с царским поездом 17 октября 1888 года. Не доезжая до ж/д станции Борки около Харькова, тяжелый поезд на большой скорости сошел с рельс и опрокинулся вниз с высокой железнодорожной насыпи. Пострадало 68 человек, 21 из них погибли. Александр III с женой и старшими детьми были в это время в вагоне столовой. Вагон при крушении был полностью разрушен, погибли лакей, бывший рядом с императором, и любимая собака Камчатка, лежавшая у его ног. При этом все члены императорской семьи остались живы, хотя и получили сильные ушибы и раны (Рис. 21).

Спустя месяц в одном из писем младшему брату Сергею (великому князю Сергею Александровичу) император так опишет это событие: «После нашего столь счастливого и великолепного путешествия по Кавказу и Черному морю мы радовались возвращению домой и выехали из Севастополя счастливые, веселые и в лучшем настроении духа после столь отрадных впечатлений. Вечер был дивный, летний; Севастополь со своими чудными бухтами и всей эскадрой на рейде, освещенные лучами заходящего солнца, и дым от салюта тоже розовый от заката, представляли чудную картину, и под этим дивным впечатлением оставили мы наш чудный юг! Но Боже, что предстояло нам на завтрашний день! Через что Господу



Рис. 21. Место крушения императорского поезда 17 октября 1888 г. вблизи железнодорожной станции Борки.

угодно было нас провести, через какие испытания (Прим. – «физические» в тексте зачеркнуто), моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и наконец радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу; за спасение всего моего семейства от мала до велика! Что мы перечувствовали, что мы испытали и как возблагодарили Господа, ты можешь себе представить. Этот день не изгладится никогда из нашей памяти, он был слишком страшен и слишком чуден, именно чуден, потому, что Христос желал доказать всей России, что он творит еще чудеса и спасает от явной гибели верующих в Него и в Его великую милость! Жену твою крепко целую (если она позволит), а тебя обнимаю от всей души, милый Сергей! Твой брат Саша». Сергей, не менее своего старшего брата проникнутый сердечной любовью к матери, также всегда хранил в душе ее заветы и наставления, сообщив их, хотя и не сразу, и своей жене, великой княгине Елизавете Федоровне (Рис. 22).

В продолжении того же письма, радуясь о состоявшейся свадьбе самого младшего из братьев – Павла – на греческой принцессе



*Рис. 22. Великий князь
Сергей Александрович
и великая княгиня
Елизавета Федоровна*

Александре, император восклицает: «Лучшей невесты для Павла нельзя было и желать, а главное, наконец снова Россия приобретает Православную Великую Княгиню. О! Как я счастлив этим и вместе с тобой повторяю: Боже мой, как это важно и как это хорошо! Да, пора, давно пора было вернуться к хорошему старому времени, когда немыслимо было быть русской Вел. Княгиней и не быть православной!» И далее делится с братом Сергеем своими мыслями и чувствами и о его супруге: «Прости, – пишет он, – что я это пишу тебе, я знаю, как тяготит тебя мысль, что жена твоя не принадлежит к нашей церкви... (Прим. – Елизавета Федоровна, выйдя замуж за Сергея

Александровича, не сразу перешла в православие, еще в течение семи лет оставаясь лютеранкой), но я вовсе не теряю надежды, что эта заветная моя мечта когда-нибудь сбудется и именно с твоей милой Эллой, так как она не фанатичка и нет причины для нее не сделаться когда-нибудь нашей действительно русской, благоверной Великой Княгиней. Я часто об этом думал, и мне что-то внутри говорит, что Элла будет православной! Боже, как я буду счастлив и как я буду от души и глубоко благодарить Христа за эту благодать нашему семейству». Действительно, спустя три года Елизавета Федоровна приняла православие и впоследствии стала той самой «русской, благоверной великой» княгиней-мученицей, как мыслил о ней в письме император Александр III. Так сердечная вера, привитая детям молитвами и заботами матери, императрицы Марии Александровны, сохранялась ими и сообщалась другим, уже в своих собственных семьях. Высшим тому примером может служить семья самого Александра III и его старшего сына, царя-страстотерпца Николая II (Рис. 23).



Рис. 23. Семья императора Николая II

Послесловие

«Всегда надо надеяться, – писала, находясь под арестом, незадолго до гибели императрица Александра Федоровна, супруга Николая Второго, – Господь так велик, и надо только молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться в такое малое время. Но тогда, когда все кажется так плохо, что хуже не может быть, Он милость Свою покажет и спасет все. Как и что – это только одному Ему известно...».

Так, спустя 82 года, в 2000 году состоялось прославление царской семьи в лике святых страстотерпцев Русской Православной Церкви. А Мурманску выпала судьба стать последним городом, основанным в пределах Российской империи в последний год существования Российской империи, в царствование последнего им-

ператора Николая Александровича Романова, при начале своего существования носить его имя.

Литература и источники

«Полярная правда». Мурманск. 05.03.1972, 23.07.1972.

Альманах «Русская старина» 1882 г. № 34, 1886 г. 51–52.

В. Ю. Эрм. Келлер. М., 1960.

Император Александр III и Императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 гг. М., 2011.

Ольга Романова. Сон юности. Записки дочери Николая I. М., Изд.: Алгоритм, 2017 г.

ОР РНБ. Журнал Великого князя Алексея Александровича 1862–1907 гг.

ГАРФ Ф. 648 О. 1 Д. 52. Письма Александра III к В. К. Сергею Александровичу.

Секция

НАСЕЛЕНИЕ
И РАССЕЛЕНИЕ

Олег Викторович
КИРИЧЕНКО
главный научный
сотрудник Института
этнологии и антропологии
РАН, доктор
исторических наук



ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРНОРУССКОГО РАССЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

В докладе будет затронуто два вопроса: 1) о древности северного балтийского заселения славянами; 2) о ситуации в регионе накануне образования Российской государственности.

1. Вопрос о заселении Скандинавии, региона Балтики, Кольского полуострова не может сегодня решаться без учета «библейского фактора». Только Библия дает нам необходимую отправную точку в вопросе о новом и целевом расселении человечества после окончания Всемирного потопа. Этот фактор сегодня научно вообще не учитывается, хотя косвенно на него указывают исследования лингвистов, которые в вопросе древности индоевропейских языков не могут выйти за пределы этого понятия. Им не ясно,

что было с языками до появления индоевропейской языковой общности. То есть на этом уровне словно прерывается логическая цепочка непрерывности, о чем, по сути, и говорит нам Священное Писание, освещая послепотопные события строительства Вавилонской башни, Божьего вмешательства в эти события, следствием чего было появление вместо монолингвистического развития людей – полилингвистического. Ветхий Завет указывает на разрыв в языковом развитии человечества.

Далее, как ни далеко мы ушли от тех времен, как ни изменилось человечество – смешалось и т.д., но по-прежнему оно сохраняло определенные базовые различия – физико-антропологические, культурные, цивилизационные, наконец, экономические и политические, – идущие от разницы благословения Ноем трем своим сыновьям: Хаму, Симу и Иафету. Также библейский текст говорит не о хаотичном расселении людей – потомков трех сыновей праотца Ноя, а в соответствии с благословением отца. Двое из сыновей получают доброе благословение, а третий сын оказывается его лишенным. Все это указывает на определенный порядок в сфере миграций, в том числе глобальных миграций. О чем это говорит? О том, что потомки Сима и Иафета расселялись туда, куда их направляла десница Божия, в конкретное место и с конкретными целями. Потомки хамитов расселялись хаотично, куда им захотелось.

Европейский Север был таким местом, куда, судя по всему, пришла целевым образом, по благословению, большая группа индоевропейцев под именем «венеды»¹, которые являлись тогда не этническим сообществом (конкретным народом), а большой полиэтнической и, возможно, полилингвистической (разнодиалектной) группой. Здесь они встретили пришедших сюда ранее представителей хамитов (будущие саамы и финны), которых потеснили дальше к северу. Косвенно об этом месте, как благословенном, говорит античный миф о Гиперборее – стране счастливых северян-долгожителей, людей, которых Бог благословил здесь жить.

¹ «Венеды» трактуется как «благородные», «пришельцы извне», «большие», «любящие род», «досточтимые» – См.: Хенсель В. Венеты, венеды и их связь с населением Северной Италии и Польши. // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 158.

Существует целый пласт средневековой западнославянской литературы, в которой ее авторы подробно касаются темы славянской прародины. Эта теория не учитывается европейскими историками, не принимается во внимание, как тенденциозная, хотя ряд серьезных российских историков (Мельников) говорят, что это несправедливо. Половина переизданной в 2020 г. книги Мавро Орбини «Царство славян» (Издательство «Вече») посвящена научным комментариям, составленным Е. С. Лазаревым. Здесь весьма компетентно, с филологической точки зрения, ставится вопрос о важности этих сведений, а также (что тоже немаловажно), пишется о том, что кажущиеся ранее нелепыми сведения о причастности некоторых германоязычных и кельтоязычных народов к славянам в свете концепции, которую предлагает и обосновывает автор, кажутся совсем не нелепыми.

Е. С. Лазарев говорит, что М. Орбини не мог не знать о германском происхождении упоминаемых им народов, но он говорит не о своем времени, а о ранней европейской истории, когда Скандинавия была единой колыбелью для германцев, балтов, славян. Отсюда они по мере взросления уходили на места последующего расселения и становились отдельными народами. Славяне дольше всех продолжали проживать по берегам Балтийского моря, которое называлось в ту пору Венедским. Славяне долго сохраняли (пока сами не прошли путь миграций) общее имя – венеды. Отсюда такая богатая славянская топонимика в обозначении балтийских берегов; и отсюда – перекочевавшее к германцам, тем же вандалам, это общее обозначение. На позднем этапе, когда славяне на Балтике остались последними, имя «венеды» стало принадлежать им, стало славянским, хотя оно не стало самоназванием, позже венеды получают другое, более конкретное имя – славяне, добытое в боевых действиях. Имя «венеды» же, как показывает Е. С. Лазарев, имевшее поначалу значение общего обозначения группы древних европейцев, стало не только обозначением славян после отпочкования германцев и балтов, но отчасти сохраняло значение общего названия. Так, например, миграция части славян на Среднюю Волгу в самом начале христианской эры (в первые века), еще до получения нового имени – славяне, привело к появлению на Средней Волге племенного объединения под названием «земля

Веда»¹. Обособленная славянская группа вятичей также была связана с этим обозначением². За счет этого общего значения кельты-венеты получили свое наименование, столь близкое славянскому. Автор рассматривает и другие варианты поразительных метаморфоз времени и пространства, когда этот протоэтноним проявляется то в Армении в античное время, то среди финно-угорских народов Поволжья в раннее средневековье. Все это, безусловно, указывает на его авторитетность, устойчивость и в то же время – на функции обозначения общего, доэтнического. Хотя, как было уже отмечено, на определенном этапе протоэтноним становился этнонимом (венты, вятичи).

Вопрос об учете «библейского фактора» при исследовании вопроса о древностях венедов является существенно важным. Не учитывая его, нельзя понять и оценить процесс расселения индоевропейских народов в Европе как нечто целое, осмысленное. К примеру, в статье В. Ханселя³, посвященной истории венедов, эта большая доэтническая группа рассматривается вне всякого контекста, как некий абстрактный народ, который прибивается то к кельтам, то к германцам, то к славянам и от этих контактов получает этническую идентичность, и даже не идентичность, а «этнические черты». Автор правильно понимает надэтнический характер этой группы, но не привязывает ее к определенной прародине (Скандинавии), не передает историческую динамику этногенеза ее. Все случайно, хаотично, бессистемно.

Для нас же важно, что «венедская прародина» древнеевропейских народов в балтийском и североморском регионах, где заметна значительная роль будущего славянства, может быть подтверждена «колоссальным “массивом” этноисторических, географических источников как Запада, так и Востока»⁴. Древнеевропейцы, в том числе будущие славяне, появляются на Балтике в конце III – начале

¹ Лазарев Е. С. «О царственном величии славянства. // Мавро Орбини. Царство славян. Факты великой истории: Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Russia, Bvlgaria. М.: Вече, 2020. С. 324, 340.

² Лазарев Е. С. Указ. соч. С. 312–313.

³ Хансель В. Венеты, венецы и их связь с населением северной Италии и Польши. // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 158–161.

⁴ Лазарев Е. С. Указ. соч. С. 352.

II тыс. до Р. Х., двигаясь, как считали Иванов, Гамкрелидзе, из Центральной Азии несколькими миграционными волнами, остановившись на время в Причерноморье и Приволжье (Ямная культура), и оттуда направившись на запад Европы¹. Южная и северная Балтика становятся им лоном, Родиной, откуда они друг за другом по мере взросления начинают уходить в Европу, чтобы жить самостоятельной этнической жизнью. Славяне уходят из южной Балтики уже в раннее средневековье, под жестким натиском своих бывших соплеменников – германцев. Ушли славяне не только в южном, но и в юго-восточном направлении. Подводя итог краткому экскурсу в древнюю историю этого региона, необходимо подчеркнуть: славянское освоение его началось в глубокой древности, как в содружестве древнеевропейских племен, так и позже венедами (как будущими славянами) отдельно. Около двух тысячелетий продолжался этот процесс жизни протоевропейцев, а потом славян в Гиперборее. Протоевропейцы активно взаимодействовали с населением неиндоевропейским (финноязычным) – саамами и финнами. Если судить по типичной модели взаимоотношений индоевропейцев с автохтонами, то должен был быть определенный процесс инкорпорации: мягкого подчинения автохтонов и постепенного, длительного по времени, включения их в мир индоевропейцев на правах иерархии. Такое было бы возможным, если бы протоевропейцы находились на стадии этнической самостоятельности, скажем, как греки на новой балканской родине. Но у протоевропейцев шел процесс этнической дифференциации, поэтому цивилизационные контакты были до поры свернуты, и, возможно, этим можно объяснить тот факт, что ни саамы, ни финны не были глубоко инкорпорированы в северноиндоевропейское сообщество.

Возвращение славян на северные земли (как восточных славян) на новом историческом витке произошло уже после образования древнерусского государства, и связано это было с особой торгово-экономической и политической деятельностью Новгородской земли как составной части древнерусского государства. К тому

¹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Изд. Тбилисского университета. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 947.

же новгородцы возвращались не на Балтику, а гораздо северо-восточнее: на территорию Поморья и Крайнего Севера, и возвращались в другом качестве.

2. Появление Новгорода

Начать тему особенности расселения славян в Новгородских землях хотелось бы с признания многочисленных научных заслуг владыки Митрофана (Баданина) в изучении истории заселения Крайнего Севера: его известного трехтомника «Кольский Север в Средние века», его замечательной работы «Князь Александр Невский и Кольский Север. Неизвестные страницы жития» и ряда статей в сборниках Феодоритовских чтений разных лет. Это и введение в научный оборот новых, уникальных документов, неизвестных российским историкам, и внимательная, скрупулезная работа по атрибуции Кольской истории, и, наконец, собирание общественных научных сил для соборного изучения истории Кольской земли. Научный взгляд у владыки соседствует с церковным (и им определяется) и дополняется гражданской позицией, государственными интересами. Это в совокупности и заставляет нас говорить о значительной величине научных заслуг митрополита Митрофана (Баданина) в вопросе, к которому мы обращаемся.

По мысли В. В. Седова, освоение славянами территории Новгородской земли началось в эпоху Великого переселения народов (II–VII вв.)¹. Изложим подробнее его аргументы. Под натиском кочевников и начавшихся миграций в Европе переселенцы из средне-европейского ареала (не только славяне) от бассейнов рек Вислы и Одера двигались вдоль гряды валдайского соединения несколькими мощными волнами. С конца IV – начала V в. в лесной полосе Восточной Европы появляются славяне, о чем свидетельствуют археологические культуры псковских длинных курганов и культура

¹ Седов В. В. Конфедерация северно-русских племен в середине IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. 244.

сопок. Это летописные кривичи, словене и другие племена. Вследствие этого расселения «произошло коренное изменение системы расселения населения, которое сохранилось потом и в Древней Руси, изменилась и система хозяйствования»¹. И еще один важный вывод автора: севернорусские славяне развивались отлично от славян южнорусских земель и длительное время жили изолированно от них. Седов отмечает, что торгово-ремесленные городища у севернорусских славян появляются до норманнского появления здесь. Изборск, Псков, Камно, Полоцкое городище, Сарское городище возникли в начале VIII в. и были чисто славянскими по составу с небольшим участием финского населения. Только Ладога устраивается в 750 г. как варяжское торговое поселение, но уже через пару десятилетий городище становится полиэтническим: славяно-варяжско-финским.

Торговый фактор, несомненно, становится на севере Восточной Европы главнейшим определяющим моментом цивилизационного развития. И его специфику определяли несколько обстоятельств, в том числе международных. Рим долгие столетия являлся средоточием торговой деятельности: сюда шли деньги и товары со всего мира, на Риме замыкались все крупнейшие торговые пути. Великое переселение кочевых народов с Востока привело к разрушению римского владычества. Последним испытанием для империи стали арабские завоевания, в результате которых старый античный Рим перестал существовать, в том числе как главный экономический и финансовый центр. Новым финансовым гигантом становится на несколько веков Арабский халифат с центром в Багдаде. Сюда потекли награбленные сокровища, потом налоги и поборы с покоренных стран, сюда был направлен главный нерв международной торговли, в том числе Шелковый путь². Европа также переориентировалась, и вместо Средиземноморья, как главного торгового транзита грузов, стал постепенно выстраиваться новый европейский торговый путь через север Европы. Это и стало главным международным фактором притяжения для народов, живущих здесь.

¹ Там же. С. 245.

² Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. М., 2019. Пер. с англ. В. Ю. Шаршуковой. С. 147.

Выстраивались два торговых маршрута: один из варяг – в греки, с ориентацией на Византию; другой – с прицелом на Волгу, Хазарию и далее на Багдад и Китай.

Второе международное обстоятельство касалось Великого переселения народов, вызвавшего тектонические сдвиги в Европе, в том числе на Европейском Севере. Начинаются миграции и передвижения северноевропейских народов: германцев, славян, балтов. В начале VI в. западные славяне возвращаются с боями на Южную Балтику. Но ненадолго. Их союзниками являются франки в период правления Карла Великого. Это союзничество не мешает Карлу целенаправленно обращать других славян в рабство и через торговцев продавать их арабам завоеванной Испании. Через некоторое время славян разбивают норманны-датчане, и они мигрируют из Южной Балтики на Восток. Предположительно часть их пришла в Новгородскую землю.

История норманнов – северных германцев, как и в древние времена, оказалась тесно связанной со славянами, давними своими родственниками и соседями. Норманны активизируются с конца VIII в., с этого времени ведется отсчет их набеговой деятельности, т. е. откровенный грабеж. До этого, начиная с V в., их активность ограничивалась созданием колоний в Британии, на юге Ютландского полуострова, в районе расселения балтийских пруссов (современная Калининградская область). Т. е. совершенно очевидно, что события, связанные с арабскими завоеваниями и появлением нового финансового и торгового центра мира (а это означало открытие широчайших возможностей платить за товары серебряной монетой – дирхемами), повлияли на активность норманнов, потому что они не просто грабят, но и торгуют награбленным, сбывают награбленное. И особенно много прибыли начинает приносить им живой товар – рабы. Именно рабы вызвали к жизни столь необычную военную активность норманнов. Хотя и пушнина, как чрезвычайно ценный товар, также пользовалась их вниманием.

Севернорусское славянство, которое, как отмечал В. В. Седов, «развивалось отлично и жило изолированно» от других восточных славян еще до того, как скандинавы-варяги начали активно осваивать Балтийско-Волжский путь. Северные славяне активно занимались здесь торговлей и ремеслом. Как отмечают археологи, северная

торговля существовала здесь уже в III–V веках. «Через торговый маршрут сухоно-вычегодский на Среднее Прикамье»¹. Нельзя не учитывать и тот факт, что на Средней Волге находилась внушительная группа славян (вплоть до прихода болгар, а вероятно сохранившаяся и при болгарях), через которых шел торговый трафик на юг. Эти славяне пришли на Волгу в последней четверти IV в., вытесненные сюда гуннским нашествием. Так, на месте одного из славянских городищ (Кармалинское), сожженных, очевидно, пришедшими болгарами из Приазовья, был найден клад арабских дирхемов VI в.² Сегодня археологи спорят (фактов пока нет), остались ли славяне на Средней Волге после прихода болгар или все ушли. Первооткрыватель славянской именковской культуры Г.И. Матвеева считала, что славяне частично остались, современный исследователь А.В. Богачев, – что не остались. Между тем, арабские источники говорят о существовании уже в хазарское время в области Волжской Болгарии какой-то административно-территориальной группы славян – «страна Вантит»³. Не благодаря ли этим проверенным и долговременным связям потом установился весьма эффективный торговый путь из Булгар в Киев?

Варяги, конечно, пришли на земли северной группы восточных славян не на пустое место, а торгово активно освоенное. По этой причине они устраивают только одну собственную торговую факторию – Ладогу. И лишь когда образуется древнерусское государство, где верхушка была варяжской, число их торговых факторий сразу увеличилось. В этой связи интересен вопрос о перенесении столицы Древней Руси из Новгорода в Киев после смерти Рюрика, в правление князя Олега. Летописец не раскрывает нам глубинных мотивов перемещения столичного центра. Но учитывая стратегическую разницу географического Новгорода и Киева в отношении Константинополя, можно предположить, что причина здесь в прио-

¹ Массон М. В. Предисловие. // Древности Северо-Запада России (славяно-финноугорские взаимодействия, русский город Балтики). Под ред. М. В. Массона, Е. И. Носова, Е. И. Рябины. СПб, 1993. С. 6.

² Богачев А. В. Средневековые Самарского Поволжья. // Средневековые. Великое переселение народов. Под ред. А. В. Богачева. Самара, 2013. С. 29, 154.

³ Мавро Орбини. Царство славян. Факты великой истории: Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Russia, Bulgaria. М.: «Вече», 2020. С. 321.

ритетах. Новгород Великий был столицей для преимущественно торговой деятельности варягов-русов, Киев же становился политической столицей (по отношению к Константинополю), что для властителей-русов становилось более важно, поскольку политическая стабильность и власть открывали иную перспективу, нежели скоротечная торговая власть над регионом. Тем более, скорее всего, новгородские славяне не собирались отдавать пришельцам норманнам своего торгового первенства, которым они здесь обладали. Ведь торговля – это не только продажа захваченных в бою трофеев, но и инфраструктура, и ремесло, и в целом весь порядок жизни, с опорой на господствующее славянское население, – славянский порядок. Ведь норманны и Рюрик с дружиной не завоевывали славян Новгорода, а прибыли по приглашению и на договорной основе. Все это заставляет нас признать тот факт, что, несмотря на норманнскую торговую активность в Новгороде, они не имели здесь первенства, что и заставило князя Олега переместить центр власти в Киев, чтобы там развивать уже не торговое дело, а устраивать политическое господство. На это указывают и договоры Олега с Византией: юридические документы, которые фактически узаконивали в рамках международного права власть варягов над славянской Русью. Таким образом, Новгород хотя и сохранил значимость второго после Киева города на Руси, но это был статус торгового, а не политического центра. Это определило всю дальнейшую специфику его развития.

Нельзя преувеличивать торговое значение пришельцев-варягов именно на Руси, хотя, в целом, они были очень активны. Кто создал специфическую для Новгородской земли территориально-хозяйственную инфраструктуру: славяне или варяги? Наш крупнейший археолог-славяновед В. В. Седов, как было отмечено выше, считает, что торгово-ремесленные предгорода возникли в регионе до прихода варягов, так как к этому располагала выросшая торговая активность. Другая известная исследовательница раннего Средневековья Е. А. Мельникова, напротив, выступает за первенство варягов, которые постепенно приблизились к северным границам восточных славян на пути торговых контактов с Византией, а потом и Хазарией. По ее мысли, они включили славян в этот торговый круговорот, они построили Ладогу – главный торговый форпост в регионе, и они же устраивали торговые точки (протогорода) на всем протяжении тор-

гового пути. Думается, чтобы примирить эти две точки зрения, надо правильно расставить акценты: не умалять до абсурда роль варягов, ведь основной торговый импульс (вместе с набегово-военной экспансией) действительно шел из Северной Европы, но и не забывать о активности северной группы восточных славян. Об этом тоже говорят неоспоримые факты.

Это был сложный симбиоз двух сил, разноэтничных, но когда-то, не очень давно, родственных, включенных в общее дело не только торговыми интересами, но и связанными некими политическими реалиями. По летописцу, славяне могли платить дань варягам, но за что – непонятно. За то, чтобы те их не разоряли? Это нелогично, если они торгуют в одном направлении. Значит платили за помощь и охрану от более опасных и явных недругов. Это тем более подходит, учитывая слова летописца, что варягов сначала прогнали, а потом к ним обратились за помощью политического характера. Возможно здесь речь идет о разных норманнах: в одном случае о разбойниках, совершающих набеги, в другом случае – о торговцах, о тех, кого обозначали как поселенцев. Исследователи различают две тенденции и две группы среди норманнов: одни селились и осваивали новые земли, торговали пушниной и другими собственными товарами; другие грабили и торговали награбленным. Во всяком случае в роде русов, который возглавлял Рюрик, преобладало первое.

Е. А. Мельникова, которая особенно плодотворно и давно работает в направлении изучения «торговой теории» (начатой еще В. О. Ключевским), столь бурно сейчас развивающейся, видит в варягах создателей всей северной торговой инфраструктуры. Автор даже говорит о «циркумбалтийской цивилизации», созданной при первенствующем участии норманнов. И в этом контексте образование древнерусского государства автор видит в свете глобальных торговых коллизий в этом регионе¹. Большинство исследователей согласны с тем, что особую роль в ранний период государственности на Руси сыграли торгово-ремесленные протогорода, которые в Швеции, Норвегии назывались вики, на Руси же не имели специ-

¹ Мельникова Е. А. Скандинавы в процессах создания Древнерусского государства. // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 50.

ального названия. На Руси такие структуры появились, по мнению Носова, в VIII в. и отличались они тем, что не были привязаны к племенным центрам, функции их были чисто торгово-ремесленные. Эти очаги торговли и ремесла, ориентированные на международную торговлю, пришли в упадок на рубеже X–XI веков (причем как на Руси, так и в Скандинавии), дав жизнь находящимся неподалеку от них племенным городским центрам или же просто городам (Смоленск, Новгород, Ростов)¹.

Отметим, что предгорода, называемые в Скандинавии вики, появились и у восточных славян Севера, сначала без варягов, потом с ними. Кроме предгородов в Новгородской земле появились такие поселения как погосты. Как административные центры (для сбора дани) они появились, как говорит летописец, при святой княгине Ольге. Погосты были функционально близки скандинавским хусябю – местам остановки конунгов и их дружины при сборе дани. Они использовались еще и как места захоронения элиты². Освоение Новгородской земли с торговыми целями, с ориентацией на международную торговлю, освоение не хаотичное, бессистемное, а под защитой государства (Киевского государства), превращало эту территорию в особый регион, который мог развивать экстенсивно, за счет долговременного расширения (освоения), территории. Почти сразу же после перемещения власти в Киев княжеская власть над Новгородом приобрела экономический характер. Новгородский князь и его патрон великий Киевский князь ждут от Новгородской земли (при ее связях и ресурсах) только одного – стабильного денежного налога с торговли. В отличие от остальных земель, откуда поступали налоги в натуральном виде, новгородцы имели возможность платить государству сразу деньгами.

И в этом контексте Новгород, как отдельная земля, а не княжество, строился по другим, нежели другие древнерусские княжества, законам – экономическим, политическим, культурным и даже

¹ Носов Е. Н. Проблемы происхождения первых русских городов Северной Руси. // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорские взаимодействия, русский город Балтики). Под ред. М. В. Массона, Е. И. Носова, Е. И. Рябикина. СПб, 1993. С. 73.

² Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материалах Древней Руси и Скандинавии). // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избр. труды. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. С. 75.

церковным. Первенство экономической власти над политической (узаконенное с самого начала) заставляло новгородцев выстраивать инфраструктуру управления землей более централизованно, чем делалось это в других княжествах. Власть над Новгородской землей была в руках у Церкви, причем не у Церкви в ее административных земных структурах, а у Святой Софии, у Дома Святой Софии¹. Далее, на земном плане, земля большей частью находилась в руках у лучших людей – богатых новгородцев. Им принадлежало 90 % всего земельного фонда². Церковь как административная структура также была вотчинником. Земля делилась на пятины, погосты, часовенные приходы. Все это экономические единицы. Погост, который был создан св. княгиней Ольгой, как великокняжеский сборный налоговый центр (и их было несколько), превратился в Новгородской земле в нечто иное, административную единицу, привязанную к территориальному делению (то, что станет потом волостью и т. д.). Фактически погост стал в Новгородской земле настоящей самодостаточной единицей – церковной, административной, экономической, к тому же объединяющей большую округу. То есть выполнял и важные социальные функции социального структурирования сельского населения. Отсутствие политической централизации позволяло существовать в Новгородской земле нескольким параллельным экономическим структурам; кроме центральной, подчиненной Новгороду, – Дому Святой Софии, городскому обществу в лице его представителей: посадников, старост и т. д., а также вече, – существовала система вотчинных экономических структур с волостями: владениями богатых новгородцев, где обязательно имелся торговый пункт – рядок (городской поселок ремесленников и торговцев, возникший в сельской местности). Была еще и третья экономическая структура, не привязанная к первым двум: церковная, со своим церковным доменом (фондом земель и особым механизмом управления ими).

Контроль над всей землей осуществлялся через систему сбора налогов, которая была тоже децентрализована. Новгородская власть,

¹ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупнейшей церковной вотчины). Ч. 1. СПб., 1914. С. 227.

² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование) М., 1981. С. 202.

собиравшая налоги «со всех» в пользу Киева и Дома Святой Софии, делала это с помощью «кончанских отрядов»¹, представителей Новгородской церковной общины кончанской Иоанновской церкви, ответственной за сбор налогов. Вот почему в управление общиной входили самые важные представители новгородского общества, включая и представителей рядовых граждан. Налоги, а точнее дань вотчин, богатые новгородцы землевладельцы собирали самостоятельно с помощью собственной службы сборщиков налогов. «Ватаги боярских холопов развивали при сборе дани бурную деятельность». Это был своего рода хозяйственный промысел большого числа лиц, «ходивших на Двину и за Двину»². Часть их становилась вполне самостоятельной силой, часто разбойной, ходившей в самые отдаленные места. Они становились ушкуйниками. Мавро Орбини, автор начала XVI в., так писал, например, об освоении новгородцами Крайнего Севера: «Биармские же россияне, плававшие в те времена по Северному океану уже двести с небольшим лет (т. е. где-то в начале XIV в. – О. К.) обрели в тех местах некий остров, прежде неизвестный, и теперь в нем проживает славянский народ, а сам остров осужден на вечные морозы и льды. Его называли Филоподия, или Новая Земля, и размером он превосходит даже остров Кипр»³.

Продолжая тему сбора налогов, отметим, что и церковь, в свою очередь, самостоятельно собирала налоги со своей территории и часть этих средств передавала представителям «кончанских отрядов» в общую казну. Надо сказать и то, что внутри Церкви тоже существовало несколько структур, привязанных к торговой деятельности: 1) архиепископия, т. е. земли архиепископа, с которых собирались налоги с крестьян, работавших на этой земле; 2) крупные монастыри, ведущие самостоятельные торговые операции и выплачивающие налоги за торговую деятельность; 3) обители и храмы вне поля земли архиепископа, близкие к городу или находящиеся в городах и селениях. Среди них было немало частных монастырей и храмов, принадлежащих крупному боярству и купечеству.

¹ Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Академический проект, 2018. С. 197.

² Бернадский В. Н. Новгород и Новгородские земли в XV в. М.: Л., 1961. С. 29.

³ Мавро Орбини. Царство славян... С. 174–175.

Сам процесс освоения Новгородской земли, который со временем включил и Крайний Север, состоял тоже из нескольких стратегий. Государственная стратегия включала в себя не только планы новгородской власти (светской и церковной), но учитывала киевскую власть великого князя и его представителей (до 1136 г.). Здесь как раз просматривается активная деятельность святого благоверного князя Александра Невского, первым закрепившего специальным договором 1251 г. с Норвегией западную границу Новгородской земли и Руси в целом. Договор был посвящен легитимности сбора дани новгородцами на «Кольском полуострове и во всем Финмарке вплоть до норвежского Галгаланда»¹. Церковная стратегия имела стихийный характер и была привязана к подвижническим, чисто монашеским задачам (удаление от мира, подвиги отшельничества, перенесение ради Христа трудностей и испытаний). С этого начинали монашескую жизнь даже близкие к городу обители Антониевская и Варалаамо-Хутынская. Подвиги подвижничества привели к появлению таких прославленных монастырей как Соловецкий, Антониево-Сийский, Печенгский и др. В то же время их легализация и жизнь внутри особого мира Новгородской земли заставляли их уделять особое внимание торговле как части монастырской деятельности. Но торговля же заставляла часть монахов уходить из крупных обителей и искать строгой жизни в маленьких отшельнических скитах. Это тоже реальность новгородского церковного освоения пространства. И третья стратегия – частная, общественная – делилась на две части: целевую и стихийную. Целевая стратегия подразумевала покупку земель в самом Новгороде через Дом Святой Софии, как верховного распорядителя всей земли. Были и другие способы целевого приобретения богатым боярством частных владений. Стихийная включала в себя вольный захват новых общинных земель и оформление их как частных.

Существует отдельный большой вопрос о межэтнических отношениях в процессе славянского расселения, но его мы касаться не будем, поскольку это большая и сложная тема.

¹ Игумен Митрофан (Баданин). Князь Александр Невский и Кольский Север. Известные страницы жития. Издательство «Ладан». Санкт-Петербург–Мурманск, 2017. С. 21.

Расселение славянского населения в средневековье (до XV в.) на территории Новгородской земли началось постепенно с конца IV в., когда Новгородской земли и Древней Руси еще не было. Поначалу характер расселения имел земледельческий и промысловый характер. Но по мере того, как Европейский Север все более включался в процесс и трафик международной торговли, восточное славянство на севере также стало ориентироваться на новые реалии. Под эти реалии славяне выстраивали особого рода торгово-ремесленные поселения (кроме обычных и привычных родоплеменных). Образование государства Руси, сначала Новгородской, потом Киевской закрепило региональные особенности восточнославянского развития. Север Руси, став Новгородской землей, стал развиваться особым образом, как регион с преимуществом торговых отношений. Торговый интерес заставил особым образом развиваться политическую власть, хозяйственную, социальную, культурную и церковную жизнь. Поселения Новгородской земли – в своей структуре – тоже были подчинены задаче международной торговли. Эта же задача доминировала в процессе освоения новгородских земель, независимо от того какое это было освоение: государственное, церковное или частное (общественное).

Иеромонах
ГРИГОРИЙ
(Матрусов)

доктор церковного права,
кандидат богословия



ХРИСТИАНИЗАЦИЯ СКАНДИНАВИИ (ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ, ИСЛАНДИЯ)

1. Особенности и этапы христианизации в Скандинавии

Из дошедших до нас исторических летописных памятников периода христианизации Скандинавии следует отметить исландские королевские саги, а из источников на латинском языке – «Житие святого Ансгария» (IX в.) и «Деяния архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского (XI в.). Их подробный анализ предложен в работе В. В. Рыбакова¹.

По его мнению, «исследование христианизации Скандинавии ведется со второй половины XIX в., преимущественно немецкими, датскими, шведскими и норвежскими

¹ Рыбаков В. В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.

учеными»¹. Среди них нужно особо отметить информационно насыщенную двухтомную монографию К. Маурера по истории христианства в Норвегии и Исландии².

Знакомство скандинавов с христианством состоялось задолго до официального принятия новой веры в этих странах. Первая христианская миссия в Скандинавию датируется началом VIII века, но видимых плодов эта миссия не принесла. Исследователями отмечается, что процесс христианизации в Скандинавии занял долгое время³. В целом скандинавы не были расположены к принятию новой религии. Лишь в конце XI – начале XII в. завершился формальный процесс их христианизации. Но затем в течение многих веков воздействие христианства в Скандинавии накладывало глубокий и видимый отпечаток на ее религиозную жизнь и обряды, которые в последние десятилетия, благодаря новым археологическим исследованиям, достаточно хорошо изучены.

В хронологическом порядке принятие христианства в Скандинавии и скандинавском регионе выглядит следующим образом:

Дания – середина X века;
Норвегия – ок. 1030 года;
Швеция – XI век;
Исландия – конец X века.

Данный порядок представляется достаточно условным, хотя Дания стоит по праву во главе этого списка, потому что первым скандинавским правителем, принявшим крещение, был датский конунг Харальд Клак. Это произошло в Майнце в 826 году. Очевидно, что процесс христианизации в этих странах шел практически параллельным курсом, с некоторыми рецессиями или, наоборот, всплесками.

¹ Рыбаков В. В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. С. 43.

² Maurer K. Die Bekehrung des norwegischen Stammes zum Christenthume. Munchen. 1855–1856.

³ См., напр: Conversion and Christianity in the North Sea World. Ed. by B. E. Crawford. St. Andrews. St John's House Papers No. 8. University of St. Andrews. 1998.

Как было отмечено многими исследователями этого периода¹, христианство в Скандинавии в очень большой степени обязано королям и конунгам, которые на официальном государственном уровне заявляли о своем желании крестить подвластные им народы. Этот факт не подвергается никакому сомнению. Но не стоит забывать и о простых людях, особенно тех, которым по долгу своих занятий или в силу того образа жизни, который они избрали, приходилось общаться с христианами в других странах Европы. В этой связи можно вспомнить викингов.

Феномен викингов, который обозначил собой целую эпоху в истории европейской цивилизации, и, прежде всего, Северной Европы, непосредственным образом отразился и на тех странах, откуда викинги были родом. В сознании людей, в том числе и многих ученых, существует стереотип о жестокости викингов, державших в страхе всю Европу. Принято думать, что викинги совершали нападения, грабили, убивали мирных жителей и забирали их богатства.

Все это было, и, в целом, страх жителей Европы был оправдан: слава о жестокости северных воинов не была пустым слухом. Но в то же время было бы несправедливо утверждать, что все викинги занимались лишь грабежом и набегами. Немало викингов отправлялось в торговые походы или для прохождения военной службы при дворах европейских королей. Вот что об этом пишет А. Я. Гуревич: «Говоря о варварстве викингов, не следует представлять их бескультурными грабителями, способными лишь на разрушение. Действительность была неизмеримо сложнее и противоречивее. Бесспорно, что в IX–XI вв. скандинавами двигала жажда добычи. Однако они не только воевали и занимались пиратством, но и торговали, заселяли и возделывали новые земли, открывали неизвестные до них страны»².

Такие путешествия влекли за собой знакомство викингов с христианской культурой Европы. Викинги зачастую оставались на

¹ См., напр.: The Christianization of Scandinavia. Ed. by B. Sawyer. Alingsås. Sweden. 1987. С. 68.

² Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. Изд. Санкт-Петербургского университета. 2007. С. 179.

службу при королевских дворах Европы, в Англии и Франции. Некоторые доплывали до Византии и поступали на службу к императору. Здесь они могли видеть великолепные соборы и посещать величественные богослужения, слушать чудесные песнопения и знакомиться с христианским искусством. И в результате со временем многие из них принимали христианство.

По мнению историка П. Сойера, «первое массовое крещение скандинавов имело место в Западной Европе. Большинство скандинавов, которые селились там в IX веке, будь то завоеватели, колонизаторы или торговцы, вскоре принимали крещение»¹. Очевидно, что в таких случаях этот выбор не был поверхностным и не представлял собой случайное увлечение. Ведь, как правило, викинги по многу лет служили на королевской службе, при этом они имели хорошую возможность основательно изучить христианскую культуру и христианское вероучение. Тот факт, что многие скандинавы навсегда оставались в других европейских странах, вне родной Скандинавии, на наш взгляд, является косвенным подтверждением того, что викинги вполне осознанно принимали христианство. Те же из викингов, которые возвращались домой, естественно, приносили к себе на родину и новую веру.

Норвежские конунги Олав Трюггвасон и святой Олав Харальдссон познакомились с христианством и приняли крещение, именно находясь в плаваниях или на службе у английских королей. Вернувшись к себе на родину, они прилагали усилия к просвещению всего норвежского народа.

Конечно, не все принимавшие христианство делали это вполне искренне. Сохранились свидетельства того, как новообращенные викинги были не искренни и не постоянны в новой вере.

Что касается христианизации Скандинавии в целом как региона, то, как считают авторитетные исследователи, «во многих ее частях был длительный период, и в некоторых областях около 200 лет, когда сосуществовали старая и новая религия»².

¹ Sawyer P. H. *Kings and Vikings*. London. New York. 1994. С. 137.

² Sawyer B., Sawyer P. *Medieval Scandinavia*. London. 1993. С. 104.

2. ХРИСТИАНСТВО В ДАНИИ

Благодаря своему географическому положению, Дания раньше других скандинавских стран познакомилась с христианством. Но понадобилось немало времени, чтобы христианство принесло свои плоды в земле данов.

Историк К. Оттосен пишет: «Инкубационный период христианства в Дании продолжался более 300 лет. Считается, что уже в 710 году святитель Виллиброрд, архиепископ Утрехтский (658–739), апостол фриз, посетил Данию. Он купил 30 молодых юношей, чтобы воспитать их в христианской вере, но кроме этого о его визите в Дании ничего не известно»¹.

Более предметно и с большей долей научной достоверности можно говорить о крещении датского короля Харальда Клака. В. В. Рыбаков оценивает его так: «Самое знаменательное для всей скандинавской истории событие произошло в 826 г.»². В «Больших королевских анналах», официальной летописи Франкской империи, которая была главной политической державой в центральной Европе того времени, под 826 годом есть такая запись о крещении Харальда Клака: «В то же время Хериольд, явившись вместе с женой, а также великим множеством данов, был крещен в Майнце у святого Альбана вместе с теми, кого привел с собой. Получив от императора (Людовика Благочестивого. – В.В.Рыбаков) много даров, он возвратился через Фризию, той же дорогой, которой прибыл»³.

Харальд Клак был одним из небольших конунгов Ютландии. В борьбе за власть нужна была поддержка, за которой он и обратился к королю Людовику. Король поддержал конунга. По инициативе короля Людовика на обратную дорогу конунг получил в спутники миссионера – французского монаха Ангсария. Однако миссионерская попытка не была успешной. Харальд Клак с Ангсарием из-за политических интриг вынуждены были бежать в северную Германию.

¹ Ottosen K. A short history of the Churches of Scandinavia. Århus. 1986. С. 10.

² Рыбаков В. В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М. 2008. С. 47.

³ Цит. по: Рыбаков В. В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М. 2008. С. 48.

В то же время в Хронике Видукинда Корвейского, написанной в 970 году, говорится о том, что Харальд приказал датчанам отказаться от старых богов и почитать христианских священников. Исследователь А. Санмарк пишет: «Известная руническая надпись на камне в Еллинге утверждает, что Харальд “обратил датчан в христианство”. Хотя такое утверждение считается “большим преувеличением”, совершенно очевидно, что его крещение стало катализатором более широкого распространения христианства в Дании»¹. Здесь мы видим яркий пример того, насколько важным в деле христианизации страны оказывалось крещение предводителя народа.

Не менее важными были усилия христианского миссионера-проповедника святого Ансгария, «апостола северных народов». Святой Ансгарий построил церковь сначала в Хедебю, в Дании, а затем в Бирке (Birka, остров Бьёркё), крупном торговом центре Швеции. Эти усилия были поистине апостольскими, но плоды его проповеди явились не сразу.

По мнению А. Я. Гуревича, «реальные результаты его христианизаторской деятельности являлись очень скромными и недолговечными. Важно отметить, что миссия Ансгара (Ансгария) была связана с торговыми местами в Дании и Швеции: очевидно, лишь среди купцов и других людей, занятых торговлей и поездками в другие страны, церковные проповедники могли в то время рассчитывать на некоторый успех, бонды² же оставались чуждыми новой религии»³. Проповедь христианской веры в Дании более успешно и широко стала проводиться примерно столетие спустя после смерти «апостола Севера» святого Ансгария в 865 году⁴.

¹ Sanmark A. Power and conversion – A comparative study of Christianization in Scandinavia. Uppsala University. 2004. С. 81, 82.

² См. список терминов.

³ Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. Изд. Санкт-Петербургского университета. 2007. С. 132.

⁴ Св. Ансгар отошел ко Господу в возрасте 64 лет. Более половины этой долгой по тем временам жизни он провел в миссионерских трудах в Дании и Швеции и в своей епархии. Вся его жизнь была отмечена строгим аскетизмом и самоотречением: днем и ночью он носил власяницу, а в ранние годы жизни ограничивал себя в пище и питье. Утром и вечером он читал определенное число псалмов, пел псалмы также во время работы, часто молился и служил мессу по 3–4 раза в день. Десятую часть своего жалования он ежегодно отдавал нищим, а каждые пять лет жертвовал вдвойне. Когда он бывал в каком-либо селении своей епархии, он не садился есть прежде, чем приводили местных бедняков и нищих, с которыми он и разделял свою трапезу, а в Великий Пост, сверх того, омывал им ноги и раздавал хлеб и другую пищу. (Шохин В. К. Святой равноапостольный Ансгарий – просветитель Скандинавии. // «Альфа и Омега», № 2 (20), 1999).

Последовавший затем период с 860 по 960 год датские историки называют «темным столетием»¹. В это время не произошло фактически никаких изменений в отношении проникновения христианства в страну. Точнее, до нас не дошло практически никаких сведений, позволяющих говорить о ситуации в Дании в данный период. Вполне вероятно, что на локальном уровне христианство сохранялось и, возможно, даже в некоторой степени распространялось ранее крещеными людьми.

Завершающий этап крещения Дании связан с обращением короля Харальда Гормссона (Харальда Синезубого). Его крещение произошло около 960 года. Эту дату принято считать и временем официального крещения Дании. Харальд установил в Еллингe (Jelling), в Ютландии, памятный монумент, состоявший из двух огромных камней с руническими записями. Надпись на одном из камней гласит, что король Харальд «сделал датчан христианами»².

Окончательное устройство и организацию церковь в Дании получила в правление Кнута Могучего (+ 1035). Именно в его правление Дания получила собственную архиепископскую кафедру. Миссионерский период, продолжавшийся почти 300 лет, был завершен³.

3. ХРИСТИАНСТВО В ШВЕЦИИ

Начало христианизации Швеции также связано самым тесным образом с именем святого Ангария. Как упоминалось выше, святой Ангарий после построения храма в Хедебю (Дания) отправился в Швецию. Именно здесь, в Бирке, одном из крупных транзитных торговых узлов, он имел больше успехов, чем в Дании. В Бирке святому удалось построить первую в Швеции церковь⁴. Это произошло в 829 году.

¹ Lidegaard M. *Da danerne blev kristne*. København. 1999. С. 84.

² Österlin L. *Churches of Northern Europe in profile*. Norwich. 1995. С. 18.

³ Lausten M. S. *A church history of Denmark*. Ashgate. 2002. С. 21.

⁴ Balling J. L., Lindhardt P.G. *Den Nordiske Kirkes historie*. København. 1979. С. 14.

Исследователи христианизации Швеции, как, впрочем, и исследователи христианизации других скандинавских стран, задают вопрос: «Был ли святой Ангарий первым проповедником в Швеции?»¹. Ответить на него не просто. Походы викингов начались на несколько десятилетий раньше прихода Ангараия в Швецию. К тому времени многие из викингов уже побывали в христианских странах, а некоторые даже поселились в христианской Ирландии и христианской Англии. Повсюду норманны знакомились с христианским населением. Многие из них принимали христианскую веру и крестились. Потом они возвращались домой, иногда с христианскими священниками².

Некоторые исследователи не исключают, что знание о христианской вере и церковных идеалах, как в восточной, так и в западной форме, могло достигнуть сеев еще раньше, возможно, уже в VI веке, хотя никаких письменных свидетельств об этом не сохранилось³.

По мнению А. Санмарк, «миссия Ангараия в 829 году – это первая задокументированная миссия в Швецию. В течение всего IX века много других миссионеров было послано из Гамбургско-Бременской архиепископии в Бирку. Кажется, что в целом они были приняты дружелюбно как правителями, так и народом»⁴.

В 850 году святой Ангарий повторно приезжал в Бирку. И хотя народ был настроен против принятия новой веры, Ангарий, благодаря своей мудрости, получил у шведского конунга Олава разрешение на совершение Литургии и возможность проповедовать и крестить тех, кто выразили к тому желание⁵.

Адам Бременский донес до нас имя еще одного миссионера, епископа Унни, по всей видимости, выходца из Англии. Он проповедовал вестготам в первой половине X века. Около 930 г. Унни побывал в Дании, где не был принят, а затем проповедовал на Гот-

¹ Hellström J. A. Vågar til Sveriges kristnande. Stockholm. 1997. С. 161.

² Hellström J. A. Vågar til Sveriges kristnande. Stockholm. 1997. С. 162.

³ Krisnandet i Sverige. Gamla källor och nya perspektiv. Red. B. Nilsson. Uppsala. 1996. С. 431.

⁴ Sanmark A. Power and conversion – A comparative study of Christianization in Scandinavia. Uppsala University. 2004. С. 77.

⁵ Lunden T. Sveriges missionärer Helgon och kyrkogrundare. Artos. Storuman. 1983. С. 21.

ланде и в Бирке. Епископ Унни впоследствии претерпел мученическую кончину¹.

Успешная христианизация Швеции начала осуществляться гораздо позднее времени проповеди святого Ангария. В.В. Рыбаков так пишет об этом: «Первый шведский король-христианин жил на двести лет позднее соответствующего датского. Согласно мнению, которое прочно закрепилось в историографии, это был Олав Эрикссон Шетконунг, правивший в 990-е – 1020-е гг. Традиционно считается, что он принял крещение около 1000 года от английского епископа Сигфрида и тогда же ввел в Швецию христианство как “официальную” религию»². Олав Эрикссон принял мученическую кончину, отказавшись принести жертву идолам.

Исследования рунических надписей свидетельствуют, что христианские идеи были усвоены большей частью населения Швеции в XI веке³.

Исследователь Х. Джансон пишет, что «в процессе христианизации Скандинавии решающая роль отводилась обращению одной особой местности, в которой сохранялись древние языческие верования, и таким образом языческие позиции держались до второй половины XI века. Разрушение золотого храма в Древней Упсале долгое время считалось последним шагом, благодаря которому древнескандинавская религия окончательно потеряла статус идеологической основы общества в скандинавских королевствах»⁴. Это событие описано в 26–28 главах «Хроники» Адама Бременского. Не вдаваясь в тонкости вопроса, отметим лишь, что этот факт, который практически невозможно проверить, вызывает много вопросов у исследователей. Недоумение вызвано тем, что данные археологии дают основания утверждать с большой долей вероятности, что к этому периоду языческая религия фактически ис-

¹ Lunden T. Sveriges missionärer Helgon och kyrkogrundare. Artos. Storuman. 1983. С. 36.

² Рыбаков В. В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М. 2008. С. 87.

³ Krisnandet i Sverige. Gamla källor och nya perspektiv. Red. B. Nilsson. Uppsala. 1996. С. 83.

⁴ Janson H. Adam of Bremen and the conversion of Scandinavia. // Christianizing Peoples and Converting Individuals. Ed. by A. Guyda, I.N. Wood. International Medieval Research. vol. 7. Brepolis. Belgium. 2000. С. 83.

чезла и, во всяком случае, не представляла серьезной конкуренции христианству¹.

Христианизация Швеции происходила в течение долгого времени. В Швеции неизвестны случаи насильственного обращения в веру. Не сохранились также документы, свидетельствующие о массовом обращении шведов. Возможно, именно поэтому некоторые исследователи считают, что Швеция приняла христианство позже своих соседей, хотя, как мы уже отмечали, такие утверждения могут быть приняты лишь с определенной долей условности.

4. Христианство в Исландии

Исландия, не являющаяся, строго говоря, частью Скандинавии, относится, тем не менее, к Скандинавскому региону.

Исландия была открыта в VIII веке ирландскими монахами². Это единственная в мире страна, которая была не обитаема до того момента, когда туда приплыли монахи и поселились там³. Несмотря на несовершенство своих судов, ирландские монахи безбоязненно плавали по всему Скандинавскому региону. Они предпринимали опасные путешествия в поисках более спокойного места для подвижничества, а также с целью христианской проповеди народам, не слышавшим о Христе. Многочисленные топонимы христианского происхождения свидетельствуют об обширной географии их плаваний.

Исландские источники подтверждают, что ирландские монахи поселились в Исландии раньше других европейцев. Первым европейцем с континента, приплывшим в Исландию, был швед Гардар Свафарссон. Он попал в Исландию случайно: его корабль во время шторма сбился с курса. Это случилось около 862 года. На обратной дороге в Швецию он поведал о новой земле норвежцам.

¹ См. также: Graslund A. New perspectives on an old problem: Uppsala and the Christianization of Sweden. // *Christianizing Peoples and Converting Individuals*. Ed. by A. Guyda, I. N. Wood. International Medieval Research. vol. 7. Brepolis. Belgium. 2000. С. 61–70.

² Karlsson G. *The History of Iceland*. Minneapolis. 2000. С. 9.

³ Филипп А. свящ. Православная Исландия. Электронная версия: <http://www.pravoslavie.ru/put/1939.htm>.

В 867 году норвежец Ингольф Арнасон впервые отправился в Исландию, а через три года, в 870 году, он совершил туда свое второе путешествие. С этого момента началось массовое освоение Исландии.

Предположительно толчком к такому переселению послужило недовольство норвежцев политикой первого норвежского объединителя Харальда Прекрасноволосого († 933). Недовольство было вызвано прежде всего тем, что объединение разрозненных областей Норвегии в единое целое влекло за собой значительное ослабление власти мелких конунгов и областных правителей. Возможно, что это было отчасти связано и с новыми централизованными налогами. В период с 870 по 930 гг. около двадцати тысяч норвежцев переселились в Исландию вместе со скотом и домашней утварью.

В этот же период произошло знакомство новоприбывших с жившими в Исландии ирландскими монахами. Наверное, некоторые переселенцы уже слышали о христианской вере. Можно предполагать, что были и отдельные случаи обращения в христианство среди норвежцев, переселившихся на новую землю. «Отшельники, должно быть, пользовались влиянием в некоторых областях страны, особенно на юге страны и к северу от Рейкьявика. Однако их веры было недостаточно, чтобы противостоять организованным языческим культам и связанному с ними общественному порядку»¹. Большая часть населения Исландии оставалась языческой в течение всего X века.

Знаменательно, что с переселением норвежцев в Исландию их связь с родиной не была утрачена. Древненорвежский язык, который был родным языком норвежцев и новых исландцев, был замечательной основой для взаимного сотрудничества. Не случайно также то, что именно талантливые исландские скальды служили при норвежских конунгах. А норвежцы в Исландии породили талантливейших писателей. «В этом факте всегда присутствовал момент таинственности и очарования», – отмечает современный историк². Именно благодаря написанным в XII–XIII вв. литературным ше-

¹ Филиппс А. свящ. Православная Исландия. Электронная версия: <http://www.pravoslavie.ru/put/1939.htm>

² Strömbäck D. The conversion of Iceland. London. 1975. С. 1.

деврам мы так много знаем об истории, традициях, культуре Скандинавии в период формирования скандинавских стран.

Христианизация Исландии прошла очень быстро. Как пишет историк О. Вестейнссон, «обращение исландцев в христианство одно из очень странных событий в истории христианской миссии. Без большого принуждения и помощи извне исландцы на ежегодном общем собрании, Алтинге, в 999 или 1000 году приняли решение принять христианство»¹.

Этому предшествовала миссия, посланная архиепископом Гамбургским Адалдагом около 980 года. Затем в 997 году норвежский конунг Олав Трюггвасон предложил исландцам принять христианство. По одной версии, исландцы согласились принять христианство, но потом отпали обратно в язычество. Услышав об этом, Олав Трюггвасон послал двух знатных исландцев, которые были христианами, с посольством к своим соплеменникам. Он пригрозил уничтожить всех жителей острова, если они не одумаются и не примут вновь христианство. Эти аргументы подействовали, и исландцы подчинились.

Саги донесли до нас имя первого священника, присланного Олавом Трюггвасоном. Его звали Пормодр. Ему выпала нелегкая задача: совершить в одиночку крещение всех жителей Исландии. После этого на острове была устроена постоянная церковь, были присланы священники. А первый епископ в Исландии появился в 1056 году.

Подводя итог, можно отметить, что контакты скандинавов с другими народами послужили своеобразным мостиком, через который христианство осторожно вступило на скандинавскую землю задолго до официального крещения народа конунгами и установления церковной иерархии. Чаще всего именно с принятием конунгами крещения начинался полноценный процесс христианизации. Вслед за конунгами часто следовала знать и зажиточные люди, которые охотно строили в своих владениях церкви и порой содержали духовенство. В то же время захоронения в шведской Бирке свидетельствуют о том, что простолюдины нередко принимали христианство раньше своих правителей.

¹ Vesteynsson O. The Christianization of Iceland. Oxford. 2000. С. 17.

УСТИНОВА Ирина
Александровна
кандидат исторических
наук, старший научный
сотрудник Института
русской истории РАН



НОВЫЕ ЕПАРХИИ НА СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.: ПРОБЛЕМЫ ОТКРЫТИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ

В докладе рассматривается история открытия Вятской, Устюжской и Архангельской епархий, территории которых были сформированы из земель Новгородской, Ростовской, Вологодской епархий и Патриаршей области. Рассматриваются проблемы, с которыми столкнулись первые епархиальные архиереи в этих землях, прежде всего – многолетние споры о границах с владыками-соседями.

Одной из самых сложных проблем в истории территориального устройства русской церкви являлось епархиальное деление. В процессе расширения территорий Русского государства, освоения новых земель на юге, севере, востоке происходил рост старинных епархий. Серьезные диспропорции в территории, количестве церквей, доходах епархий стали колоссальными к XVII в. Так, в 1674 г. было зафиксировано более 4000 церквей на

территории Патриаршей области, 1227 церквей в Новгородской епархии, 1221 церковь в Рязанской епархии. В тоже время в малых епархиях цифры были совершенно другими – 189 церквей на территории Псковской епархии и всего 26 церквей были в ведении митрополита Астраханского и Терского¹. Такие диспропорции приводили к сложностям в церковном управлении отдаленными регионами. Например, поставление священников, которое должен был осуществлять только епархиальный архиерей, становилось настоящим испытанием для кандидатов, которым приходилось ехать в столицу епархии из отдаленных ее уголков. Так, в состав Патриаршей области входило более сорока городов центра, юга и севера страны, а Сибирский архиерей в церковном отношении окормлял все русские земли за Уралом. С другой стороны, главы малых епархий постоянно стояли перед острой проблемой поиска необходимых средств к существованию, о чем свидетельствуют их многочисленные челобитные царям и патриархам.

Церковные и светские власти понимали необходимость решения этой проблемы. Проект создания новых епархий обсуждался еще на соборе по учреждению патриаршества в России в 1589 г. На протяжении двух третей XVII в. были созданы пять новых епархий: Псковская (1589), Астраханская (1602) и Сибирская (1620), Вятская (1657), Белгородская (1667), Нижегородская (1672). Происходили отдельные размены землями между епархиями. Например, Двина, Вага и Каргополь в конце XVI – начале XVII в. дважды передавались из Новгородской епархии в Вологодскую и обратно². В 1613–1617 гг. по челобитью Вологодского архиепископа Нектария (Грека), в связи со шведской оккупацией Новгорода, области Двины, Ваги и Каргополя были переданы в управление Вологодской кафедры, но затем возвращены Новгородскому владыке³.

Правительством несколько раз предпринимались попытки про-

¹ Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1897. С. 313.

² Суворов Н. О вторичном присоединении Двины, Ваги и Каргополя от Новгородской к Вологодской епархии в начале XVII в. // Вологодские губернские ведомости. 1862. № 42. Часть неоф. С. 159–160.

³ Там же. С. 159–160.

ведения комплексной епархиальной реформы, однако архиерейский корпус оказывал последовательное сопротивление их осуществлению, стремясь сохранить имеющиеся доходы. Серьезные подвижки в этом вопросе произошли в 1674–1682 гг. Важнейшее решение о переделе границ епархий принял церковный собор 15 октября 1674 г.: «ко-ейждо епархии грады с уезды по писцовым книгам владети коемуждо архиерею, монастыри и церкви управляти и вновь церкви велеть строити... правильно во своих епархиях по уездом, разматривая о том с великим прилежением, по писцовым книгам... и в том бы между архиереями распри и в людех смятения не было»¹. Иными словами, собор постановил привести границы епархий в соответствие с границами уездов по писцовым книгам начала XVII в. так, чтобы уезды полностью входили в состав епархий. Это должно было решить проблемы чересполосицы в епархиальном делении, когда границы одной епархии клином вдавались в земли другой. По наблюдению И. М. Покровского, при реализации этого решения «каждая в отдельности кафедра при взаимном обмене церквями нисколько не теряла»². Однако воплощение этого решения в жизнь породило многочисленные споры и злоупотребления, которые длились месяцами и годами.

Наиболее запутанным оказалось положение на севере страны, где сошлись земли старинных Новгородской, Ростовской, Вологодской епархий и Патриаршей области. Самые значительные изменения коснулись границ Патриаршей области: в 1674–75 гг. из нее в Новгородскую епархию перешли гг. Архангельск, Холмогорский уезд, приходы на Мезени, Пинеге и Кевроли, всего 68 церквей³. В соборном решении отдельно было отмечено, что это мера паллиативная – «до времени», когда «в Новгородскую епархию в город Архангельск» будет поставлен архиерей.

Следующим шагом епархиальной реформы стали события 1681–1682 гг. В 1681 г. царь Федор Алексеевич предложил русским иерархам проект, предполагавший открытие 68-ми новых епархий и доведение их общего числа до 83. Только на территории Новго-

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 4. № 204. С. 260.

² Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв. С. 312.

³ ААЭ. Т. 4. № 204. С. 263.

родской епархии проект предполагал создание 9 епископских кафедр: в Великих Луках, Городецке или Устюжне, Олонце, на Двине и Холмогорах, в Каргополе, Ладоге, в Кольском остроге, Чаронде, Кевроли и Мезени, на Ваге¹. Проект встретил сопротивление духовенства и был сокращен в два раза, а на соборе 1682 г. остановились на 15 новых епархиях, в ходе же реализации соборных решений было открыто только 3 новых епархии – Холмогорская и Важская, Великоустюжская и Тотемская, Воронежская².

В 1682 г. из состава Новгородской епархии была выделена одна новая – Холмогорская и Важская епархия: «во градах, на Колмогорах и на Ваге с пригороды, архиепископу: Архангельской город, Мезень, Кевроль, Пустоезеро, Пинега»³. В грамоте патриарха Иоакима от 15 апреля 1682 г. первому архиепископу Холмогорскому и Важскому Афанасию (Любимову) среди земель, переданных владыке, названы также гг. Холмогоры, Архангельский уезд, Кола, Вага и Важского присуда четверти (Шенкурская, Верхневажская, Подвинская, Кокшенгская с Устьяновскими волостями), Соловецкий монастырь с Анзерским скитом⁴. Передача в Холмогорскую епархию Соловецкого монастыря с его вотчинами вызвала протест Новгородского митрополита Корнилия. В 1683 г. Корнилий обращался к патриарху Иоакиму с челобитными, в которых указывал на противоречие двух соборных решений относительно соловецких церквей⁵: «а тот Соловецкой монастырь и вотчинные церкви по писцовым книгам в Новгородском уезде, и о том к нему святейшему патриарху мы об указе писали»⁶. В соответствии с решением собора 1675 г. Соловецкий монастырь, территориально входивший в состав Новгородского уезда, должен был оставаться под управлением Новгородского митрополита, но в 1682 г. в нарушение этого решения был

¹ Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв. С. 321–322.

² Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв. С. 320, 333–338.

³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. № 75. С. 110.

⁴ Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв. С. 371.

⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – НИА СПбИИ РАН). Ф. 171. Переплет 5. № 237. Стб. 196–197.

⁶ НИА СПбИИ РАН. Ф. 171. Переплет 5. № 237. Стб. 208–210.

передан в Холмогорскую епархию.

Размен земель между епархиями и создание двух крупных епархий на севере страны (Архангельская и Великоустюжская) оказался весьма кропотливым и сложным делом, породившим многочисленные споры между архиереями. В рамках настоящей статьи рассмотрены лишь некоторые из них, наиболее показательные, в которых отразились основные проблемы епархиального строительства в России XVII в.

Помимо общего недовольства потерей части своих владений у митрополита Новгородского Корнилия в 1682–1683 гг. случился еще один частный спор с архиепископом Холмогорским Афанасием (Любимовым) относительно 33 церквей, с которых в патриаршую казну в эти годы не был уплачен богаделенный сбор. Сбор, установленный в 1674 г., был невелик: по гривне (10 копеек) с церкви в год. Он направлялся в Патриарший Казенный приказ для содержания на Москве богаделен. Таким образом, общая сумма «гривенных» денег с 33 церквей, которую ни Астраханский, ни Новгородский владыка не хотели внести в патриаршую казну составляла лишь 3 рубля 30 копеек. Сумма незначительная в сопоставлении с доходами одной из крупнейших русских кафедр. Однако остроту спора и непримиримость сторон в этом деле определяли не столько размеры сборов, сколько развитие ситуации в русской церкви. С одной стороны, болезненный процесс создания новых епархий и размена земель, который был неприятен всем иерархам, терявшим земли, церкви, доходы, с другой стороны усиление централизации в церкви, недовольство и сопротивление владык новым сборам в пользу патриаршей кафедры, стремление утаить свои доходы. Материалы тяжбы сохранились в архиве ¹. Сложность в изменении границ епархий состояла в том, что необходимо было произвести не только размен землями, но и передать учетную документацию («неокладным и окладным всяким денежным доходом книги»), а также «зборные всякие деньги», если таковые частично уже были собраны на год, когда начался размен. И, кроме того, добиться, чтобы изменения были своевременно внесены в книги Патриаршего Казенного приказа.

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 171. Переплет 5. № 237. Стб. 187, 190.

С такой проблемой столкнулся новгородский стряпчий Василий Качалов. В феврале 1683 г. он сообщил владыке Корнилию, что «ныне в Казенном приказе (Патриаршем. – И. У.) на мне холопе твоём спрашивают твоей... епархии с церковей гривенных денег (на богадельни по гривне с церкви. – И. У.) против окладу по сколько плачено... в прошлых годах со всех городов, которые и отданы (в Холмогорскую епархию. – И. У.) безсрочно». Таким образом, в Патриаршем приказе спрашивали с новгородского стряпчего платежи с церковей, которые уже были переданы Холмогорскому владыке. Ситуация накалилась настолько, что за эти деньги в «патриаршем в Казенном приказе засажен и скован твоего... святительского московского двора воротник». В ответ Холмогорский архиепископ Афанасий обратился к митрополиту Новгородскому Корнилию, указывая, что документация и деньги по этим церквям ему «не присылано»¹. В дело вмешался сам патриарх Иоаким, который в грамоте от 21 июля 1683 г. укорял митрополита Корнилия (помимо недоимок за прошлые годы и «утаения» новопостроенных церковей) за недоплату по 33 церквям. Патриарх указывал, что Холмогорский архиепископ Афанасий пожаловался на отсутствие документов по переданным ему из Новгорода церквям и оплатил сборы с 218 церковей, тогда как Корнилий указал 239 переданных церковей. Не поступили деньги и с 12 соловецких церковей. Разница составила 33 церкви, деньги с которых патриарх требовал возместить². Позиция митрополита Корнилия была непреклонна: он считал, что платить должен архиепископ Афанасий, поскольку теперь все доходы с этих церковей поступали в холмогорскую казну. Претензии патриарха, однако, были адресованы именно митрополиту Корнилию, возможно, в связи с наличием других многолетних долгов и недоимок по новгородским церквям, которые не являлись спорными. Переписка не имеет окончания, и не вполне ясно, кто из архиереев в итоге выиграл спор³. Однако логика развития дела, а также особенности личных взаимоотношений патриарха с Новгородским и Холмогорским владыками позволяют предполагать, что

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 171. Переплет 5. № 237. Стб. 187, 190.

² НИА СПб ИИ РАН. Стб. 204–206.

³ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 171. Переплет 5. № 237. Стб. 187–215.

победителем вышел Архангельский архиепископ Афанасий.

Рассмотренный эпизод иллюстрирует повседневные сложности, возникавшие в процессе епархиальной реформы. Часть из них была порождена противоречиями между соборными решениями и последующими указами и грамотами, как в случае с формальной принадлежностью соловецких церквей, переданных в Холмогоры, Новгородскому уезду. Другие проистекали из путаницы в делопроизводстве. Наконец, свою роль играло нежелание архиереев отдавать земли, стремление уклониться от уплаты сборов, недовольство вмешательством в их дела патриаршей кафедры. Как и другие крупные административно-территориальные преобразования XVII в. (например, «посадское строение») епархиальная реформа двигалась медленно, тормозилась десятками мелких противоречий и деталей, которые оспаривали между собой архиереи.

Еще одним предметом постоянных недоразумений между владыками при создании новых епархий становились их вотчинные владения. Великоустюжская епархия была образована в 1682 г. из земель Ростовской митрополии. Ее основную территорию сформировали города Тотьма, Соль Вычегодская и Устюг Великий с уездами. Под управлением владыки Геласия – первого архиепископа Великоустюжского – оказалось всего 236 церквей¹. Для финансового обеспечения архиерею был выделен Михаило-Архангельский монастырь, а также село Благовещенское «з деревнями, и со крестьяны и со всеми угоди»². Вскоре по созданию епархии (в 1684 г.) посадский староста Иван Мехотин с посадскими и волостными людьми подали челобитную царям Ивану и Петру Алексеевичам с жалобой на бедность Великоустюжской епархии. Они писали, что в епархию были выделены города и уезды «самые скудные пашенными землями и всякими угодыми и пространством безугожи»³. В частности, указывалось, что с. Благовещенское имеет всего четыре двора, а остальные дворы удалены от Устюга на 100 верст и более. Ссылаясь на крайнюю нужду архиепископа в средствах, челобитчики просили передать ему в вотчину угоды Вологодского архиепископа Симона в Усольском

¹ Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв. С. 366.

² НИА СПбИИ РАН. Колл. 56. Оп. 1. Д. 137. Стб. 1.

³ Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв. С. 366.

уезде по р. Вычегде и Виледи, Ибскую волость с приселками и деревнями в Яренском уезде на Усть-Выми Вятской епархии. В челобитной, однако, было отказано. Вологодскому архиепископу Симону удалось убедить царей в несправедливости требований устюжцев. В частности, Симон указал, что в бытность городов Тотьма, Соль Вычегодская и Устюг в Ростовской митрополии, доход, получаемый с них, был весьма велик и составлял 1300 рублей, а в с. Благовещенском по писцовым книгам состояло 126 дворов, 610 десятин пашни, 513 десятин пашенного и непашенного леса и 8001 копна сена¹. Дело было устюжанами проиграно.

Практически одновременно с претензией на вологодские вотчины устюжские челобитчики подали челобитную с просьбой определить во владения великоустюжского архиепископа вотчину ростовского митрополита – село Шумское в Вологодском уезде. Аргументы выдвигались те же: скудость новообразованной Великоустюжской епархии и удаленность вотчины от Ростова. Ответ Ростовского владыки был аналогичен ответу Вологодского архиепископа – он также ссылался на доходность своей прежней вотчины, с. Благовещенского, указывал, что с. Шумское, на которое претендовали челобитчики, столь же удалено от Устюга, как и от Ростова. Дело, однако, было решено в пользу Ростовского архиепископа Иоасафа лишь в 1691 г.² В данном сюжете обращает на себя внимание то обстоятельство, что Ростовский владыка и представители Великоустюжской епархии вели спор за вотчинное владение селом под Вологдой. Это наглядно иллюстрирует сложнейшие переплетения епархиальных и вотчинных границ на севере России, сложившиеся к XVII в.

Приведенными случаями отнюдь не исчерпывается обширная практика земельных и иных споров между русскими владыками во второй половине XVII в. В рамках настоящей статьи были рассмотрены лишь несколько эпизодов епархиальной реформы конца XVII в., касающихся Русского Севера, которые удалось реконструировать на архивных материалах. Однако даже эти эпизоды позволяют выделить несколько главных проблем епархиального строительства в России этого времени. Во-первых, актуальная и необходимая епар-

¹ Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв. С. 368.

² НИИ СПБ И РАН. Колл 56. Оп. 1. Д. 137. Стб. 1–6.

химальная реформа двигалась очень медленно, тормозилась множеством мелких противоречий и деталей, которые оспаривали между собой архиереи на протяжении десятилетий. Часть из них порождалась противоречиями в действиях властей. Другие проистекали из путаницы в делопроизводстве. Наконец, свою роль играло и нежелание архиереев отдавать земли, стремление уклониться от уплаты сборов. Как и другие крупные административно-территориальные преобразования XVII в. (например, «посадское строение») епархимальная реформа шла очень трудно. Во-вторых, значительной проблемой оставалось обеспечение вновь созданных архиерейских домов необходимыми доходами. В большинстве случаев решением этой проблемы вновь поставленным владыкам приходилось заниматься самостоятельно. В частности, искать средства на строительство и устройство архиерейского дома. В-третьих, значительную проблему, особенно в северных регионах страны с развитой и обильной церковно-приходской сетью, составляло в XVII в. чересполосное владение землями и церквями, когда некоторые объекты управления отстояли на 500 и более верст от центра управления.

КОЖЕВНИКОВА
Юлия Николаевна
кандидат исторических
наук, ведущий специалист
ФГБУ Национальный парк
«Водлозерский»



МОНАСТЫРИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОДЛОЗЕРСКОГО СТАНА В XVI–XVII ВЕКАХ: К ВОПРОСУ О МОНАСТЫРСКОМ ТИПЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ¹

Русские православные монастыри со времени своего основания не только становились духовным средоточием ближней и дальней округи, в то же время они были стабильными хозяйственными центрами, ориентированными на обеспечение братии всем необходимым для существования. Современные исследователи выделяют специальный тип «ресурсосберегающего» рационального природопользования, который в прошлом был характерен для мона-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУ «Национальный парк «Водлозерский» № 051-00025-21-00

стырей, активно осваивавших окружающий их ландшафт¹.

Водлозерский стан – административно-территориальный округ, который в XVI–XVII веках включал четыре погоста Обонежской пятины: Рождественский Водлозерский, Никольский Пудожский, Спасский Шальский и Никольский Андомский в восточном и юго-восточном Прионежье. Часть этой территории в настоящее время входит в границы Национального парка «Водлозерский». На обширных землях Водлозерского стана существовали только четыре самостоятельные обители, созданные в разное время: Успенский Муромский и Троицкий Юрьегорский монастыри, Богоявленская Рогозерская и Троицкая Курженская пустыни. Помимо них, здесь располагались владения крупных новгородских монастырей (например, Хутынского и Юрьева)². Малое число местных обителей на огромной территории может быть объяснено суровыми природными условиями края, низкой плотностью его населения и отсутствием дорожной инфраструктуры. Все четыре монастыря были мужскими. Муромский и Юрьегорский монастыри принадлежали к числу материковых, другими словами, находились на побережьях пресных водоемов, а Курженская и Рогозерская пустыни были построены на островах небольших лесных озер.

Рогозерская Богоявленская пустынь находилась на острове озера Рогозеро (Ронгозеро), на границе между Пудожским и Водлозерским погостами-округами, в дальних окрестностях водлозерского залива Маткалахта. В краеведческой литературе можно встретить сведения о том, что Рогозерская пустынь – старообрядческий монастырь, появившийся в конце XVII века³. Однако письменные

¹ Монастырский тип природопользования отличают следующие черты: ведение натурального экологического хозяйства на ограниченной территории, его многоотраслевая направленность; гармоничное сочетание физического преобразования природной среды и ее одухотворения по образу небесного града Иерусалима; бережное отношение к природным ресурсам; создание особого культурного ландшафта, который складывался из монастырских церквей и часовен, памятных и святых мест, а также пашенной земли, лесных угодий, рыбных ловель, различных хозяйственных построек (мельниц, амбаров, ледников и др.). См.: Котова О. И. Монастырское природопользование Севера Европейской территории России. // XVI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Материалы. М., 2006. Т. 2. С. 117–121.

² Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 80; Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII вв.: механизм становления крепостного права. СПб., 2007. С. 494–495.

³ Нилов Е. Муромский монастырь. Пудож, 1993. С. 19.

источники свидетельствуют о том, что этот мужской монастырь существовал еще с начала XVII века. Имя его основателя нам неизвестно. Единственный храм был посвящен Богоявлению Господню.

Изучение истории этой обители затруднено плохим состоянием источниковой базы. Сохранившиеся и выявленные сведения о ней крайне скудны и малочисленны; они содержатся в писцовых и переписных книгах, делопроизводственных материалах XVII века. Самое раннее и лаконичное описание Рогозерской пустыни дошло до нас в писцовой книге 1628–1631 годов, где указывается, что в ее кельях молитвенный подвиг несли всего два монаха: «Монастырь словет Рогозерская пустыня, стоит на Рого-озера на острове на межевой земле меж Пудожского и Водлозерского погостов. А в нем церковь Богоявление Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа древняна клецки. А в церкви образов... Да на монастыре келья строительская пуста; да на берегу у озера двор коровей, а внем живет черной поп да старец, да слуги три человека; пашни полевые нет; питаются христовым именем»¹.

Крохотный монастырь, затерявшийся в пудожских лесах, в первые десятилетия своего существования практически не участвовал в хозяйственном освоении территории Водлозерского стана. Ко времени составления официальной переписи 1678 года бревенчатый Богоявленский храм развалился от ветхости. Как следует из списка монастырей, приложенного к этой переписи, вместо упавшей церкви монастырские насельники смогли поставить только часовню: «А на монастыре церковь Богоявление Господа нашего Иисуса Христа древняя от ветхости развалилася. Поставлена часовня. За монастырем двор скотской, а в нем живут монастырские работники Сенка Федоров, Гришка да Ивашко Сергеевы, Ефремко Степанов»². В следующих по времени массовых описаниях земель Пудожского и Водлозерского погостов Рогозерская пустынь не упоминается. В.И. Иванов относит Рогозерскую пустынь к малым

¹ Исторические и юридические акты Олонецкого края. Список с писцовой книги 136 и 137 (1628–1629) годов. // Олонецкие губернские ведомости. 1851. № 1. С. 3.

² Цит. по: Старицын А. Н. Писцовые и переписные книги как источник по истории монастырей Карелии XVII в. // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 139.

безвотчинным обителям Олонецкого уезда¹. По всей видимости, рогозерские монахи все же стремились расширять свои земельные владения, однако неизменно сталкивались с активным сопротивлением жителей ближайших деревень. В РГАДА сохранилось дело 1682 года о попытках мужской пустыни подтвердить свои права на земли и сенокосы, отмежеванные от черносошных крестьян соседней Дворцовой Сумской волости². Как пишет А. Н. Старицын, последние рогозерские монахи тогда проиграли судебное дело и были вынуждены покинуть свой монастырь³.

К началу 1690-х годов опустевшую Рогозерскую пустынь облюбовали старообрядцы. Здесь были построены две новые избы, в которых поселились выходцы из Каргопольского уезда и окрестные крестьяне, самовольно покинувшие свои деревенские участки. По замечанию пойманного в 1693 году жителя Девятинской волости Кирилла Прокопьева, в Рогозерской пустыни находились «каргополцев мужеска полу болши 100 человек... а хлеб де им раскольникам приносят Пудожского погоста околних деревень жители»⁴. Таким образом, укрывавшиеся в заброшенном монастыре староверы не стремились развивать хлебопашество и скотоводство и, как когда-то первые рогозерские монахи, жили исключительно подаяниями мирских людей.

С Рогозерской пустыней оказались связаны громкие события, происходившие летом 1693 года: знаменитый поход раскольников на Пудожский погост⁵. Именно отсюда через деревню Вянгозеро в него отправился вооруженный отряд староверов численностью более 200 человек во главе с чернецом Тимофеем и дьячком Василием Емельяновым Зайцем. Раскольники изгнали приходских священников из пудожских Никольской и Троицкой церквей, устраивали крестные ходы, освятили воду в реке Водле и организовали в ней массовое перекрещивание в старую веру крестьян Пудожского и Водлозерского погостов. Узнав о приближении вооруженного карательного

¹ Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне... С. 135.

² РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 2. Д. 1602.

³ Старицын А. Н. Салмозерское поселение инока Иосифа Ловзунского. // Старообрядчество в России (XVII–XX в.). М., 2013. Вып. 5. С. 39–69.

⁴ Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 339.

⁵ Дело о Пудожских раскольниках. // Акты исторические. 1842. Т. 5. № 223. С. 390.

отряда стрельцов из Олонца, раскольники с частью примкнувших к ним крестьян покинули Пудожский погост и отошли к деревне Строкиной в сторону Каргополя, где укрылись в четырех избах. По призыву чернеца Тимофея – ярого проповедника самосожжения – люди подожгли себя.

В XVIII веке часовня Рогозерской пустыни сгорела. Ее иконы и колокола еще до пожара были вывезены «раскольниками» в Лексинский монастырь¹. Согласно документам из фонда Олонецкой духовной консистории, в конце XIX века предположительно на месте бывшего мужского монастыря располагалась деревня Рогозерская с часовней Владимирской иконы Божией Матери. Она относилась к Сумскому (Сумозерскому) приходу Пудожского уезда². Среди старых бумаг приходской церкви известный олонецкий краевед Е. В. Барсов обнаружил старопечатное Евангелие 1641 года с надписью о его принадлежности Рогозерской пустыни: «Лета 7153 марта 2 дня, въ области Великаго Новаграда Обонежскія Пятины, Пудожскаго стану, въ домъ чуднаго Богоявленія и Успенія Пресвятыя Богородицы, положилъ рабъ Божій Іоанникій Ивановъ сынъ Скрипинъ, Ярославецъ, посадской торговой человекъ, по своихъ родителехъ и о своей душе, во веки неотъемлемо святое сіе евангеліе. Аминь. Буди и буди Рогозерскія пустыни»³. Факт такого пожертвования говорит нам об известности маленького северного монастыря далеко за пределами Водлозерского стана. Современное местонахождение Евангелия неизвестно.

Успенский Муромский монастырь. Наиболее активно территорию Водлозерского стана осваивал древнейший из четырех мужских монастырей края – Успенский Муромский на восточном побережье Онежского озера. Согласно общепринятой версии, его основал «римлянин» Лазарь Муромский предположительно во второй половине XIV века на Муромском полуострове⁴. Первыми

¹ Барсов Е. В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонецкой губернии, с их настоятелями. // Памятная книжка Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1867. Ч. 3. С. 22.

² НА РК. Ф. 25. Оп 20. Д. 29/325. Л. 88–93.

³ Барсов Е. В. Алфавитный указатель... С. 22.

⁴ Кожевникова Ю. Н. Муромский в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь. // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 48. С. 5.

монастырскими насельниками стали афонский монах Феодосий и два старца Иона и Ефросин, пришедшие к преподобному Лазарю из Киево-Печерской лавры. Сведения о начальной истории монастыря содержит Житие Лазаря Муромского, основанное на автобиографическом рассказе святого, записанном его преемником¹.

Муромский монастырь был наиболее крупным земельным собственником среди местных обитателей, находившихся на территории Водлозерского стана. Его вотчина начала складываться еще в период независимости Новгородской земли, когда преподобный Лазарь приобрел за сто серебряных гривен участок на восточном побережье Онежского озера, где он столкнулся с открытой враждой языческих племен (в житийном рассказе они названы «лопьяне и чюдь и страшивыя сыроядцы»). После присоединения Новгорода к Москве три деревни на Муромском полуострове, ранее принадлежавшие новгородским боярам, вместе с их угодьями были переданы в вотчину Муромского монастыря первоначально на условиях оброчного содержания.

Как показывают писцовые книги, в последней четверти XVI века муромские монахи владели семью деревнями и двумя пустошами, т. е. заброшенными деревнями, в Андомском погосте, а также землями и рыбными ловлями в Унойской губе Онежского озера. При этом основная часть земель Муромского монастыря компактно располагалась в соседней с ним Гакугской волости, уже неплохо освоенной к тому времени крестьянами. В переписной книге 1647 года зафиксировано восемь монастырских деревень с 27 крестьянскими дворами: две из них – в Шальском погосте в Унойской губе, пять – в Гакугской волости и одна – на реке Андома². Получая от московского правительства пустоши, монахи их возрождали и возобновляли отведенные им пахотные земли.

Границы владений Муромского монастыря не были четко установлены до середины XVII века. Об этом свидетельствуют продолжительные земельные споры монастырских крестьян с жителями смежных

¹ Пигин А. В. Лазарь Мурманский (Муромский). // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 39. С. 665–668; Пашков А. М. «Житие Лазаря Муромского» в истории культуры Карелии XVIII–XX вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 3–13.

² Амелина Т. Д. Монастыри южной Карелии и границы их земельных владений. // Православие в Карелии: Мат. III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2008. С. 73.

волостей. Только в жалованной грамоте 1650 года, полученной строителем Илларионом, проведена межа от устья реки Андома на юге и озера Рандозеро по верховьям рек Сормы, Нигижмы, Гакуксы к Тетеревиной горе на севере. Также в 1530-е годы Муромский монастырь вел серьезную тяжбу с мужским Палеостровским монастырем, который располагался в северной части Онежского озера. Монахи с обоюдным упорством спорили из-за земель, а главное тоней в богатой рыбой Унойской губе Онежского озера. Добавлю, что в результате Муромский монастырь проиграл это судебное дело, представив подложный документ, якобы подтверждавший его право собственника – духовную новгородского посадника Панфилия Селифонтова¹.

В XVI–XVII веках в усадьбе Муромского монастыря стояли три деревянные церкви, одна из которых – в честь Воскрешения Лазаря – сохранилась до наших дней и считается древнейшим клетским храмом России². Эта маленькая церковь с частью древних икон была перевезена 1959 году в музей-заповедник на острове Кижи³. Как говорится в Житии Лазаря Муромского, он построил ее на месте чудесного явления ему Богородицы и ангелов. В писцовых и переписных книгах при описании Муромского монастыря, помимо церквей и братских келий, упоминаются традиционные хозяйственные постройки – конюшенный и коровий дворы⁴.

Троицкая Курженская пустынь. История Троицкой Курженской пустыни мало изучена. Обитель появилась в первой половине XVII века, однако обстоятельства ее основания до сих пор остаются неизвестными⁵. Курженская пустынь находилась на озере Куржен-

¹ Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря. // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1959. С. 449–450.

² Орфинский В. П. Древнейший клетский храм России – церковь Воскрешения Лазаря из Муромского монастыря. // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1999. С. 115–122.

³ См. списки вывезенных из монастыря икон: Кожевникова Ю. Н. Материалы экспедиций Государственного Русского музея в Карельскую АССР в научном архиве Национального музея Республики Карелия. // Вестник Национального музея Республики Карелия. 2021. Вып. 8. С. 85–92.

⁴ Кожевникова Ю. Н. Муромский в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь. // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 48. С. 5–8.

⁵ Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии. М., 1812. С. 881; Старицын А. Н. Курженская пустынь. // Вестник церковной истории. М., 2009. № 3–4. С. 191–205.

ском в Андомском погосте (в настоящее время – Верхне-Андомский природный заказник Вологодской области). Какое-то время была приписанной к Муромскому монастырю. Она принадлежит к числу обителей, наиболее почитаемых старообрядцами. Считается, что ее построил некий старец Ефросин, и в ней во второй половине XVII века укрывались монахи, гонимые за приверженность старой вере¹. Старец Евфросин обосновался в бассейне реки Андомы еще до начала распространения в здешних местах никоновских нововведений. Именно поэтому часовня на острове Курженского озера, сооруженная над его могилой, позднее поддерживалась как старообрядцами, так и новообрядцами. Достоверные сведения о Курженской пустыни содержит переписная книга 1678 года, где она упоминается в перечне безвотчинных монастырей Заонежских погостов². В ней стояла одна деревянная церковь Пресвятой Троицы, а за монастырской оградой располагался небольшой скотный двор. В 1680-е годы Курженская пустынь, чьи насельники выступали против новых обрядов, была разорена во время карательных экспедиций, проведенных московским правительством по северу России³. После разгона старообрядцев мужская обитель была населена новыми иноками и просуществовала до середины 1760-х годов. По данным монашеской переписи 1722 года, в ней подвизались четыре брата: строитель Пахомий, старцы Никандр, Макарий и Моисей⁴. В фонде Комиссии подполковника Ингерманландского пехотного полка Якова Дурново о состоянии монастырей Новгородской епархии хранится более поздняя ведомость монахов «Водлозерского стану Андогского погоста Троицкой Курженской пустыни» за 1738 год. Согласно этому документу, монашескую общину из четырех человек по-прежнему возглавлял монах Пахомий⁵. В конце XIX века на месте бывшего мо-

¹ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. С. 270; Барсов Е. В. Алфавитный указатель... С. 16; Старицын А. Н. Курженская пустынь...

² Старицын А. Н. Писцовые и переписные книги как источник по истории монастырей Карелии XVII в. // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 138.

³ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб., 1872. Т. 12. С. 319–321.

⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 80. Л. 27.

⁵ РГАДА. Ф. 311. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 а.

настыря в однодворной деревне Куржинская пустынь стояла старинная Троицкая часовня. Недалеко от нее находился приходский храм с тем же посвящением, построенный в 1893 году¹.

Троицкий Юрьегорский монастырь. На территории Рождественского Водлозерского погоста с конца первой четверти XVII в. существовал Троицкий Юрьегорский монастырь. Его основал уроженец села Турчасово Диодор Юрьегорский на реке Онега, на западном берегу Юрьева озера в пустоши Юрьева гора. Незадолго до своей кончины при помощи влиятельного келаря Александро-Троицкого монастыря Александра Булатникова, который пользовался особым покровительством царской семьи Романовых, старец Диодор успел получить в 1632 г. жалованную грамоту от царя Михаила Федоровича. Первыми земельными приобретениями по челобитью монахов стали три пустоши на оброке на озерах Носовское и Лузское. После смерти основателя Юрьегорский монастырь получает во владение по царским жалованным грамотам еще несколько поселений: деревню Колгачева Гора на реке Илекса; бывшую опричную деревню Есиповская на острове Колгостров в центре Водлозера; на условиях оброчного содержания пустошь «что была деревня на Гольей горе». В последующее время монастырская вотчина не увеличивалась. Юрьегорский монастырь не стал значительным землевладельцем: в конце XVII в. он имел десять крестьянских дворов². Разброс монастырских владений на значительной территории объясняется оазисным характером расположения пригодных для обработки земель среди болот и лесов Водлозерского края.

За первое столетие существования обители сложился комплекс деревянных построек. Две церкви были возведены на самом высоком участке холма. Скромная землянка Диодора Юрьегорского находилась на крутом обрыве над Юрьевым озером, а братские кельи – на берегу озера «под горою». Хозяйственные постройки располагались на южном пологом склоне холма, в удалении от храмов. Монашеская традиция требовала, чтобы коровники и конюшни стояли за

¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 108/2229. Л. 71–76 об.

² Кожевникова Ю. Н. Троицкий Юрьегорский монастырь и Юрьегорский приход. // Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь. СПб., 2017. С. 60–61.

монастырской оградой, чтобы не осквернять церкви присутствием домашней скотины, неприятными запахами и нечистотами.

Расположение Юрьегорского монастыря в труднодоступном месте, идеально подходившем для монашеских подвигов, в то же время лишало его монахов постоянного притока «милостыни христолюбцев». Они хозяйствовали на земле так же, как крестьяне в соседних деревнях. Вместе с трудниками сами пахали скудную землю, отведенную им при Юрьевой горе, засевали ее ячменем и овсом. В переписи 1646–1647 годов прямо указывается, что «слуг и детенышев¹ у них нет».

Юрьегорский монастырь в XVII веке владел несколькими озерами. Ближайшими были Юрьево и Заднее, соединенные речкой Новой. Вниз по течению Илексы находились еще два озера – Лузское и Нельмозеро – с их ручьями. «На монастырский обиход» монахи круглый год ловили щуку, леща, судака, плотву, окуня, сига. Про Юрьево озеро в писцовой книге 1628–1631 годов указывалось, что «рыба в нем ловитца мелкая»². Очевидно, таким образом московские писцы подчеркнули, что здесь не водились ценные промысловые породы, такие как осетровые или лососевые.

Итак, мужские монастыри Водлозерского стана, располагавшиеся в бездорожном и редконаселенном таежном крае, существовали в суровых климатических условиях. Заболоченные и неплодородные почвы, обедненные минеральными веществами, не позволяли подвизавшимся в них монахам активно развивать земледелие. В писцовых и переписных книгах XVI–XVII веков говорится о небольших размерах работанной пашни. Скудные северные земли требовалось постоянно удобрять, что обусловило развитие животноводства в монастырях, каждый из которых имел «скотские» или «коровьи» дворы, владел сенными покосами. Тонкий почвенный слой не нуждался в глубокой вспашке, поэтому основным сельскохозяйственным орудием для обработки пашни у монахов была традиционная для северного крестьянского хозяйства «соха с присошником», а не плуг. Выращенный хлеб убирался серпами, а трава скашивалась косами-«горбушами» с короткими изо-

¹ Детенышами называли монастырских наемных работников и осиротевших детей, живших на обеспечении обители.

² Исторические и юридические акты Олонецкого края. Список с писцовой книги 136 и 137 (1628–1629) годов. // Олонецкие губернские ведомости. 1851. № 1. С. 3.

гнутыми ручками. Благодаря небольшому размаху такая коса позволяла выкашивать неровные кочковатые и каменистые участки. Важным видом хозяйственной деятельности всех рассмотренных монастырей было рыболовство в ближайших водоемах. Озерная и речная рыба являлась одним из главных продуктов питания в монастырях. Вместе с квасом, грубым хлебом и рубленой репой в обычные дни она составляла основу монастырского стола, поэтому монахи постоянно занимались рыбной ловлей для «пропитания братии».

Муромский и Юрьегорский монастыри, имевшие вотчинные деревни, своими силами возрождали обезлюдевшие пустоши, переданные им во владение; монахи и монастырские работники возобновляли полевые работы на заброшенных пашенных землях, которые ранее возделывали крестьяне. Чернецы бережно использовали пожалованные им лесные угодья: рубили строевой лес для возведения церквей, жилых и хозяйственных построек, запасали дрова на зиму. Курженская и Рогозерская пустыни были вовлечены в процесс освоения территории Водлозерского стана в небольшой степени, так как принадлежали к числу безвотчинных обителей и владели крошечным количеством ненаселенной земли, возделанной монахами «под огороды».

Подавляющее большинство монахов, подвизавшихся в местных обителях, – это вчерашние крестьяне, с детства привычные к тяжелому сельскохозяйственному труду. Северные монастыри придерживались правил общего жития, согласно которым основой жизни иноков были совместные молитва и труд на общее благо обители. Как видно из житийной литературы, святые отцы-основатели постоянно призывали братию усердно трудиться на полученных от царя землях, ловить рыбу в отведенных им водоемах. Труд воспринимался не как простое добывание хлеба насущного, а как служение Богу, способ внутреннего совершенствования человека и укрепления братских взаимоотношений в монашеской общине. Упорная физическая работа, направленная на использование окружающей среды, удерживала монахов в аскетическом напряжении. Такое понимание труда через духовное обновление личности в сочетании с ведением натурального хозяйства приводило к социально-экологическому преобразению окружающей природы.

Иподиакон
АЛЕКСЕЙ Красиков

проректор по научно-
методической работе
Вологодской духовной
семинарии



МАЛЫЕ МОНАСТЫРИ ВОЛОГДЫ В XVII в.

Интерес к истории монастырей сохраняется в отечественной историографии на протяжении более двух столетий, за столь длительный период ракурсы и цели исследования феномена монастыря неоднократно менялись. В результате накоплен огромный историографический и источниковедческий материал по истории монастырей и монашества различных исторических периодов. Неоднократно в отечественной науке предпринимались попытки обобщения исследовательских результатов по истории монастырей и монашества¹. При этом общее количество православных обителей, существовавших на территории Российского государства в различные исторические периоды, столь велико, что исследовательский потенциал этого проблемного поля не будет исчерпан еще долгое время.

¹ Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. [Отв. ред. Н. В. Сеницына]. М.: Наука, 2002.

В современной исторической науке наметилась тенденция к изучению феномена малого монастыря¹. К этой категории можно отнести значительную массу монастырей России в XVII в. Если ориентироваться на «Роспись 170 (1661) году, какова взята из Монастырского приказу за дьячьёю приписью, сколько за всеми монастырями крестьянских дворов», как на источник официальных сведений о землевладении монастырей, то в число малых (владение до 25 дворов) в Вологодском уезде попадает 7 из 22 упомянутых монастырей, в Белозерском – 4 из 8, на Двине – 5 из 9².

При этом весьма специфическую категорию православных монастырей составляют городские обители. Многие из них в качестве важного источника своего существования имели ругу, при этом размер земельных владений мог быть минимальным или нулевым.

В рамках данной статьи предпринимается попытка анализа источников по истории городских монастырей XVII в. на примере Вологды. Выбор Вологды в качестве географического объекта рассмотрения обусловлен рядом факторов. Во-первых, в результате активизации торговли со странами Западной Европы во второй половине XVI–XVII в. по Сухоно-Двинскому торговому пути, Белому и Баренцеву морям Вологда стала одним из крупнейших городов Московского государства. Во-вторых, формирование на территории Вологодского и сопредельных с ним уездов сети больших и малых монастырей («Русской Фиваиды на Севере») привело к активному развитию различных форм монашества, в том числе и городского монастыря как особого социокультурного феномена. Наконец, в-третьих, Вологодская архиерейская кафедра имеет достаточно хорошо сохранившийся комплекс документов, позволяющий анализировать различные аспекты жизни монашества.

Древнейшим монастырем Вологды следует считать Троице-Кайсаров монастырь (Герасимову пустынь), упоминаемую в житии

¹ См., например: Пономарев Д., свящ. Малые монастыри Русского Севера: к постановке проблемы. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 80–91.

² Роспись 170 (1661) году, какова взята из Монастырского приказу за дьячьёю приписью, сколько за всеми монастырями крестьянских дворов. // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. С. 401–422.

преподобного Герасима Вологодского под 1147 г.¹ Традиционно ее основание считается первым упоминанием о городе, а ее основатель – преподобный Герасим Вологодский – святым покровителем города. О том, сколь долго просуществовал монастырь, однозначных исторических данных нет. В окладных книгах XVII в. (начиная с 1618 г.) упоминается приходская церковь с белым духовенством². Однако традиционно в краеведческой литературе эта обитель входит в число городских монастырей.

Крайне скудные сведения находим о Воздвиженском монастыре в Вологде. В Писцовой книге Вологды 1626–1628 гг. приведено следующее его описание: «Монастырь Воздвиженской, а на монастыри церковь Воздвижение честного креста да предел преподобного Дионисия Глушицкого. Другая церковь преподобного Онофрея великого да Ионы митрополита, московского чудотворца, обе деревянные клецки, а в церквах божие милосердие образы, и книги, и ризы и всякое церковное строенье – мирское, а у церквей служить черной поп Леонид; да на монастыре ж 5 келей, а в них живут старцы, питаются от церкви божией; в длину монастыря 30 сажен, поперек 45 сажен»³. На этом описании основана информация в справочнике Зверинского⁴. Из описания видно, что монастырь не имел никакой земельной собственности, торговых лавок, руги. Единственный источник его существования – осуществление богослужebной и поминальной практик. Строев упоминает всего о двух настоятелях этого монастыря: Гермогене под 1663 годом и Ионе под 1671 годом⁵. К этому перечню следует добавить, как минимум, еще два имени. Упомянутый в писцовой книге 1626–1628 гг. поп Леонид, по всей видимости, возглавлял монастырь до 1635 г., когда

¹ Васильев Ю. С. «Повесть о чудесах» Герасима Вологодского. // Вологда. Краеведческий альманах / гл. ред. М. А. Безнин. Вологда: Русь, 1997. Вып. 2. С. 601–619.

² Суворов Н. И. Преподобный Герасим, Вологодский чудотворец и Троицкий Кейсаровский, основанный им, монастырь. // Вологодские епархиальные ведомости. 1868. № 5. С. 116.

³ Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Вологда, 2018. Т. 3. С. 135.

⁴ Зверинский, В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. № 1495.

⁵ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 769.

указом царя был отстранен от настоятельства¹. В процессе передачи власти новому настоятелю монастыря Дионисию было составлено единственное известное на сегодняшний день подробное описание монастыря².

Об игумене Воздвиженского монастыря Гермogene известно, что он был духовником вологодского архиепископа Маркела. Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома 1662–1663 гг. сообщает, что 15 марта 1663 года архиепископа Маркела «в немощи соборовали маслом» игумены ряда монастырей и священники Софийского собора³. Статус духовника правящего архиерея ставил игумена Воздвиженского монастыря в один ряд с игуменом крупнейшего пригородного Спасо-Прилуцкого монастыря.

Косвенное упоминание о запустении Воздвиженского монастыря находим в документах коллекции столбцов Государственного архива Вологодской области. На обороте документа, датированного 1660–1661 гг. сохранился черновик «сказки» о пожнях Воздвиженского монастыря в Вологде на посаде, перешедших в вотчину Софийского дома и др. владельцев, когда монастырь стал «пуст»⁴. Пожни Воздвиженского монастыря продолжают фигурировать в делопроизводстве 1670-х гг., но далее следы монастыря теряются. Указать точное время упразднения обители на данный момент не представляется возможным. Н. И. Суворов указывает на упоминание Воздвиженского монастыря в окладной книге 1711 г., отмечая, что более поздних сведений ему не известно⁵.

Значительно большее количество источников сохранилось о деятельности Ильинского монастыря на Верхнем посаде в Вологде. Тра-

¹ Указ царя Михаила Федоровича архиепископу Варлааму об отставке от игуменства за дряхлость и слабоумие игумена Воздвиженского монастыря Леонида. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–2.

² Опись имущества Воздвиженского монастыря, принятого новым игуменом Дионисием (икон, облачений, книг, утвари, колоколов). ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–6.

³ Башнин Н. В. Хозяйственные книги вологодского архиерейского дома святой Софии XVII – начала XVIII в. М.; СПб., 2018. С. 187.

⁴ Сказка о пожнях Воздвиженского монастыря в Вологде на посаде, перешедших в вотчину Софийского дома и др. владельцев, когда монастырь стал «пуст». ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1807. Л. 1 об.

⁵ Суворов Н. Воздвиженский мужской монастырь, бывший в г. Вологде. // Вологодские епархиальные ведомости. 1866. № 15. С. 697.

диционно основание этой обители относится к периоду проживания в Вологде царя Ивана Васильевича Грозного. М. С. Черкасова в качестве древнейшего актового источника по истории Ильинского монастыря указывает несохранившуюся жалованную ружную грамоту Ивана IV на содержание 23 монахов из доходов Вологодской таможенной избы, датируемую 1567/68 гг.¹ Подтверждение данной руги (правда без ссылки на грамоту) находим и в писцовой книге 1626–1628 гг.² Помимо государственной руги источниками существования монастыря были пожни и торговые лавки. Писцовая книга 1626–1628 гг. упоминает 6 монастырских пожен, указывая, что они «истари монастырские»³. Упоминаются пожни Ильинского монастыря и для идентификации земельных владений церкви святителя Николая Великорецкого в Вологде. Традиционно для делопроизводства того времени писцы указывают смежные участки, один из которых принадлежит Ильинскому монастырю: «да у тоеж церкви в Вологодском уезде четыре пожни: пожня на реке на нижней Сухоне на дикой стороне; с верхнюю сторону в межах Ильинского монастыря пожня, а с нижнюю сторону пожня Никольская Озерского монастыря»⁴.

Как и другие обители, Ильинский монастырь владел лавками в городе Вологде. В 1626 г. писцы фиксируют в Шапочном ряду «лавку Ильинского монастыря игумена Серапиона, а наперед тово была архиепископля крестьянина Максимка Гаврилова сына соляника, по лицу 2 сажени, владеет по купчей 130 г., оброку 4 алт. 2 д.»⁵. В непосредственной близости от этой лавки (между Шапочным и Серебряным рядами) зафиксирован амбар того же монастыря: «Амбар Ильинского монастыря по лицу пол-третьн сажени, а Ильинского монастыря Игумен с братьею почему владеют – никаких крепостей не положили и сказки не принесли, об-

¹ Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда. 2012. С. 420.

² Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Вологда, 2018. Т. 3. С. 122.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 49.

року 3 алт.»¹. Логично предположить, что здесь имеет место быть единый торговый комплекс, приобретенный монастырем в 1620-е гг. Несколько ранее Ильинскому монастырю был пожалован еще один торговый комплекс, расположенный на одном из лучших мест в городе: на Большой Проезжей улице. «Две лавки кресцовыя на два лица Ильинского монастыря, что на посаде, в длину 5 саж. без чети, попер. пол-пяты саж., владеет Ильинского монастыря игумень с братьею по грамоте великие государыни Марфы Ивановны за приписью дьяка Богдана Кашкина 124 г.» Из описания видно, что данные торговые места были пожалованы монастырю инокиней Марфой (Ксенией Ивановной Романовой), матерью царя Михаила Федоровича Романова.

Строев упоминает о 8 игуменах (строителях), возглавлявших Ильинский монастырь в XVII веке². Данные коллекции столбцов Государственного архива Вологодской области позволяют дополнить этот перечень. 1640-ми годами следует датировать челобитную архиепископу Маркелу келаря Никольского монастыря, «что на Комельском озере», старца Варлаама, «всей братии, служек и служебников» о переводе в их монастырь игумена Ильинского монастыря Авраамия на место переведенного в Спасо-Прилуцкий монастырь игумена Феодосия³. Из документа следует, что челобитчикам в переводе игумена было отказано. Тот же игумен Авраамий упоминается в документе 1649 г. Пономарь Ильинского монастыря Корнил жалуется на избиение его поленом, обидчиком назван игумен Авраамий⁴. При этом у Строева под 1646 годом упомянут игумен Павел⁵. Игумен Павел упоминается и в указной грамоте царя Алексея Михайловича на Вологду таможенному и ка-

¹ Там же. С. 52.

² Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 769.

³ Челобитная архиепископу Маркелу келаря Никольского монастыря, что на Комельском озере, старца Варлаама, всей братии, служек и служебников о переводе в их монастырь игумена Ильинского монастыря Авраамия на место переведенного в Спасо-Прилуцкий монастырь игумена Феодосия. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 420. Л. 1–1 об.

⁴ Словесная челобитная ильинского пономаря Корнила о том, что игумен Ильинского монастыря Авраамий избил его поленом. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 793. Л. 1.

⁵ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 769.

бацкому головам Дмитрию Резанову и Семену Елезову о выдаче годовой руги Ильинскому монастырю¹.

Еще один игумен – Феодосий – упоминается в 1689 г. И опять речь о переводе игуменов из одного монастыря в другой. Челобитную архиепископу Гавриилу подает казначей Духова монастыря старец Филарет «с братией», он просит о переводе к ним в игумены Феодосия из Ильинского монастыря, т. к. их игумен Исая переведен в Подольный монастырь². Как и в предшествующем случае, от архиерея был получен отказ. По всей видимости, тот же Феодосий является фигурантом челобитной старца Спасо-Прилуцкого монастыря Сергия Белоусова от 26 июня 1676 г. о незаконном завладении его имуществом³. Подтверждается период его игуменства и челобитной архиепископу Симону от 1678/79 гг.⁴

Кроме того, данные коллекции столбцов позволяют уточнить время игуменства некоторых настоятелей, упомянутых у Строева. Так игумен Иона, указанный Строевым под 1652 годом, является ответчиком по судному делу 1654 года, что позволяет уточнить период его игуменства в Ильинском монастыре⁵. Аналогично можно уточнить и время игуменства Гурия, который упомянут у Строева в январе 1690 г. Он упомянут в челобитной священника Ильинского монастыря Якова, датированной 1694/95 гг.⁶

¹ Евдокимов И. В. Два памятника зодчества в Вологде. Вологда, 1922. С. 16.

² Челобитная архиепископу Гавриилу казначей Духова монастыря старца Филарета с братией о переводе к ним в игумены Феодосия из Ильинского монастыря, т. к. их игумен Исая переведен в Подольный монастырь. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 8095.

³ Челобитная архиепископу Симону старца Спасо-Прилуцкого монастыря Сергия Белоусова на игумена Ильинского монастыря Феодосия, завладевшего его имуществом. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 4677.

⁴ Челобитная архиепископу Симону игумена Ильинского монастыря Феодосия с братией на посаде г. Вологды о том, что архиепископский казначей требует с них деньги «за золотые», а у них нет ни вотчин, ни крестьян, ни торгов, и дать нечего. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5117. Л. 1.

⁵ Судное дело по челобитной старца Александровой пустыни Митрофана о взыскании с игумена Ильинского монастыря Ионы долга по заемной кабале. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1241. Л. 1–4.

⁶ Судное дело по челобитной архиепископу Гавриилу вологжанина посадского человека Мирона Иванова сына Рожина на крестьян деревень Спасского и Максимовского Лежского волока Ивана Федорова сына Ерша и Степана Васильева, которые заняли у него деньги, а в кабале написали другие имена и деревни. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 9545.

И. В. Евдокимов связывает начало оскудения Ильинского монастыря с кончиной его главного ктитора первой половины XVII в. – вологодского купца Кондратия Акишева¹. Документально информация о «скудости церковных доходов» фиксируется во второй половине XVII столетия. Так, в 1685 г. церковный староста Аввакум Васильев сын Рыбин и прихожане Ильинской церкви Ильинского монастыря «с посада» г. Вологды сообщают архиепископу Гавриилу об отсутствии в церкви дьякона из-за скудости церковных доходов². Более подробное исследование о деятельности купцов Акишевых в Ильинском монастыре предпринято А. Л. Грязновым³.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о достаточно неустойчивом развитии малых городских монастырей Вологды в XVII в. Не имея четкой экономической базы в форме земельных владений, заселенных крестьянами, промыслов и тому подобного, обители зависели от нестабильных внешних факторов, таких как государственная руга, пожалования отдельных ктиторов, торговая конъюнктура. В итоге далеко не все православные монастыри смогли пережить это непростое время.

В качестве приложения к данной статье считаем целесообразным привести публикацию ряда актов, иллюстрирующих жизнь Ильинского монастыря в Каменье в XVII в. Все документы хранятся в коллекции столбцов Государственного архива Вологодской области и публикуются впервые.

№ 1

Челобитная архиепископу Маркелу келаря Никольского монастыря, что на Комельском озере, старца Варлаама, всей братии, служек и служебников о переводе в их монастырь игу-

¹ Евдокимов И. В. Два памятника зодчества в Вологде. Вологда, 1922. С. 16–18.

² Челобитная архиепископу Гавриилу церковного старосты Аввакума Васильева сына Рыбина и прихожан Ильинской церкви Ильинского монастыря с посада г. Вологды об отсутствии в церкви дьякона из-за скудости церковных доходов. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6986. Л. 1.

³ Грязнов А. Л. Торговая компания Акишевых в конце XV–XVIII в. // Хозяйственные книги вологодского архиерейского дома святой Софии XVII – начала XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2018. С. 768–914.

мена Ильинского монастыря Авраамия на место переведенного в Спасо-Прилуцкий монастырь игумена Феодосия.

(Л. 1) Государю преосвященному Маркелу архиепископу Вологодскому и Великопермскому бьют челом богомольцы государевы да и твои святительские Вологодцкого уезда Никольского монастыря что на Комельском озере келарь старец Варлам да казначей старец Ефросим и вся братья Никольского монастыря и служки и служебники и вотчинные крестьяне. В нынешнем государь во 153-м году в сентябре в 8 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу и по грамоте взят от нас из Никольского монастыря игумен Феодосей Вологодцкого уезда в Спаской Прилуцкой монастырь в ыгумены и нам государевым богомольцем, да и твоим жити без игумена невозможно. И мы богомольцы били челом государю на Москве о игумене Авраамие Ильинского монастыря чтоб государь пожаловал нас богомольцов своих и велел бы игумену Аврамию у нас в Никольском монастыре в ыгуменах быти. И нас богомольцов своих государь пожаловал: в нынешнем, государь, во 153-м году генваря в 13 день прислана государева царева и великого князя Михаила Федоровича Всея Руси грамота на Вологду к стольнику и воеводе ко князю Ивану Семеновичю Прозоровскому да к дияку к Стефану Угодцкому за приписью дияка Ивана Федорова и велено по той ево государеве грамоте стольнику и воеводе князю Ивану Семеновичю Прозоровскому да дияку Стефану Угодцкому взять с Вологды из Ильинского монастыря игумена Авраамия и послати ево игумена Авраамия к нам в Никольской монастырь в ыгумены и велено на игумена Авраамия Никольской монастырь со всяким строеньем отписать всеимянно и приказати игумену Аврамию в Никольском монастыре промеж братьею и служками и служебники и вотчинными крестьяны роспрос да чинити и монастырь строити. Умиловивися, государь преосвященный Маркел архиепископ Вологодцкий и Великопермский, пожалуй нас государевых богомольцов да и своих, благослови с Вологды из Ильинского монастыря игумена Авраамия к нам в Никольской монастырь в ыгумены и вели, государь, свою святительскую настольную грамоту дать в Никольской монастырь игумену Аврамию, государь, смилуйся пожалуй.

ГАВО. Ф. 1260 Оп. 1 Д. 420.

№ 2

Челобитная архиепископу Маркелу Константина Лихачева из Москвы о приеме 30 руб. на строительство церкви Варлаама Хутынского в Ильинском монастыре, где похоронены его родители.

(Л. 1) Великому государю преосвященному Маркелу архиепископу Вологодцкому и Белозерскому Костя Лихачев челом бьет. Буде государь спасен на многие лета. Слышал я, государь, что ты веру держиш в Ильинском монастыре к Илье пророку и хочеш ты, государь, воздвигнути храм преподобного Варлаама Хутынского. А мои родители тут лежат в монастыре и ты, государь, великий святитель, пожалуй, прими от моего грешнова дому подание в храм на строение тридцат рублей к прежнему моему поданию и вели, государь, ко мне убогому к Москве отписать кому велишь деньги принять.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 506.

№ 3

Челобитная архиепископу Симону игумена Ильинского монастыря Феодосия с братией на посаде г. Вологды о том, что архиепископский казначей требует с них деньги «за золотые», а у них нет ни вотчин, ни крестьян, ни торгов, и дать нечего.

(Л. 1) Государю преосвященному Симону архиепископу Вологодцкому и Белозерскому бьет челом с Вологды с посаду Ильинского монастыря игумен Феодосий з братьею. Прошает у нас царских богомольцов и твоих святительских на твой архиепископлев двор казначей старец Никон по твоему благословению за золотые на нынешней на 137-й год, а у нас богомольцов твоих нет ни вотчин, ни крестьян, ни торгов, дати нам, государь, нечево. Государь преосвященный Симон архиепископ Вологодцкий и Белозерский, смилуйся пожалуй.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5117.

№ 4

Челобитная архиепископу Гавриилу старост и крестьян разных вотчин и поместий Васьяновской вол. Вологодского у., прихожан церкви преподобного Васьяна чудотворца, о выдаче ильинскому священнику с посада г. Вологды Иакову пере-

хожей грамоты для службы в их церкви и об отказе Дмитрию Иванову сыну Попову из Петряевской вол., выбранному малым числом прихожан.

(Л. 1) Государю преосвященному Гавриилу архиепископу Вологодскому и Белозерскому бьет челом сироты Вологодского уезду Васьяновские волости храма преподобного чудотворца Васиана прихожане стольника Федора Федоровича Еропкина крестьяне Емелка Екимов, Ивашко Аврамов, Анашка Прокопьев, Сенка Кондратьев, Никитка Кондратьев, Дорофейко Федотов, Федка Дмитриев, Михалка Феофилактов, Никитка Фомин, Гришка Панфилов, Ерофейко Семенов, Савка Емельянов, да стольника Василья Андреевича Палицына староста Ларка Матфеев да крестьяне Алешка Еремеев, Федорко Емельянов, Фомка Амосов, да стольника Стефана Юрьевича Митусова староста Устинко Никитин, да стольника Ивана Васильевича Бегичева староста Гурейко Прохоров, Ипполитко Прохоров, да стольника Андрея Тимофеевича Жемчужнова крестьяне Никитка Григорьев, Венедитко Григорьев, да стольника Семена Елизарьевича Жукова крестьяне Тихонка, Семенко Власьев, Федорко Григорьев, да стольника Никиты Еремиевича Пятова староста Григорейко Артемьев, Ивана Яковлевича Пустобоярова староста Василейко Иванов, Козмы Тарасьевича Гурьева крестьяне Петрушка да Бориско Григорьевы да Самсона Ивановича Маманыхова староста Стефанка Семенов да Воина Федоровича Протасьева крестьяне Ивашко Киролев, Дементья Родионовича Мельникова староста Стефанко Филипов, Леонтья Кондратьевича Мельникова староста Гаврилко Михеев и все старосты и крестьяне Васильяновского приходу благословил ты, государь архиерей божий, и послал к нам Васьяновскою волость ко храму преподобного чудотворца Васиана с Вологды с посаду Ильинского попа Якова к нам. Он поп Яков по твоему архиерейскому благословению люб и прежней он наш и отец духовны а что, государь, выбор дали Петряевские волости Дмитрею Иванову сыну Попову дворяна Назарей Иванов сын Пестриков да Еремей Дмитриев сын Мельников немногими людьми и руки имали сильно, а иных и били в трапезе в церкви на (Л. 2) раде, а многи людей писали заочно для своей бездельной корысти и челобитчики с ним пошли без нашего мирского совету на купные и в том что ты, государь святитель, укажешь, а двум, государь, у нас попам сытым быть не у чево потому

что многие деревенишка опустели и в мир розбрелись. Умилившись, государь преосвященный Гавриил архиепископ Вологодцкий и Белозерский, пожалуй нас сирот, благослови, государь, к нам ко храму преподобного чудотворца Васияна прежнего отца нашего духовного Ильинского попа Иякова и вели, государь, дать ему попу Иякову свою архиерейскую переходную грамоту, государь святитель, смилуйся пожалуй.

(Л. 2 об.) К сей челобитной преображенской поп Михаил вместо старост и крестьян, кои в сей челобитной имяны писаны по их велению.

К сей челобитной стольника Семиона Елизарьевича Жукова крестьянин Андрюшка Афонасьев вместо Тихана Власьева по его велению руку приложил.

К сей челобитной стольника Семена Елизарьевича Жукова крестьянин Алешка Матфеев вместо Григорья Артемьева по его велению руку приложил.

К сей челобитной Алешка Терентьев руку приложил.

К сей челобитной стольника Данила Ивановича Титова староста Петрушка Осипов (?) руку приложил.

К сей челобитной Ефремко Иванов руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6872.

№ 5

Челобитная архиепископу Гавриилу церковного старосты Аввакума Васильева сына Рыбина и прихожан Ильинской церкви Ильинского монастыря с посада г. Вологды об отсутствии в церкви дьякона из-за скудости церковных доходов.

(Л. 1) Государю преосвященному Гавриилу архиепископу Вологодскому и Белозерскому бьет челом сироты вологжана посадские люди Ильинского монастыря прихожана церковной староста Аввакушка Васильев сын Рыбин, Игнашко Прокопьев сын Акишев, Илюшка Яковлев сын Пудов, Мишка Елизаров сын Акишев, Ивашко Титов сын Акишев, Прохорко Дмитриев сын Шапошник, Петрушка Захаров и все приходския люди. В прошлом, государь, году изволили ты, государь святитель Ильинского дьякона посвятить во священники и по твоему, государь, благословению церковь божия у священника бес пения никогда не бывала. А ныне, государь, вестно нам

учинилось, что бьет челом тебе государю Семигородныя пустыни строителей сын к нам в Ильинской монастырь во дьяконы. А у нас, государь святитель, место священное и безприходное и одному попу с пономарем половиною доходом кормитца с великою нужною. А дьякону, государь, быть не у чево, кормитца будет нечем всем будет ходить в мире. Умилостивися, государь, преосвященный Гавриил архиепископ Вологодцкий и Белозерский, пожалуй нас, сирот, вели, государь, быть по прежнему одному священнику без дьякона, потому что кормитце будет нечем. Государь святитель, смилуйся, пожалуй.

(Л. 1 об.) К сей челобитной Авакумко Рыбин руку приложил.

К сей челобитной Илейко Пудов руку приложил.

К сей челобитной Ивашко Титов и вместо Михаила Елизарова по ево велению руку приложил.

К сей челобитной Прохорко Дмитриев и вместо Петрушки по ево велению руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6986.

ЛАУШКИН
Алексей Владимирович
доцент МГУ, кандидат
исторических наук



НАВИГАЦИОННЫЕ КРЕСТЫ НА СОЛОВКАХ: XVI – НАЧАЛО XX в.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что русское мореплавание на Севере Европы имело глубокие, уходящие в эпоху Средневековья исторические корни. Русские мореходы не только успешно приспособляли свою судостроительную и морскую практику к суровым условиям края и прокладывали дальние маршруты в акватории Ледовитого океана¹, но и использовали разнообразные навигационные приемы, включая ориентирование по естественным и рукотворным объектам. Среди последних особое значение имели приметные деревянные кресты. Некоторые из таких крестов устанавливалась специально для маркирования морского пространства (особенно

¹ Визе В. Ю. Моря Российской Арктики. Очерки по истории исследования. М., 2008. Т. 1. С. 19–84; Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 21–224; Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. М., 2001. Т. 2: Россия и Северо-Восточный проход. М., 2001. С. 25–105; и др.

это очевидно для крестов, воздвигнутых на подводных опасностях, фланкировавших узкие проходы или являвшихся элементами створных знаков). Другие появлялись на морских берегах по иным причинам (в качестве поклонных, памятных и т. д.), но оказывались удобными ориентирами для моряков и включались ими в число приметных объектов, необходимых для прокладки курса.

В настоящем сообщении я хочу суммировать и несколько расширить свои наблюдения (представленные ранее в нескольких статьях¹) о бытовании таких крестов на Соловецких островах. Выбор данного региона неслучаен. Уже с XVI в. располагавшийся на Соловках монастырь (вместе с принадлежавшей ему разветвленной хозяйственной инфраструктурой на материке) превратился в важнейший центр развития традиционного мореплавания в регионе. Благодаря деятельности соловецкой братии и монастырских крестьян происходило аккумулирование морского опыта обитателей Поморья, и вырабатывались новые, передовые для своего времени, формы морского хозяйства. Уже к середине XVII в. монастырь обладал крупнейшим в России торгово-промысловым флотом², нормальное функционирование которого было невозможно без со-

¹ Лаушкин А. В. О соловецких навигационных крестах XVI века. // Север и история: Материалы международной историко-краеведческой конференции «Четвертые Феодоритовские чтения». Город Кандалакша — село Варзуга, 11–14 августа 2011 года. Мурманск; СПб., 2012. С. 254–256; Он же. Морские Ворота в соловецкой бухте Благополучия. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах Архангельск; М., 2020. Вып. 19. С. 69–73; Он же. Навигационная роль приметных крестов в Троицкой губе острова Анзер (XVIII – начало XX в.). // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней: Сборник докладов научной конференции. Соловки, 7–12 сентября 2020 г. Архангельск, 2020. С. 410–416; Он же. Мореходное значение крестов в «малых заливах» Соловецкого архипелага (XVIII – начало XX в.). // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 20. (В печати.); Лаушкин А. В., Аксютин-Лаушкина В. В. Навигационное значение деревянных крестов в Соловецком заливе по официальным лоциям XIX – начала XX века. // Историко-культурное и духовное наследие Соловков: Сборник докладов научной конференции. Соловки, 2018. С. 131–133.

² Богомазова А. А. Морской флот Соловецкого монастыря в XVI в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 5. С. 5–11; Она же. Использование крупных морских судов в хозяйстве соляных промыслов Соловецкого монастыря в конце XVI – первой четверти XVII в. // Клио. 2017. № 12 (132). С. 105–114; Она же. Состав монастырского флота Соловецкого монастыря в XVI–XVII в. // Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения. Международная научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина, Москва, 7 апреля 2015 г.: Доклады, статьи и воспоминания. М., 2017. С. 219–226.

ответствующего навигационного обеспечения. Крупное морское хозяйство (в котором со второй половины XIX в. появились и пароходы) сохранялось у островной обители и далее – вплоть до ее закрытия в 1920 г. Все это объясняет особую значимость соловецкого материала для понимания морской истории Поморья.

Как позволяют установить сохранившиеся данные конца XVI – начала XX в., приметные кресты на берегах Белого и Баренцева морей имели четыре главные навигационные функции: 1) дальнего опознавания географических объектов; 2) прокладки курса в узкостях; 3) обозначения удобных якорных мест; 4) маркирования подводных опасностей¹.

Самые ранние свидетельства о русских навигационных крестах в акватории Ледовитого океана принадлежат иностранным путешественникам. Уже в 1557 г. англичанин Стивен Барроу указал на важность креста, стоявшего на восточной оконечности Кольского полуострова напротив острова Вешняк (Белое море, район Трех Островов). Капитан порекомендовал ориентироваться на него для безопасного захода в защищенный от многих ветров пролив Трехостровская Салма: «держитесь направления на крест, стоящий на материке; в низкую воду вы получите 10 футов глубины и чистый песок (для постановки якоря. – А. Л.)»². Наиболее ценные данные о русских навигационных крестах XVI в. находятся в дневниках и на рисунках Херрита де Вейра и Яна Хейгена ван Линсхотена – участников голландских экспедиций, вошедших в историю с именем одного из их руководителей – Виллема Баренца (1590-е гг.). Анализ этих данных показывает, что крестами был маркирован кратчайший морской «ход» из Белого моря в Карское через пролив Югорский

¹ Старков В. Ф. Очерки истории... Т. 2. С. 90; Лаушкин А. В. Навигационные функции береговых крестов в поморских рукописных лоциях XVIII–XIX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятое чтение памяти акад. РАН Л. В. Милова. М., 2017. С. 324–327; Он же. «Крестъ на крестъ»: еще о навигационных крестах в поморских лоциях. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2018. Вып. 17. С. 78–80; Он же. Русские кресты XVI века на южных берегах Баренцева моря в записках Херрита де Вейра и Яна Хейгена ван Линсхотена: к вопросу о навигационном предназначении. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2019. С. 444–448; Лаушкин А. В., Аксютин-Лаушкина В. В. Навигационное значение... С. 131–133.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 118.

Шар, а также важнейшие пункты русского присутствия на Новой Земле¹. Один из крестов, зафиксированных голландцами, имел надпись, из которой следовало, что поставлен он был некими Березой и Федором Павловым в 1575 г.²

За несколько десятилетий до экспедиций Баренца – во времена игуменства на Соловках св. Филиппа (Колычева) (1543–1566), будущего митрополита Московского – Соловецкий монастырь начал стремительно наращивать свой флот и развивать систему его берегового обеспечения. По всей видимости, не позднее этого времени на Соловках стали появляться и первые рукотворные навигационные знаки, помогавшие мореходам миновать многочисленные подводные опасности при заходе в соловецкие бухты. Основание для такого предположения дает перечень свершений игумена Филиппа, помещенный в середине XVIII в. при архимандрите Геннадии (Дроздовском)³ в «Соловецком летописце» под 7069/1561 г. Среди прочего там отмечено, что игумен «у губы у ворот по сторонам кучи великия и высокия каменные дѣлалъ, да на нихъ кресты великие и высокие ставиль»⁴. Это монастырское предание хорошо согласуется с историческими реалиями середины XVI в., когда у монастыря резко возрос грузооборот с материком, и вследствие этого создавалась необходимая инфраструктура искусственной морской гавани и естественного закрытого рейда на Большом Заяцком острове. У Заяцких островов вставляли суда, неспособные из-за своей осадки безопасно зайти в монастырскую «губу» – бухту Благополучия. В такой ситуации вполне логично было позаботиться о том, чтобы оснастить мелководный (шлюпочный) фарватер, связывавший Большой Заяцкий остров с монастырем специальными навигационными знаками, среди которых могли быть и приметные кресты в районе морских Ворот – узкого прохода во внутреннюю часть бухты Благополучия между

¹ Старков В. Ф. Очерки истории... Т. 2. С. 84–90; Боярский П. В. Русский крест в сакральном пространстве Арктики. // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 130–165; Лаушкин А. В. Русские кресты XVI века...

² Вейр, Херит де. Арктические плаванья Виллема Баренца 1594–1597 гг. / Под общ. ред. П. В. Боярского. М., 2011. С. 211.

³ Автор благодарит Олега Витальевича Панченко, поделившегося этим выводом из своей новой работы, которая еще только готовится к печати.

⁴ Летописец Соловецкий на четыре столетия. М., 1847. С. 32.

мысом Батарейным на Большом Соловецком острове и островком Игуменским. Два креста в мощных засыпанных валуном ряжах, фланкирующих этот проход, фиксируются и другими источниками, правда, более позднего времени (начиная с конца XVII в.).

Еще одно возможное свидетельство раннего, уже в XVI веке, появления навигационных крестов в монастырской бухте содержит известная икона начала XVII в. «Обитель Соловецкая» из Третьяковской галереи (ГТГ № 12106). На ней кресты, изображенные на двух коргах (островках) в бухте Благополучия, композиционно обрамляют монастырские Святые врата, а между ними написано движущееся судно¹.

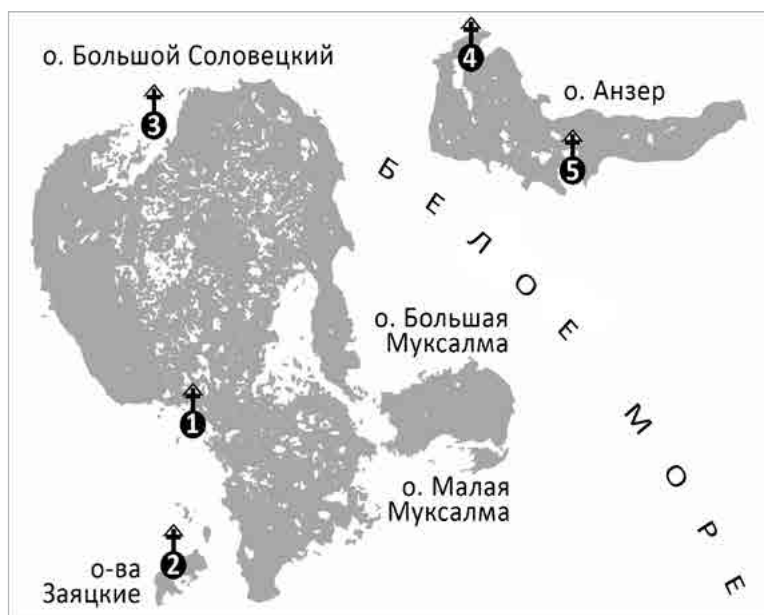
С конца XVII в. начинается череда уже бесспорных свидетельств существования на Соловках рассматриваемых знаков. Происходят эти свидетельства как из графических источников, так и из источников письменных. К графическим относятся соловецкие иконы и гравюры конца XVII – начала XX в., фотографии рубежа XIX–XX вв., а также живописные работы известного художника А. А. Борисова (1866–1934). К письменным – поморские рукописные и официальные печатные лоции. Самая ранняя редакция поморских лоций, по заключению И. Ю. Шундалова и М. А. Савинова, восходит, по всей видимости, к первой половине XVIII в., самая поздняя – ко второй половине XIX в.² Официальных лоций Белого моря в дореволюционный период вышло из печати две. Первая была подготовлена по материалам экспедиций 1827–1832 гг. знаменитым русским ученым-гидрографом М. Ф. Рейнеке³, вторая – под руководством гидрографа А. Н. Арского после проведения новых натурных изысканий, завершенных в 1913 г.⁴ К этим источникам следует добавить иллюстрированное описание памятников Соловец-

¹ Мильчик М. И. Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря в памятниках древнерусской живописи. // Архитектурно-художественные памятники... С. 247. Илл. 8. С. 255.

² Шундалов И. Ю., Савино М. А. Поморские лоции как исторический источник. // Соловецкое море. Архангельск; М., 2007. Вып. 6. С. 39–40 (авторы подчеркивают, что выводы относительно времени возникновения отдельных редакций носят предварительный характер).

³ Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание северного берега России. Ч. 1: Белое море. СПб., 1850.

⁴ Лоция Белого моря 1913 года. СПб., 1915.



Соловецкий архипелаг. Расположение деревянных крестов, имевших навигационные функции, по рукописным и печатным лоциям XVIII – начала XX в. Цифрами обозначены: 1 – гавань Благополучия; 2 – Заяцкий пролив; 3 – Сосновая губа; 4 – Троицкая губа; 5 – Капорская губа

кого архипелага, составленное в 1934 г. соловецкими заключенными К. П. Казариновым и А. А. Евневичем (ныне оно хранится в Музее истории ГУЛАГа, г. Москва); среди прочего авторы рукописи упоминают и «маячные кресты», располагавшиеся на различных мысах архипелага¹. Кроме того, на Соловках до нашего времени уцелели ряжи нескольких «морских» крестов (сами кресты в советское время были спилены), а также развалы камней на месте установки таких памятников.

Названные источники, не представляя картины изучаемого явления во всей полноте, тем не менее, содержат ценные сведения, по-

¹ Казаринов П. К., Евневич А. А. Историко-археологические памятники Соловецкого архипелага (вне Кремля). Рукопись. 1934. 278 лл. ГМИГ. КП-1759 Д-768. С. 3, 34–35, 85–98, 133, 237, 242, 272, 275–277.

звояющие проследить общую хронологию бытования и принципы размещения навигационных крестов на Соловках.

Как было сказано выше, в бухте Благополучия навигационные кресты начинают появляться, скорее всего, уже в середине XVI в., хотя твердые данные об этом относятся лишь к концу XVII в. Не позднее первой половины XVIII столетия кресты, использовавшиеся мореходами для ориентирования, возникают в Троицкой губе на острове Анзер, Сосновой губе на Большом Соловецком острове и в Заяцком проливе (между островами Большой и Малый Заяцкий). Не позднее второй половины того же столетия – в Капорской губе Анзера. Другими словами, уже в XVIII в. интересующие нас навигационные знаки существовали во всех основных бухтах архипелага, включенных в хозяйственную жизнь островной братии и обитавших на материке поморов-мирян.

Наиболее развитая система навигационных знаков с широким использованием крестов ожидаемо сложилась в бухте Благополучия, в глубине которой находится Соловецкий монастырь. Самым ранним бесспорным свидетельством существования навигационных крестов в этом районе является гравюра Василия Андреева, датированная 1686 г. На ней хорошо различим крест на корге (затопаемой в прилив мели) напротив Святых ворот обители¹. На гравюре того же мастера 1699 г., изображающей окрестность монастыря более широко, появляются и упоминавшиеся выше кресты по сторонам морских Ворот². В общем расположении крестов бухты Благополучия, как они были зафиксированы командами М. Ф. Рейнеке и А. Н. Арского на исходе первой трети XIX и в начале XX в., уже просматривается ясная логика. Так называемый «Архимандритский крест» на корге и крест на острове Песья Луда фланкировали вход в основной (глубоководный) фарватер, кресты Ворот – вход в шлюпочный фарватер, а пара крестов на Песьей Луде и островке Северная Сенная Луда очерчивала границы внешнего Соловецкого рейда. В таком размещении крестов позволительно видеть и навигационный, и духовный смысл. Официальные лоции, подготов-

¹ См.: Мильчик М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков. СПб., 2017. С. 58–59. Илл. 56.

² Там же. С. 60. Илл. 60.

ленные упомянутыми военными гидрографами, указывают также на то, что в бухте Благополучия были представлены все четыре перечисленные выше навигационные функции береговых крестов.

Фланкирующие кресты маркировали и входы в главные бухты острова Анзер: Троицкую и Капорскую губы, позволяя морякам издали опознавать их. В узкой, длинной и очень непростой для мореплавания Троицкой губе, кроме того, существовали кресты, помогавшие мореходам отыскать проход во внутренние, закрытые ото всех ветров, воды залива.

По косвенным данным можно предположить, что фланкирующие кресты отмечали и границы Сосновой губы на Большом Соловецком острове. Доподлинно же известно, что крест на одной из луд этого залива вместе с другими навигационными приметами помогал найти безопасный путь в лабиринте малых островков и подводных банок, которыми наполнена почти вся акватория губы, к месту безопасной якорной стоянки.

Кресты в Заяцком проливе также помогали мореходам точно определить район стоянки, чтобы случайно не посадить судно на мель.

Нет сомнения, что использование соловецкими монахами и поморами-мирянами креста с утилитарной целью в качестве знака, помогавшего отыскать верный путь в море, а порой и избежать гибели людей и судна в «морском обуревании», отнюдь не говорит о профанации обитателями Русского Севера этой великой христианской святыни¹. Напротив, спасительная роль приметных крестов на берегах моря лишь подчеркивала значение Креста Господня как «орудия нашего спасения» в многоятежной стихии духовной жизни. В этом смысле очень показательным, что в семантическом ряду монастырских навигационных крестов оказался Соловецкий маяк (1862 г.), фонарь которого был нарочито сопряжен братией обители с крестом над куполом храма Секирной горы².

¹ См., напр.: Столяров В. П. Духовно-символическое пространство сакральных комплексов России как объект национального наследия (на примере Соловецкого архипелага). // Ставрографический сборник. Кн. 1. С. 119, 122 и др.

² Лаушкин А. В., Рапенкова С. В. Свет Секирной горы: К 150-летию первого в России храма-маяка. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2012. Вып. 11. С. 33–35.

КУЗНЕЦОВ

Никита. Анатольевич

к. и. н., ведущий научный
сотрудник отдела
исторического наследия
ГБУК г. Москвы «Дом
русского зарубежья
им. А. Соложеницина»



ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ БАГРОВ (1881–1957) –
ИСТОРИК КАРТОГРАФИИ
И УЧАСТНИК ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Тема данного сообщения несколько «выпадает» из заявленной проблематики конференции. Идея рассказать о неизвестных или забытых страницах биографии всемирно известного историка картографии Л. С. Багрова, участвовавшего в освоении Севера в начале XX в., возникла в связи с планами проведения в рамках «Двенадцатых Феодоровских чтений» выставки «Кола и Кольский уезд на старых картах».

Работы Л. С. Багрова по истории географической карты давно признаны классическими в этой области. Нельзя сказать, чтобы его имя было совершенно забыто на Родине. Ему посвящены статьи в Советской и Рос-

сийской исторических энциклопедиях¹, биографией Багрова активно занимается ученый из Дрездена – А. С. Володченко². В 2015 г. вышла работа петербургских исследователей – В. А. Даниловой и О. А. Лазебник³; в 2018 г. – статья историка из Благовещенска С. А. Головина⁴. Две статьи, рассказывающие о жизни Л. С. Багрова, были напечатаны в основанном им журнале «Imago Mundi» (в 1959 и 2014 гг.)⁵. Несколько биографических работ было опубликовано в зарубежных справочных изданиях. Обращался к биографии Л. С. Багрова и автор (сделавший в своем исследовании основной акцент на историю службы Багрова в Российском флоте)⁶.

¹ Гольденберг Л. А. Багров Лев (Лео) Семенович (1881–1957). // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 37–38; Телицын В. Л. Багров, Лев Семенович (Лео Багров) (24.06.1881, Соликамск – 09.08.1957, Гаага). // Российская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 2015. С. 248.

² Wolodtschenko A. Leo Bagrow: einige Bemerkungen zum 125. Geburtstag. // 13. Kartographiehistorisches Colloquium und 9. Dresdner Sommerschule für Kartographie. 20–23. September 2006. Dresden, 2006. S. 211–214;

Wolodtschenko A. Leo Bagrow als Marineoffizier der Russischen Kaiserlichen Flotte. // Alexander Wolodtschenko A., Schlichtmann H. Diskussionsbeiträge zur Kartosemiotik und zur Theorie der Kartographie. Internationales Korrespondenz-Seminar. Vol. 13/2010. Dresden, 2010. S. 50–51; Володченко А. Лев (Эдуард) Семенович Багров: лейтенант Российского Императорского флота. // Геоконтекст. Научный альманах. 2015. № 3. С. 30–49; О трех этапах в жизни Л. С. Багрова (Leo Bagrow) 1881–1957. Дрезден, 2016; Наследие Лео Багрова: дополнительная информация. // Geocontext. Annual Geospatial Almanac. 2017. № 5. С. 55–61 и др.

³ Данилова В. А., Лазебник О. А. Историк картографии Лев Семенович Багров. // Геодезия, картография, геоинформатика и кадастры. От идеи до внедрения. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург/Saint-Petersburg, 11–13 ноября 2015 г. СПб., 2015. 245–248.

⁴ Головин С. А. Л. С. Багров – страницы биографии одного из основоположников истории картографии. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 39–52.

⁵ Skelton R. A. Leo Bagrow: historian of cartography and founder of Imago Mundi, 1881–1957. // Imago Mundi. 1959. Vol. XIV. P. 5–12. Heffernan M., Delano-Smith C. A Life in Maps: Leo Bagrow, Imago Mundi, and the History of Cartography in the Early Twentieth Century. // Imago Mundi. 2014. Vol. 66, Suppl. 1. P. 44–69.

⁶ Этот аспект жизненного пути Л. С. Багрова начал исследовать А. Володченко, опираясь на данные послужного списка, хранящегося в Российском государственном архиве Военно-морского флота. Результаты он опубликовал на страницах альманаха «Геоконтекст» в 2015 г. и в монографии, изданной в 2016 г. Привлечение новых архивных материалов позволило более подробно осветить биографию Л. С. Багрова и уточнить ряд ее моментов в статье: Кузнецов Н. А. Л. С. Багров – офицер Российского флота и выдающийся историк картографии. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. Часть II. СПб.: ВИ-МАИВиВС, 2017. С. 480–498.

В настоящей работе хотелось бы рассказать о биографии Л. С. Багрова, опираясь, в том числе, на ранее неизвестные архивные материалы, сделав акцент на его службе в Российском флоте и участии в исследовании и освоении Арктики.

Лев (полное имя – Лев-Эдуард) Семенович Багров родился 12 июня 1881 г. на станции Веретье Пермской губернии в семье инженера путей сообщения Соломона Исааковича Багрова и Генриетты Евгеньевны, урожденной Клейдер¹. Лев Багров потерял мать в раннем детстве и его воспитывала мачеха² – Мария Яковлевна, урожденная Рашкович³. Соломон (после перехода из иудаизма в лютеранство его имя указывалось в документах как Соломон-Семен) Исаакович Багров (29 февраля 1851 – 28 октября 1928) окончил в 1876 г. Институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге со званием гражданского инженера и всю жизнь работал на железнодорожном транспорте. Он занимал должности начальника участка службы пути Уральской горнозаводской, Самаро-Уфимской и Самаро-Златоустовской железных дорог. В 1881 г., по выслуге лет, С. И. Багров получил чин титулярного советника. Помимо Льва, у него было еще двое детей от первого брака: дочь Полина-Берта (родилась 5 марта 1884 г.), сын Эдмунд-Григорий (родился 20 мая 1885 г.); дочь Вера-Евгения (родилась 11 июня 1894 г.) от второго брака⁴.

В 1902 г. Л. С. Багров окончил частную гимназию Я. Г. Гуревича – одно из лучших средних учебных заведений Санкт-Петербурга. Еще во время обучения у него проявилась склонность к изучению истории, физики и космографии⁵. В 1902–1903 гг. Лев Семенович учился на физико-математическом факультете Императорского Петербургского университета⁶. Ранее, с 1902 г.⁷, он слушал вечерние

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 39765. Л. 5.

² Skelton R. A. Op. cit. P. 7.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39765. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 7–8. Последние новости. Париж. 1928. 1 ноября. № 2780.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39765. Л. 3 об. – 4.

⁶ Там же. Л. 3 об., 15.

⁷ Там же. Л. 10.

лекции в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте, который окончил в 1904 г. как вольнослушатель¹. Одним из его учителей был историк С.М.Середонин (1860–1914) – специалист в области исторической географии².

8 июня 1905 г. Багров поступил юнкером³ на флот и был зачислен в 18-й флотский экипаж⁴. В этот период он совершил ряд плаваний: на крейсере 1 ранга «Герцог Эдинбургский» (16 июня – 6 июля 1905 г.), крейсере 2 ранга «Африка» (6 июля – 31 августа 1905 г.) и пароходе Добровольного флота «Петербург» (1 ноября 1905 г. – 20 января 1906 г.)⁵. 17 мая 1906 г. Багрова произвели в корабельные гардемарины, и 13 июля он был назначен в плавание на линкор «Слава» (фактически находился на борту с 15 июня)⁶.

Корабль вместе с эскадренным броненосцем «Цесаревич» и крейсером «Богатырь» входил в Отдельный отряд судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами. 8–11 июня корабли перешли из Либавы в Кронштадт и начали подготовку к плаванью. В этот период ситуация на Балтийском флоте была очень напряженной из-за революционных выступлений. По свидетельству современного историка С.Е.Виноградова, «обстановка на "Славе" была чуть ли не самой тревожной. На корабле до самых последних пор на разных доделочных работах были заняты рабочие Балтийского и Кронштадтского заводов, многие из которых были пропитаны левыми настроениями и активно несли их в матросскую среду»⁷. 8 июля на «Славе» был арестован 41 нижний чин. После

¹ Яковлев П. С. Памятная книжка Императорского археологического института в С.-Петербурге 1878–1911 гг. СПб., 1911. С. 64.

² Skelton R. A. Op. cit. P. 7.

³ Юнкер флота – молодой человек с высшим гражданским образованием, поступивший на службу во флот с намерением сдать экзамен для производства в мичманы (с 1906 г. – в корабельные гардемарины) после установленной флотской практики (Лобыцын В., Савинов А. Словарь. // Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М.-Феодосия, 2001. С. 177).

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 6 об., 9.

⁷ Виноградов С. Броненосец «Слава». Непобежденный герой Моонзунда. М., 2011. С. 66–67.



А. С. Багров, 1902 г.
Из фондов Центрального
государственного
исторического архива
Санкт-Петербурга

этого корабли отряда перешли в бухту Рогервик, а затем в Ревель. 17 июля началось восстание в Свеаборге. Через два дня в район крепости для участия в его подавлении ушли «Цесаревич» и «Богатырь». На «Славе» в этот момент шла погрузка угля (возможно, что это было связано именно с недоверием командования к команде корабля). С 20 по 23 июля «Слава» стояла на внутреннем рейде Гельсингфорса. Затем корабли отряда перешли в Ревель, где находились до 5 августа. Силами их личного состава были обеспечены порядок во время следствия и суда над мятежниками, а также исполнение смертных приговоров (всего было расстреляно 35 человек). 9 августа корабли перешли в Кронштадт, где со «Славы» было списано еще 60 нижних чинов. Завершив подготовку к походу, 20 августа ко-

рабли вышли в заграничное плавание к берегам Мурмана¹.

Но Багров в этом походе не участвовал. Его плавательная практика ограничилась переходами по Балтике, правда, в обстановке «приближенной к боевой». Начальство приняло решение об увольнении Льва Семеновича со службы. Об увольнении ходатайствовал командир Гардемаринского отряда контр-адмирал И. Ф. Бострем в день выхода отряда в море². Неизвестно, что конкретно послужило причиной увольнения корабельного гардемарина Багрова. Скорее всего (как будет ясно из приведенных ниже документов) он просто не был расположен к строевой флотской службе. В некоторых документах фигурирует некий «дисциплинарный проступок», но о чем конкретно шла речь, выяснить пока не удалось.

Уволить Багрова оказалось не так просто. Это было связано с тем, что он поступил на флот юнкером, а срок его действительной службы (2 года) к моменту увольнения еще не закончился. При-

¹ Там же. С. 67–69.

² РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2321. Л. 2.

своить же ему офицерский чин ранее его сверстников – корабельных гардемарин – было бы несправедливо и нелогично. «Неудостоение производства в мичманы» нужно было обосновать решением совета офицеров корабля, которого не было. В случае, если бы Багров дослужил обязательный срок в звании корабельного гардемарина, то его дальнейшая карьера тоже была бы не совсем понятна, т. к. во «Временном положении о корабельных гардемаринах» 1906 г. указаний по подобным случаям не имелось. Обо всем этом писал старший делопроизводитель VI класса полковник по Адмиралтейству В. Н. Давидович-Нащинский исполняющему должность начальника Главного морского штаба контр-адмиралу А. Г. фон Нидермиллеру 25 августа 1906 г. Последний наложил на рапорт резолюцию, в которой говорилось о полной бесполезности Багрова для флотской службы в настоящем и будущем и подчеркивалось, что он «подлежит увольнению со службы, по производстве в подпоручики по Адмиралтейству, если можно, то даже без зачисления в запас. Увольнение его со службы не может быть согласовано с действующим законом, это верно, но уволить его нужно во всяком случае и непременно ближайшим приказом [...] Это настолько необходимо, что морск[ой] минис[тр] согласен сделать о Багрове особый доклад...»¹. 28 августа 1906 г. Л. С. Багров был произведен в подпоручики по Адмиралтейству и 18 сентября зачислен в запас по Петербургскому уезду².

Уже «задним числом», 6 сентября 1906 г., совет офицеров линкора «Слава» во главе с командиром корабля капитаном 1 ранга А. И. Русиным принял постановление о корабельном гардемарине Л. С. Багрове. В нем говорилось: «... гардемарин Багров в своих действиях и отношениях к службе постоянно проявляет недисциплинарность; при этом, т. к. он сам признавал свою недисциплинарность и продолжал все-таки быть недисциплинарным, в особенности по отношению к младшим офицерам, то, следовательно, гардемарин Багров не хотел исправиться, подтянуться и быть дисциплинарным, рассчитывая, по-видимому, по тем или иным причинам, что к нему отнесутся снисходительно. Гардемарин Багров очень слаб в познаниях военно-морского дела и не проявлял никакого желания попол-

¹ Там же. Л. 6.

² Там же. Л. 10 об., 19.

нить свои познания [и] являться аккуратнo на занятия.

Гардемарин Багров не умеет управляться на шлюпках и не выказывал никакого желания пополнить этот пробел.

Гардемарин Багров по личной инициативе никогда не занимался судовым делом и службою, а если чем и интересовался, то скорее вопросами посторонними, мало или совсем не относящимися к морскому делу.

Вообще гардемарин Багров представляет тип человека, интересующегося только тем, что не входит в круг его обязанностей и его прямого дела; обязанностями же и прямым своим делом гардемарин Багров манкирует, почему и является не только бесполезным и нежелательным для флота элементом, но даже вредным, т. к. подает собой дурной пример нижним чинам своей недисциплинарностью, неисполнительностью, отсутствием познаний в морском деле»¹.

В чем была причина столь быстрого завершения флотской карьеры Багрова пока так и не выяснено. Казалось бы, служба в Российском Императорском флоте должна была остаться для него навсегда в прошлом. Но в дальнейшем он возвращался на нее еще два раза.

В 1906 г. Багров вместе со своим другом – одноклассником по гимназии и коллегой – географом Д. Д. Рудневым (1879–1932) организовали при Петербургском университете первый в России студенческий географический кружок, преобразованный в 1910 г. в Географическое бюро при отделе естествознания Педагогического музея военно-учебных заведений². Помимо географии настоящей страстью Л. С. Багрова стала музыка. Он даже думал отказаться от научной карьеры в пользу музыкальной, но этому воспротивился его отец. Лев Семенович дружил с выдающимся русским композитором И. Ф. Стравинским и другими музыкантами. В 1909 г. Багров женился на Ольге Михайловне Ладан, с которой он познакомился несколькими годами ранее в Тамбове. Она была хорошей певицей, и они занимались музыкой вместе³.

В 1907 г. Багров поступил вольнослушателем на кораблестроительное отделение Санкт-Петербургского политехнического инсти-

¹ Там же. Л. 17–17 об.

² Володченко А. Указ. соч. С. 41.

³ Skelton R. A. Op. cit. P. 7.

тута. В прошении на имя декана он писал: «о приеме в институт я прошу с самого первого года его существования, но не мог быть принят, т. к. не удовлетворяю [условиям] конкурса аттестатов (имею в аттестате 4,5), в число вольнослушателей также не мог попасть в этом году, в виду того, что недавно был выпущен в запас с флота в чине подпоручика по Адмиралтейству». В прошении Багров отметил: «мне кажется, что я уже больше знаком с морским делом и кораблем, чем окончившие среднее учебное заведение»¹. Из Политехнического института Багров был отчислен «по случаю безвестного отсутствия»², вызванного участием в арктической экспедиции, в 1912 г. (о чем будет сказано ниже), хотя фактически он перестал там учиться раньше в связи с возвращением в состав военно-морского флота.

20 мая 1907 г. Багров подал прошение на Высочайшее имя о приеме на службу³, и 27 октября 1908 г. он был зачислен в Кронштадтский флотский полуэкипаж. 16 октября 1909 г. его назначили производителем гидрографических работ в Отдельную съемку Каспийского моря (так в XIX – начале XX в. назывались подразделения, выполняющие гидрографические работы). Ровно через месяц его прикомандировали к Главному гидрографическому управлению для занятий на зимнее время. 22 марта 1910 г. Багрова назначают производителем работ в Комиссию по обзору Финляндских шхер. В это же время он сдал теоретические экзамены по курсу временных штурманских классов при Главном гидрографическом управлении⁴.

22 июля 1911 г. председатель Комиссии по обзору Финляндских шхер капитан 1 ранга И. В. Студницкий подал рапорт на имя начальника Главного гидрографического управления. В нем он писал: «во вверенной мне комиссии подпоручик Багров состоит с весны прошлого 1910 года и ревностным исполнением своих обязанностей заслуживает милостивого внимания начальства, а потому ходатайствую о переименовании его в мичманы флота, как это имело уже пример с другими подпоручиками, произведенными из корабельных гарде-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 358. Л. 4.

² Там же. Л. 20, 21.

³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2321. Л. 25.

⁴ Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

марин вместе с ним»¹. Рапорт был поддержан, и 8 августа 1911 г. Л. С. Багрова перевели во флот мичманом со старшинством с 27 октября 1910 г.² В аттестации от 23 августа 1911 г. Студницкий писал о Багрове: «Вообще очень сведущий человек. Окончил курс Археологического института и слушал курс Политехнического института»³. 15 апреля 1912 г. Багрова перевели в Сибирский флотский экипаж для службы на Амурской речной флотилии, но, по всей видимости, к месту нового назначения он не поехал, а 4 июня 1912 г. был зачислен в запас флота⁴.

На становление Л. С. Багрова как ученого повлияло знакомство с коллекцией карт Н. А. Э. Норденшельда – выдающегося шведского геолога и географа, исследователя Арктики. Он ознакомился с ней в университете Гельсингфорса в период своих плаваний 1910–1912 гг.⁵ Первая научно-популярная работа Багрова – «Человек под водой» – была издана в 1910 г. Санкт-Петербургским педагогическим музеем военно-учебных заведений.

В том же году Багров и Д. Д. Руднев приняли участие в арктической экспедиции, которую проводили Почтово-телеграфное ведомство и Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов. Ее задачей было обеспечение приборами и оборудованием строящихся тогда же на побережье Карского моря первых радиотелеграфных станций. Постройкой зданий занималось Почтово-телеграфное ведомство (материалы доставлялись на трех зафрахтованных пароходах, среди которых были «Иоанн Богослов» и «Вассиан»), а обеспечением станций оборудованием – Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов (для обеспечения работ им было куплено судно «Нимрод»). Эту часть экспедиции и возглавлял Багров.

11 июля 1912 г. «Нимрод» покинул Кронштадт (куда пришел из Англии) и, зайдя в несколько норвежских портов, пришел в Александровск (здесь к экспедиции присоединился известный северный художник С. Г. Писахов), откуда ушел 4 августа. 13 августа «Нимрод»

¹ Там же. Ф. 873. Оп. 2. Д. 8. Л. 5.

² Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

³ Там же. Ф. 873. Оп. 2. Д. 8. Л. 11 об.

⁴ Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

⁵ Skelton R. A. Op. cit. P. 7.

подошел к острову Соколий в проливе Югорский Шар, и участники экспедиции начали разгрузку материалов и оборудования для будущей радиостанции. Удалось доставить материалы и на северную оконечность Вайгача, а вот к мысу Маре-Сале (расположенному в западной части полуострова Ямал) суда пробиться не смогли из-за тяжелой ледовой обстановки. Экспедиция оставила рабочих на Вайгаче и на побережье Югорского Шара (по два человека) и вернулась в Архангельск. 26 сентября ее участники прибыли в Санкт-Петербург¹.

Работы, выполненные при участии А. С. Багрова, положили начало новому этапу развития судоходства в Карском море. Об этом ярко написал современник и участник событий, старший наблюдатель Центральной станции в Архангельске Н. П. Георгиевский. «В начале июня 1914 г. Исакогорская радиостанция [в Архангельске] получила первую депешу с далекого Карского моря. Этим моментом закончился старый период плаванья к устьям Сибирских рек, когда суда выходили из гавани совершенно неосведомленными, встретит ли их Карское море свободным от льда или покрытым непроходимыми ледяными полями и торосами. С этой даты мореплаватели, благодаря сведениям с радиостанции, имеют уже возможность предвидеть условия плаванья и следовательно заранее решить: выходить ли из порта сейчас же и к какому проливу направлять свой путь, чтобы успешно пройти в Карское море, или же ожидать условий, благоприятствующих удалению льдов или даже совсем отложить плавание до следующего года»².

Этот же автор справедливо подчеркнул большое значение радиостанций и труда их сотрудников для освоения Севера в целом: «... высоко внимающиеся [так в тексте, скорее всего – вздымающиеся] мачты Карских радиостанций знаменуют собой огромное завоевание в борьбе человека с природой. Самоотверженно зимующая на этих станциях кучка людей не только является проводником культуры в этом заброшенном глухом уголке нашего великого отечества, но она помогает нам ближе узнать природные условия

¹ Багров А. Экспедиция в Карское море. // Вестник телеграфии без проводов. 1912. № 1. С. 14–20. 1913. № 3. С. 99–101.

² Георгиевский Н. П. Радиостанции Карского моря. Архангельск, 1916. С. 3.

края, проникнуть в его тайны, правильно оценить положение и тем самым направить борьбу на рациональный путь, а самую задачу использования великого северного водного пути – на реальные основания. Сознание этой великой задачи перед родиной пусть вдохновляет на новые подвиги скромных героев – служащих Карских радиостанций!»¹.

В том же 1912 году появилась первая работа Багрова по истории картографии – «Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря»². В 1913 г. Багров организовал картографический отдел на выставке «Русская Ривьера», посвященной Черноморскому побережью Кавказа³. В том же году он побывал на Дальнем Востоке, где работал над вопросами организации рыбной промышленности. Тогда же Лев Семенович посетил Японию, Корею, Китай, Сиам (ныне Таиланд) и Бирму, где пополнил свою коллекцию географических карт, которую начал собирать ранее⁴. В 1914 г. при Докучаевском почвенном комитете были учреждены Высшие географические курсы, на которых Багров преподавал и был секретарем. В 1918 г. их преобразовали в Географический институт, который впоследствии вошел в состав Ленинградского университета в качестве географического факультета⁵.

С началом Первой мировой войны Багров вновь вернулся на флот. 26 октября 1914 г. он явился по мобилизации во 2-й Балтийский флотский экипаж. Три дня спустя его прикомандировали для занятий к Петроградскому порту, а 10 ноября зачислили в экипаж с прикомандированием к Мобилизационному отделу Петроградского порта. 10 апреля 1916 г. Багрова произвели в лейтенанты (по линии)⁶.

3 августа 1916 г. его перевели в Сибирский флотский экипаж для службы в Амурской речной флотилии, куда он прибыл 17 августа

¹ Там же. С. 55.

² Багров Л. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. // Записки по гидрографии. 1912. Вып. XXXV. С. 1–112.

³ Володченко А. Указ. соч. С. 39–40.

⁴ Skelton R. A. Op. cit. P. 7.

⁵ Володченко А. Указ. соч. С. 42–44.

⁶ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2085. Л. 110.

*Судно «Нимрод» в
Карском море, 1912 г.*



*Разгрузка материалов
для постройки одной
из радиостанций.
Фотография из статьи
Л. С. Багрова 1912 г.*



и 20 августа получил назначение исполняющего должность старшего офицера канонерской лодки «Шторм»¹.

Сам Багров объяснял свой перевод на Амур участием в процессе по делу заведующего мобилизационной частью Петроградского порта А. Н. Афанасьева (подробности дела, к сожалению, неизвестны) и утверждал, что его показания «были признаны, как защитой, так и судом, весьма важными и... побудили прокурора отказаться от обвинения, а суд – считать капитана 1-го ранга Афанасьева оправданным за неполучением долженствующих указаний от Главного морского штаба»². Багров утверждал, что его показаниями остался недоволен кто-то из высших чинов Штаба. После этого он написал ряд рапортов на имя командира Петроградского порта (с предложением расследовать факт того, что якобы Багров дал на подпись своему

¹ Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

² Там же. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2085. Л. 120 об.

начальнику бумагу, которую тот подписал не читая). Они остались без ответов, а «неудобному для начальства» лейтенанту предложили продолжить службу в Архангельске, хотя сам он настаивал на том, чтобы его откомандировали в Министерство земледелия, где он служил до войны. В итоге Багров отправился еще дальше, на Амурскую флотилию¹.

«С началом Первой мировой войны Амурская флотилия, представлявшая собой внушительную боевую силу, оказалась вне сферы боевых действий. В конце августа 1914 – первой половине 1915 года башенные лодки разоружили и сдали в порт на хранение. Четыре башенных лодки (“Гроза”, “Вихрь”, “Тайфун” и “Вьюга”) лишились всех механизмов, со “Шторма” и “Урагана” сняли по два из четырех дизелей, а со “Шквала” и “Смерча” – по одному.

Сняли и отправили на фронт и всю артиллерию с шести кораблей (кроме “Смерча” и “Шквала”, которые и остались частично боеспособными)», – писал историк И. И. Черников². Неудивительно, что у Багрова во время службы на Амурской флотилии было время на продолжение своих научных занятий. Он участвовал в работе кружка офицеров Амурской речной флотилии, который выпускал свой журнал (на правах рукописи) – «Вестник Амурской флотилии». В 1915–1916 гг. в шести номерах «Морского сборника» вышла обстоятельная работа Багрова «Очерки Мировой войны на море» (фамилия автора указана только во 2-ом и 3-ем номерах журнала за 1916 г.), напечатанная в 1916 г. отдельной книжкой. В 1917 г. в Спасском Затоне на Амуре была издана небольшая книга Багрова «Пособие по истории географии»³.

В конце января 1917 г. Багров подал рапорт о переводе его с Амурской флотилии на какой-либо другой флот и предоставление ему отпуска по болезни⁴. Его обследовала врачебная комиссия Хабаровского местного лазарета и 19 января 1917 г. выдала свидетельство о состоянии здоровья, в котором был указан диагноз: «невралгия седалищного нерва, привычная головная боль, невроз сердца, катар

¹ Там же. Л. 121.

² Черников И. И. Мониторы типа «Шквал». СПб., 2009. С. 20.

³ Володченко А. Указ. соч. С. 34–36.

⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2085. Л. 120.



Обложка работы
А. С. Багрова «Список
библиографических
указателей по общей
географіи и этнографіи
Россіи» (СПб., 1913)

евстахиевых труб». В заключении комиссии указывалась необходимость перевода Багрова для дальнейшей службы в более благоприятное место и предоставления отпуска для лечения на водах¹.

Пока между Петроградом и Хабаровском велись переговоры о возможности перевода Багрова на Балтику, он, беспокоясь о своей судьбе, 11 марта 1917 г. написал уже цитированный выше рапорт вице-адмиралу князю Н. А. Вяземскому, инспектировавшему Амурскую флотилию. В конце документа Багров пишет: «... я вижу, что я являюсь нежелательным элементом во флоте, так как все мои законные просьбы не удовлетворяются. Разве я не вправе просить по болезни отпуска и перевода, особенно когда соглашаюсь принять на свой счет переезд и когда имеется офицер, желающий меня подменить? Только условия военного времени не позволяют мне просить об увольнении меня совершенно от службы на Флоте, что я не премину сделать при первой возможности»².

29 марта 1917 г. Багров отправил телеграмму на имя начальника Главного морского штаба. В ней он описывал свои «мытарства», связанные с переводом, и выражал готовность лично приехать в Петроград для изложения подробностей непосредственно начальству³. Приказ о переводе вышел 4 апреля 1917 г., а 16-го лейтенант Багров убыл в Петроград⁴. Приказом командующего флотом Балтийского моря от 7 июня 1917 г. Багров из 1-го Балтийского флотского экипажа был списан в распоряжение Главного морского штаба для назначения в распоряжение начальника Управления грузовыми перевозками Балтийского моря. Последней должностью Льва Семеновича

¹ Там же. Л. 122–122 об.

² Там же. Л. 121.

³ Там же. Л. 134.

⁴ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

в Российском флоте стало временное исполнение обязанностей начальника Управления грузовых перевозок Балтийского моря (об этом говорилось в приказе по Флоту и Морскому ведомству № 182 от 6 марта 1918 г.)¹.

К моменту завершения своей флотской карьеры Лев Семенович Багров уже сформировался как ученый. К 1917 г. помимо статей вышел ряд его фундаментальных исследований: «Первая карта Московской губернии (1711 г.)» (СПб., 1913); «Древние карты Черного моря» (СПб., 1914); «Карты Азиатской России» (Пг., 1917); «История географической карты. Очерк и указатель литературы» (Пг., 1917) и др.

В биографических работах о Багрове, опубликованных на страницах журнала «*Imago Mundi*», упоминается о том, что в ноябре 1918 г. он вместе с супругой (и, возможно, другими членами семьи) эмигрировал в Берлин, где прожил следующие 27 лет². Из документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, удалось узнать, что до того, как Л. С. Багров попал в Берлин, он жил в Голландии, а затем оказался на Востоке России, на территории, подконтрольной правительству адмирала А. В. Колчака.

528 октября 1919 г., находясь в Новониколаевске, Л. С. Багров написал письмо председателю Комитета Северного морского пути³ С. В. Востротину. «Интересуюсь вопросами, связанными с организа-

¹ Информация предоставлена кандидатом исторических наук А. Ю. Емелиным.

² Skelton R. A. Op. cit. P. 8. Heffernan M., Delano-Smith C. Op. cit. P. 46.

³ 25 апреля 1919 г. Верховным Правителем России адмиралом А. В. Колчаком было подписано Постановление Совета Министров об утверждении Положения о Комитете Северного морского пути, созданном при Министерстве торговли и промышленности для организации экспорта и импорта различных товаров, «а также для проведения в жизнь дальнейших мероприятий по усовершенствованию» Северного морского пути. При активном участии Комитета была проведена Карская экспедиция. В сентябре 1919 г. из Архангельска в устье Оби прибыли русские и иностранные суда с грузами. Навстречу им в июне 1919 г. вышла Обская экспедиция под командованием полковника Д. Ф. Котельникова. В бухте Находка был произведен обмен товарами, доставленными с запада и с востока. Комитет продолжил свою деятельность и после падения власти Колчака, постепенно «трансформировавшись» в Главное управление Северного морского пути, созданное в 1932 г. Подробнее см. работы автора: Кузнецов Н. А. Адмирал Колчак – отец Главсевморпути. // Мир Севера. 2019. № 3. С. 38–46; К истории создания и деятельности Комитета Северного морского пути Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака. // Полярные чтения – 2019. Арктика: вопросы управления. Материалы седьмой научно-практической конференции «Полярные чтения – 2019. Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее». Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2019 г. М., 2020. С. 174–198.

цией Северного Морского пути, я в течении полугода пропагандировал эту идею в Голландии. Результатом этого явилось то, что мне удалось заинтересовать некоторые круги в вопросе отправки товаров в Сибирь Северным Морским путем в расчете на получение в обмен какого-либо сырья. Тяжелые условия текущего момента не позволили бы организовать эту экспедицию в том виде, в котором это было необходимо. Приходилось идти наугад, т. к. не было возможности снестись с Сибирью и выяснить ее потребности, а также род эквивалента за подвезенные товары. Но и, несмотря на это, голландские круги согласны были рискнуть небольшим пароходом с грузом. Однако в самую последнюю минуту английским правительством было издано постановление, запрещающее свободное плавание в северных водах. Поэтому решено было, за поздним временем, вместо хлопот по исходатайствованию разрешения ограничиться получением информационного материала при моем посредничестве, с каковою целью я и уехал из Голландии.

В настоящее время, закончив сбор этого материала, я собираюсь вернуться в Голландию. Считаю, что не следовало бы упустить возможности открытия нового рынка для русского сырья, когда уже часть голландских кругов заинтересовалась этим вопросом, я предлагаю свои услуги Комитету в качестве его агента для Западной Европы или лица, служащего для связи голландских коммерческих кругов с сибирским импортом и экспортом при посредстве Северного Морского пути. Свои услуги я предлагаю совершенно безвозмездно и прошу лишь, в случае согласия Комитета воспользоваться моими услугами, прикомандировать меня к Комитету, а затем командировать на мой собственный счет в Голландию.

Считаю долгом дополнить, что с Северным Морским путем я знаком на практике, когда, командуя экспедицией на «Нимроде» для постройки радиотелеграфов по побережью Карского моря в 1912 г. пробивался во льдах. Что же касается торговых и импортных вопросов, то они тоже не чужды мне, т. к. до 1917 г. я состоял заведывающим делами Управления грузовыми перевозками Балтийского моря и с того же времени членом Совета Российской импортной палаты»¹.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-7492. Оп. 1. Д. 5. Л. 275–275 об.

*Путешественник,
общественный деятель,
политик, депутат
Государственной думы
3-го и 4-го созывов от
Енисейской губернии,
член партии кадетов
С. В. Востротин,
председатель Комитета
Северного Морского
пути с 1 августа 1919 г.
Фотография 1913 г.*



Инициативу Багрова Востротин поддержал и в тот же день направил письмо в возглавляемый им комитет. «Предложение лейтенанта Л. С. Багрова быть агентом Комитета Северного Морского пути для связи и информации между западноевропейскими и голландскими коммерческими кругами и сибирскими экспортерами и импортерами препровожаю на рассмотрение и решение Комитета, т. к. назначение зарубежных агентов Комитета выходит и за пределы нашего бюджета и прав, предоставленных председателю Комитета.

Для развития своей деятельности Комитет крайне нуждается в широком ознакомлении иностранных коммерческих кругов с действительным положением вопроса о Северном Морском пути и о рынках Сибири, как в отношении импорта, так и экспорта, поэтому предложение лейтенанта Багрова, готового безвозмездно работать в этом направлении, с моей точки зрения следовало бы только приветствовать. Комитет, за отсутствием определенных ассигновок на этот предмет, уже пользовался услугами лиц, отправлявшихся с однородными целями за границу, как напр[имер] г. Лид, Зворыкин.

Если Комитет Северного Морского пути согласится с высказанным мной мнением и примет услуги лейтенанта Багрова, то на представительство его за границей от Комитета Северного Морского пути должно быть испрашено согласие морского министра и министра торговли и промышленности. Деятельность лейтенанта Багрова в отношении Северного Морского пути должна ин-

структурироваться Комитетом Северного Морского пути, протекать в контакте с коммерческими агентами Министерства торговли и промышленности и без каких-либо прав на заключение сделок и договоров от имени Комитета, а носить исключительно информационный характер как заграничных импортеров и коммерческих кругов, так и Комитета о положении заграничных рынков, о ценах на разные товары, о предположениях, касающихся снаряжения экспедиций в Сибирь морским путем»¹. На документе имеются две резолюции: министра торговли и промышленности С. Н. Третьякова и морского министра контр-адмирала М. И. Смирнова (обе от 30 октября). Из первой предположительно следует, что министр торговли промышленности согласен назначить А. С. Багрова представителем Комитета Северного Морского пути за границей. М. И. Смирнов написал следующее: «Лейт[енант] Багров не числится по Морскому ведомству и характеристика не может быть дана. Совмещение офицерского звания с [два слова неразборчивы; по смыслу – коммерческой деятельностью] считаю невозможным»².

30 октября временно исполняющий обязанности председателя Комитета Северного Морского пути³ обратился в Морское министерство со следующим ходатайством: «На основании представления Его Высокопревосходительству господину министру торговли и промышленности о желательности возложения на лейтенанта А. С. Багрова Комитетом Северного Морского пути определенного служебного поручения, вследствие чего необходимо будет запросить согласие на то Морского министерства, последовало заключение Его Высокопревосходительства о том, что весьма желательно командировать лейтенанта Багрова за границу.

Вследствие вышеизложенного, Комитет ходатайствует перед Морским министерством об откомандировании лейтенанта Багрова в распоряжение Комитета для выполнения возложенного на него служебного поручения»⁴. Несмотря на изначально отрицательное отно-

¹ Там же. Л. 276–276 об.

² Там же. Л. 276.

³ Подписи в документе нет, возможно, что должность председателя в этот период исполнял Ф. А. Шольц.

⁴ ГАРФ. Ф. р-7492. Оп. 1. Д. 5. Л. 266

шение главы Морского министерства к командированию Багрова за границу по линии Комитета Северного морского пути, 31 октября начальник офицерского отделения Управления по делам личного состава флота отдал Л. С. Багрову следующее предписание: «По приказанию управляющего Морским министерством предлагаю Вам, с получением сего, отправиться в распоряжение министра торговли и промышленности для исполнения возложенных на Вас поручений. О выбытии донести»¹. В тот же день исполняющий обязанности председателя Комитета Северного морского пути обратился в Министерство иностранных дел с ходатайством о выдаче Багрову заграничного паспорта для следования в Голландию в качестве агента Комитета Северного морского пути. Отдельно отмечалось, что с Багровым едет и его жена – Ольга Михайловна².

2 ноября председатель Комитета Северного Морского пути (подписи в сохранившейся копии письма нет, но думается, что это был С. В. Востротин) написал Багрову подробное письмо с инструкциями по работе за границей. «В связи с Вашей заграничной поездкой предлагается при Вашей работе руководиться следующим.

1. Вы должны являться живой связью между Комитетом Северного [Морского] пути и нашими представителями ведомства и при его содействии, руководстве и в полном с ним соглашении войти в сношение с заграничными финансовыми кругами, экспортными фирмами, русскими организациями, имеющими отношение к импорту и экспорту Сибири через Северный Морской путь, чтобы принять все меры к самой подробной информации за границей о тех подготовленных мероприятиях, которые делаются и намечены для улучшения условий навигации Северным Морским путем, чтобы рассеять предубеждение против этого пути и заинтересовать частную инициативу.

2. По возможности безотлагательно информировать Комитет о существующих на заграничном рынке ценах на наше сырье, [о том] где возможна наилучшая реализация его в настоящий момент, а также все подробные сведения о том, в каком виде требуется сырье на том или другом рынке и сортировка его для последующих навигаций.

¹ Там же. Л. 269.

² Там же. Л. 273.

3. Выяснить на месте и сообщить Комитету намерения частных импортеров, с которыми велись уже переговоры здесь, предполагают ли они окончательно производить ввоз товаров в будущем году и каких именно, и принять все меры к привлечению интересов импортных фирм к ввозу из за границы Северным [Морским] путем за их счет нужных Сибири товаров.

4. Выяснить вопрос зафрахтования судов для Северного [Морского] пути, величины тоннажа, стоимость фрахтов страховки и накладных расходов, времени выхода судов, обстановку их техническими средствами (радиостанциями и гидроаэропланами).

5. Известить Комитет о ценах на заграничных рынках нужных нам товаров и условиях их закупок.

6. В случае выхода морских судов для товарообмена Северным [Морским] путем, извещать Комитет о времени выхода их из портов, тоннаже и времени прохода проливом Новой Земли.

7. Координируя все Ваши действия и согласуя принимаемые решения главным образом с представителем Министерства торговли и промышленности, в необходимых случаях руководствуясь директивами правительства, данными через посольство, Вы имеете о всех назревших и выясненных вопросах, требующих немедленного решения, извещать местного торгового агента и принимать решения в согласии с ним и, если время допускает, то испрашивать указания министерства, но без каких-либо прав на заключение сделок и договоров от имени Комитета Северного Морского пути.

8. Все сношения с Комитетом благоволите делать через представителя министерства и русское посольство»¹.

Тогда же Багрову было выдано удостоверение, подтверждавшее то, что он «командируется Комитетом Северного Морского пути в Голландию в качестве агента Комитета для Западной Европы»². Судя по всему, в ноябре 1919 г. чета Багровых покинула Россию навсегда.

В поездке Багрова на Родину в 1919 г., на наш взгляд, есть немало загадок. Не до конца понятно, для чего он с супругой приехал из благополучной мирной Голландии в страну, охваченную Гражданской войной, но при этом не участвовал в боевых действиях. Только

¹ Там же. Л. 278–278 об.

² Там же. Л. 279.

ли «получением информационного материала» ограничивались его задачи (и кем они были поставлены)? Интересно, что Багров прибыл в Россию в статусе военнослужащего, а не гражданского лица. Не совсем понятны и реальные цели его командировки в Голландию в ноябре 1919 г. Возможно, что это был лишь способ вырваться с территории, подконтрольной правительству Колчака в тот период, когда фронт «трещал по швам». С позиции современного историка, видящего более объемную картину событий, нежели их современники, рассуждения о налаживании контактов с Европой в области поставки грузов по Северному морскому пути в ноябре 1919 г. выглядят несколько наивно. Можно предположить, что Л. С. Багров выполнял в годы Гражданской войны некую особую миссию в России, но подтвердить или опровергнуть эту версию могут лишь дополнительно выявленные архивные документы или свидетельства очевидцев.

С 1919 г. для Л. С. Багрова окончательно началась жизнь эмигранта. За рубежом он публиковался под именем Лео Багров (Leo Bagrow). В первые годы эмиграции ради заработка Л. С. Багров работал коммерческим агентом в различных фирмах. В 1923 г. в Берлине издательством «Б. Клейбер и Ко» была выпущена его работа «Структура предпринимательских организаций». Он посетил многие страны Европы, Азии, Африки и Северной Америки. Во время командировок пополнялась его коллекция карт, ему удавалось заниматься в архивах и библиотеках¹.

В начале 1920-х гг. Багров работал советником у крупного немецкого предпринимателя и политика Гуго Стиннеса (1870–1924). В 1923 г. он уговорил его приобрести «Хорографическую чертежную книгу Сибири» С. У. Ремезова (1697 г.), выставленную на продажу в Москве, – ценнейший источник по истории и географии. После смерти Стиннеса в 1924 г. атлас оказался в распоряжении Багрова². Существует версия, что ученый сам вывез ее при эмиграции из России³. В 1958 г. Багров издал этот памятник в черно-белом

¹ Skelton R.A. Op. cit. P. 8.

² Heffernan, M., Delano-Smith, C. Op. cit. P. 46–47.

³ Булатов В. Э. «Хорографическая чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова. // Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тольский, 2011. С. 11–12.

варианте. Оригинал «Хорографической книги» был приобретен после смерти Багрова Гуфтоновской библиотекой Гарвардского университета (США) вместе с другими уникальными экспонатами его коллекции. Там он и хранится в настоящее время. В 2011 г. этот уникальный памятник был издан тиражом 600 экз. «Фондом возрождения Тобольска».

В марте 1927 г. Багров основал Кружок любителей русской старины, просуществовавший до 1933 г. (годом ранее вышел единственный сборник его трудов, где была опубликована статья Багрова «Приоритет открытия Амура, Татарского пролива и Сахалина»). Сотрудничал Лев Семенович и с Военно-морским историческим имени адмирала Колчака кружком, существовавшим в Париже в конце 1920-х – 1930-е гг. Об этом свидетельствует письмо Багрова старшему лейтенанту М. О. фон Кубе – редактору «Записок» кружка – от 8 декабря 1930 г. «Ваше письмо от 6 октября и 1 декабря я получил. Приношу мое искреннее извинение за молчание. Оно было вызвано лишь тем, что я собирался ехать в Париж, но поездка откладывалась со дня на день. Впрочем, и теперь еще не исключена возможность, что я еще до Рождества приеду в Париж. Но, чтобы не задерживать прочтение моего доклада, если он будет интересен для кружка, я посылаю Вам мою рукопись. Если я не буду в ближайшее или следующее собрание кружка в Париже, или вообще в тот день, когда Вам будет угодно прочесть мое сообщение, то я ничего не имею против того, чтобы это прочтение было сделано кем-либо иным и в мое отсутствие. Рукопись я согласен передать в Архив Кружка. К сожалению, у меня еще не готовы все фотографии с карт, которые я хотел бы приложить к моему сообщению, т. к. я рассчитывал продемонстрировать некоторые карты в оригиналах. Как только я это сделаю, я сейчас пришлю их Вам.

Что касается моего вступления в члены Кружка, то я, хотя и отвечаю всем поставленным ограничительным условиям, но я поддерживаю научные отношения с Петербургом, главным образом [с] Академией Наук, и не хотел бы, чтобы меня Кружок упрекал в том, что я не совершенно прервал отношения с Россией. Только поэтому я не решаюсь подписать свое заявление»¹. К сожалению, в письме не

¹ РГАВМФ. Ф. р-2246. Оп. 1. Д. 174. Л. 78.

упомянута тема доклада Багрова. Интересно упоминание о его сотрудничестве с Академией Наук СССР.

В 1934 г. часть коллекции восточных карт Багрова экспонировалась на выставке, организованной Японским институтом в Берлине¹.

В 1930-е гг. Багров задумал целый ряд глобальных проектов, относящихся к истории картографии. Среди них каталог карт XVI в. (сохранился в рукописи), энциклопедия ранних карт (ее создание не удалось осуществить), фундаментальная монография по истории картографии (работа завершилась в 1943 г., книга вышла в 1951 г., но автор остался недоволен качеством воспроизведения иллюстративного материала).

Одним из главных «детищ» Багрова стал ежегодник по истории картографии, получивший название «Imago Mundi» («Изображение Мира», другой вариант перевода – «Образ Мира»)². Его первый том вышел в Берлине в 1935 г., второй и третий – в Лондоне (в 1937–1938 гг.). Затем в издании наступил перерыв до 1947 г. Следующий выпуск появился в Швеции. После смерти Багрова «Imago Mundi» несколько раз менял места издания, главных редакторов и состав редколлегии. В настоящее время он издается в Великобритании и продолжает оставаться самым авторитетным изданием в области истории картографии³.

Л. С. Багров готовил и другие работы, к сожалению, не увидевшие свет. К 1930 г. он создал географическое описание СССР в форме словаря. В качестве образца был выбран «Географическо-статистический словарь Российской Империи», подготовленный русским географом и путешественником П. П. Семеновым-Тянь-Шанским и вышедший в 1863–1885 гг. Багров предполагал включить в свой словарь «все населенные места, административные, крупные (до 3000 населения или исторически интересные) ... все железнодорожные станции ... все современные административные деления, до уездов включительно, географические ландшафты, горы, реки, моря, озера и т. п., отдельные племена и народы»⁴.

¹ Skelton R. A. Op. cit. P. 8.

² Там же.

³ Heffernan, M., Delano-Smith, C. Op. cit. P. 47–50.

⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

В 1943 г. Лев Семенович возглавлял авторский коллектив фундаментальной «Энциклопедии России», которая должна была объединять сведения по истории, географии, политике и другим вопросам России и СССР в период до 1939 г.¹

Во время Второй мировой войны научная деятельность Багрова в области истории картографии практически остановилась. В мае 1945 г. он вместе с женой и ручным воробьем (ученый всю жизнь очень любил птиц) перелетел из Берлина в Стокгольм на шведском самолете. Фактически для него началась вторая эмиграция. Часть коллекции и архива ему удалось передать в шведское посольство и впоследствии вывезти, но ряд материалов погиб.

В Швеции Багров смог продолжить работу. Более того, по словам шведских ученых, «его энергия и энтузиазм пробудили интерес к истории картографии, который практически отсутствовал со времен Норденшельда»². Уже в 1947 г. Багров организовал выставку старинных карт. Возобновилось и издание журнала, который взял под покровительство король Густав VI Адольф. В 1952 г. Багров стал гражданином Швеции (в Германии он был лицом без гражданства). Продолжались и его заграничные поездки, последней из которых стал визит в Эфиопию в 1956 г.

Скоропостижная смерть 9 августа 1957 г. прервала его плодотворную работу. Лев Семенович Багров похоронен на православном кладбище в Гааге³. Несмотря на то, что Багров не состоял в каких-либо морских эмигрантских организациях и, по всей видимости, практически не поддерживал связей со своими сослуживцами по Российскому флоту, о его смерти сообщил «Бюллетень Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке» – главный орган связи русского морского зарубежья в послевоенный период⁴.

В конце жизни Багров предложил приобрести свою уникальную коллекцию Академии Наук СССР (через президента Географического общества СССР в 1940–1950 гг. академика Л. С. Берга).

¹ Архив Российской Академии Наук (РАН). Ф. 1609. Оп. 2. Д. 126. Л. 1.

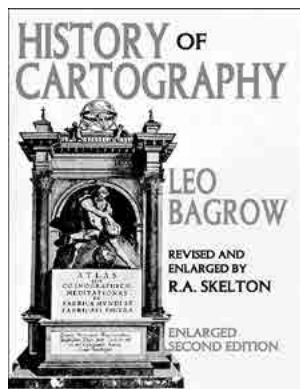
² Skelton R. A. Op. cit. P. 9.

³ Там же. P. 10.

⁴ Association of Russian Imperial naval officers in America, Inc. Бюллетень. 1958. № 3. С. 53.



*А. С. Багров в последние
годы жизни*



*Обложка книги
А. С. Багрова «История
картографии»,
изданной на английском
языке в 2009 г.*

6 марта 1956 г. предложение (повторно поступившее через видного советского географа-картографа К. А. Салищева, встречавшегося с Багровым во время командировки в Швецию) рассматривалось на заседании Ученого совета Общества, члены которого посчитали целесообразным принять его¹. 12 апреля 1956 г. президент Общества академик Е. Н. Павловский обратился к председателю Совета министров СССР Н. А. Булганину с просьбой рассмотреть возможность выделения 29 тысяч долларов для приобретения коллекции Багрова. «Достоинство Советского Союза и интерес науки требуют, чтобы памятники прошлого, составляющие гордость русского народа, вернулись в нашу страну», – писал Павловский². 19 июня 1956 г. начальник планово-финансового отдела Академии Наук СССР П. Г. Шидловский сообщил Павловскому, что предложение было рассмотрено Академией Наук и Министерством финансов СССР, которые пришли к выводу о том, что «в настоящее время эта покупка не может состояться ввиду отсутствия средств»³. В настоящее время коллекция Багрова хранится в США.

До последнего дня своей жизни А. С. Багров мечтал о возвращении на Родину. Об этом он писал в предисловии к двухтомному труду по истории русской картографии в период до 1800 г., увидевшему свет лишь после смерти ученого: «... Я отложил публикацию настоящей книги, надеясь, что мне пред-

¹ Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Ф. 1-1957. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

² Там же. Ф. 1-1956. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 5.

³ Там же. Л. 15.

ставится возможность завершить ее, изучив материалы, хранящиеся в русских библиотеках и архивах. Однако время идет, а шансов вернуться в Россию и возобновить там свою работу становится все меньше. Я боюсь, что, когда такая возможность появится, будет уже слишком поздно – я стану похож на белку из басни Крылова: "... дали орехов белке, когда зубов не стало"»¹.

Заслуги Багрова всегда признавались отечественными учеными. Несмотря на то, что в эмиграции у него вышли всего три статьи на русском языке, К. А. Салищев справедливо отметил в 1974 г., что Багров всегда был «русским ученым, каким он в своих научных интересах оставался до самой кончины»².



Автор благодарит за помощь в работе и предоставленные материалы заместителя директора Российского государственного архива Военно-морского флота, главного редактора альманаха «Кортик», кандидата исторических наук А. Ю. Емелина (г. Санкт-Петербург); заведующую Отделом картографических изданий Российской государственной библиотеки Л. Н. Зинчук (г. Москва); редактора Издательского, исследовательского и просветительского содружества «Посев», кандидата исторических наук Д. А. Тимохину (г. Москва).

¹ Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 6. В 2004–2005 гг. московским издательством «Центрполиграф» были «пиратски» переведены и изданы две работы Багрова «История картографии» и «История русской картографии». Их перевод выполнен с настолько чудовищными искажениями, что пользоваться данными книгами практически невозможно. Хочется верить, что рано или поздно научное наследие Л. С. Багрова вернется к отечественному читателю в полном и неискаженном объеме.

² Полевой Б. П. Двухтомная история картографии России Л. С. Багрова (до 1800 г.). // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. 1979. № 5. С. 131.

СЕКЦИЯ

ГРАДОУСТРОЕНИЕ
И АРХИТЕКТУРА

ПРОТОДИАКОН
ВЛАДИМИР Василик
проф. СПбГУ,
проф. Николо-Угрешской,
проф. Сретенской
духовных семинарий,
доктор исторических наук,
кандидат богословия,
кандидат филологических
наук



ОБРАЗ ИЕРУСАЛИМА В СЕВЕРНЫХ РУССКИХ ГОРОДАХ

Не сказать, что тема, обозначенная в заглавии данной статьи, не удостаивалась внимания исследователей. Стоит вспомнить работы архимандрита Александра Федорова¹, Г.Я. Макеева², А.М. Лидова³ и других исследователей. И все же остается целый ряд неисследованных вопросов, как в истории образа Иерусалима в русском градостроительстве, так и относительно его характера.

Исходной точкой градостроительного образа Иерусалима в русской культуре,

¹ Игум. Александр Федоров. Образно-символическая система композиции древнерусского города. СПб, «Специальная литература», 1999.

² См.: Мокиев Г. Я. Якоже Горний Иерусалим. Воплощение символа Горнего Иерусалима в архитектуре русских городов. // Небесный Град Святой Руси. М., Ихтиос. 2007.

³ Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств. М., 2009.



Иерусалим. Гроб Господень



София Киевская

безусловно, является Киев, который, однако, транслирует образ Константинополя и христианского Иерусалима¹. Осознание Киева как нового Иерусалима проявлялось, как минимум, со времен Ярослава Мудрого, о чем свидетельствует «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона: «И славнии градъ твои Киевъ величствомъ, яко вѣнцемъ, обложилъ, прѣдалъ люди твоя и градъ святыи, всеславнии, скорѣи на помощь христианомъ Святѣи Богородици, еи же и церковь на Великихъ вратѣхъ созда въ имя перваго Господскаго праздника – святаго Благовѣщення, да еже цѣлование архангель даст Дѣвици, будетъ и граду сему. Къ оной бо: “Радуйся, обрадованная! Господь с тобою!”, къ граду же: “Радуйся, благовѣрный граде! Господь с тобою!”»².

Иконографический характер этих слов митрополита Илариона и его связь с образом Иерусалима – вне сомнения³. Однако в них присутствует нечто большее: характеристики храма Благовещения над Золотыми воротами, связанного с Иерусалимской и Константинопольской символикой, переносятся на весь град Киев, и он становится образом Пресвятой Богородицы, Новым Сионом и Новым Иерусалимом, как бы новым Иерусалимским храмом со своим «Святое Святых» – собором Софии, Премудрости Божией, «покоем во Христе Иисусе», согласно словам свт. Иоанна Иерусалим-

¹ См.: Акентьев К. К. Мозаики киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте. // *Byzantinorossica*. Т. 1. 1995. С. 75–94.

² Митр. Иларион. Слово о законе и благодати. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. 1997. С. 25.

³ См.: Акентьев К. К. Указ. соч. С. 77–80.

*Золотые врата.
Благовещенская Церковь*



Новгород. Кремль



ского¹, на что раньше не очень обращали внимание исследователи. В проповеди свт. Иоанна Иерусалимского присутствует образ святого Сиона, как пространства из восьми кругов, самый главный из которых – последний – «Святое святых». Подобная круговая концепция, на наш взгляд, присутствует и в «Слове о законе и благодати», где присутствует минимум три круга: первый – Святое Святых – Десятинная церковь Пресвятой Богородицы, как Новый Сион, второй – Святое – храм святой Софии, и, наконец, третий, внешний круг – надвратная церковь Благовещения.

¹ О слове св. Иоанна Иерусалимского на обновление святого Сиона см.: Лурье В. М. Чаша Ездры – Чаша Соломона. Славяне и их соседи. Славяне и евреи. М., 1994.

Новгородская София



Отметим весьма важную деталь, ускользавшую от ученых, обращавшихся к данному сюжету: Киев является **северным** Иерусалимом: свт. Иларион говорит о Церкви Премудрости, «яко же ина не обрящется въ **всемь полунощии земнѣмь** ото вѣстока до запада»¹. Север («полунощь») – страна мрака, холода. Тем важнее, что Киев – «град, величеством сияющий»², который своим светом озаряет полночную тьму. В этом есть свой символизм победы над смертью, мраком и холодом язычества. Однако север является также эсхатологическим пространством: колесница Славы Господней в видении Иезекииля, несомая четырьмя таинственными животными, или живыми носителями Духа Жизни, движется с севера³. Соответственно, север – это пространство, где решаются конечные судьбы мира, и северный Иерусалим – Киев – служит для последней проповеди народам, призванным принять христианство перед концом времен.

Образ Нового Иерусалима влиял на градостроительную политику. Приведем наблюдения Г. В. Алферовой, согласно которым, «закон градский», памятник IX в., переведенный в X в. на церковнославянский язык, требовал расстояния не менее 12-ти стоп между

¹ Митр. Иларион. Указ. соч. Библиотека... С. 26.

² Там же. С. 27.

³ См. об этом: Blenkinsopp J. Ezekiel: A Bible Comment. for Teaching and Preaching. Louisville, 1990. P. 45.

*Троицкий собор и
Довмонтов град*



каждым двором¹. К ее наблюдениям относительно гномической стопы и значении гномона, в целом, бесспорным, следует добавить апокалиптический символизм. В апокалипсисе – двенадцатеричная система измерения (двенадцать ворот, двенадцать оснований, 12000 стадий – длина, ширина и высота Нового Иерусалима)². Соответственно, каждый христианский город несет в себе черты Нового Иерусалима даже в своей измерительной системе.

В ряде случаев естественный ландшафт города промыслительно совпадал с образом Нового Иерусалима, явленного в пророчестве Иезекииля и Откровении Иоанна Богослова. Как известно, Волхов

¹ Вышеприведенные положения позволяют предполагать, что русский город, как и византийский, закладывался с соблюдением модуля в 12 стоп или в другую меру. В византийском градостроительстве, видимо, применялась так называемая гномическая стопа, позволяющая увязать высоту здания с его размерами в плане и расположением на местности. Гномон – это шест, воткнутый в землю и бросающий тень. В определенное время дня эта тень измерялась, и по ней производился расчет. Очевидно, при строительстве города каждое здание рассматривалось как гномон, т. е. при решении вопроса о его высоте учитывалось, какую тень оно будет отбрасывать, что важно для садов и огородов. Алферов Г. Ф. Русские города века. М.: Стройиздат, 1989. С. 46–47.

² Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны (Откр. 21, 12, 14, 17).



Средневековый Владимир 1238 г.

разделяет Новгород на две половины – Софийскую и Торговую. В умах благочестивых новгородцев могли появляться аналогии со следующими словами Апокалипсиса: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды» (Откр. 22, 1–2)¹. Аналогия Новгорода с Иерусалимом присутствует, в частности, в службе иконе «Знамение»: Якоже дрѣвле во Иерусалимѣ Зоровавелемъ державная Твоя десница чудодѣйствоваше, Гóсподи, мнóжество безчйсленное протйвных побѣдй, такожде и сихъ низложй, пришѣдшихъ разорйти градъ, егóже искупйль еси Крóвию Твоёю, Сло́ве, да разумѣють отъ дѣлъ, яко Ты, Избáвитель, съ нами еси»². За исключением ошибки автора, спутавшего Зоровавеля с Езекией, в тексте поддерживается традиционный мотив сравнения осажденного древнерусского города с Иерусалимом времени Езекии, а его врагов – с язычниками ассирийцами³.

¹ См.: Игумен Александр Федоров. Указ. соч. С. 22.

² Служба иконе Знамения Божией Матери (27 ноября) (любое издание), стихира на стиховне, глас 1.

³ Сходный мотив присутствует, в частности, в Галицко-Волынской летописи. См.: Василик В. В. Образ Иерусалима в Галицко-Волынской летописи. Русин № 2 (32). 2013 С. 121–122.

Отметим, что сходный сюжет присутствует и в более поздней «Повести о приходе Стефана Батория под Псков», в которой Баторий уподобляется гордому ассирийскому вельможе Рабсаку, а Иван Петрович Шуйский – праведному царю Езекии, все же жители Пскова – иудеям, спасенным благодаря предстательству пророка Исаии¹.

Это не случайно, ибо Псков несет в себе черты Нового Иерусалима. Как справедливо отмечает Г.Я. Мокеев: «Напротив будущей церкви Троицы ставится церковь Иоанна Богослова – хранителя тайны Небесного Иерусалима»². Троицкий собор и 24 храма Довмонтова города Мокеев рассматривает как образ Сидящего на престоле и 24-ех апокалиптических старцев³.

К наблюдениям Г.Я. Мокеева следует добавить, что само посвящение главного храма города Пресвятой Троице отчасти имеет связь с Апокалипсисом: Ее совершенное откровение возможно лишь в будущем веке, преддверием чего является Пятидесятница. На наш взгляд, известные апокалиптические черты в видении Пскова намечаются уже в XIII в. Достаточно отметить, что в житии Александра Невского Ледовое побоище созерцается как последняя апокалиптическая битва. Псковичи встречают Александра Невского как нового Константина. Отметим, что

¹ Сия же многопохвальныя речи слышав король от своих первосоветников, тольми же паче гордынею и превознесся на град Псков, якоже древний горделивый Сенахирим, [царь асирский]. Егда многия грады окрестныя Ерусалимский за себя взя, тогда высоко помысли и на Ерусалим устремися, такоже на свою силу многую надеяся, якоже рече: «Не токмо града Иерусалима от меня царю Езекею с народы отстояти, но и Богу невозможно пособити против моя безчисленныя силы». Сего же горделивое превозношения и многобогохульныя глаголы услыша Богъ сицевым образом: егда приити ему под Ерусалим град и град осадившу, наутри же воставшу Асихириму, царю ассирийску, и обрете убитых своих вои 185 000; и сие увидев, в мале дружине в Ниневгю убежа и тамо от своих детей убиен бысть. Такоже и сему горделивому королю Степану случися подо Псковом неизреченным промыслом Божиим, яко и Насихириму царю. Источник: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/o-prihozhdenii-batoriya-na-pskov/o-prihozhdenii-batoriya-na-pskov-original.html> Изд. см.: Повесть о приходе Стефана Батория под Псков. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб. 2007. С. 225.

² Мокеев Г. Я. Указ. соч. С. 100.

³ «А на престоле был Сидящий; и Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду. И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы» (Откр. 4; 2, 4).

святой равноапостольный Константин в православном предании временами носил черты апокалиптического царя¹.

В образе древнерусского города, как Нового Иерусалима, часть соотносится с целым.

Новгородские писцовые книги, говоря о концах города, четко соотносят их с храмами. В Пскове и Старой Ладоге – та же ситуация. Храмы становятся функциональными и композиционными центрами, вокруг которых формируется городская среда. Достаточно упомянуть Владимир-на-Клязьме: Успенский собор и Золотые врата с Благовещенской церковью. Мы можем видеть, что на уровне идей образ идеального города в «Слове о законе и благодати» повлиял также на «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»: «Создалъ же бѣшесть собѣ городъ камень, именемъ Боголюбый, толь далече, якоже Вышегородъ отъ Кыева, тако же и Боголюбый отъ Володимѣря. Сы благовѣрный и христолюбивый князь Анѣдрѣи отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и прѣчистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну душу украсивъ всими добрыми нравы, уподобися царю Соломану, яко домъ Господу Богу и церковь преславну святыя Богородица Рождества посреде города камени создавъ Боголюбомъ и удиви ю паче всихъ церкви; подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ, тако и сии князь благовѣрный Анѣдрѣи и створи церковь сию и память собѣ и украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и камениемъ драгимъ, и жемчюгомъ великимъ безцѣннымъ.

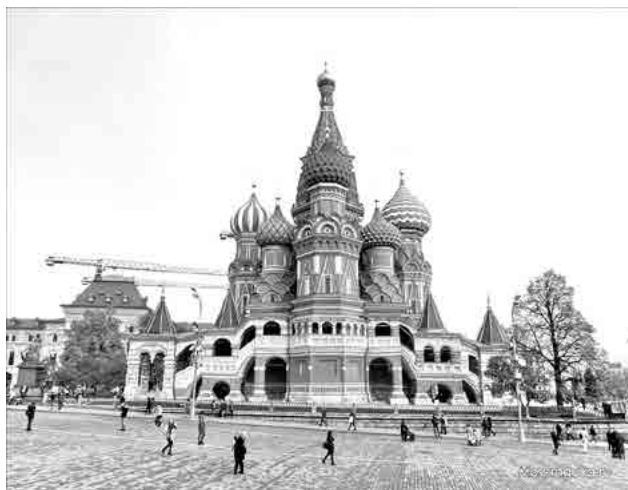
Князь же Анѣдрѣи бѣ городъ Володимѣрь силно устроилъ, к нему же ворота золотая доспѣ, а другая серебромъ учини, и доспѣ церковь камени сборную святыя Богородица, пречюдну велми, и всими различными видами украси ю отъ золота и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти, двѣри же церковныя троѣ золотомъ устрои. И всими видами и устроениемъ подобна быста удивлению Соломоновѣ Святая Святыхъ»².

Как отмечает В. В. Колесов, в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» несомненны черты южнорусских биографиче-

¹ См. об этом, в частности: Абрамов Е. П. Василик В. В., Кутузов А. В., Соколов Р. А. Мир Александра Невского. СПб. 2021. С. 52–54.

² Повесть об убиении Андрея Боголюбского. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб. 1999. С. 174.

*Собор Покрова на Рву
1560 г.*



ских повестей XI–XII вв.: подражание их стилю, прямые цитаты из житий святого равноапостольного Владимира и «Сказания о Борисе и Глебе», однако автор выступил уже в защиту интересов нового политического центра Руси, противопоставляя его Киеву (ср. четкую противопоставленность Киева Владимиру, Боголюбому – Вышгороду, Золотых и Серебряных ворот одного города – таким же воротам другого, мучений Андрея – мучениям Бориса и Глеба и т. д. вплоть до смешения названий Киева и Владимира в тексте народного плача)¹. Это справедливо, однако заметим, что противопоставление идет здесь по линии общности и трансляции: Владимир становится как бы вторым Киевом и, соответственно, в духе логики митрополита Илариона – Новым Иерусалимом. Мы видим здесь общую Давидо-Соломонову традицию и общий образный ряд, связанный с Соломоном и с Иерусалимским храмом. Однако здесь мы встречаем нечто новое: церковь Успения Богородицы уподобляется не Соломонову храму, а Святому Святых. Из этого логично сделать вывод о том, что Иерусалимскому храму уподобляется весь город Владимир. И в известном смысле здесь также работает идея кругов, присутствующая в проповеди свт. Иоанна Иерусалимского.

¹ Колесов В. В. Повесть об убиении Андрея Боголюбского. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. 1. А., 1989. С. 214.



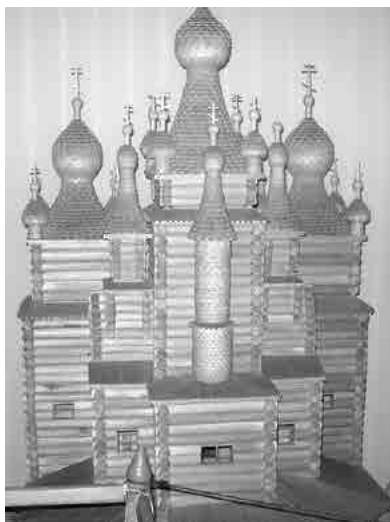
Новоиерусалимский монастырь

Идея Иерусалима по-своему реализуется в Москве. Стоит вспомнить, что центральным пунктом для Красной площади является Лобное место, которое символически напоминало о Голгофе и соотносилось с Голгофой в храме Гроба Господня. Об этом напоминал, в частности, чин хождения на осяти: шествие из Кремля на Лобное место и обратно¹. На образ Иерусалима указывал и придел Входа Господня во Иерусалим в храме Покрова на Рву (Василия Блаженного). Однако, Москва – не только образ земного Иерусалима времени Христа, но и небесного. На это намекали Софийская церковь и Государев сад в Замоскворечье². Отметим также замысел создания «Святого святых» в Москве, не говоря уже о том, что первоначально таковым мог мыслиться Успенский собор, заложенный святителем Петром, митрополитом Московским, в знак преемства по отношению к Владимиру-на-Клязьме и опосредованно к Киеву и Иерусалиму (см. выше).

Как справедливо отмечает С. С. Аверинцев, «средневековый че-

¹ Прот. Лев Лебедев. Москва патриаршая. М., 1996.

² Макеев Г. Я. Указ. соч. С. 130–140.



Воскресенский собор. Кола

ловек не был “спиритуалистом”, или материалистом. Для него горний град располагался здесь и сейчас. Всякий христианский город, сколь ни был скромн, есть икона рая, небесного Иерусалима»¹.

Однако, в XVI–XVII вв. мы наблюдаем в известном смысле противоположное движение: если ранее весь город мыслился как храм, то теперь храм мыслится как своего рода город. Наглядный пример тому – уже упомянутый нами храм Покрова на Рву, который, по мнению некоторых исследователей, задумывался как подобие семибашенного Влахернского

монастыря с церковью Пресвятой Богородицы, где произошло чудо Покрова². Однако у него мог быть и иной прототип – многопрестольный храм Гроба Господня, который полностью реализовался при патриархе Никоне в Новоиерусалимском монастыре³.

Эта же идея, на наш взгляд, присутствует и в Преображенском соборе Соловецкого монастыря, который строился в 1558–1566 г. игуменом Филиппом Колычевым, будущим святителем Филиппом

¹ См.: Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над центральной конхой св. Софии Киевской. // Древнерусское искусство и художественная культура домонгольской Руси. М., «Наука», 1972. С. 25–26.

² Архитектурные ансамбли Москвы. М., 1997. Об образе Иерусалима в храме Василия Блаженного существует значительная библиография. См., в частности: Горностаев Ф. Ф. Столбобразные храмы. // Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. II, СПб., б. г. С. 46, сн. 3; Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в. М., 1980. С. 70; Врунов Н. И. Покровский собор. М., 1988. С. 216–236; Гуляницкий Н. Ф. Освободительные идеи Руси в образах памятников архитектуры XVI – пер. пол. XVII в. // АН, вып. 32, М., 1984. С. 46; Бондаренко И. А. Средства создания архитектурно-художественного единства в русском градостроительстве XVI в. Автореферат на соискание ученой степени кандидата архитектуры. М., 1980. С. 11; Kampfer F. La concezione teologica ed architettonica della cattedrale «Vasiley Blazenny» a Mosca. // Arte Lombarda, nuova serie, 1976. N 44/45. P. 195.

³ См. о нем, в частности: Баталов А., Вятчина Т. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образа в русской архитектуре XVI–XVII веков. // Архитектурное наследство. 1988. Т. 36. С. 22–42.



Благовещенская церковь. Кола

Московским, почти синхронно с храмом Покрова на Рву. По мнению Андрея Баталова¹, Преображенский собор типологически связан с храмом Василия Блаженного и соотносится с тем же комплексом идей, в т. ч. и Иерусалима.

Соответственно образ Иерусалима можно видеть и в многоглавых деревянных храмах Севера: Покровской церкви в селе Анхимово, Преображенском соборе в Кижях и, разумеется, со связанной с ними Воскресенской церкви Колы². Отметим, что Воскресенская церковь составляла единый комплекс-тройник вместе с не дошедшей до нас колокольной и деревянной (с 1533 года), а затем каменной (с 1800 года) Благовещенской церковью³. Последнее весьма примечательно: здесь повторяется та же Константинополь-

¹ Баталов А. Л. Идея многопрестольности в московском каменном зодчестве середины – второй половины XVI века. // Русское искусство позднего средневековья. Образ и смысл. Сб. научных трудов / НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ / под ред. А. Л. Баталова. М. С. 103–141.

² О связи с ними см.: Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Дерево и гармония. Образы древнерусского деревянного зодчества. М. 1998.

³ Из последних работ о Воскресенской Церкви см.: Мокеев Г. Я. Тройное солнце Лапландии: Собор Воскресения Христова города Колы: История, реконструкции, символика. М.: Искательпресс, 2016.



Киж. Преображенская церковь

ско-Киевско-Владимирская идея: соотносённость главного храма города с Благовещенской церковью. Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что здесь присутствует и образ сакральных кругов, минимум двух: первый связан с самой Воскресенской церковью и ее двумя приделами – св. мученика Георгия Победоносца и свт. Николая Чудотворца, второй – с церковью Благовещения. Относительно посвящения приделов следует отметить, что они связаны с пасхальной и христологической тематикой: великомученик Георгий, согласно апокрифическим преданиям, неоднократно воскресал во время своих страданий; святитель Николай является «образом кротости» и истинного пастырства, пастырем добрым, душу свою полагающим за люди своя. Многоглавие и многопрестолость Воскресенской церкви отчасти связывает ее с Новоиерусалимским Воскресенским собором, тем более, что она строилась вскоре после его освящения в 1665 г.: в 1681–1684 годах. Как и собор Новоиерусалимского монастыря, Воскресенская Кольская церковь производила впечатление «храма-города». Число глав Воскресенской церкви – 19 – достаточно символично: 12+7 – полнота апостолов и полнота дней творения. Отметим, что ширина храма



Покровская церковь села Анхимова. Вытегра. 1708 г.

от востока до запада – 21 м – укладывается в 120 пядей. Здесь присутствует та самая двенадцатеричная система, связанная с Апокалипсисом, о которой мы говорили в начале нашей статьи. Наконец, само посвящение главного престола Воскресению Христову прочно увязывает Кольскую церковь с храмом Гроба Господня и, вместе с тем, – с Новым Иерусалимом, городом-храмом, который сойдет с небес после всеобщего воскресения мертвых.

ЖИРОВ

Владимир Константинович

научный руководитель ФГБУН
Полярно-альпийского сада-института,
советник председателя ФИЦ
«Кольский научный центр РАН»



МЕГОРСКИЙ

Владимир Владимирович

к. м. н., директор Научно-исследовательского центра медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике КНЦ РАН



ПАЦИЯ

Евгения Яковлевна

научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-Региона КНЦ РАН, Заслуженный работник культуры РФ



ГОНТАРЬ

Оксана Борисовна

к. б. н., зам. директора по научно-исследовательской деятельности НИЦ Медико-биологических проблем ФИЦ КНЦ РАН



Иерей ИОАНН ДАНИЛЕЦ

настоятель храма Новомучеников и Исповедников церкви Русской г. Апатиты



ГЕОМЕТРИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ И ДУХОВНОСТЬ АРКТИЧЕСКОГО ДОМА

Представьте себе драгоценный сосуд, падающий и разлетающийся на мелкие куски. Осколки падают, одни – ближе, другие – дальше и, соответственно, быстрее и дольше, в зависимости от расстояния...

Епископ Василий (Родзянко)

Ныне рассказ о самообразовании мира из туманных пятен рисует в воображении очень размашистую картину, представляющую будто нечто величественное, и увлекает; но прочного ничего под собой не имеет, и тотчас лопается сей мыльный пузырь, как только кто станет допрашивать, почему и как.

Святитель Феофан Затворник

Категории целого и целостности отражают важнейшую философскую сторону проблемы Вселенского распада. Согласно представлениям современной физики, его начало связано с «Большим Взрывом», однако многочисленные факты и теоретические обобщения неизбежно приводят к мысли о невозможности адекватно описать это событие, если основываться только на естественно-научных позициях. Метафорический образ разбитого сосуда¹ ста-

¹ Епископ Василий (Родзянко). Теория распада Вселенной и вера Отцов. М.: Паломникъ, 2003. 250 с.

новится особенно актуальным для отечественной светской науки именно сейчас, когда возможности ее сотрудничества с Церковью приобрели, наконец, зримые очертания¹.

Развитие нашей цивилизации по технократическому пути уже нарушило связи человеческого общества с природной средой, а в последнее время мы наблюдаем начало его следующей стадии – распада семейных отношений². Теперь можно надеяться только на то, что в ближайшие годы он не примет мировых масштабов, так как еще сохраняют жизнеспособность консервативные евразийские культуры, сдерживающие его развитие, во многом благодаря традиционному для них сакральному статусу дома. Пространственно и духовно отделяя семью от окружающего мира, дом до сих пор обеспечивает ей относительную целостность даже в т.н. «странах развитой демократии», и с этой точки зрения его можно уподобить несущей основе конструкции этнического месторазвития³.

Судя по современным масштабам и динамике происходящего Распада, Тварный мир уже вышел на «финишную прямую», которая ведет к разрушению высшего уровня его иерархии – человеческой души⁴. Современный общемировой политический кризис ускоряет этот процесс, делая проблему целостности социальной и природной

¹ в частности, в виде подписанного в ноябре 2020 г. Соглашения о сотрудничестве Кольского научного центра Российской Академии Наук с Мурманской и Мончегорской Митрополией Московского Патриархата Русской Православной Церкви.

² Официальное начало которому положено законодательным насаждением т. н. «общечеловеческих» ценностей в странах развитой демократии. Дело, слава Богу, еще не дошло до предсказанного 90 лет назад Е. И. Замятиным узаконенного регламента подбора супружеских пар и частоты их близких отношений, но в ряде стран закон уже охраняет право подростков самостоятельно определять свою половую принадлежность, да и само понятие пола в этих странах в последнее время сильно изменилось.

³ Это ключевое для евразийского учения понятие, введенное в 1927 г. П. Н. Савицким, наиболее полно отражает многосторонний характер взаимоотношений между человеческим обществом и ландшафтом. Здесь мы используем его в расширенном смысле, выделяя в этнотропной среде структурные уровни антропологического статуса личности, жилища и ландшафта, т. к. в духовном смысле первый из них для человеческой души является именно частью ее метафизически внешней среды, вместилищем и местом развития.

⁴ Одним из примеров тому являются уже нередкие сейчас случаи вытеснения физической реальности реальностью виртуальной на фоне стремительно развивающегося процесса всеобщей цифровизации. Можно предполагать, что это будет связано с усилением зависимости человека от компьютерных программ, фактически – срастанием с ними его личности.

сред особенно актуальной. Изучение религиозных основ происходящего сейчас распада может сыграть важную роль в решении вопросов межэтнических отношений. Поскольку духовные связи человека с окружающей средой могут принимать различные материальные формы, при проведении этих исследований необходимо сотрудничество светских ученых с представителями богословской науки.

Мурманская область предоставляет для этого широкие возможности. Сейчас на ее территории проживают представители в разной степени укорененных на Кольском полуострове этнических групп: от саамов, пришедших в эти края в глубокой древности, и поморов, мигрировавших сюда более 700 лет назад, до коми-ижемцев с ненцами, повторивших их путь шестью столетиями позднее. Несмотря на то, что большинство из них давно исповедует православную веру, до недавнего времени даже у поморов обнаруживались косвенные признаки язычества¹.

Благодаря этому обстоятельству, а также различной продолжительности существования на Кольском полуострове, данная территория может послужить экспериментальной площадкой для комплексного изучения процессов духовной и физической адаптации мигрантов из других областей древней и средневековой Руси и России. Двустороннее обсуждение результатов такой работы позволит приблизиться к пониманию принципов отражения духовных девиаций на уровнях, доступных для психофизических исследований, и может оказаться полезным для развития светской психологии и физиологии человека.

ДОМ, ЛИЧНОСТЬ, ЛАНДШАФТ. ЦЕЛОЕ И ЦЕЛОСТНОСТЬ

Понятие ЦЕЛОГО отмечено присущностью целому многих частей. Их отношение должно являть в себе отношение целого

¹ В этом смысле характерным является пример старинного поморского села Варзуга на Терском берегу Кольского п-ова, жители которого устояли перед соблазнами языческой, по сути, власти в 1920-х гг., но в отдельных случаях поддались ей в конце 1970-х гг. (митрополит Митрофан, устное сообщение).

к части. Этим единством числа, золотого деления, выражается единство целого во всем, многообразии его... В Среде нет ничего такого, что в сокращенном виде, в зачатке хотя бы не имелось бы у Человека; и в Человеке нет ничего такого, что в увеличенных... размерах, но разрозненно не нашлось бы у Среды.

Священник Павел Флоренский

Многочисленность и полисемантичесность интерпретаций дома, подавляющее большинство которых указывает на его связь с наиболее важными, от религиозной до бытовых, сторонами жизни человека¹, уже привели некоторых современных философов к заключению, что дом – это «не понятие и не категория, а скорее концепт... Неопределенность концепта как формы мышления, в отличие от понятия, как нельзя лучше иллюстрирует саму **ризоматическую** реальность наших дней»².

Поскольку дом является физической и духовной основой семейной среды, а семья – элементарной единицей этнической группы, аморфный характер этой постмодернистской реальности³ вполне соответствует социальным признакам Вселенского распада, являясь альтернативой высокоструктурированному, целостному консервативному обществу. Дом объединяет своих обитателей, индивидуальная целостность которых отражается, в частности, в специфике их личного пространства и антропологических признаков. Целостность дома, как обособленной семейной территории, проявляется в его архитектурных особенностях, а на уровне окружающей среды – в характере рельефа окружающего его ландшафта. Устойчивость этноса обеспечивается целостностью его составляющих на всех трех – лич-

¹ Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Екатерины, 2001. 398 с.

² Мороз В. В., Рымарович С. Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурно-философские основания. Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). (Выделено нами).

³ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

ностном, семейном и ландшафтном – уровнях структурной иерархии.

Формализация данного качества требует выбора характеристики, унимодальной для структур этих уровней. В связи с этим привлекает внимание пропорция «золотого сечения» (ЗС) – соотношение размеров (или продолжительностей) меньшей и большей частей двухкомпонентных пространственных или временных структур, равное $(2\sqrt{5} - 1) / 2$ (около 0.618)¹. Широкое распространение ее в природе и плодах человеческого творчества хорошо известно. Не только пространственные, но и временные формы ЗС обнаружены в строении биологических систем – от простейших до человека, в элементах ландшафта и космических объектах, а также многочисленных произведениях изобразительного и музыкального искусства.

Более ста лет назад православный священник, богослов и физик, о. Павел Флоренский², показал, что целостность пространственной или временной структуры отражается в близости ее пропорций к ЗС. Положив его представления в основу настоящей работы, мы использовали эту характеристику для оценки целостности структурных составляющих месторазвития: 1) ландшафта определенной территории, как среды обитания этнической группы; 2) жилища, как основы семейной среды и структурной единицы этнической территории, и 3) антропологических особенностей представителей конкретного этноса.

Принимая во внимание представления Л. Н. Гумилева³ о роли ландшафта в ментальном и духовном развитии этноса, можно было предполагать, что политеизм языческих культур, обожествляющий природные объекты и явления, послужил не только основой взаимосвязи географической и духовной составляющих архитектурных традиций, но и размытости границ между ландшафтом, домом и его элементами. В монотеистических культурах, напротив, эти границы выражены более отчетливо. Бинарные оппозиции: ЛАНШАФТ $\longleftrightarrow$ ДОМ (1), и ДОМ $\longleftrightarrow$ ЛИЧНОСТЬ (2) – объединяют целый спектр переходных форм, от слияния дома с ландшафтом до его полной изо-

¹ Некоторые авторы используют с этой целью обратную ЗС величину = 1.618.

² Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. 447 с.

³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО «Издательство АСТ». 2001. 560 с.

ляции¹ в первом случае, и от слияния с домом личного пространства² до отождествления с ним самой личности³ – во втором. Хотя полюса этих оппозиций достижимы только теоретически, выявление контрастных тенденций в многообразии традиционных жилищ позволяет использовать их, как основу классификации традиционных конструкций дома по конфессиональному принципу. В связи с этим оппозиции (1) и (2) могут рассматриваться с точки зрения различий между христианством и политеизмом. Разделение дома и ландшафта имеет особенное значение для ортодоксальных христиан, вслед за иудеями рассматривающими дикую природу, как духовно-нарушенную, враждебную для человека среду⁴; разные степени слияния дома с ландшафтом, в целом представляют языческий тренд в домостроительной архитектуре. Проблема целостности дома с арктическими ландшафтами до сих пор рассматривалась в основном с экологической точки зрения. Поэтому для изучения духовных корней северного домостроения особый интерес представляют переходные формы, при которых у язычников заметны монотеистические признаки в форме определенной иерархии духовных сущностей⁵, или, наоборот, примитивных суеверий у православного населения.

Духовная сторона отношений человека с миром проявляется на всех трех уровнях структурной иерархии месторазвитий – личности, дома и ландшафта. Принципиальным в этом смысле является вопрос о целостности каждой из этих структур и межуровневой целостности, т. е. степени взаимообусловленности крайних полюсов оппозиций (1) и (2). Для оценки такой возможности на основе анализа соответствующих пропорций было проведено сравнение физиономических, архитектурных и ландшафтно-геометрических

¹ временно достигаемой на орбитальных станциях или в субмаринах.

² например, в условиях палаточной жизни в геологических и других экспедициях.

³ чему вполне отвечает абсолютная изоляция от внешних стимулов личности, находящейся в состоянии религиозного транса или психических нарушений.

⁴ Грехопадение привело к стремительной духовной деградации мира, и, как следствие, его физическому огрублению, смерти и тленности. Природа стала враждебной человеку: «Проклята земля в делех твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву селную. В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратиши в землю, от нея же взят еси; яко земля еси, и в землю отыдеши» [Быт 3:17–19].

⁵ В частности, верховного бога Нума у ненцев.

данных, полученных для этнических групп поморов, коми-ижемцев, ненцев и саамов ¹.

ПРОПОРЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЖИЛИЩ

«Ойкос» – по-гречески значит «дом». Не потому ли и расцвела экология именно в наше время, когда человечество почувствовало себя совершенно бездомным?

Т.М. Горичева

Так как по своему иерархическому положению в месторазвитии дом находится между личностью и ландшафтом, теоретически он должен играть ключевую роль в формировании между ними физической и духовной связи при том, что архитектура традиционного жилища других объектов культуры отражает конфессиональную специфику конкретного этноса. Поэтому первой задачей настоящей работы был анализ архитектурных различий между традиционными жилищами исследуемых этнических групп.

В качестве главных в разнообразии языческих жилищ выделяются конические или пирамидальные формы кувакс и чумов, в основном различающихся по углу наклона образующей конуса (рис. 1). Широкое распространение именно этой формы среди северных, постоянно или периодически кочующих народов Старого и Нового Света обычно объясняется чисто практическими соображениями: доступностью подсобных материалов и простотой конструкции ².

¹ Расчеты по определению пропорций жилищ, лиц и соотношения площадей плоской и возвышенных частей ландшафтов Кольского п-ова, Ненецкого АО и Ижемского района республики Коми в каждом случае проводили по результатам 25–33 измерений, сделанных по фотографиям, доступным в сети Internet. Достоверность различий оценивали по t-критерию, рассчитанному на основе стандартных статистических программ, при этом обсуждались только различия, достоверные при уровне значимости $\leq 5\%$.

² Здесь не рассматриваются пропорции арктических жилищ других типов: иглу эскимосов и алеутов, яранг чукчей, эвенов и юкагиров, землянок юкагиров и «домов с воронкой» коряков, так как в настоящей статье мы ограничились только месторазвитиями субэтносов Кольского полуострова.



Рис. 1. Схема конструкции и внешний вид:
кумаксы (слева) чума (справа)

Антиподом кумаксы или чума является традиционная русская изба, хотя и претерпевшая у поморов и коми-ижемцев определенные изменения, но в основном сохранившая свою классическую форму (рис. 2).



Рис. 2. Внешний вид поморской (слева)
и коми-ижемской (справа) изб.

Геометрически эти формы различаются типом симметрии – радиальной в первом случае, и преимущественно билатеральной – во втором. Важным отличием изб от кумаков и чумов является также вертикальная составляющая конструкции, явно более выраженная на Севере по сравнению со среднерусскими избами. Следует отметить, что ее признаки заметны и в других типах арктических жилищ, особенно в чукотских ярангах (рис. 3) и землянках юкагиров (рис. 4). Юкагирские жилища можно рассматривать, как переходную форму

между чумами и ярангами, телесные углы занимаемых сегментов которых составляют около 240° и 120° , соответственно.



Рис. 3. Схема конструкции и внешний вид яранги

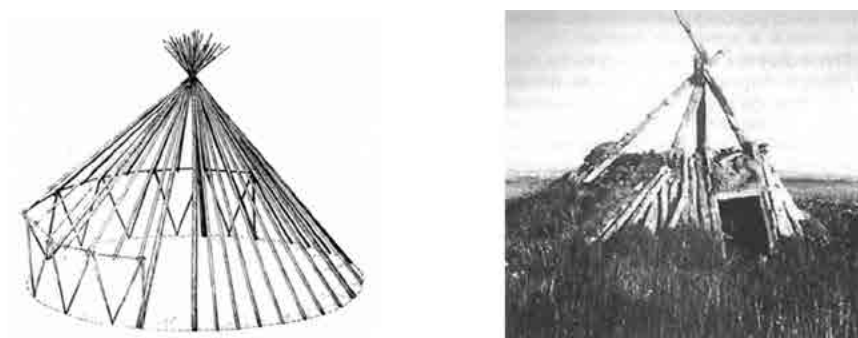


Рис. 4. Схема конструкции и внешний вид землянки юкагиров

Кроме кувакс, саамы использовали стационарные жилища двух других типов – веж и туп (рис. 5), у которых также имеется вертикальная, но менее выраженная, особенно в первом случае, составляющая. Первые из них представляют собой землянки, сохраняющие признаки конусообразности кувакс, вторые – бревенчатые избушкообразные строения с плоской или односкатной крышей. Некоторые исследователи¹ связывают появление этих жилищ у саамов западных районов Кольского полуострова с влиянием скандинавской культуры.

¹ Е. Я. Пация, устное сообщение.



Рис. 5. Внешний вид саамских вежи (слева) и тупы (справа).

Основные типы традиционных этнических жилищ на Кольском полуострове – изб поморов и коми-ижемцев, туп/веж/кувакс саамов, и чумов ненцев – образуют следующий морфологический ряд (рис.6):

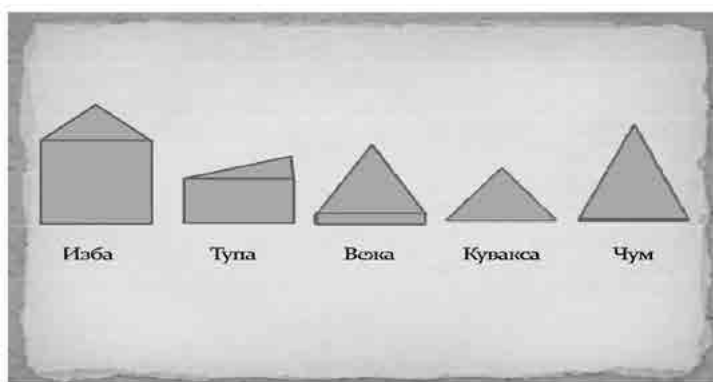


Рис. 6. Схема конструкций традиционных жилищ Кольского полуострова

Очевидно, что слева направо в этом ряду сокращается роль вертикальной составляющей вплоть до ее полной редукции у кувакс и чумов. В связи с этим в качестве наиболее информативного морфологического признака изб, туп и веж можно рассматривать отношение их общей высоты к высоте пирамидальной вершины (H/h).

Поскольку внешние признаки конструкции явно выраженных ко-

нических/пирамидальных форм в основном характеризуются степенью «растянутости» по вертикали, близость их пропорций к ЗС, т. е. уровень целостности, оценивался двумя способами: по отношению ширины основания к общей высоте (M/H), или величины образующей конуса (гипотенузы образующего прямоугольного треугольника) к половине ширины основания (L/m). Результаты проведенных расчетов приведены в табл. 1.

Таблица 1.

Пропорции традиционных
жилищ народов европейского Севера РФ

Избы поморов	Избы коми-ижемцев	Чумы ненцев	Куваксы саамов	Вежи саамов	Тупы саамов
1.65	1.57	1.32 $\beta=38^\circ$	1.58 $\alpha=58^\circ$	1.26 $\beta=58^\circ$	1.60 $\alpha=38^\circ$
				1.85	1.36
				средняя = 1.61	

Условные обозначения: Н – общая высота строения; h – высота надстройки; L – образующая конуса; М – ширина основания; $m=1/2 M$. Жирным шрифтом выделены отношения, по величине близкие к пропорции ЗС. Пояснения в тексте.

Судя по усредненным величинам этих показателей (табл. 1.), близких к 1.62 значений они достигали у ненецких чумов в случае использования показателя M/H – при размерах угла вершины конуса около 64° и основания – около 58° ; у саамских кувакс – при использовании L/m – 104° и 38° , соответственно. При альтернативном способе расчета величины отношений L/m для чумов и M/H для кувакс составили 1.32 и 1.26. Величина H/h для туп была приблизительно равна 1.27, для веж – 1.84. Как видно, пропорции изб поморов (1.65) и коми-ижемцев (1.57) были достаточно близки к величине ЗС. Интересно, что при этом средняя арифметическая пропорций веж и туп с учетом ошибки была также близка к пропорции ЗС.

ФИЗИОНОМИЧЕСКИЕ ПРОПОРЦИИ

В строении лица выступает конституциональная формула человека, если угодно, его эндокринная формула, и на этом косвенном пути анатомическая структура лица становится по меньшей мере столь же важным показателем психического габитуса, как и мимическая иннервация.

Э. Кречмер

Признаки ЗС обнаруживаются в различных пропорциях человеческого лица, однако, по аналогии с пропорциями архитектурных конструкций, для жителей Севера их логично в первую очередь искать в соотношениях его вертикальной и горизонтальной составляющих¹. На рис. 7–10 показаны характерные типы внешности представителей исследуемых этнических групп, а в табл. 2 представлены расчеты отношения физиономической высоты (расстояния от края волосистой зоны головы до нижней части подбородка) и ширины (скулового диаметра) лица.



Рис. 7. Поморы

¹ Кречмер Э. Строение тела и характер. М.: Книга по Требованию, 2012. 168 с.



Рис. 8. Коми-ижемцы



Рис. 9. Ненцы



Рис.10. Саамы

Таблица 2.

Пропорции лиц представителей коренных этнических групп Кольского полуострова

поморы		коми-ижемцы		ненцы		саамы	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1.66	1.53	1.63	1.39	1.43	1.43	1.27	1.38

Примечание: Жирным шрифтом выделены отношения, по величине близкие к пропорции ЗС.

Как следует из табл.2, кроме ненцев, у представителей других этнических групп пропорции женских лиц существенно отличаются от пропорций мужских. При этом у мужчин поморов и коми-ижемцев они были весьма близки к ЗС, а в случае женщин – заметно меньше. У остальных групп они были ниже величины ЗС, равны у ненецких мужчин и женщин, и ниже у мужчин, чем у женщин – в группе саамов. Обращает на себя внимание относительная бли-

зость пропорций женских лиц во всех этнических группах, кроме поморской, и общая тенденция к снижению величин исследуемых пропорций в ряду: поморы – коми-ижемцы – ненцы – саамы.

ПРОПОРЦИИ ЛАНДШАФТА

Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида.

А. С. Берг

Монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный – стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.

А. Н. Гумилев

Поскольку ландшафтное разнообразие создается в основном за счет высотных градиентов, для расчетов на данном этапе работы использовали соотношение площадей низин и возвышенностей (ниже и выше 50 м над у. м., соответственно) в Мурманской области (МО), Ненецком национальном автономном округе (НАО) и в Ижемском районе (ИР) республики Коми (рис. 11–14). Во всех случаях использовали сведения, опубликованные на официальных сайтах. Данные по НАО ограничивались тундровой и лесотундровой зонами на территориях Мало- и Большеземельской тундры, от восточных отрогов Тиманского кряжа до западных склонов хребта Пай-Хой и Полярного Урала. Аналогичные расчеты были отдельно проведены для территории ИР, так как субэтнос ижемцев стал заселять территорию современных республики Коми и НАО с XVI века, окончательно обосновавшись на Ижме

и Печоре в XIX веке. Можно предполагать, что ландшафты, приуроченные к бассейнам именно этих рек, сыграли важную роль в формировании месторазвития данной этнической группы и последующей эволюции ее материальной и духовной культуры.

В результате было установлено, что в Мурманской области отношение суммарных площадей низин и возвышенностей равно 1.39, а в Ненецком национальном автономном округе – 1.89; их средняя арифметическая (1.64) была близка к величине пропорции ЗС. С этой точки зрения, усредненный ландшафт НАО отличается от ландшафта МО большей «вытянутостью» по вертикали. Для ИР величина этого показателя составила 1.27.

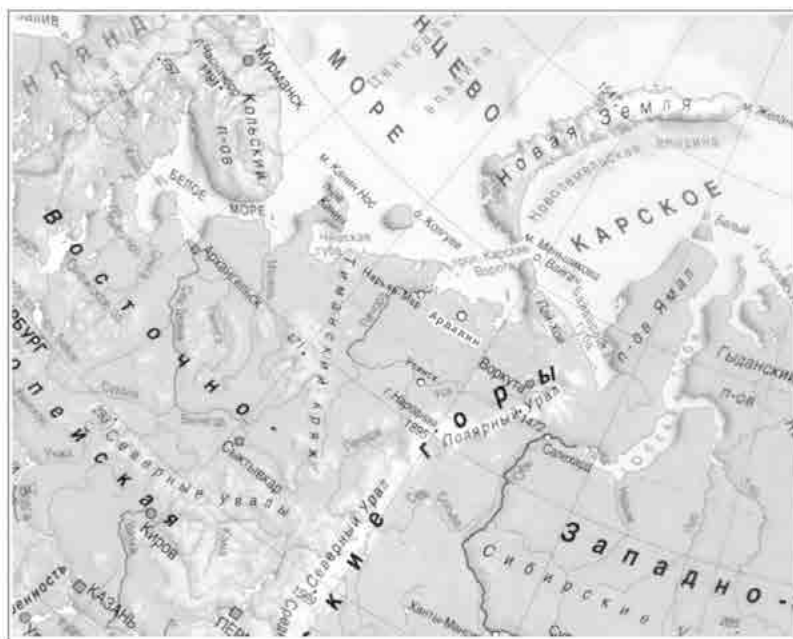


Рис. 11. Месторазвития исследуемых этногрупп:
МО, НАО, ИР республики Коми.



Рис. 12. Ландшафты Мурманской области



Рис. 13. Ландшафты Ненецкого национального автономного округа



Рис. 14. Ландшафты Ижемского района республики Коми

МЕЖУРОВНЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЦЕЛОСТНОСТЬ И ДУХОВНОСТЬ МЕСТОРАЗВИТИЯ

*Человек – в мире; но человек так же сложен,
как и мир. Мир – в человеке; но и мир так же
сложен, как и человек.*

Священник Павел Флоренский

Самоподобие, или инвариантность при изменении масштабов или размеров, присуще многим законам природы и бесчисленным явлениям в окружающем нас мире. Более того, самоподобие – одна из важнейших симметрий, играющих формообразующую роль в нашей Вселенной и лежащих в основе наших попыток постичь ее.

Манфред Шредер

Данные таблиц 1, 2 и геометрические особенности ландшафтов, представленные в тексте предыдущего раздела, вместе с величинами парных отношений этих параметров (лицо/жилище, жилище/ландшафт, лицо/ландшафт) суммированы в таблице 3. Соответствующие отношения для мужчин и женщин исследованных этнических групп даны в первом и третьем случаях отдельно.

Таблица 3.

Пропорции объектов различных уровней организации
исследуемых месторазвитий

ПРОПОРЦИИ	Поморы	Коми-ижемцы	Ненцы	Саамы
ЛИЦО	1.66 муж 1.53 жен	1.63 муж 1.39 жен	1.43 муж 1.43 жен	1.27 муж 1.38 жен
ЖИЛИЩЕ	1.65	1.57	1.32 чумы $\beta=38^\circ$ 1.58 $\alpha=58^\circ$	1.26 куваксы $\beta=58^\circ$ 1.60 $\alpha=38^\circ$
				тупы 1.85 средняя = 1.61
ЛАНДШАФТ МО			1.39	
ЛАНДШАФТ НАО			1.89	
			СРЕДНЯЯ НАО/МО = 1.64	
ЛАНДШАФТ ИР			1.27	
			СРЕДНЯЯ НАО/ИР = 1.58	
ЛИЦО муж/ЖИЛИЩЕ	1.01	1.04	1.32 0.91	1.01 0.79
ЛИЦО жен/ЖИЛИЩЕ	0.93	0.90	1.32 0.91	1.10 1.13
ЖИЛИЩЕ/ЛАНДШАФТ МО	1.19	1.13	0.95 1.14	0.91 1.15
ЖИЛИЩЕ/ЛАНДШАФТ НАО	0.87	0.83	0.70 0.84	0.67 0.85
ЖИЛИЩЕ/ЛАНДШАФТ ИР	1.30	1.24	1.04 1.24	0.99 1.26
ЛИЦО муж/ЛАНДШАФТ МО	1.19	1.18	1.03	0.91
ЛИЦО жен/ЛАНДШАФТ МО	1.10	1.00	1.03	0.99
ЛИЦО муж/ЛАНДШАФТ НАО	0.89	0.86	0.76	0.67
ЛИЦО жен/ЛАНДШАФТ НАО	0.81	0.74	0.76	0.73
ЛИЦО муж/ЛАНДШАФТ ИР	1.31	1.28	1.13	1.00
ЛИЦО жен/ЛАНДШАФТ ИР	1.21	1.09	1.13	1.09

Примечания: 1) МО – Мурманская область, НАО – Ненецкий национальный автономный округ, ИР – Ижемский район республики Коми.

2) α – угол наклона образующей конуса, β – $\frac{1}{2}$ угла вершины чума/куваксы.

3) Жирным прямым шрифтом без подчеркивания выделены величины параметров, значимо не отличающихся от 1.62; то же, с подчеркиванием, - величины их отношений; жирным наклонным шрифтом - величины, отличия которых от 1.0 были недостоверны.

Согласно взглядам о. Павла Флоренского, соответствие конституциональных пропорций объекта ЗС отражает его целостность¹, а равенство пропорций структур разных уровней свидетельствует об их подобии, т.е. о фрактальном принципе² организации всей системы. С другой стороны, оно указывает на существование вертикальных, или «шунтирующих», связей, концепция которых применительно к биологическим адаптациям была предложена нами ранее³. Подчинение общему закону многоуровневой организации систем всех известных (от микромира до Вселенной) пространственных масштабов, дает основание считать, что в основе адаптаций этнических месторазвитий, как и биологических систем, также лежат изменения их целостности. В связи с этим представляются важными две возможности.

Высокая целостность отдельного элемента месторазвития, которая выражается в близости его геометрических пропорций к величине ЗС, является признаком способности к автономному существованию при распаде всей системы в неблагоприятных условиях внешней среды⁴, а вертикальное шунтирование предотвращает ее распад, увеличивая межуровневую целостность. Поддержание равновесия между ними обеспечивает общую устойчивость этнической системы, в том числе – путем увеличения способности к восстановлению исходной формы после распада на отдельные элементы в неблагоприятных условиях⁵.

¹ Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. 447 с.

² Шредер М. Фракталы, хаос, степенные законы. Миниатюры из бесконечного рая. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. 528 с.

³ Жиров В. К., Гонтарь О. Б., Мегорский В. В. Межуровневые связи в адаптациях фитогенных систем. // Известия Российской Академии Наук. Серия Биологическая. № 2. 2020. С. 137–143. Мы сознательно избегаем интерпретации шунтирующих связей с позиций фрактальной геометрии, так как это требует проведения более детальных исследований, описанных в монографии: Гелашвили Д. Б., Иудин Д. И., Розенберг Г. С., Якимов В. Н., Солнцев Л. А. Фракталы и мультифракталы в биоэкологии. Нижний Новгород. Изд. НГУ, 2013. 370 с.

⁴ Это можно наблюдать и у многих растений, изменяющих жизненную форму, и примитивных животных, отдельные фрагменты которых способны к самостоятельному существованию в экстремальных условиях.

⁵ Такой способностью обладают сообщества современных ближневосточных и среднеазиатских мигрантов, не теряющих своей этнической идентичности даже вдали от породивших месторазвитий. Во многих случаях ее проявления коррелируют с кочевым образом жизни.

По мнению О. А. Зауралова¹, у растений существуют только две – активная и пассивная – стратегии адаптации, которые объединяют все известное многообразие приспособительных реакций, различаясь высоким или низким, соответственно, уровнем целостности растительного организма. Поскольку эта концепция строится на неспецифических для растений, и даже для всей биологической области, понятиях, она, как указывалось нами ранее, может использоваться для описания поведения систем и более высоких уровней организации². Соответственно, представления о двух стратегиях адаптаций применимы и для характеристики этногенетических процессов: в частности, интерпретации обнаруженных нами зависимостей появления признаков внутри- и межуровневой целостности у различных этнических групп.

Используя терминологию Л. Н. Гумилева, можно определить, что быстрое восстановление и увеличение целостности этнического образования вследствие «всплеска его пассионарности» (выделено нами), т. е. «способности и стремления... к изменению окружения, или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды»³ является признаком активной адаптации этнической системы. В историческом развитии этноса периоды всплесков пассионарности, во время которых он завоевывает новые территории и подчиняет себе другие этносы, чередуются с периодами ее падения, когда его самого вытесняет или поглощает другой этнос.

Подобно адаптациям биологических систем, колебания пассионарности этнической группы связаны с изменениями ее внутри- и межуровневой целостности, отражающейся в близости пропорций геометрических параметров к величине ЗС, в первом случае, или их сходстве у структур различных уровней – во втором. При этом

¹ Зауралов О. А. Два типа устойчивости растений. // Проблемы и пути повышения устойчивости растений к болезням и экстремальным условиям среды в связи с задачами селекции, ч. 1. Л.: изд. ВИР, 1981. С. 9–11. Однако его логика явно выходит за границы проблемы адаптаций растительных организмов и может использоваться для систем более высоких, включая биосферный, уровней организации.

² Жиров В. К., Гонтарь О. Б., Мегорский В. В. Межуровневые связи в адаптациях фитогенных систем. // Известия Российской Академии Наук. Серия Биологическая. № 2. 2020. С. 137–143.

³ Л. Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. М., ООО «Издательство АСТ», 2001. 560 с. С. 271.

сходство антропологических или архитектурных пропорций с ландшафтными может указывать на адаптированность этногруппы к условиям данной среды, соответственно, на уровне личности или жилища.

Вместе с тем, очевидно, что при таком подходе к поведению этнических систем не учитывается роль духовных факторов, в частности, их связь с пассионарностью. Об этом Л. Н. Гумилев говорит иносказательно, определяя пассионарность, как «признак не только индивидуальный, но и популяционный», и указывая на то, что он – «атрибут не сознания, а подсознания»¹. Развивая его мысль на основе представлений о. Павла Флоренского о духовном смысле обратной перспективы в пространственном восприятии², ранее мы предположили, что в развитии межэтнических контактов и в этногенезе вообще важную роль могут играть особенности пространственного восприятия³. Косвенно это подтверждается результатами работ О. А. Гончарова, показавшего доминирование обратной перспективы в перцептивном пространстве ненцев-оленьеводов НАО⁴. Вместе с высокой миграционной активностью, в пользу которой свидетельствует расселение их предков еще в первом тысячелетии н. э. по обширной приарктической территории от Белого моря до Таймыра^{5, 6}, пред-

¹ Попробовал бы он сказать об этом прямо. «Этногенез и биосфере Земли» была опубликована в 1980 году, и очевидно, что при советской власти она не увидела бы свет, если бы Лев Николаевич, неоднократно имевший печальный опыт несогласия с ее порядками, не использовал бы в своей теории эзоповского языка.

² Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. 447 с.

³ Жиров В. К., Гонтарь О. Б., Маурчева П. А. Особенности пространственной организации ландшафтов Кольского Севера в контексте духовности поморской и саамской культур. // Север России – один из источников ее развития и единения народов: уроки истории. / Сборник докладов региональной научно-практической конференции в рамках общественного форума «Всемирный Русский Народный Собор» 26–27.11.2015 г., г. Кировск Мурманской области. Под ред. А. М. Ершова. Мурманск: изд. МГТУ, 2015. С. 27–32.

⁴ Гончаров О. А. Закономерности восприятия и изображения перспективных отношений. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2009. № 4, С. 1–15.

⁵ по представлениям Фишера-Кастера-Прокофьева, вместе с другими самодийскими племенами Саянского нагорья и аборигенами восточных приарктических районов.

⁶ Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 1 (1). 2013. С. 79–96.

ставители ненецкого субэтнуса с древних времен отличались выраженной пассионарностью.

По нашему мнению, это свойство усматривается и в религиозных особенностях данной этнической группы, так как определенная «монотеистичность» ненецкого пантеона – иерархия богов во главе с верховным богом Нумом – предполагает наличие вертикали власти. На физическом уровне этот принцип организации потустороннего мира отражается в авторитарности социального устройства – необходимого условия успешной межэтнической конкурентной борьбы за территории и природные ресурсы. Вместе с тем, косвенно на это указывает и вышеупомянутое восприятие ненцами пространства преимущественно в обратной перспективе. Можно предполагать, что обсуждавшаяся о. Павлом Флоренским соборность такого мировосприятия является особенностью не только христиан, но и пассионарных язычников, так как именно она дает возможность лидеру увидеть проблему глазами масс и заставить их поверить в правильность своих действий.

Среди исследованных этногрупп мужчины-поморы и мужчины-коми отличались сочетанием межуровневой (лицо-жилище) и внутриуровневой (лицо) целостности; у женщин этих групп аналогичная связь была слабо выражена или отсутствовала. Однако, в отличие от мужчин, в условиях Мурманской области у них наблюдались отчетливые признаки «длинной» межуровневой связи, в терминах фрактальной геометрии – пространственно-временного скейлинга¹, соответственно – целостности на уровнях лица-жилища и лица-ландшафта. У ненцев и саамов признаки внутриуровневой целостности были обнаружены только для жилищ и только при указанных ранее способах расчета, однако «длинная связь» лицо-жилище-ландшафт (только применительно к Мурманской области) была хорошо выражена и у мужчин, и у женщин.

Сходство поморов с коми-ижемцами по явным признакам внутри- и межуровневой целостности первых двух (лицо-жилище) иерархий месторазвития свидетельствует о явной связи характера строения мужских лиц с геометрическими особенностями традиционных

¹ Гелаишвили Д. Б., Иудин Д. И., Розенберг Г. С., Якимов В. Н., Солнцев Л. А. Фракталы и мультифракталы в биоэкологии. Нижний Новгород. Изд. НГУ, 2013. 370 с.

жилищ. Близость обеих пропорций к величине ЗС и отсутствие признаков межуровневой связи с ландшафтом указывает на независимость мужчин этих групп от внешней среды, т. е. потенциально их высокую пассионарность. Очевидно, что при консервативном православном укладе семейной жизни в обеих этногруппах именно мужчины играли ведущую роль и в проектировании, и в строительстве дома, выступая в роли главных хранителей архитектурных традиций. Пропорции женских лиц, особенно – группы коми-ижемцев, не столь близки к величине ЗС и меньше связаны с пропорциями традиционных жилищ, хотя и приближаются (особенно у коми, вплоть до равенства) к пропорциям ландшафта Мурманской области.

Таким образом, в отличие от оседлых и давно принявших христианство мужчин-поморов и мужчин-ижемцев, у представителей обоих полов саамов и ненцев¹ при более выраженных рудиментах язычества, иногда приобретающих доминантный характер, отчетливо прослеживалась вертикальная связь между верхним (антропологическим), средним (жилищным) и нижним (ландшафтным) уровнями месторазвитий. Наличие аналогичной (антрополого-ландшафтной) связи у женской половины поморов и коми-ижемцев, по-видимому, объясняется большей физической и душевной, иногда переходящей в духовную, близостью к природной среде, по сравнению с пассионарными мужчинами-добытчиками и завоевателями².

Близкие отношения с дикой природой, тем более – различные формы слияния с ней, вообще можно рассматривать в качестве признака языческой духовности. Лейтмотивом христианского отношения к природе, которая со времени грехопадения стала враждебной человеку («Проклята земля в делах твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву селеную. В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратиши в землю, от нея же взят еси; яко земля еси, и в землю оты-

¹ В силу особенностей своей хозяйственной деятельности оленеводы – ненцы и саамы – значительно больше времени тратили на передвижение по суше, чем поморы и коми-ижемцы. При этом ненцы проявляли большую «подвижность», чем саамы, поскольку технология их оленеводства отличалась от саамской, будучи связанной с активным управлением большими стадами на больших тундровых пространствах. Саамы же традиционно имели дело с меньшим поголовьем относительно свободно пасущихся оленей.

² если иметь в виду мужчин в традиционном, а не современном понимании.

деши»¹), является четко определенное духовное отличие от нее человека. Человек, как вершина творения и соработник Бога, не будучи связан с природой генетически, был призван играть по отношению к ней роль мудрого и доброго хозяина. Вследствие большей подверженности действию природных стихий на психические уровни своей личности, женщина не только биологически, но душевно и духовно ближе к природе, чем мужчина. В связи с этим обращает на себя внимание практически полное совпадение у саамов пропорций мужских лиц с пропорциями кувакс, а пропорций женских – с пропорциями Кольских ландшафтов. Однако преимущества этой близости – более тонкая эмоциональная организация, более выраженная эмпатичность и социальная адаптабельность² – даже в православных сообществах подчас оборачиваются суеверностью и другими духовными аберрациями.

По мнению митрополита Митрофана (Баданина)³, по уровню языческой духовности саамский субэтнос изначально превосходил известные политеистические культуры. В частности, это относится и к ненцам, в политеизме которых, как уже говорилось, обнаруживается несомненный признак монотеизма. Данное объяснение вполне логично, так как, согласно тому же автору, восточные саамы обитают на территории Кольского полуострова с глубокой древности, и, соответственно, в большей, чем представители других этнических групп, степени адаптированы к местным условиям, включая геометрические особенности ландшафтов. С этой точки зрения точно такое же, как и у саамских женщин, сходство пропорций лиц женщин коми-ижемцев с пропорциями Кольских ландшафтов может быть следствием только близости последних к ландшафтным пропорциям Ижемского района, где проживает значительная часть популяции коми-ижемцев.

Как уже говорилось, зависимости, обнаруженные при сравнении размерных пропорций антропологических, архитектурных и геогра-

¹ Быт 3:17–19.

² опять-таки у женщин в традиционном понимании.

³ Митрополит Митрофан (Баданин). Север как феномен. Христианство на подступах к Кольскому Северу, 2-е изд., испр. и доп. // Кольский Север в Средние века. Т. 1. СПб.: Ладан, 2019. 272 с.

фических составляющих месторазвитий Мурманской области, Ненецкого автономного национального округа и Ижемского района, естественно наводят на мысль об их фрактальной организации¹. Вместе с тем, близкие к величине ЗС усредненные пропорции саамских туп и веж, а также ландшафтов МО, НАО и ИР, с этой точки зрения можно объяснить только значительно большими пространственными масштабами реально существующих (или когда-то существовавших) месторазвитий.

Использование методов фрактальной геометрии для дальнейшего развития этого направления позволит формализовать вариации целостности этнических месторазвитий, что послужит теоретической базой для формирования научно-исследовательской программы, объединяющей социокультурные, психофизиологические и теологические исследования различных этнических групп Крайнего Севера. Результаты комплексных исследований не только приблизят нас к пониманию наиболее важных закономерностей этногенеза в регионах высоких широт, но будут востребованы в связи с решением стратегических задач освоения Арктики в сложных условиях современных международных отношений. В частности, полученные данные позволяют заложить фактологическую основу для создания методов предварительной оценки адаптивного потенциала и прогноза его реализации у переселенцев из других регионов.

1 Шредер М. Фракталы, хаос, степенные законы. Миниатюры из бесконечного рая. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. 528 с.

ШАХНОВИЧ

Марк Михайлович

археолог Центра
гуманитарных проблем
Баренц-региона, ФИЦ
Кольский научный центр
РАН



ТРАДИЦИЯ ПЕЩЕРНОЖИТЕЛЬСТВА В КАРЕЛИИ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ – НОВОМ ВРЕМЕНИ

На территории Карелии известно значительное количество интересных памятников периода позднего Средневековья – Нового времени, которые можно отнести к сфере церковной археологии: монастыри, скиты, часовни, гари, кладбища, могилы, поклонные кресты и т.п. Большинство их давно находится в археологизированном состоянии, и память о них сохранилась частично в местных топонимах. Исследование их возможно только в ходе специализированных работ.

Тема «пещерничества» – суровой формы индивидуального религиозного подвижничества в православных и иноконфессиональных группах – до начала XXI века скупно отражалась в отечественной историографии¹. В по-

¹ Бобровский Т. А. К вопросу о типологии и датировке древнерусских пещерных монастырей. // Российская археология. 1993. № 4. С. 122–129.

следние два десятилетия интерес к изучению памятников «пещерной старины» как вида сакрального пространства существенно вырос. Основное внимание специалистов привлекают подземные культовые комплексы на Украине и в южных областях России¹. В Карелии практика «пещерножительства», как одна из сфер религиозной жизни православного населения в период позднего Средневековья – Нового времени, ранее не привлекала внимания специалистов. Настоящая работа, продолжая публикацию материалов по археолого-историческому изучению православных монастырей Карелии и Русской Лапландии², ставит целью отчасти восполнить этот пробел.

Яшезерская Благовещенская пустынь. Небольшой и до недавнего времени малоизвестный монастырь в юго-западном Прионежье основал в 1570-х годах преподобный Иона Яшезерский, которого принято считать младшим учеником знаменитого православного подвижника Александра Свирского. Первое описание мужской обители в вепском крае содержит писцовая книга Андрея Плещеева и подъячего Семейки Кузмина 1582/83 года. Они зафиксировали, что в Рождественском Остреченском погосте-округе на Яше-озере монахи во главе с «попом черным» Ионой поставили деревянный храм Благовещения Богородицы с приделом святителя Николая. Чернецы обрабатывали небольшой участок земли³.

¹ Шевченко Ю. Ю. Подземножительство как феномен русской христианской духовной культуры. // Реальность этноса. Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2001. С. 39–44; Агапов И. А. Христианские культовые пещерные памятники Среднего Подонья: краткий обзор. // Христианство в регионах мира. СПб.: Наука, 2008. Вып. 2. С. 214–228; Полева Ю. В. Конфессиональные различия пещерничества в междуречье Волги и Дона. // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 1 (15). С. 53–59; Степкин В. В. Процесс сооружения культовых пещер на территории европейской части России. // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4. С. 241–245.

² Шахнович М. М. Археологическое обследование Благовещенской церкви Ионо-Яшезерского монастыря в 2012 году. // Православие в вепском крае. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 50–75; Алексеев А. В. Предварительные результаты археологических исследований на месте Свято-Троицкой Юрьегорской пустыни. // Вестник Сыктывкарского университета. 2014. Вып. 3. С. 15–35; Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск: Verso, 2014. С. 115–221; Шахнович М. М. Археологические работы по поиску «братской могилы 116 мучеников» Трифонов-Печенгского монастыря. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2017. Вып. 10. С. 241–256.

³ Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь ... С. 115–120.

Жалованная грамота 1589 года новгородского митрополита Александра предоставляла яшезерским старцам податные и судебные льготы, освобождая их на три года от уплаты полагавшихся податей в пользу Софийской казны и митрополичьих десятинников¹. В писцовой книге Ивана Долгорукова и Постника Ракова 1628–1631 гг. отмечается, что в Яшезерской пустыни, которую по-прежнему возглавлял строитель Иона, появился второй деревянный храм во имя Преображения Господня. Монахи постепенно расширяли пашню «на новых рощистях» с помощью монастырских «детеньшей». Крестьянскими или бобыльскими дворами скромная Яшезерская пустынь не владела.

Монастырь как «малобратственный» был упразднен при Екатерине II по секуляризационной реформе 1764 года. При его церквях образовался Благовещенский приход, не имевший своих прихожан. В середине 1830-х годов его приписали к соседнему Ивинскому приходу. Официальное возрождение мужской обители на Яше-озере в 1852–1857 годах стало возможным благодаря всесторонней поддержке щедрого благотворителя, петрозаводского купца Марка Пименова. Возводятся каменный храм Преображения Господня, братские корпуса, гостиница для паломников, скотный двор, добротная кирпичная ограда. Его главной святыней были мощи преподобного Ионы Яшезерского, почивавшие под спудом в Преображенской церкви.

С 1918 году строения Яшезерской пустыни использовались под разные советские жилые, хозяйственные и пенитенциарные учреждения. В настоящее время она восстанавливается Петрозаводской и Карельской митрополией. В 2012 году археологической экспедицией НМРК на монастырской усадьбе проводились раскопки остатков церкви Благовещения Пресвятой Богородицы².

По преданию, прп. Иона был «родом из Шокши» и прожил более ста лет. Его имя впервые упоминается в надписи на храмовом кресте из Благовещенской церкви с точной датой: 18 января 1579 года³. По преданию, последние годы своей долгой жизни

¹ Материалы по истории Карелии XII–XVI веков. Петрозаводск: Госуд. изд-во КФ ССР, 1941. С. 303–304.

² Шахнович М. М. Археологическое обследование Благовещенской церкви... С. 50–75.

³ Елпидинский Я. С. Новгородские владыки. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 411.

основатель монастыря уединялся в пещерной келье, в так называемой внутренней пустыни, располагавшейся в ближайших окрестностях обители. Информация о существовании «пещеры» прп. около деревни Яшезеро сохранялась среди местного населения вплоть XXI в.¹ Уникальный объект до сих пор не попадал в поле зрения исследователей.

Традиция пещерножительства. Православная традиция пещерничества уходит корнями в раннюю историю палестинского монашества (III–V вв.). Пещерный затвор считался одним из проявлений строгой иноческой аскезы. Первые пещерные монастыри на территории России связаны с историей христианских общин в Северном Причерноморье в III веке н. э.² В последующем «пещерные кельи» были устойчивой частью религиозной жизни в XI–XX веках во всех частях православной ойкумены.

В Карелии, по житиям местных святых, в скальной пещере уединялся преподобный Корнилий Палеостровский³. В Спасо-Преображенском Валаамском монастыре на острове Святой доньине находится пещера, где, как считается, спасался преподобный Александр Свирский. Преподобный Кирилл Челмогорский, избрав для уединения в 1316 году гору Челма, также первоначально жил в пещере⁴. В житии кольского прп. Трифона Печенгского упоминается пещера на реке Паз, где подвижник скрывался от преследования «сыроядцев».

Существуют лаконичные сведения о том, что один из основателей Важеозерского монастыря (80 км к западу от Яшезеро) – преподобный Геннадий – подвизался в «пещере». Об этом упоминает в своем труде епископ Амвросий (Орнатский)⁵, и говорится в до-

¹ Об этом свидетельствует сохранившаяся черно-белая любительская фотография, вероятно, конца 1970-х гг., на которой группа молодежи и пожилой мужчина позируют около входа в «пещеру».

² Шевченко Ю. Ю. О времени возможного возникновения пещерного храма на Ай-Тодоре (Чильтер-Коба) в Крыму. // Полевые исследования МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. Вып. 10. С. 94–117.

³ Новый Олонецкий патерик. / М. Г. Бабалык, В. Г. Баданов, Н. А. Басова, В. М. Быкова, Е. Н. Вознесенская, Ю. Н. Кожевникова. СПб.: Дмитрий Буланин. 2013. С. 198.

⁴ Докучаев-Басков К. А. Челменский пустынный, преподобный чудотворец Кирилл, и его пустынь. // Христианское чтение. 1898. № 3–4. С. 469–510.

⁵ «Близ пустыни сей, в горе, в пещере почивают мощи в часовне пр. Никифора, основателя обители сей и пр. Геннадия». Цит. по: Амвросий. История Российской иерархии. М.: Синодальная типография, 1815. Т. 6. С. 999.

шедшей до нас церковной службе святому с двумя канонами (не ранее XVIII века): «в пещере пребывал, пищу имел былие»¹. Стезю подвига «уединенного отшельства», или пустынножительства, избирали не только прославленные Церковью святые, но и неизвестные монахи. В укромных местах, необязательно скрытно или далеко от монастырской усадьбы, они строили себе укрытие-жилище, небольшую «хижу». Если благоприятствовал рельеф, в песчаном обрыве копалась «пещера». Например, известно описание «места уединения» пустытника Андрея на Соловецком острове: «... И веде мя в другую пещеру; в нейже с полуденныя страны устроено окно, и бе светло в пещере той. Тогда усмотрев мужа того: бе бо наг, скудобрад, тело же его аки земля черно. В пещере де той поставлены четыре сошки, и на них положены две дщицы и два корытца: во едином убо трава мочена, в другом – вода»².

Конечно, необходимо с осторожностью использовать житийную литературу в качестве исторического источника. Русской агиографии присуща сознательная отстраненность текстов от фактических данных, но существующую информацию не следует игнорировать.

«Пещерокопательство» нельзя связывать только с монашескими. По разным причинам пещеры делали и миряне. Например, «безпоповцы» разных толков в ближайшем к Обонежью Каргополье в период жестких гонений XVII–XIX веков нередко использовали для спасения от «оскверненного мира» вырытые в песчаных склонах или устроенные в естественных известняковых подземных полостях «пещеры».

Известный краевед К. А. Докучаев-Басков описывает посещенные им в 1868 году две «пещеры» около деревень Щелье и Кладова (Кладовец) Волосовской волости Каргопольского уезда. Первую «пещеру» ему удалось тогда обследовать, а вход во вторую был засыпан по распоряжению местных чиновников³. По свидетельству исследователя, «пещера» в Щелье имеет узкий вход, три небольших,

¹ Докучаев-Басков К. А. Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы. // Русский паломник. СПб., 1887. № 5. С. 64–66; № 6. С. 79–81.

² Соловецкий патерик. СПб.: Тип-я А. Траншеля, 1873. С. 74.

³ Максимов С. В. Бродячая Русь Христа ради. СПб: Тип-я «Общественная польза», 1877. С. 415.

«Пещера» на Яше-ручье.
2013 год. Фото автора



соединенных тесным лазом, разновеликих «залов» без дневного освещения. Ее общая длина – 21 м¹. В первом «зале» (3х3х1,7 м) в боковой нише разводился огонь².

В краеведческом издании начала XX в. сохранилось подробное красочное описание «Копосовской пещеры», в которую не смог проникнуть К. А. Докучаев-Басков³. В длинной известняковой «галлерейке» находилась «котловинка со светлою, прозрачною, как хрусталь водою, которая... обладает чудодейственной силою, исцеляя различные болезни». Рядом лежал камень с надписью текста молитвы⁴, икона и свечи, «царствует могильная тишина и темнота». В ней «жил из религиозных побуждений, скрываясь от мирской суеты, крестьянин деревни Марковской Волосовской волости –

¹ Поморская энциклопедия. Архангельск: Поморский гос. университет, 2007. Т. 2. С. 67.

² Докучаев-Басков К. А. Из путешествия по Олонии: Пещеры (скрытники) и минеральные источники. // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1914. Т. 4. № 8. С. 131–139.

³ Роев В. И. Разные известия. Копосова пещера. // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1913. Т. 2. № 78. С. 174–176.

⁴ В. В. Шевелев в 1999 году выявил на западной стене «пещеры» две надписи: текст молитвы в пять строк: «За молитв святых отец наших Господи Исуси Христе Сыне Божий помилуй нас аминь и животворящего креста и святого ангела моего хранителя и всех ради святых» и отдельную надпись: «архангельское поздравление Пресвятой Богородице Дево». См.: Шевелев В. В. Пещера Крестовая: предварительная характеристика памятника. // Ставрографический сборник. Кн. 1. М.: Изд-во Московской патриархии, 2001. С. 291.

Бездехов»¹. В 1859 г. старообрядцы безуспешно ходатайствовали об устройстве над ее входом часовни во имя Печерской иконы Божией Матери.

Нам известны только два случая обследования археологами подобных православных памятников на Северо-Западе России. Это работы В. В. Шевелева и В. Ф. Лусканя 1999 года в упоминавшихся выше карстовых пещерах Крестовая (Копосовская) и Барсучья (Щелья), находящихся в 47 и 60 км к северу от г. Каргополя, и изыскания П. Е. Сорокина в «пещере Александра Свирского» в Валаамском монастыре².

Археологические работы на Яше-ручье. В 2013 году экспедицией НМРК недалеко от возрождаемой Яшезерской пустыни, на правом берегу Яше-ручья (Прионежский район Республики Карелия) обследовано сооружение, которое можно условно рассматривать как «пещеру»³. Результаты работ были представлены в предварительной публикации⁴. Приведем описание современного состояния этого интересного памятника.

Небольшая по величине «пещера» находится на краю ровной площадки, окруженной недавними вырубками с небольшим лиственным подростом. В ее основе – естественная скальная расщелина, возникшая в результате древних сейсмических блоковых подвижек, нарушивших целостность выходящего на поверхность каменного массива. Мы не нашли никаких следов «вырубания» скалы с целью ее расширения. Со стороны леса «пещера» выглядит как невыразительная, не привлекающая внимания куча валунов, размерами 1,5х3,1 м.

¹ «Он то будто бы и разработал эту галерею и отделал ее до степени жилья человеческого. Говорят, что теперешний вход в пещеру был значительно больше и отделял галерею от внешнего мира дверью. Внутри галерея была тоже отстроена, т. е. в ней был набран пол и потолок. В настоящее же время следов этого устройства пещеры положительно не осталось». Цит. по: Роев В. И. Разные известия... С. 174–176.

² Шевелев В. В. Пещера Крестовая: памятник старообрядческой культуры на Каргополье. // Христианство и Север. М.: Аркадия, 2002. С. 208–210; Сорокин П. Е. Археологическое изучение Валаамского монастыря: к вопросу о возникновении и об исторической топографии. // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, Сатис, Держава, 2004. С. 89–107.

³ Местонахождение «пещеры» указано Д. А. Заволокиным.

⁴ Шахнович М. М., Кожевникова Ю. Н., Сони́на А. В. Новые монументальные памятники истории Православия в Карелии. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. В. Новгород, 2014. С. 295–301.

Узкий вход в нее (ширина 0,6 м и высота 1,6 м) ориентирован на полноводный, протекающий в трех метрах к востоку ручей. Продолжение расщелины с противоположной стороны заложено средней величины камнями. Каменный свод не имеет следов природного старения или недавнего человеческого вмешательства. Он выложен «насухо» из плоских «диких» (без следов обработки) кусков малинового кварцита, многие из которых не под силу перемещать и укладывать одному человеку. Они образуют шесть рядов общей высотой 0,5 м над поверхностью скалы. При возведении свода камни разной формы складывались неплотно, поэтому сквозь щели между ними в «пещеру» проникают дневной свет и осадки. Этого минимума несложных действий для создания сводового перекрытия было достаточно, чтобы сформировать маленькое помещение в скале – «келию» (ширина 0,8 м, длина 1,2 м), где можно стоять в полный рост (высота 1,85 м). Северная сторона «каменной крыши» по состоянию на 2013 год плотно задернована, а южная – обнажена.

Ровный каменный пол покрыт тонким слоем истлевшей листвы. Внутри, напротив входа, есть естественная ниша (0,3х0,45 м) и небольшая каменная «полочка» (0,2х0,1 м) с левой стороны. Какие-либо надписи или рисунки при предварительном осмотре на ее стенах не обнаружены.

По своему характеру подземным это сооружение не является. По замыслу строителя, находящегося в жестких рамках наличествующего объема естественного скального разлома, оно должно было имитировать каменную «пещеру». По археологической классификации планировочных типов подземных памятников – это однокамерная пещера с выходом непосредственно на дневную поверхность, какими обычно и были простые подземные жилища-келии отшельников¹.

Лихенометрическое обследование. В ситуации незначительности исходных данных, в первую очередь, при отсутствии маркирующих находок, что часто бывает при предварительном обследовании подобного рода «глухих» объектов, важный фактор при выработке заключения об их датировании – это привлечение естественно-научных методик. Они позволяют во многом решать вопросы, на которые

¹ Бобровский Т. А. К вопросу о типологии и датировке... С. 125.

сложно или часто невозможно ответить только «классическими» способами археологии.

В нашем случае, при невозможности проведения радиоуглеродного датирования, было решено использовать для определения относительного возраста «пещеры» лихенометрический анализ. В 2013 году в ходе комплексной экспедиции проведены лихенометрические исследования на обследуемом валунном сооружении на Яше-ручье.

В настоящее время метод лихенометрии (определение возраста субстрата относительно размера таллома лишайника) широко используется в геологических исследованиях и для датировки древних каменных сооружений. Методика основывается на данных о скорости роста отдельных видов лишайников разных жизненных форм и экологических групп, которые существенно отличаются и зависят от конкретных физико-географических условий, онтогенетического состояния, положения в синузии и антропогенного пресса¹.

Лихенометрический метод успешно привлекался для датирования исторических и археологических позднесредневековых объектов из камня в Скандинавии, Карелии и на Кольском полуострове². Но нужно отметить, что при работе с археологическими памятниками существуют и определенные трудности: по сравнению с геологическими, небольшие по величине объекты, часто слабо развитый лишайниковый покров, отсутствие реперных точек в районе исследования и надежных для датирования видов-индикаторов.

Объектом исследования стал лишайниковый покров, сформиро-

¹ Мартин Ю. А. Лихенометрическая индикация времени обнажения каменистого субстрата. // Экология. 1970. № 5. С. 16–24; Sonina A. V., Fadeeva M. A., Shreders M. A. The growth of lichens on the coastal rocks in environmental conditions of South Karelia. // International meeting «Lichens of Boreal Forests». Syktyvkar, 2008. P. 134–144.

² Мелехин А. В. Результаты лихенометрического датирования каменных кладок в окрестностях г. Кандалакша (Россия, Мурманская область). // Принципы экологии. 2014. Вып. 2. С. 47–55; Шахнович М. М., Кулькова М. А., Сони́на А. В. Хендолакшский лабиринт в Кандалакшском заливе Белого моря. // Археология Севера. Череповец: изд. Минина Е. В., 2015. Вып. 6. С. 149–156; Шахнович М. М., Кулькова М. А., Сони́на А. В. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ИПК Паренто-Принт, 2019. Вып. 12. С. 496–509.

вавшийся на внешней стороне каменных плит, служивших сводом «пещеры»¹. Для изучения скорости роста талломов эпилитных лишайников на кварцитах, с учетом конкретных климатических условий, выбраны модельные объекты с точно датированным возрастом обнажения субстрата: карьер по добыче малинового кварцита около п. Шокша (Прионежский район РК), на участках, где выработка завершена в 1930-х годах, и многолетняя мониторинговая площадка на территории государственного заповедника «Кивач» (Кондопожский р-н РК)². В качестве индекса датирования использовалось значение площади самого крупного таллома лишайника.

На кварцитовых плитах «пещеры» для анализа роста талломов выбраны эпилитные накипные виды *Rhizocarpon eupetraeum* (Nyl.) Arnold – ризокарпон каменный, *Aspicilia* sp. – вид рода аспицилия и листоватый вид, доминирующий в лишайниковом покрове *Arctoparmelia centrifuga* (L.) Hale – арктопармелия центробежная.

При общем анализе данных сформировалось заключение, что наиболее реальный возраст создания «крыши» из каменных плит можно оценить по размеру таллома аспицилии (*Aspicilia*) с площадью 36,1 см². Этот вид имеет накипной ареолированный таллом и в данном случае обитает отдельно от других особей. Для восточного побережья Онежского озера установлен годичный прирост талломов рода аспицилия: в среднем, в стадии линейного прироста, он составляет 0,5 см²/год. Проведенные на территории заповедника «Кивач» исследования по росту эпилитных прибрежных лишайников показали, что для эпилитов фаза медленного роста отмечена у талломов первой возрастной группы ($S \sim 5$ см²), когда при линейном росте они показывают наименьшие значения приростов талломов.

Суммируя общие результаты значения площадей талломов ризокарпона, аспицилии и скорости приростов эпилитных лишайников разных возрастных групп на нашем объекте, проведен расчет пред-

¹ Работы проведены д. б. н. А. В. Сониной. Площадь талломов лишайников вычислялась по общепринятым методикам с использованием оригинальной компьютерной программы «Ruller» (автор н. с. ИЛ КНЦ РАН П. Литинский – 1997 г., модификация программы выполнена сотрудниками РЦНИТ ПетрГУ в 2009 году).

² Сониная А. В., Михайлина П. А., Савчук Н. В. Изучение прироста талломов лишайников в условиях прибрежных скал реки Суна на территории заповедника «Кивач». // Труды Гос. природного заповедника «Кивач». Петрозаводск, 2013. Вып. 6. С. 19–23.

положительного возраста таллома аспидии. Он составляет около 240 лет: 180 лет он находился в стадии медленного роста, т. е. по достижении $S \sim 5 \text{ см}^2$, и 60 лет в стадии быстрого роста – прирастал в год по $0,5 \text{ см}^2$ (по результатам исследований в условиях восточного побережья Онежского озера). Можно предположить, что если лишайник данного вида прирастал с меньшей скоростью, а это вполне возможно в природно-климатических условиях водораздельных территорий, то его возраст может быть существенно большим. При другой ситуации, когда таллом лишайника уже мог находиться на плите, когда ее поместили в кладку, то вычисленное время может быть меньшим.

Таким образом, проведенные расчеты возраста роста талломов эпилитных лишайников на каменном сложении могут быть определены примерно в 240 лет, т. е. предполагаемое время его создания – 2 половина XVIII века. Но нужно учитывать, что вопросы, касающиеся надежности и точности лихенометрических датировок, для данного микрорегиона Южной Карелии до конца не проработаны. И вполне вероятно, что в конкретных природно-климатических условиях микрорайона северной части верховьев гидросистемы реки Свирь, возраст исследованных лишайников может быть значительно большим и составлять в максимальном значении до 500–550 лет (вторая половина XVI века)¹.

Проведенное исследование «пещеры» на Яше-ручье показало, что использование эпилитной группы лишайников для определения возраста исторических объектов – это перспективный метод исследования. Но для более точных заключений требуются специальные предварительные методические разработки применительно к району исследования: существенное увеличение базы модельных талломов лишайников в местах, имеющих точное датирование.

Вопросы интерпретации. Определение назначения памятника – наиболее сложная задача из стоящих перед нами. Постараемся высказать некоторые соображения, сформировавшиеся за время после его открытия в 2013 году.

¹ Сонина А. В., Шахнович М. М., Чекалева К. А., Курбатов А. А. Опыт лихенометрического датирования исторических сооружений из камня Республики Карелия. // Современная микология в России. М.: Нац. акад. микологии, 2017. Т. 6. С. 350–352.

Опыт, полученный при изучении разновременных и многовидовых памятников археологии в таежных районах Карелии, позволяет критически относиться к гипотезам о связи «пещеры» с военными действиями 1941–1944 годов, об использовании ее в качестве временного укрытия или как места хранения добычи или снаряжения вепскими охотниками, лесорубами, геологами.

Необычность конструкции и близость «пещеры» к Яшезерской пустыни в большей степени свидетельствуют о ее сакральном назначении. Мы уверены, что безвестный строитель в данном месте хотел создать именно аналог каменной келии-склепа, монашеской пещеры для личного «затвора». Даже визуально вход в нее сходен со средневековыми иконографическими изображениями библейских подземных укрытий.

В суровом северном климате жизнь в «пещерной келье» на Яше-ручье, который к тому же ежегодно весной подтапливает ее на 5–10 см, без какого-либо утепления и отопления – немыслимый для современного понимания иноческий подвиг. Возможно, она могла использоваться как уединенное место временного «подземного затвора», как в свое время предполагал К. К. Случевский относительно «пещеры» преподобного Корнилия Палеостровского.

Далее несколько предположений о датировке и возможных создателях памятника. Первое. Ранее мы уже высказывали гипотезу о том, что это сооружение входило в круг монастырских объектов начального периода существования мужской обители как место молитвенного уединения монахов, возможно, и самого преподобного Ионы¹. Предположительно, сложившаяся до закрытия Яшезерской пустыни по секуляризационной реформе 1764 года традиция почитания уникальной для вепского края «пещеры» отца-основателя прервалась из-за длительного перерыва (почти сто лет) в истории существования мужской пустыни во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Приходские клирики, жившие здесь в это время, были пришлыми людьми, которые или не догадывались о ее существовании, или же не придавали ей особого значения, не зная монастырских преданий.

¹ Шахнович М. М., Кожевникова Ю. Н., Сони́на А. В. Новые монументальные памятники... С. 497.

Второе. «Пещеру» могли создать местные старообрядцы, как это практиковалось, например, в Каргопольском уезде в конце XVIII – первой половине XIX века.

Третье. «Пещера» – специально возведенный поздний паломнический объект. В комплексах некоторых севернорусских монастырей XVIII–XIX веков рачительные игумены, стремившиеся к увеличению привлекательности обителей для паломников, в целом подражая библейским святыням Палестины, но следуя собственным представлениям, создавали подземные культовые сооружения – крипты и «пещеры». В каком-то месте характер основных слагающих грунтов позволял масштабно воплотить эти замыслы, а где-то приходилось довольствоваться некой небольшой «декоративной стилизацией» в скале, вполне удовлетворявшей чаяния простых богомольцев, но вызывавшей скептические замечания «просвещенных путешественников». Так было, например, с «пещерой» преподобного Корнилия Палеостровского в основанной им обители, которая всегда считалась одной из главных монастырских достопримечательностей, обязательно посещавшейся паломниками и туристами¹. Показательно в этой связи воспоминание К. К. Случевского, бывшего на Палеострове в конце XIX века: «От церкви, где пред мощами святого Корнилия был отслужен молебен, путешественники отправились к его пещере, находящейся в расстоянии около 200 сажен от монастыря, на берегу, покрытом скалами, камнями и редким ельником. Деревянная лесенка ведет к часовне, составляющей преддверие пещеры. Сама пещера настолько мала, что П. И. Челищев² даже сомневается, чтобы преподобный мог жить в такой тесноте...

¹ Наиболее раннее свидетельство об этом можно найти в опубликованных путевых дневниках Якова Мордвинова, четыре раза совершавшего паломничество в Соловецкий монастырь (1744, 1752, 1764 и 1784 годы).

² Петр Иванович Челищев (1745–1811) – русский писатель. Побывал на Палеострове в 1791 г. во время паломнической поездки на север России, где посетил Архангельскую, Олонецкую и Новгородскую губернии. Он пишет: в Палеостровском монастыре «показывают еще пещеру каменную, в которой будто преподобный Корнилий спасался: в нее ход из деревянной часовни; тесная сия ущелина не имеет довольно места, чтоб лечь и вытянуться человеку, не имеет ни окна, ни печи, ни горна, ниже крышки для защиты от дождя, снега и ветров; и для того думать надобно, что это баснь, выдуманная лжеверием, а простодушным суеверием подкрепленная». Цит. по: Челищев П. И. Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева, изданный под наблюдением Л. Н. Майкова. СПб.: Тип. В. С. Балашева. С. 19.

Но и в житии не говорится, чтобы святой жил здесь постоянно. Он только удалялся сюда на время для молитвы и уединенных подвигов, для которых, конечно, никаких удобств не требовалось»¹.

Но здесь необходимо подчеркнуть, что «пещера», в наши дни напрямую соотносимая с преподобным Ионой, покровителем округи, не была известна после возрождения монастырской жизни на Яше-озере в середине XIX века. Не упоминают о ней знатоки монастырских древностей Олонецкого края Е. В. Барсов и архимандрит Никодим (Кононов). Нет рассказов о такой важной достопримечательности столичных и местных паломников, чьи впечатления о посещении мужской обители изредка печатались в губернских изданиях в конце XIX – начале XX века². Поэтому данная гипотеза представляется нам наименее реалистичной.

Коротко суммируем наши наблюдения о «пещере» на Яше-ручье. По результатам лихеометрического анализа этот интересный памятник следует датировать второй половиной XVIII века. Возможно в будущем новые источники позволят его «удревнить». Вопрос о создателе яшезерской «пещеры» остается пока без окончательного ответа. Авторы склонны связывать ее появление с православной традицией «пещерокопательства» и «пещерожительства». На Русском Севере известны подобные примеры из жизни известных иноков, подвизавшихся в позднем Средневековье, или мирян-старообрядцев, противостоявших в XVII–XIX веках гонениям и навязывавшимся чуждым им нормам государственных институтов. Наши небольшие комплексные изыскания на Яше-ручье показывают, что памятники церковной археологии Карелии заслуживают большего внимания со стороны специалистов различных дисциплин.

¹ Случевский К. К. По Северо-Западу России. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1897. С. 386–387.

² Поляков Г. В Яшезеро и Ладву. // Олонецкие губернские ведомости. 1904. № 124, 126, 128.

ХОДАКОВСКИЙ

Евгений Валентинович

кандидат искусствоведения,
доцент, зав. кафедрой
истории русского искусства
Санкт-Петербургского
государственного
университета



ИСТОРИЯ ХРАМОВОГО АНСАМБЛЯ УСПЕНСКОГО ПРИХОДА В ВАРЗУГЕ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ КОНЦА XIX ВЕКА

Архитектурное наследие Варзуги уже давно привлекает внимание исследователей, в основном, благодаря наиболее известному ее архитектурному шедевру – Успенской церкви, воздвигнутой в 1674 г. В течение второй половины XX столетия именно она находилась в центре внимания ведущих исследователей этого памятника советской эпохи – А. В. Ополовникова¹ и И. Ф. Ушакова². Поздняя церковь с престолами во имя свв. Зосимы и Савватия и св. Афанасия Александрийского, которые были освящены

¹ Ополовников А. В. Успенская церковь в селе Варзуга. // Архитектурное наследство, № 5, 1955. С. 37–52.

² Ушаков И. В. Памятник русского деревянного зодчества XVII века – Успенская церковь в селе Варзуге: К 300-летию создания Успенской церкви. Мурманск, 1974.



Варзуга. Храмовый ансамбль Успенской стороны. Церковь Успения Пресвятой Богородицы (1674). Церковь св. Афанасия Александрийского и свв. Зосимы и Савватия (1877–1883 гг.). Фотография В. А. Плотникова, начало XX в.

в 1882 и 1883 г.¹, так и не удостоилась отдельной публикации. Долгое время поздний этап в истории церковной деревянной архитектуры не был предметом специальных изысканий, что препятствовало целостному восприятию памятников разных эпох, зачастую объединенных в ограде одного погоста. В этой связи, задачей данного исследования является попытка реконструкции ансамбля построек Успенского Варзужского прихода и характера их расположения в XVI–XIX вв. Это представляется важным не только для воссоздания максимально полной истории сооружений Успенской стороны, но и для более широкого понимания принципов формирования храмовых ансамблей на Русском Севере.

Одной из наиболее ранних фиксаций ансамбля Успенской стороны в Варзуге является фотография В. А. Плотникова, сделанная во время одной из его многочисленных поездок на Кольский полуостров

¹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. III. Архангельск, 1896. С. 252.

в 1900-х гг.¹ На ней представлены Зосимо-Савватьевская (Афанасьевская) церковь и колокольня, фланкирующие первый план, а в глубине возвышается стройный шатер Успенского храма. Тем не менее, снимок В.А.Плотникова был создан уже после того, как композиция погоста подверглась кардинальным изменениям в 1880–1890-е гг., в связи с чем перед исследователями встает задача по поиску более ранних изобразительных и письменных источников, на основе которых можно было бы получить представление о предшествующих этапах истории построек Успенской стороны.

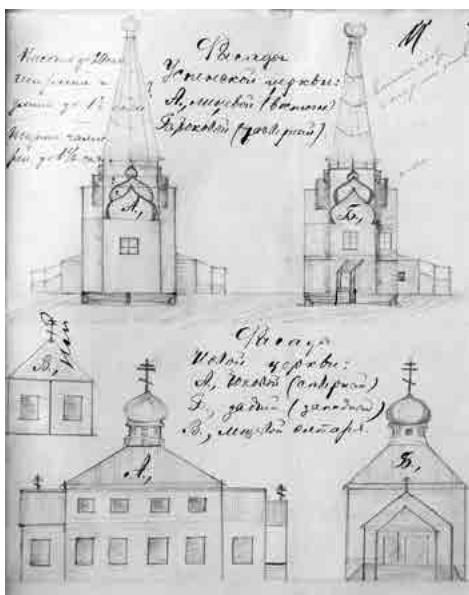
В фондах Государственного архива Архангельской области находится дело об исправлении Успенской церкви Варзужского погоста. Оно содержит переписку, предваряющую начало ремонтных работ по выпрямлению Успенского храма, инициированных «торгующим крестьянином» Алексеем Петровым Заборщиковым в 1888 г., как он сам писал, «для сохранения сей драгоценной святыни на нашем дальнем и холодном Севере на память потомству»². А.П.Заборщиков сопровождал свое прошение рисунками Успенской и Зосимо-Савватьевской (Афанасьевской) церквей, а также планом погоста. Именно этот план становится важной отправной точкой для изучения предшествующей истории ансамбля Успенского прихода³.

На схеме А.П.Заборщикова обозначены два действующих храма: крестообразная летняя Успенская церковь и построенная незадолго перед этим зимняя двупрестольная Зосимо-Савватьевская (Афанасьевская). Особый интерес вызывает местоположение колокольни, в 1888 г. стоявшей еще с восточной стороны погоста и вписанной в его ограду, а также размещение «упраздненной» церкви. Таким образом, по чертежу А.П.Заборщикова можно установить не только место древней Афанасьевской церкви, но также в общих чертах воссоздать ее план и получить представление о принципах организации ансамбля Успенской стороны на предыдущих этапах его существования.

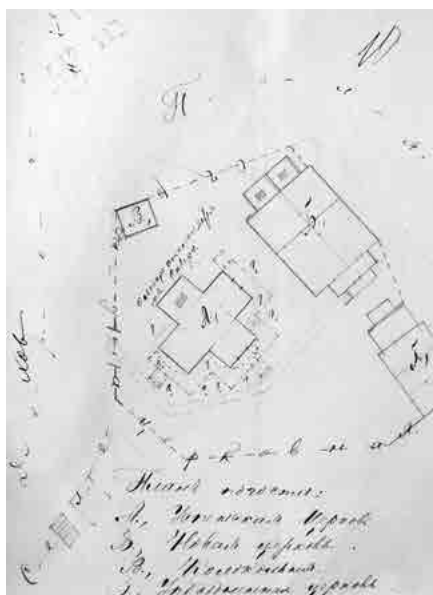
¹ ФО НА ИИМК РАН. № О. 368-7

² ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 960 (Дело об исправлении Успенской церкви Варзужско-Успенского прихода Кольского уезда). 1888–1893 гг. Л. 7 об.

³ Там же. Л. 10.



Варзуга. Церкви погоста Успенской стороны.
Рис. А. П. Заборщикова (1888).
ГАОО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 960
(Дело об исправлении Успенской
церкви Варзугско-Успенского
прихода Кольского уезда). 1888–
1893 гг. Л. 11



Варзуга. План погоста Успенской
стороны до разборки древней церкви
св. Афанасия Александрийского и
переноса колокольни (1888). ГАОО.
Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 960 (Дело об
исправлении Успенской церкви
Варзугско-Успенского прихода
Кольского уезда). 1888–1893 гг. Л. 10.

Помимо плана А. П. Заборщикова, реконструкции ансамбля способствует внимательное прочтение опубликованных и архивных письменных источников, последовательно освещающих стадии формирования Успенского погоста. Одно из первых описаний Успенской стороны, относящееся к 1575 г., упоминает пока еще только один храм: «Волость Варзуга над рекою над Варзугою... да за рекою за Варзугою от Умской стороны церковь с трапезою Успенъе Пречистые стоит без пенья»¹. Источник свидетельствует о наличии в Успенской церкви трапезной; судя по всему, она была теплой, то есть, в ней можно было служить круглый год, и пока необходимости

¹ «Сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость. // Материалы по истории Кольского полуострова. Л., 1930. С. 30–31.

в отдельном зимнем храме не возникало. Но уже через двадцать два года – в 1597 г. – рядом с Успенской церковью был поставлена еще одна, с посвящением св. Афанасию Александрийскому – та самая, которая просуществовала до конца XIX в. и была зафиксирована на плане А. П. Заборщикова¹. Спустя четверть столетия о характере ансамбля в Варзуге можно судить по сведениям из Писцовой книги Мирона Вельяминова (1622–1623 гг.): «... в волости на Пречистенской стороне церковь Успения Пречистые Богородицы деревянная вверх с трапезою, придел преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, другая церковь Афанасия Великого, Александрийского чудотворца, деревянная, клетски; а в церквах образы и свечи и книги и всякое церковное строение великого государя святейшего патриарха Филарет Никитича Московского и всея России. Варзужские волости крестьяне да Соловецкого монастыря третью церковь Успения Пресвятые Богородицы деревянную ж воздвизают вновь»². Таким образом, в 1620-е гг. на погосте существовали шатровая Успенская церковь с трапезной – предшественница нынешней – и малая клетская церковь во имя св. Афанасия Александрийского 1597 г. постройки.

Примечательно, что Афанасьевская церковь, несмотря на свои небольшие размеры, никогда не была теплой. Одна из ранних описей, составленных в приходе еще в 1801 г., свидетельствует, что «церковь Афанасия Александрийского с трапезою, построена 7105-го (1597 – Е. Х.) года, деревянная и на деревянном же фундаменте, холодная, крыша же на два ската деревянная с одною главою, высота оной церкви 7-мь сажень, а длина с олтарем и трапезою и притвором 10-ть сажень»³. По всей вероятности, зимой службы проходили в Успенской церкви «с трапезой» до тех пор, пока она не была заменена в 1674 г. нынешним холодным храмом. Именно тогда, судя по всему, возникла необходимость в сооружении на погосте теплой церкви. В 1683 г., вскоре после окончания работ по строительству и внутреннему убранству Успенского храма, рядом возводится

¹ Краткое историческое описание... Вып. III. С. 250.

² Сборник грамот Коллегии эконومیи. Пг., 1922. Т. 2. С. 309–310.

³ ГАМО. Ф. И8. Оп. 1. Д. 19 (Опись церквей, часовен и церковного имущества Варзугского Успенского прихода). 1801 г. Л. 2 об.

зимний – во имя свв. Зосимы и Савватия Соловецких¹. Приходские описи первой половины XIX в. характеризуют эту постройку следующим образом: церковь «...преподобных Отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, с трапезою... деревянная и на деревянном же фундаменте, теплая, покрыта крышкою деревянною на два ската с одною главою, высота оной церкви 7-мь сажен, а длина с олтарем и трапезою 10-ть сажен»². В 1817–1818 гг. по сообщению причта и прихожан она по-прежнему была «стенами и крышкой очень еще твердая»³.

Удивляет то обстоятельство, что описания обоих храмов – холодного, во имя св. Афанасия Александрийского (1597), и теплого, в честь свв. Зосимы и Савватия (1683), – совпадают в общих параметрах: они завершались двускатной кровлей, венчались одной главой, высота церковью достигала семи сажен, длина составляла десять сажен, обе постройки имели трапезную с двумя столбами. Различались они шириной (у Афанасьевской «поперечника у церкви двух аршинных сажен, а трапезы 4-х сажен», в то время как у Зосимо-Савватьевской – «поперечника трех аршинных сажен»), а также количеством окон и характером внутренней отделки. Афанасьевская церковь имела десять окон, стены не были отесаны, в то время как в Зосимо-Савватьевской «стены внутри церкви и олтаре отесаны», а все семь окон были сделаны как подобает в зимнем храме – «в алтаре одно, два в церкви, а в трапезе четыре с железными решетками в кольцах при них семь окончин, семь нутрянных ставней»⁴. Можно лишь предположить, что по типологии, хронологии и географическому местоположению ближайшим аналогом Афанасьевской церкви является известная Никольская церковь в Ковде, построенная, по изысканиям И. Н. Шургина, в том же 1597 г.⁵

¹ Краткое историческое описание... Вып. III. С. 252.

² ГАМО. Ф. И8. Оп. 1. Д. 19 (Опись церквей, часовен и церковного имущества Варзугского Успенского прихода). 1801 г. Л. 2 об.

³ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. 730. Дело о ремонте церкви свв. Зосимы и Савватия Соловецких в Варзугско-Успенском приходе Кольского уезда. 1817–1818 гг. Л. 1.

⁴ ГАМО. Ф. И8. Оп. 1. Д. 19 (Опись церквей, часовен и церковного имущества Варзугского Успенского прихода). 1801 г. Л. 2 об.

⁵ Шургин И. Н. Исчезающее наследие. Очерки о русских деревянных храмах XV–XVIII веков. М., 2006. С. 27.

Таким образом, до конца XIX в. на Успенском погосте в Варзуге находилось три храма: холодный клетский Афанасьевский (1597), также холодный шатровый Успенский (1674) и клетский, теплый, во имя свв. Зосимы и Савватия Соловецких (1683).

Малые церкви, судя по плану А.П. Заборщикова, стояли почти в одну линию друг за другом к югу от главного Успенского храма и находились в подчеркнуто подчиненном композиционном положении. Это могло быть обусловлено и тем, что они формировали самую отдаленную сторону периметра застройки Варзуги, поскольку в село жители и гости обычно приезжали по реке до порогов и затем – на оленьих упряжках по левому берегу, на Никольскую сторону. Новый ракурс восприятия постройки на южной оконечности села приобрели только с конца XX в., когда в Варзугу была проложена автомобильная дорога.

На схеме А.П. Заборщикова к востоку от церквей обозначена и колокольня. О ней еще в 1801 г. упоминалось, что была «построена на особом месте при церквях, деревянная троетажная, с одною главою, умеренной высоты, крыша на ней деревянная»¹. На протяжении XIX столетия так и не удалось установить дату ее возведения: по данным на 1887 г. «Колокольня построена особо, близ церквей, деревянная, с одною главою, вышиною около 8 сажень; кровля деревянная; обшита тесом и выкрашена...». Через несколько лет к той же описи была добавлена пометка: время сооружения «неизвестно, но очень древняя. В 1896 г. перестроена, с переносом на западную сторону на средства до 500 р. попечительства»². Возможно, что колокол в 1771 г. был лит специально для новой звонницы, и тогда ее можно датировать этим временем³. Однако вполне вероятно, что колокол 1771 г. мог оказаться здесь и при иных обстоятельствах. Составитель описи 1909 г. полагал, что колокольня при Успенском храме была «перестроена из древней, едва ли не современной церкви»⁴.

¹ ГАМО. Ф. И8. Оп. 1. Д. 19 (Опись церквей, часовен и церковного имущества Варзугского Успенского прихода). 1801 г. Л. 3.

² ГАМО. Ф. И8. Оп. 1. Д. 177 (Главная опись церковного имущества Варзугского Успенского прихода Кольского уезда Архангельской епархии). 1887 г. Л. 19 об.

³ Краткое историческое описание... Вып. III. С. 253.

⁴ ГАМО. Ф. И8. Оп. 1. Д. 197 (Ведомость о церквях Варзугского Успенского прихода). 1909 г. Л. 1.



Ансамбль Успенской стороны в Варзуге в XVII в. Реконструкция А. Б. Бодя

По всей вероятности, постановка колокольни на новом месте была обусловлена необходимостью найти оптимальное композиционное расположение всех сооружений Успенского погоста после возведения в 1877–1883 гг. Зосимо-Савватьевской (Афанасьевской) церкви. Из четырехчастного ансамбль был преобразован в трехчастный, поскольку новый храм объединил в себе престолы предшествующих двух стоявших отдельно церквей¹. Изменилось соотношение масс – теперь Зосимо-Савватьевская церковь стала играть более заметную, но все равно подчиненную роль по отношению к Успенской церкви. С тех пор восприятие ансамбля основывалось на принципе контраста между усложненной ступенчатой вертикалью Успенской церкви с ее подчеркнуто живописными дробными формами (бочки, кокошники) и противопоставленным ей цельным приземистым объемом нового Зосимо-Савватьевского храма. Вероятно, колокольня, стоявшая с восточной стороны, за-

¹ Подробнее о строительстве новой церкви свв. Зосимы и Савватия и св. Афанасия Александрийского см.: ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 759 (Дело о рассмотрении проекта и сметы на постройку новой церкви в Варзугско-Успенском приходе Кемского уезда). 1877 г.; ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 760 (Дело о рассмотрении проекта и сметы на постройку церкви в Варзугско-Успенском приходе Кемского уезда). 1877 г.; ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 624 (Дело о постройке церкви в Варзугско-Успенском приходе Кольского уезда). 1876–1883 гг.

слоняла вид на обновленный храм со стороны реки. Раньше колокольня могла выполнять в большей степени не художественную, а функциональную роль дозорной башни или навигационного ориентира. Постановка колоколен подобным образом характерна для многих приречных погостов: например, в Малошуйке, Чекуево, Пияле, Подпорожье. Это объясняет соседство, но не соперничество доминировавших вертикалей главного храма и колокольни, поставленных ближе к реке. Также после всех произведенного в 1894 г. ремонта Успенской церкви, получившей новую обшивку и декор, колокольня на старом месте могла препятствовать обзору лицевого (восточного) фасада Успенской церкви, поскольку именно восточный, а не западный фасад в конце XIX в. считался парадным, что и было обозначено на рисунке А. П. Заборщикова¹. Наконец, постановка колокольни к западу от церкви создавала новый механизм пространственного взаимодействия с колокольной Петропавловского прихода на противоположном берегу реки, что впоследствии позволило Ю. С. Ушакову классифицировать храмовые комплексы в Варзуге как парный приречный ансамбль «со взаимным восприятием»².

Исследование ансамбля Успенской стороны в Варзуге на основании изобразительных источников конца XIX столетия в их сопоставлении с архивными описями не только проливает свет на строительную историю храмов погоста, но и позволяет рассмотреть их в более широком контексте. На протяжении XVIII и XIX вв. здесь находился редкий для Севера четырехчастный комплекс, состоявший из летних церквей св. Афанасия Александрийского (1597) и Успения (1674), зимнего храма свв. Зосимы и Савватия Соловецких (1683) и колокольни, возможно, поставленной в начале 1770-х гг. Ю. С. Ушаков в качестве примеров четырехчастных ансамблей на Русском Севере приводил в примеры Шуерецкий и Чекуевский погосты³, теперь этот ряд пополняют и церкви Успенской стороны в Варзуге. Строительство к 1882–1883 гг. нового двухпрестольного храма привело к упразднению древней Афанасьевской церкви

¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 960 (Дело об исправлении Успенской церкви Варзугско-Успенского прихода Кольского уезда). 1888–1893 гг. Л. 11.

² Ушаков Ю. С. Ансамбль в деревянном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С. 41.

³ Там же. С. 106–117.



Варзуга. Храмовый ансамбль. Фотография Е. В. Ходаковского (2020 г.)

конца XVI в., преобразованию ансамбля в более распространенный трехчастный комплекс с колокольной и двумя храмами – летним и зимним. Работы по возведению нового храма, ремонту и обшивке Успенской церкви повлекли за собой необходимость переноса в 1896 г. колокольни на новое место к западу от церквей, что ознаменовало не только начало нового этапа в истории погоста, но и изменило пространственные связи между церковными ансамблями на обоих берегах реки. Безусловно, драгоценное наследие Варзуги становится еще более значимым, если ее архитектурную жемчужину – Успенский храм – рассматривать не только сам по себе, но и как составной элемент ансамбля всего погоста. Очевидно, что его трансформации с конца XVII в. были вызваны не только утилитарными причинами и необходимостью заменить ветхие постройки, но и одновременным стремлением подчеркнуть красоту и доминирующую роль Успенской церкви.

АЛЕКСЕЕВА
Надежда Викторовна

к. и. н., доцент кафедры
истории и философии
Череповецкого
государственного
университета



ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО: СВЯТО – МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ г. ЧЕРЕПОВЦА И ЧЕРЕПОВЕЦКОЙ ОКРУГИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА¹

Одним из важнейших компонентов национального самосознания являются представления о собственной истории и ее ключевых персоналиях. Поскольку основополагающим компонентом локальных исторических и агиологических представлений является так называемая «ландшафтная память», ее жизнеспособность во многом поддерживается свято-мемориальными комплексами конкретной исторической области. Здесь под данным термином подразумеваются свято-мемориальные комплексы череповецкого и белозерского историко-культурного ареала, его

¹ Работа выполнена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области, № гранта 18-49-350002 р_а.

природные и антропогенные ландшафтные объекты, фиксирующие сакральную топонимику края.

Интересен процесс взаимодействия города и округа в духовных практиках местного населения. Древние севернорусские города обладали всем набором мест и средств для удовлетворения духовных потребностей верующими. Помимо приходских храмов, в городах были богаделенные, тюремные, кладбищенские, бесприходские, домовые и всеградские. На Европейском Севере больше всего церквей было в Вологде. Уже к середине XVIII века их было более 50. В Архангельске – 10, в Устюге Великом – 21¹. А. В. Камкин отмечает, что в Вологде, например, церкви носили более тридцати наименований. Все наиболее почитаемые образы покровительствовали, в общем, небольшому городу (в указанное время – чуть более 6 тыс. жителей). Среди них выделялись храмы, освященные во имя чтимых святых, подвизавшихся в пределах Севера: Зосимы и Савватия, Дмитрия Прилуцкого, Кирилла Белозерского, Павла Обнорского. Были и храмы редкого наименования: Федора Стратилата, Афанасия Александрийского, жен-мироносиц и др. Благодетельные богомольцы приезжали в город специально для того, чтобы получить редкую возможность обойти полный круг храмоименований, помолиться и поклониться всему сонму святых и святыням сразу².

Однако во второй половине XVIII века появилась группа городов, которая в смысле сакральной застройки сильно отличалась от крупных русских поселений раннего периода. Статус города группа поселений получила в результате административной реформы Екатерины II в 1777 г. К таким относились на северо-западе России, например: Череповец, Грязовец, Никольск, Кадников, Боровичи, Тихвин и др. В это время сакральная застройка перестает быть плановой и подчиняется не духовной идеологии или чувству, а исключительно потребностям жителей города, исповедующим православие. При изучении данный факт создает впечатление ослабления религиозного чувства у жителей края. Однако нельзя рассматривать эту ситуацию однозначно.

¹ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992. С. 19.

² Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. Вологда. 1992. С. 19–20.

В начале XX века в Череповце было десять храмов и четыре часовни на десять тысяч жителей, большая часть которых появились в XVIII–XIX вв.

В храмоименованиях и освящении престолов череповецкой православной топонимики присутствовали все группы святынь, характерных для Русского Севера (господские, богородичные, пророческие и апостольские), кроме архангельских¹. Однако этот пробел дополнялся богатым набором святынь древней округи, о чем речь пойдет ниже.

Все разнообразие сакральных посвящений поддерживалось наполнением храмовых и часовенных пространств. С. Н. алунова утверждает, что в описях имущества Воскресенского собора за 1801 г. и за 1839 г. можно найти список икон, находящихся в местном ряду иконостаса Воскресенского собора, с изображением житийных образов таких северных святых как Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Зосима и Савватий Соловецкие, Макарий Унженский, исполненных по правилам старинной иконной работы. М. Ю. Хрусталева считает, что подобный пантеон севернорусских основателей не имел аналогов в Новгородской епархии. Каждый из этих святых был по-своему связан с землями Белозерья, на территории которого возник Череповецкий монастырь. Основатели монастыря Афанасий и Феодосий были учениками преподобного Сергия. Савватий Соловецкий принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре в 1396 г. Макарий Унженский (Желтоводский) подвизался на «Череповси» в первой половине XV в., и надвратная Покровская Церковь в Череповецком Воскресенском монастыре в XVIII в. имела придел, посвященный этому святому.

Здесь же, в Воскресенском соборе, находился и особо почитался горожанами алтарный образ святителя Николая Чудотворца в чеканной серебряной ризе, подаренный воинской командой в 1796 г. Опись так же выделяет вторую икону святому Николаю (в пределе Иоанна Богослова) и образ великомученика Пантелеимона. Во второй половине XIX в. в храме появились иконы, посвященные

¹ Алексеева Н. В. Сакральная топография г. Череповца Новгородской губернии: особенности формирования. // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 1. С. 152–153.

святым Феодосию и Афанасию Череповецким, Антонию Черноезерскому, небесному покровителю Шекснинского края. На одной из икон преподобных Афанасия и Феодосия середины XIX в. изображен Троице-Сергиевский собор Череповецкого Воскресенского монастыря и образ святого Кирилла Новоезерского с видом основанного им монастыря.

В 1757 г. рядом с Воскресенским собором началось возведение каменной Троице-Сергиевой церкви. В ней был пристроен придел во имя преподобного Кирилла Новоезерского (освящен в 1810 г.). Из старинных икон, которые упомянуты искусствоведом П. Покрышкиным, посетившим Череповец в 1918 г., упомянуты образы преподобного Сергия Радонежского XVII в. и святителя Николая Чудотворца. На особо почитаемой иконе Богоматери «Утоли моя печали» были изображены предстоящие в молении святитель Николай, святой Харлампий, святой Никандр, преподобные Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский, Кирилл Новоезерский, Филипп Ирапский, Зосима и Савватий Соловецкие, Феодосий Печерский, Феодосий Тотемский, Онуфрий Великий, Иоаникий Великий, Афанасий Печерский, пресвитер Ермий, Иов Многострадальный, великомученики Георгий и Никита, великомученицы Екатерина и Варвара.

Иоанно-Богословская церковь, возведенная в Череповце в 1757 г., имела приделы во имя святителя Николая Чудотворца и великомученика Георгия, а холодная верхняя церковь была освящена в честь Положения Ризы Господней (1803 г.). В главном иконостасе церкви находился образ святого апостола Иоанна Богослова со святителями Николаем Чудотворцем и Афанасием Александрийским. Наиболее часто в описи упоминаются изображения святителя Николая (один житийный), преподобных Афанасия Александрийского, Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского, великомученика Георгия. Среди икон северных святых в описи представлены образы преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, Кирилла Белозерского, Александра Свирского, Кирилла Новоезерского.

Интерьеры нескольких череповецких церквей и часовен восстановить практически невозможно из-за отсутствия источников. Известно, что в храме Рождества Христова находились иконы мест-

ночтимых святых Феодосия Тотемского и Кирилла Новоезерского¹. Фасад часовни святого Филиппа Ирапского был украшен изображениями преподобных Корнилия Комельского, Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского².

В 1883 г. в Череповец была доставлена икона Божией Матери «Достойно есть», заказанная игуменьей Таисией на Афоне. Икона считалась чудотворной и находилась в храме Сретения Господня на территории подворья Леушинского монастыря. В часовне иконы Божией Матери «Живоносный источник» одноименная икона дала начало крестному ходу в городе.

Таким образом, Череповецкие храмы представляли в составе священного убранства все особо чтимые образы, как православия в целом, так и весь сонм местночтимых подвижников и святых.

Сакральное пространство города дополняла живая духовная традиция ежедневного церковнослужения, крестных ходов, поминальных дней и праздников³.

В отличие от города, сельская местность имела локальное расположение святынь (колодчики, родники, чудотворные иконы, поклонные кресты, места подвижничества святых и др.) или комплексы, представленные монастырским пространством. Сюда шли с целью поклониться конкретной святыне или попросить заступничества у определенного святого.

Очень распространены были обетные богомолья. Считалось, что «хождение» необходимо было совершать ежегодно к ближним святыням и один раз в жизни – к дальним. К дальним святыням на череповецко-белозерских землях относили Соловецкий монастырь, но Троице-Сергиева, Псково-Печерская и Киево-Печерская лавры не исключались, однако туда ходили редко. В конце XIX в. стало возможным посещение Иерусалимских святынь.

¹ Галунова С. Н. Образы святых в составе иконописного фонда церквей Череповецкого уезда в XIX – начале XX в. (по данным архивных источников). // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, Искусствоведение. 2011. № 3 (1). С. 367–371.

² Хрусталева М. Ю. Часовни города Череповца. // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, «Легия». 2002. С. 224.

³ Алексеева Н. В. Сакральная топография г. Череповца Новгородской губернии: особенности формирования. // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 1. С. 156–157.

Зато ближних в Белозерье и Череповеси было в избытке. Не зря в конце XIX века эти земли получили название Северной Фиваиды. История пространственного и духовного освоения этой территории началась с возникновения первых монастырских поселений и была очень древней, гораздо старше новоявленных городов второй половины XVIII в.

Отдельные монастыри являлись селение- и градообразующими. Таковыми, прежде всего, как упоминалось выше, были Воскресенский «на Череповси», Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Окружающие их подмонастырские слободы долго сохраняли свои агиографические топонимы (Село Федосьево, город Кириллов, село Ферапонтово), напоминающие об основателях монастырей.

Географическая особенность Белозерья – это пересечение водоразделов трех крупнейших водных бассейнов, тяготевших к морям: Каспийскому (бассейны Волги, Шексны, Мологи); Белому (бассейны озер Воже, Лача, Кубенского и реки Северной Двины); Балтийскому (бассейн Онежского озера). Важнейшей магистралью являлась река Шексна¹. Узлы водных коммуникаций способствовали сооружению известных гидросистем (крупнейшие из них – Маринская судоходная система и канал герцога Виттембергского)². На территории Белозерья располагались уездные города Белозерск, Кириллов и особенно динамично развивающийся в пореформенный период город Череповец. Сухопутные дороги связывали населенные пункты данной территории с городами Новгородской и Вологодской губерний. Таким образом, Белозерский и Череповецкий край второй половины XIX – первой четверти XX века «фиксировал» самые оживленные речные артерии и дорожные трассы. Месторасположение обитателей с довольно высокой плотностью населения, географически удобных, развитых в хозяйственном отношении, стратегически важных с точки зрения естественных путей коммуникации, свидетельствовало, что монастыри края никогда не находились в географической или в социальной изоляции и были всецело

¹ Раков И. Г. Монастыри Белозерья. // Русские монастыри. Север и Северо-Запад России. М., 2001. С. 26–27.

² См. Смирнов И. А. История Северо-Двинской водной системы. (Канал герцога Виртембергского). // Кириллов: историко-краеведческий альманах. Вып. I. Вологда, 1994. С. 100–107.

интегрированы в систему экономических, политических и культурных процессов.

В изучаемый период имели значение два локальных очага монастырского средоточия (территориально соответствующие одноименным уездам): кирилловский, где действовали монастыри, основанные в XIV–XVI столетиях, и череповецкий, где монастырское строительство продолжалось в XIX, и даже в XX веке. Лидерство в локальной монастырской системе по-прежнему оставалось за Кирилло-Белозерским монастырем.

В конце XIX – начале XX в. существенно повышается социокультурное и духовное значение женского монашеского служения. Действующие в Белозерье девичьи общины – Горицкая и Леушинская – отличались не только экономическим благополучием и религиозным значением, но и широкой миссионерской и храмоздательной деятельностью. Трудami игуменьи Таисии в декабре 1903 г. был возобновлен Ферапонтов монастырь; в целях осуществления православной миссии среди старообрядцев, имевших скиты в Череповецком уезде, восстановлено действие Черноезерской пустыни (1911 г.). Филиппо-Ирапская пустынь выполняла пенитенциарные функции (сюда ссылали для исправления насельников других обителей). Древние традиции пустынножительства (особенно в лице отдельных подвижников) отчасти сохраняла Нило-Сорская пустынь.

Поскольку подавляющее большинство монастырских обителей Белозерья и Череповеси были основаны священноиноками, именно они составили впоследствии «духовную общность»: сонм местных святых, почитаемых в пределах белозерской историко-культурной области. Под «местными святыми» здесь обозначаются канонизированные подвижники, основатели череповецких и белозерских монастырей. Большинство священноиноков, избравших областью своего подвижничества эти земли, являлись учениками (духовными собеседниками или постриженниками материнских обителей) трех поколений святых учителей:

– преподобного Сергия Радонежского: Афанасий и Феодосий Череповецкие, Кирилл Белозерский и Ферапонт Белозерский (Можайский Лужицкий);

– преподобного Кирилла Белозерского: Мартиниан Белозерский и Нил Сорский;

– преподобного Кирилла Комельского (который сам был выходцем из Кирилло-Белозерского монастыря): Кирилл Новоезерский, Филипп Ирапский, Иродион Илоезерский, Зосима Ворбозомский, Даниила Шужгорский¹.

Кроме того, и бывшие монастыри, закрытые в середине XVIII в., так же сохраняли на своей территории древние и новые святыни.

Все они (и действующие и закрытые) имели сакрально-реликтовый комплекс, который был представлен четырьмя группами священных предметов²: личными вещами – ризами преподобных подвижников, четками, посохами, веригами и др.; богослужебными, например: фелонь и стихарь преподобного Кирилла, священные сосуды и прочие предметы, используемые в литургических целях; письменными памятниками³ – комплекты книг из келейной библиотеки, переписанные подвижниками, духовные завещания и т. д.; мемориальными объектами⁴ – камень-следовик на г. Маура (Горицы), три часовни вне Кирилло-Белозерского монастыря, кривая сосна на территории Филиппо-Ирапской пустыни, кору которой использовали при различных недугах и др.⁵

По данным С. Н. Голуновой, из семи, приписанных к Воскресенскому Череповецкому монастырю пустыней, наиболее известна Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская, основанная преподобным Филиппом Ирапским около 1512 г. Сведения о пустыни достаточно

¹ Третьякова С. В. Основатели монастырей и исторической памяти в религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX–XX первая четверть в.). Дис. к. и. н. Вологда. 2007. С. 70–75.

² См.: описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре, составленное архимандритом Варлаамом. // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. Разд. 1. С. 70–79.

³ Прохоров Г. М. и Розов Н. Н. отмечают 12 рукописей, лично принадлежащих Кириллу Белозерскому. См.: Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского. // ТОДРА. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 50–70; Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского. // Там же. С. 353–374.

⁴ ОПИ КБИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 4; Д. 23. Л. 28 об.

⁵ См.: Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1999. С. 226.; Смирнов И. А. Кирилло-Белозерский монастырь в 1764–1924 годах (Краткий очерк истории хозяйства). // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 63; Макарий, архимандрит. Описание Ферапонтовской волости. // Вестник Императорского Русского географического общества. 1854. Ч. 11. С. 132–133.; ОПИ КБИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 59–60, Д. 139. Л. 2–2 об.

скудны. Иеромонах Антоний в своем описании пустыни (1912 г.) упоминает лишь особо чтимые иконы, в частности, изображения Филиппа Ирапского. По просьбе старца Феодосия в 1669 г. была написана икона на раку святого Филиппа. Икона была исполнена местным иконописцем и была копией древнего образа, присланного княгиней Ольгой Кривоборской из Москвы. Обе иконы находились в церкви Троицы и считались чудотворными. В иконостасе Казанской церкви находилась икона святого Филиппа, изображенного со своим учителем Корнилием Комельским, молящимся перед иконой Троицы. Ее написал в 1723 г. архимандрит Череповецкого Воскресенского монастыря Иоанн (Никифоров). В деревянной часовне находился еще один образ преподобного. Оттуда же происходят еще две особо чтимые иконы: образы Зосимы и Савватия Соловецких XVII в. и Дмитрия Ростовского, исполненный в 1789 г. Алексеем Лошковым.

Кроме того, в храмах Череповецкого уезда, наряду с образами особо почитаемого святителя Николая, были распространены иконы святых Зосимы и Савватия Соловецких, Ростовских святых Дмитрия и Леонтия (первоначально многие приходы уезда находились в ведении Ростовской епархии). В описях часто упоминаются иконы святых Космы и Дамиана, святого Георгия Победоносца, святой мученицы Параскевы. Из местночтимых чаще других встречаются образы преподобных Кирилла Белозерского, Кирилла Новоезерского, Филиппа Ирапского. В различных источниках упоминается примерно о четырнадцати образах преподобного Филиппа. Сохранившиеся иконы Афанасия и Феодосия относятся ко второй половине XIX в. Крайне редки были изображения Сергия Шухтовского, есть упоминание об одной иконе Антония Черноезерского.

Если говорить о новых святынях, то в Череповецком уезде в XIX – начале XX в. велось не только интенсивное храмовое строительство, но и активно развивалась церковная живопись. Возводились храмы Леушинского монастыря, перестраивались старые церкви. На рубеж веков приходится деятельность череповецкого художника А.И. Леонова. К сожалению, сохранившихся документов крайне мало. Часто уже не существует и самих населенных пунктов, где находились храмы. Под водами Рыбинского водохранилища находятся церкви бывших Николо-Выксинской и Досифеевой пустыней,

храмы Леушинского монастыря, церкви в селах Логиново, Луковец, Вахново, Ольхово¹.

В 1862 г. в Леушинский монастырь была пожертвована икона Божией Матери «Аз есмь с вами, и никтоже на вы», именуемая также «Похвала Божьей матери» и «Спасительница России», которая считалась чудотворной.

Нельзя обойти вниманием еще одну группу православных святынь, которые находились на территории, окружающей Череповец, – святые мощи родоначальников череповецких и белозерских монастырей и их восприемников. Попробуем их просто перечислить:

В Кирилло-Белозерском – мощи святого основоположника монастыря Кирилла Белозерского († 1427, д. п. 9 июня)².

В Ферапонтовой обители – мощи преподобного Мартиниана Белозерского († 1483, 12 янв., 7 окт.)³.

В Нило-Сорской пустыни – преподобного Нила Сорского († 1508, 7 мая)⁴.

В Кирилло-Новоезерской обители – нетленные мощи Кирилла Новоезерского († 1532, 4 февр., 7 ноября)⁵.

В Красноборской Свято-Троицкой Филиппо-Ирапской – мощи преподобного Филиппа Ирапского († 1527, 14 ноября)⁶.

В Антониевой пустыни на Черных озерах находились мощи Антония Черноезерского († 1598, 17 января). В 1764 г. пустынь была упразднена, а сохранившаяся на ее месте церковь в 1821 г. приписана к Чуровскому приходу Череповецкого уезда. 7 июня 1911 г. Антониево-Черноезерская обитель была возобновлена.

Под спудом церкви Живоначальной Троицы Покровского Шух-

¹ Галунова С. Н. Образы святых в составе иконописного фонда церквей Череповецкого уезда в XIX – начале XX в. (по данным архивных источников). // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, Искусствоведение. 2011, № 3 (1). С. 370–371.

² Все даты приводятся по старому стилю. Кочетков И. А., Лелекова О. В., Подьяпольский С. С. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Архитектурные памятники. М., 1994. С. 24.

³ СПИ ВГИАХМЗ.Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–1 об.

⁴ Иоанн (Калинин), инок. Описание Нило-Сорской мужской общежительной пустыни Новгородской епархии. М., 1913. С. 32.

⁵ СПИ ВГИАХМЗ. Ед. хр. № 4365. Л. 57–57 об.

⁶ Антоний, иеромонах. Краткое описание Свято-Троицкой Филиппо-Ирапской пустыни Череповецкого уезда, Новгородской губернии. СПб., 1912. С. 13.

товского прихода (Череповецкого уезда) – мощи преподобного Сергия Шухтовского († 1609, 19 мая)¹.

В Череповецком Воскресенском соборе – мощи преподобного Феодосия († 1382) и преподобного Афанасия («Железный посох») († 1392) Череповецких².

Несколько подвижников были погребены в церквях упраздненных обителей: преподобный Даниил Шужгорский († вт. пол. XVI в., 21 сент.)³, преподобный Иродион Илозерский († 1541, 28 сент.)⁴, преподобный Зосима Ворбозомский († около 1550, 4 апр., 7 ноября)⁵.

Итак, в действующих и упраздненных в разное время и реорганизованных в приходские храмы монастырях Белозерья и Череповси сохранились мощи двенадцати преподобных – родоначальников местных монастырских поселений, основанных в период с XIV по конец XVI в. Вне изучаемых территорий погребенным оказался только преподобный Ферапонт Белозерский (его мощи находились в Лужецком Можайском монастыре Московской епархии).

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. череповчане и жители сельской округи Череповца и Белозерья имели все возможности отправлять религиозное чувство, как в повседневной жизни, так и экстремальных ситуациях, обращаясь к «нужным» им святым и святыням. Город с духовно-молитвенной и покаянной точки зрения имел и предоставлял возможность верующим соприкоснуться с максимальным количеством святынь, не затрачивая много времени и усилий. Его духовно-мемориальные объекты активно дополняли монастырские комплексы и святыни округи. Помимо основных визуальных и смысловых доминант: монастырей, храмов, часовен, наполнявших свято-мемориальное пространство изучаемой территории, в его составе были «вспомогательные» знаковые компоненты, приумножавшие его историческую значимость и расширявшие инфор-

¹ СПИ ВГИАХМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.

² Даты приводятся по: Поройков Н. Исторические сведения о бывших и существующих монастырях, их строителях и основателях в Череповецком уезде Новгородской епархии. // НЕВ. 1895. № 4. С. 170.

³ СПИ ВГИАХМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 20

⁴ Там же. Л. 1–1 об.

⁵ Никодим, архимандрит. Святые Новгородского края и вопрос о церковно-народном их почитании в современной исторической литературе. // НЕВ. 1903. № 19. С. 1130.

мационное поле, связанное с представлениями о локальных святынях и местных святых подвижниках. В совокупности все эти элементы обеспечивали устойчивость историко-культурной системы всего края, в условиях которого формировались и бытовали локальные этнокультурные и этноконфессиональные традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Н. В. Сакральная топография г. Череповца Новгородской губернии: особенности формирования. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2020. Т. 4. № 1. С. 141–177. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-1-5.

Галунова С. Н. Образы святых в составе иконописного фонда церквей Череповецкого уезда в XIX – начале XX в. (по данным архивных источников). // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, Искусствоведение*. 2011, № 3 (1). С. 367–371. С. 367–370.

Камкин А. В. Православная Церковь на Севере России: очерки истории до 1917 г. Вологда: ВГПИ, 1992. 164 с.

Кочетков И. А., Лелекова О. В. Подьяпольский С. С. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Архитектурные памятники. М.: Издательство «Теза», 1994. 63 с.

Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. М.: «Паломник», 1999. 526 с.
Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского. // ТОДРА. Т. XXXVI. Л., «Наука», 1981. С. 50–70.

Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского. // ТОДРА. Т. XXXVI. Л., «Наука», 1981. С. 353–374.

Раков И. Г. Монастыри Белозерья. // *Русские монастыри. Север и Северо-Запад России*. М.: Издательство «Троица», 2001. С. 26–30.

Смирнов И. А. История Северо-Двинской водной системы. (Канал герцога Виртембергского). // Кириллов: историко-краеведческий альманах. Вып. I. Вологда, 1994. С. 100–117.

Смирнов И. А. Кирилло-Белозерский монастырь в 1764–1924 годах (Краткий очерк истории хозяйства). // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда: «Русь», 1997. С. 52–76.

Третьякова С. В. Основатели монастырей и исторической памяти в религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX – XX первая четверть вв.). Дис. к. и. н. Вологда, 2007. 305 с.

Хрусталева М. Ю. Часовни города Череповца. // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, «Легия», 2002. С. 220–228.

ЛОСКУТОВ
Дмитрий Сергеевич
член союза краеведов
России



ПОМОРСКОЕ КЛАДБИЩЕ НА МОНАСТЫРСКОМ НАВОЛОКЕ В КАНДАЛАКШЕ

Изучая кладбище, мы творим свое исследование не о смерти, а о жизни, потому что, вспоминая или восстанавливая имена ушедших людей, нам удастся протянуть ниточку памяти через время, тем самым прикасаясь к такому свойству Божьему как вечность. Мы выполняем свой долг памяти перед ушедшими людьми, землю которых наследуем. Мы воодушевляемся подвигами и перенимаем опыт ушедших поколений. Мы устанавливаем молитвенную связь с ними, ибо у Бога все живы. Если говорить о поморском кладбище на Монастырском наволоке, то, сохраняя его, мы сохраняем историю поморского села и города Кандалакши. Чем же так важна нам история? Она важна тем, что сохранение, знание и изучение ее помогает нам понять Промысел Божий о нас и следовать ему.

Кладбища Кандалакши можно разделить по



Сейчас эти два надгробия оформлены в памятник

времени появления на старые и новые. Все городские кладбища, которые начинают появляться примерно с 20-х годов XX века можно назвать новыми. Старые, которые относятся к истории Кандалакши с XVI века, – это два «поморских захоронения», расположенных на территории бывшего села Кандалакши на Большой стороне (правый берег реки Нивы) и Малой стороне (левый берег реки Нивы на Монастырском наволоке). Кладбище Большой стороны уничтожено. Попавшее в черту городской и промышленной застройки советского времени, оно перестало существовать. Единственным чудом сохранившимся свидетельством о предназначении этого места остались два надгробных камня (один из них с табличкой), установленных в память о погибших сербских солдатах, воевавших с красными партизанами на Мурманской железной дороге в ходе Гражданской войны.

Таким образом, поморское кладбище на Монастырском наволоке на сегодняшний день является одним из немногих объектов, несущих память об уже ушедшей Кандалакше. Казалось бы, при такой уникальности (и доступности) объекта он должен быть хорошо изучен, но, увы, это не так. Более того, по словам местных жителей, в советское время под планируемое расширение Кандалакшского морского торгового порта кладбище планировалось снести, а на этом месте – построить причалы. Возможно, каким-то образом сохранению кладбища послужил перенос в 1970-х годах памятника федерального

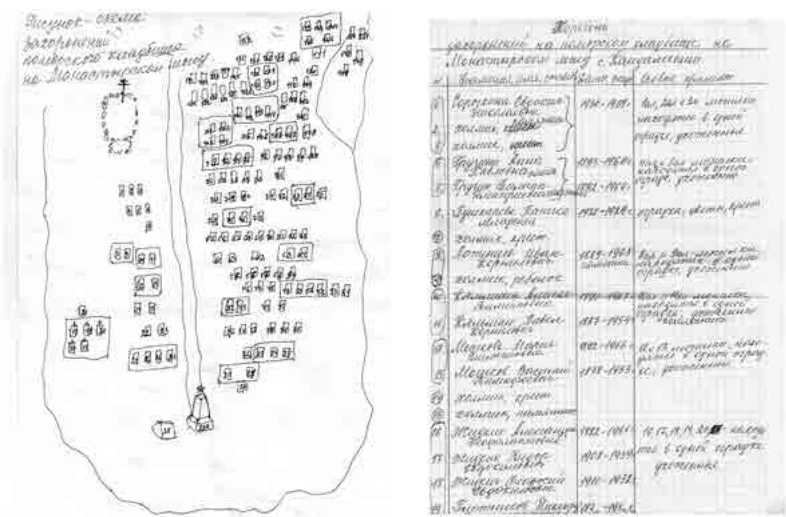
значения «Жертвам интервенции и белогвардейщины» из центра города на Монастырский наволоок. Но время идет, и другие опасности стали подстерегать эту землю. По прошествии определенного времени после последнего захоронения (примерно, середина 50-х годов XX века) земля из-под кладбища может быть отдана под рекультивацию. Поэтому видится насущной необходимостью, пока еще «не ушло время», сделать описание кладбища, собрать сведения о людях, на нем похороненных, и оформить это в виде заявки для постановки его на учет как мемориального.

СХЕМА ПОМОРСКОГО КЛАДБИЩА

Первыми описание и схему кладбища сделали мои родственники: Жидких Леонид Федорович и Жидких (Белошицкая) Галина Федоровна в 2010 году. Дядя Леня и тетя Галя (сами поморы) хотели оставить память о поморах, которые упокоились на земле Монастырского наволока, в том числе – о своих родственниках. Самое главное произошло: были сохранены имена людей, список которых лег в основу «помянника», прочитываемого во время каждой субботней церковной службы. Но вот схема кладбища была несовершенной, она не привязывалась к местности, и по ней невозможно было бы найти указанное в описании захоронение.

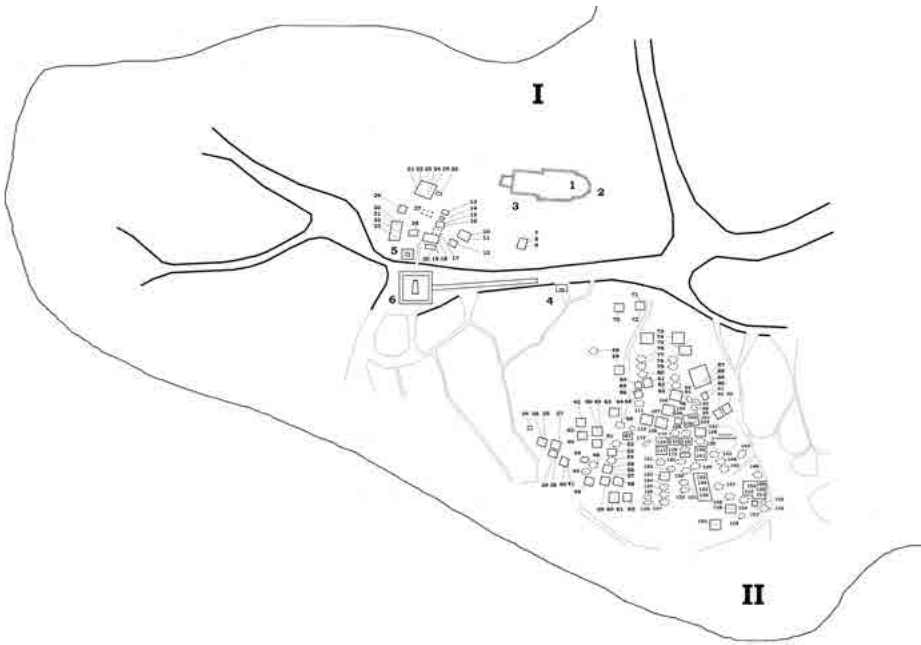
Понимание, что нужно устранить этот недочет, не давало объяснения, как выполнить эту работу; ходить с GPS-навигатором, «брать точки», переносить их на карту, а потом на схему – достаточно сложный процесс, и тут счастливый случай разрешил проблему. Летом 2020 года один из наших прихожан обзавелся квадрокоптером. Очередной тренировочный полет был запланирован с Монастырского наволока. Алексей поднял аппарат над кладбищем и сфотографировал его с высоты птичьего полета. Дальше вопрос решался уже терпеливым сведением полученных изображений с «материалом на местности», описанием и переносом получившейся схемы на бумагу.

Рассматривая получившуюся схему, сразу бросается в глаза, что



Пример схемы

Описания



Получившаяся схема кладбища

кладбище как бы разделено на две половины: северную (под номером I), рядом с фундаментом Богородицкой церкви, и южную (под номером II). Части кладбища разделены возвышением, по которому идет дорожка, оканчивающаяся спуском к воде на западной стороне Монастырского наволока. Местные жители рассказывали, что хоронить на кладбище начинали с морской, южной стороны, по количеству могил это хорошо видно и сейчас. Возможное объяснение, почему так происходило, может быть таким: до упразднения Кандалакшского монастыря братию монастыря хоронили около церкви¹. Видимо, по упразднении монастыря, местные крестьяне не считали себя вправе занимать место рядом с церковью, там, где хоронилась братия монастыря, и хоронили своих родственников несколько поодаль, у моря. Но, тем не менее, по сообщениям местных жителей и изображениям 40-х годов XX века видно, что крестьянские захоронения появились и с южной стороны церкви².

«ЗНАКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ»

«Знаковым погребением» Монастырского наволока является необычное двойное погребение мужчин в южной части алтаря – дьяконнике Богородицкой церкви³, которое было обнаружено в ходе археологических работ в 2013 году. «Двое мужчин, приблизительно одного возраста, были захоронены по аскетичному варианту православного обряда: без гробов, в простом одеянии, без сопутствующих предметов. Необычным был способ их укладки в одну могильную яму: они лежали друг на друге.

В северорусской монашеской погребальной традиции дьяконник – это место захоронения наиболее значимых для местного православного сообщества персон. По монашеским правилам здесь хоронили основателей, строителей или игуменов, имевших

¹ Арабская цифра 2 на схеме.

² Арабская цифра 3 на схеме.

³ Арабская цифра 1 на схеме.



*Церковь Рождества Богородицы на Монастырском наволоке.
Фотография из фондов ГАМО. Снимок конца 30-х – начала 40-х годов
XX века*

огромное значение для истории монастырей, местночтимых святых или глубокоуважаемых общиной иноков, прославившихся жизненным подвигом благочестия. Погребение мирян в алтаре монастырской церкви было возможно только, если это была родовая усыпальница попечителей обители из высшего сословия, что в нашем случае отсутствует», – сообщает руководитель работ археолог Национального музея Республики Карелия Марк Михайлович Шахнович¹.

Рассказ об этом погребении еще раз напоминает нам о возможности «церковных захоронений» с восточной стороны церкви, где, по словам местных жителей, «святые похоронены», и раньше стояли кресты².

¹ «Тайна уникальной находки на Монастырском наволоке». Режим обращения: <http://mmeparh.cerkov.ru/2020/02/05/tajna-unikalnoj-naходki-na-monastyrskom-navoloke/> Дата обращения: 20.11.2020.

² К работе мы прилагаем список братии Кандалакшского монастыря, выбранный по именнику «Вкладной книги Кандалакшского монастыря». Приложение 1.

*Мемориальная плита
«жителям улицы
Заречной, погибшим
в годы Великой
Отечественной войны
1941–1945 гг.»*



«ТРИ ОБЪЕКТА»

Перед тем, как переходить к описанию самого кладбища, необходимо упомянуть о трех объектах на его территории, которые прямо не относятся к поморскому кладбищу, но теперь уже составляют с ним «одно целое». Первый – мемориальная плита «жителям улицы Заречной, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»¹, открытая местными жителями 01.07.2011 года. На плите приведены имена поморов, жителей улицы Заречной, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и похороненных на местах боев²: Гручин Максим Иванович, Гусев Иван Григорьевич, Жидких Иван Сергеевич, Каннуев Павел Григорьевич, Кяльмин Тимофей Архипович, Лопинцев Михаил Иванович, Мостовиков Иван Андреевич, Мостовиков Федор Андреевич, Мошков Владимир Васильевич, Немчинов Иван Семенович, Немчинов Николай Семенович, Немчинов Яков Семенович, Рогозеров Евгений Васильевич, Тарасов Платон Григорьевич, Тарасов Христофор Григорьевич, Трушнин Августин Тимофеевич, Трушнин Ананий Павлович, Трушнин Петр Петрович, Фомин Матвей Иванович.

Второй объект – это памятник «Жертвам интервенции и белогвардейщины 1918–1920», который стоял в центре города рядом

¹ Арабская цифра 4 на схеме.

² Не на Монастырском наволоке в Кандалакше.

Памятник «Жертвам интервенции и белогвардейщины 1918–1920». В центре г. Кандалакиши



Памятник «Жертвам интервенции и белогвардейщины 1918 – 1920» на Монастырском наволоке



с городским кладбищем, появившимся в 1920-е годы (возможно на месте расстрела советских патриотов, но это лишь предположение). Примерно к середине 1970-х годов на месте, где стоял памятник, так как он оказался к этому времени в центре города, решили поставить административное здание, в котором бы размещались советские и партийные органы. Соответственно памятник перенесли из центра города на Монастырский наволок (об этом уже говорилось выше)¹. На самом памятнике размещены мемориальные доски с именами советских патриотов – «жертв интервенции и белогвардейщины»: Архипов Е. А., Барминский Е. С., Батюшков, Дурьнин Ф. И., Кемов А. П., Комлев А. Н., Кокорин Г. К., Лойко И. О., Нестеров Г. Н., Рогозин С., Соболев В., Скорняков Ф. Ф., Оскар Соткярви (Ошкари).

Третьим объектом является небольшой земляной холм, обложенный гранитными плитами² с надписью: «Старинное помор-

¹ Арабская цифра 6 на схеме.

² Арабская цифра 5 на схеме.

*Земляной холм,
обложенный
гранитными
плитами с надписью:
«Старинное
поморское кладбище.
На этом кладбище
похоронены красные
партизаны: Жидких
Андрей Сергеевич,
Кяльмин Павел
Корнилович, Лопинцев
Иван Корнилович»*



ское кладбище. На этом кладбище похоронены красные партизаны: Жидких Андрей Сергеевич, Кяльмин Павел Корнилович, Лопинцев Иван Корнилович». Судя по окружающему рельефу местности, земляной холм является искусственным сооружением. Кому и зачем нужно было насыпать здесь горку земли? Мы предположим, что насыпной холм, обложенный плитами с надписями, и памятник «Жертвам интервенции» появились на Монастырском наволоке примерно в одно время. По воспоминаниям местных жителей, при строительстве нового здания городской администрации были выкопаны кости, которые погрузили в грузовик и отвезли в неизвестном направлении. Мы предполагаем, что грузовик вывез грунт с останками на Монастырский наволок, а позже получившийся земляной холм был обложен гранитными плитами с соответствующими надписями.

ОПИСАНИЕ ПОМОРСКОГО КЛАДБИЩА ¹

Работа по описанию Поморского кладбища в 2020 году выявила 154 захоронения, из которых: 108 захоронений именных и 46 безымянных. В сравнении с описанием 2010 года, сделанным Галиной Федоровной Белошицкой (Жидких) и Леонидом Федоровичем

¹ К работе мы прилагаем «Описание схемы Поморского кладбища на Монастырском наволоке». Приложение 2.

Жидких¹, разница в общем выявлении захоронений небольшая: они указали 150 захоронений, мне удалось обнаружить 154. Но очень существенная разница, что не может не радовать, в выявлении именных могил. В 2020 году их оказалось 108, а в 2010 году было 87. Нет оснований полагать, что в описании 2010 года были плохо зафиксированы захоронения, скорее всего, за десять лет местные жители обозначили потерявшиеся² со временем могилы. Таким образом, можно отметить факт повышения интереса к истории своих семей и сохранению памяти предков среди кандалакшан – потомков поморов.

На кладбище выявлено пять семейных захоронений села Кандалакши известных поморских фамилий: Жидких, Рогозеровых, Каюковых, Ярусовых, Фоминых; выявлено также около 20 человек солдат Великой войны³ – крестьян села Кандалакши, служивших в Императорской армии и попавших на фронты Первой мировой войны. По всей видимости, это небольшая часть мужчин села Кандалакши, участвовавших в Великой войне, потому что гораздо большее кладбище правой стороны села Кандалакши оказалось разоренным, и, соответственно, многие фамилии и истории жизни сельчан, похороненных на нем, утеряны. Мы ведем возможную работу по восстановлению имен похороненных на правой стороне (Большой стороне) села поморов, но это лишь ретроспективный и субъективный взгляд в прошлое отдельных жителей, который не вернет всех фамилий, но хоть что-то...

«Персоналии» Поморского кладбища

Работая над описанием Поморского кладбища, удалось собрать сведения о двадцати трех жителях села Кандалакши, похороненных на этом кладбище. По некоторым людям существуют серьезные публикации в исторической литературе, которые занимают не одну

¹ Далее: «Описание 2010 года».

² Двадцать одну.

³ По датам рождений и нахождении сведений в базе данных «1914–1918 Памяти героев Великой войны». Режим доступа: <https://gwag.mil.ru> Дата обращения: 05.12.2020.

страницу воспоминаний, по другим – скудные сведения, найденные в сети Интернет. Как правило же, сведения об усопших предоставлялись родственниками или знакомыми, а потом дополнялись материалами, предоставляемыми современными поисковыми базами.

11. Гручин Филипп Дмитриевич, « всю жизнь отработал председателем сельского совета. Жена у него была домохозяйка, растили сына и дочку »¹. Позже работал начальником охраны Кандалакшского государственного природного заповедника².

13. Лопинцев Иван Корнилович, участник Великой войны и партизанского движения в годы Гражданской войны, участник Всекарельского съезда партизан в Петрозаводске 5–6 августа 1930 года. Родной брат Кяльмина Павла Корниловича. « Лопинцев Иван Корнилович приходится братом Кяльмину Павлу Корниловичу, в семье которого воспитывался наш дед Трифан Иванович Фомин 1895 г.р. Все они воевали в Первую мировую, были арестованы Антантой, бежали из лагеря, организовали кандалакшский партизанский отряд и оказывали сопротивление англичанам. Между собой они – родня, хоть и имеют разные фамилии. Кяльмин и Лопинцев – родные братья. Семья Лопинцевых была многодетная, не богатая, а в семье Кяльминых не было детей, поэтому Павел Корнилович ребенком был отдан на воспитание Кяльминым, так два родных брата имеют разные фамилии »³.

На сайте «Этнография и фольклор Русского Севера»⁴ Иван Корнилович Лопинцев упоминается как «крестьянин, с. Нижняя Кандалакша Кемского уезда Архангельской губ., исполнитель былин». В частности, текст былины «Илья Муромец» был записан от Лопинцева И.К.

16. Кяльмин Павел Корнилович, участник Великой войны, один из организаторов партизанского движения на Мурмане в годы Граж-

¹ Воспоминания Беляевой (Каннуевой) Нины Григорьевны, жительницы левой стороны села Кандалакша – Зареки. Запись 11.12.2020.

² Электронная версия газеты «Комсомольская правда. Мурманск» за 27 августа 2019 года. Режим доступа: <https://www.murmansk.kp.ru/online/news/3585735/> Дата обращения: 05.12.2020.

³ Воспоминания Михаила Петровича Трушнина, жителя левой стороны села Кандалакша – Зареки. Запись: 03.10.2020.

⁴ Сайт «Этнография и фольклор Русского Севера». Режим доступа: https://www.booksite.ru/folk/6_1-6.html Дата обращения: 05.12.2020.



Лопинцев И. К.



Кяльмин П. К.



Жидких А. Ф.



Жидких Ф. Е.

данской войны. Один из организаторов разгрома английского карательного отряда под Лувеньгой 23 сентября 1919 года, захвата ряда железнодорожных станций, 600-километрового рейда по тылам противника, организатор побега из Мурманского лагеря военнопленных. В 1920-х годах – один из организаторов первых рыболовецких артелей, с 1937 года – директор оленеводческого совхоза в Кандалакше. С 1940-х – тракторист совхоза «Нивский», в июле – октябре 1942 года – партизан отряда «Большевик Заполярья» (демобилизован по болезни). Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями: «Партизану Отечественной войны», «За оборону Советского Заполярья»¹.

21. Жидких Александра Феофилактовна, прабабушка автора статьи. Подробно жизнь и судьба Александры Феофилактовны рассмотрены в книге Белошицкой Г. Ф. «История семьи Жидких на фоне поморской культуры», страницы: 37–51².

22. Жидких Федор Евдокимович, дедушка автора статьи. Подробно жизнь и судьба Федора Евдокимовича рассмотрены в книге Белошицкой Г. Ф. «История семьи Жидких на фоне поморской культуры», страницы: 51–73³.

¹ По материалам портала «Кольская энциклопедия»: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=96688 Дата обращения: 05.12.2020.

² Адрес обращения: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/ZmeevaOV/RazumovaIA-ZmeevaOV_Ist-sem-Zhidkih_2013/55/index.html#zoom=z Дата обращения: 05.12.2020.

³ Адрес обращения: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/ZmeevaOV/RazumovaIA-ZmeevaOV_Ist-sem-Zhidkih_2013/77/index.html#zoom=z Дата обращения: 05.12.2020.

40. Пушкарев Петр Парфентьевич – «... это первый жених нашей бабушки. Она обещала выйти за него замуж, дала “в задаток” полшалока, но не сдержала слово – вышла замуж за Жидких Евдокима Ивановича. Я помню этого дедушку, когда бабушка была еще жива, он к нам приходил, такой высокий, крепкий старик с бородой. Заходил в дом, сначала ставил в угол палочку, потом крестился на иконы, и только потом говорил: “Здравствуйте!” Потом проходил в комнату бабушки, и они там час-полтора о чем-то разговаривали, беседовали...»¹.

«Из нашего села многих призвали на войну. Среди них были наш дед Евдоким и Пушкарев Петр Парфентьевич. Всех мужиков собрали на берегу ляги, и в 2-х – 3-х карбасах отправляли морем до села Ковды, на берегу стояли провожающие. Стояла наша бабушка с тремя сыновьями: 10 лет, 6 лет, 4 года, а на руках годовалая двойня. Очень тяжело уезжал дед. Тяжелым грузом оставался невыполненный обет Богу. Он так и сказал бабушке, что с этой войны не вернется. А еще говорил, что если попадет в плен, то домой не придет, чтобы не позорить сыновей. Такова была мораль! Такое было воспитание.

Когда лодки отошли от берега, дед кинулся в воду, невозможно тяжело было оставлять дом и жену с пятью детьми. Пришлось вернуться, переодеться и уже вместе с мужем до Ковды поехала бабушка с маленьким Павликом, а дом, детей и все хозяйство оставила на родственников. В Ковде попрощалась с дедом и больше никогда не видела его, и ни одной весточки не получала.

Только, когда вернулся домой Пушкарев Петр Парфентьевич, рассказал он о том, что видел, как в одном из боев упал дед во время отступления наших войск. Через несколько часов наши части пошли в наступление, и эта территория была взята. Петр Парфентьевич искал тело Евдокима Ивановича, но не нашел его ни живого, ни мертвого. Это дало бабушке надежду, что дед жив, и всю жизнь она его ждала, до глубокой старости вспоминала о нем и рассказывала нам – внукам»².

¹ Воспоминания Белошицкой (Жидких) Галины Федоровны, жительницы села Кандалакши. Запись: 30.04.2019 года.

² Воспоминания Белошицкой (Жидких) Галины Федоровны, опубликованы на сайте «Культурная память современной России: Евро-Арктический Север». Режим доступа: <http://cultmemory.ru/index.php/kulturnaya-pamyat-russkoj-pomorskoj-semi/memuaristika/276-s3-evdokim-ivanovich-zhidkikh-nash-ded-iz-memuarnykh-zapisej-zhitelnitsy-g-kandalakshi-g-f-beloshitskoj-1940-g-r-avtorskaya-rukopis-2003-2006-gg-publikatsiya-i-a-razumovoj-o-v-zmeevoj-primechaniya-i-a-razumovoj-o-v-zmeevoj-original-khranitsya-u-g-f-beloshitskoj>. Дата обращения: 05.12.2020.

История эта нашла подтверждение в документах Великой войны, опубликованных в современных поисковых базах¹. Жидких Евдоким Иванович, рядовой 179-го пехотного Усть-Двинского полка пропал без вести 8 ноября 1914 года. Действительно, по Журналу боевых действий 179-го пехотного Усть-Двинского полка за ноябрь 1914 года², именно в эти дни подразделения полка наступали и отступали в районе современного польского города Вольбром. К 9 ноября в составе полка оставалось всего 550 человек.

51. Лопинцев Семен Демьянович, родился 30 апреля 1908 года в селе Кандалакша. Окончил начальную школу. Был мобилизован в 1942 году Кандалакшским РВК и направлен в 273-й стрелковый полк 104-й стрелковой дивизии 19 армии Карельского фронта. Вошел на Кандалакшском направлении. Был ранен, находился в эвакогоспитале 1440, уволен из армии в связи с ранением, инвалид Великой Отечественной войны³.

«Лопинцев Семен Демьянович, наш сосед, его дом стоял чуть повыше нашего дедовского дома, у него было трое сыновей и две дочери...»⁴

55. Каюков Евгений Яковлевич, «работал в Рыбнадзоре вместе с Пафуриным Виктором, они вместе утонули во время поездки по

¹ Портал «1914–1918 Памяти героев Великой войны». Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie13833274/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DЖидких%20%26birth_place_uezd%3DКемский%26groups%3Dawd%3Aprtr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneni%3Apotery_voennoplen%3Afr%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1 Дата обращения: 05.12.2020.

² Портал «1914–1918 Памяти героев Великой войны». Режим доступа: https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51500190&backurl=person%5C179%20усть-двинский%20пехотный%20полк::group%5Ccopisdoc:chasti:lk:mat:proch::types%5Cdocuments:rlt_documents:book_area:prikazi_raspor:donesenie:reports_materials:svedenia:awards:predstavlenie_nagrad:awards:warlist_documents:cards_voennoplen:docslk_documents:name_potery:albons:maps_schemes:diplomat_docs:permid_docs:docs_english:report_info_card:upper_command:newsjourn_documents:other_docs:burial_docs::page%5C2. Дата обращения: 05.12.2020.

³ «Победители» – книга о жителях Мурманской области, участниках Великой Отечественной войны. Том 4. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col_war/Pobediteli_T4_2015/152/ Дата обращения: 05.12.2020.

⁴ Воспоминания Белоощицкой (Жидких) Галины Федоровны, жительницы села Кандалакши. Запись: 31.05.2017 года.

морю. Тело Каюкова Евгения отыскиали, а тела Пафурина Виктора не нашли»¹.

58. Пушкарева Пелагея Никаноровна, «подруга нашей бабушки Жидких Александры Филатовны. В молодости они очень дружили. Когда вышли замуж, дружба разошлась, но все равно они поддерживали дружескую связь. Семьи были большие. У бабушки было пять детей, у Пелагеи Никаноровны – четыре сына и дочка. Всех вырастили, у Пелагеи Никаноровны в войну погиб один старший сын»².

68. Жидких Тимофей Андреевич, 1900 года рождения, сотрудник охраны Кандалакшского государственного заповедника.

«... Переночевал в Кандалакше, а на следующий день приехал работник охраны – Жидких Тимофей Андреевич. Мы с ним заехали на Анисимов, а потом он меня довез до Лодейного, где тогда была база. На Лодейном, по всей видимости, я точно не узнавал, осталась еще с дозаповедных времен рыбацкая избушка, как и на некоторых других островах, там и жили»³.

69. Тарасовы: Сергей, Евдокия. «Здесь лежат Тарасовы Евдокия Ивановна и Тарасов Сергей – ее муж, они жили на западном берегу, дом у них стоял у самой воды. Я иногда к ним заходила, у них в доме всегда были иконы, у икон горела лампада. Бабушку Евдокию звали “Дуня маленькая”, она пользовалась большим авторитетом в селе, потому что могла лечить испуг ребенка-младенца, грыжу заговаривала, были какие-то еще способности, что она помогала в лечении больных людей. Люди к ней относились с уважением, часто обращались, и она никогда никому не отказывала. Звали ее “Дуня маленькая”, потому что она была невысокого роста. Жили дружно, а вот были ли у них дети, я не могу сказать»⁴.

75. Жидких Андрей Сергеевич, участник Великой войны, красный

¹ Воспоминания Белошицкой (Жидких) Галины Фёдоровны, жительницы села Кандалакши. Запись: 31.05. 2017 года.

² Воспоминания Белошицкой (Жидких) Галины Федоровны, жительницы села Кандалакши. Запись: 31.05. 2017 года.

³ Воспоминания Бианки В. В., записала и обработала Горяшко А. Н. Режим доступа: <https://www.littorina.info/kandalaksha/kandalaksha/ochevidci/003.html> Дата обращения: 05.12.2020.

⁴ Воспоминания Белошицкой (Жидких) Галины Федоровны, жительницы села Кандалакши. Запись: 31.05. 2017 года.

партизан¹, участник Всекарельского съезда партизан в Петрозаводске 5–6 августа 1930 года.

89. Пельтихин Герасим Александрович, увековечен в братском захоронении «погибших при исполнении служебного долга» 20 мая 1954 года. Он же рыбак, бригадир Кандалакшского рыбокооператива, арестован 14 декабря 1943 года по ст. 58–10, осужден 11 марта 1944 года на 5 лет ИТЛ. Реабилитирован прокуратурой Мурманской обл. 18 мая 1989 года². Скорее всего, что он же (Пельтихин Герасим Александрович) упоминается в рассказе Ивана Константиновича Поспелова, командира партизанских отрядов, действовавших под Кандалакшей в годы Гражданской войны и интервенции: «...Той же ночью, которой выпустили меня, был таким же путем выпущен второй наш товарищ Пельтихин, который также 24-го пришел в отряд. Наши товарищи Иванов и Ивонен советовали нам идти обратно к англичанам, но мы с Пельтихиным сказали, что мы должны все принести в жертву ради достижения наших целей, даже жен и детей³, и сразу же принялись за дело. Был направлен отряд 25 человек по направлению к Имандре, где взорвали 6 мостов, захватили 9 вагонов динамита, после чего здесь открылся настоящий фронт. В Кандалакшский залив вошли 4 военных судна и пароход воздухоплавательного парка с гидропланами, и в каждый день залетали гидропланы, ночью прожектора освещали берег и горизонт моря. Одновременно со взрывом мостов было поднято восстание крестьян в Княжой Губе, но тут были вызваны войска с фронта и бронепоезда, а также и военные суда. Нас бы белогвардейцы окружили цепью, но им дали хороший отпор, и они отступили, но тут произошла заминка. Большая часть крестьян, опасаясь, что по деревне будет открыт артиллерийский огонь, стала разбегаться, более же надежные товарищи ушли с нами, а остальные сдались на милость белогвардейцев, и вместо милости в тот же вечер 27 человек 6 октября 1919 г. были расстреляны»⁴.

¹ Имя увековечено на мемориальной плите «Старинного поморского кладбища», арабская цифра 5 на схеме.

² По материалам портала «Открытый список». Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Пельтихин_Герасим_Александрович_\(1888\)](https://ru.openlist.wiki/Пельтихин_Герасим_Александрович_(1888)). Дата обращения: 05.12.2020.

³ Интервенты взяли в заложники семьи Поспелова и Пельтихина.

⁴ Воспоминания о гражданской войне Ивана Константиновича Поспелова. Режим доступа: <https://kandalaksha.org/interesno/1867-vospominaniya-o-grazhdanskoj-vojne.html>. Дата обращения: 05.12.2020.



Богданова Е. В.



Трушнин И. Г.



Каннуев Г. И.



Каннуев Г. И.

93. Богданова Елизавета Васильевна, «бабушка наших двоюродных братьев: Владимира Павловича, Александра Павловича, Павла Павловича Жидких и Надежды Павловны Родиной (Жидких). Это их бабушка из Кузомени, она приехала и жила у них. Но прожила недолго, как-то быстро умерла, и ее здесь схоронили»¹.

104. Трушнин Иван Григорьевич, родился 06.10.1887 г., отца его звали Григорий Прокопьевич. Участник Великой войны, после войны женился на Пушкаревой Фекле Николаевне. С семьей жил до коллективизации на Киберенском берегу² в Киппоихи³ и работал продавцом, также занимался оленями. Потом вступил в колхоз⁴.

«Трушнин Иван Григорьевич – это мой дед, добродушный человек, никого никогда не обижал. По рассказам родителей и тетушек, никогда детей ни своих, ни чужих не наказывал. Эти деды – Трушнин Иван Григорьевич и Каннуев Григорий Иванович – были рыбаками и до Великой Отечественной войны имели большие стада личных оленей до 70 голов каждый, занимались оленеводством помогали нашей армии в военные годы извозом (перевозили сна-

¹ Воспоминания Белошицкой (Жидких) Галины Федоровны, жительницы села Кандалакши. Запись 30 апреля 2019 года.

² Киберинский берег – местное название восточного берега Кандалакшского залива от губы Колвицы до губы Порья, напротив островов Киберинские луды. Координаты: 66° 55' 53.69" с. ш.; 32° 49' 37.57" в. д. Координаты GPS: 66.933350, 32.825841.

³ Киппоиха – оленеводческий колхоз в районе ручья Максимов (указывается на старых картах). Координаты: 66° 56' 17.78" с. ш.; 32° 54' 20.98" в. д. Координаты GPS: 66.93825161196426, 32.90576031034427.

⁴ Воспоминания Беляевой (Каннуевой) Нины Григорьевны, жительницы левой стороны села Кандалакша – Зареки. Запись 11.12.2020.

ряды, продовольствие и раненых к медпунктам и госпиталям, возили рыбу в Мурманск), работали в колхозе, вместе рыбачили на тоне в Малой Питкуле, а кухаркой у них была Фомина Татьяна Константиновна – бабушка, но это уже было после войны. Летом мы малышами часто по берегу приходили к ним на тоню. На Меньшом Березове на тоне стоял дом. Я хорошо помню те времена. Семьи Трушнинных и Каннуевых были большие, дедам приходилось много работать, поэтому они и были очень добрые, воспитанием детей и внуков занимались бабушки, вот они были “грозами”. От них доставалось всем и даже мужьям, их боялись и деда, и дети, и внуки. Поэтому, пока мы были маленькие, в баню ходили только с бабушками, считалось, что они нас держали в узде, и не дай Бог что-то сделать недостойное – попадет всем. В поморских семьях так было заведено. Эти два деда дружили сызмальства и всегда были вместе: жизнь, работа, бытие. Дома, и те у них были рядом, поэтому родственники и похоронили их рядом»¹.

105. Каннуев Григорий Иванович. «Родился в Кандалакше 13 октября 1887 года. Родители: Каннуев Иван – отец, Мостовикова Агруксена Никитична – мать. Отец умер, когда Григорию было три года. Мать вышла замуж во второй раз за Жидких Сергея, и они уехали жить в Западную Лицу. Григория и его брата Николая воспитывал дед Никита. Дед был бондарем – работа в то время прибыльная. Характер у деда Никиты был суровый, с детства детям приходилось трудиться. Григорий с малолетства занимался оленеводством. В 1914 году началась Великая война, и его призвали в Императорскую армию. На тот момент Григорий Иванович уже был женат на Лопинцевой Епистимии Самсоновне, у них родилось двое детей. На фронте в Румынии он получил тяжелое ранение в ногу², вернулся

¹ Воспоминания Михаила Петровича Трушнина, жителя левой стороны села Кандалакша – Зареки. Запись: 05.12.2020.

² Участник Великой войны, ратник 2 разряда 65-го пехотного запасного полка Григорий Иванович Каннуев выбыл по болезни 09.02.1917 года. По материалам портала «1914–1918 Памяти героев Великой войны». Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital23818909/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3Dканнуев%26birth_place_uezd%3DКемский%26groups%3Dawd%3Aptr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrody%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Afr_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1 Дата обращения: 10.12.2020.

домой и долго восстанавливался. Затем работал в Кандалакшском паровозном депо помощником машиниста, позднее машинистом. Когда началась коллективизация, пошел в колхоз.

В колхозе во время зимы занимался оленями. Когда выпадал снег, ездили в Колвицу собирать своих оленей (у каждого колхоза было свое клеймо), а весной их отпускали на выгул. На оленях возили из леса дрова, сено, ягель. Летом ловили рыбу на тонях. Когда потерпел крушение дирижабль на Небло-горе, Григорий со своим другом Трушным Иваном Григорьевичем заготавливали дрова в том районе, их забрали вместе с оленями на помощь потерпевшим. Дома их потеряли, так как от них не было вестей два дня.

В начале войны, 27 июня, умерла жена. Старшие сыновья ушли на фронт, младшие отправились в эвакуацию с дочкой Марией в Архангельскую область. Всего у Григория Ивановича было шесть детей. Во время Великой Отечественной войны он работал от колхоза имени Сталина¹ на ловле палтуса в Баренцевом море. В море ходили на «дорах», на них работали по две женщины и старик. Доры были оснащены веслами и парусом, ловили удочкой и ярусами. Работа была очень тяжелой, да еще постоянные бомбежки. После войны дед сидел на тонях в Кандалакшском заливе – добывали рыбу для колхоза. Григория Ивановича выбирали народным заседателем в суд, председателем ревизионных комиссий по проверке магазинов. Без дела он не сидел до последних дней: трудился в колхозе, помогал как мог людям: кому валенки подошьет, кому топорище сделает, кому совет дельный даст... Люди к нему с уважением относились. В свободное время участвовал в поморском хоре вместе с дочкой Ниной. Умер 6 марта 1958 года»².

111. Каннуев Антон Григорьевич, участник Великой Отечественной войны. Старшина технической службы 80-го ближнебом-

¹ Колхоз им. Сталина – рыболовецкий колхоз села Кандалакша, создан в 1930 г., существовал до 1956 г.; с 1956 г. – колхоз «Нива». По материалам сайта «Культурная память современной России: Евро-Арктический Север». Режим доступа: <http://cultmemory.ru/index.php/kulturnaya-pamyat-russkoj-pomorskoj-semi/memuaristika/277-s4-aleksandra-filatovna-zhidkikh-nasha-babushka-iz-memuarnykh-zapisej-zhitelnitsy-g-kandalakshi-g-f-beloshitskoj-1940-g-r-avtors-ka-rukopis-2003-2006-gg-publikatsiya-i-a-razumovoj-o-v-zmeevoj-primechaniya-i-a-razumovoj-o-v-zmeevoj-original-khranitsya-u-g-f-beloshitskoj> Дата обращения: 10.12.2020.

² Воспоминания Валентины Павловны Петкун – внуки Григория Ивановича Каннуева. Запись: 10.12.2020.



Жидких И. В.



Рогозеров А. А.

бардировочного авиационного полка. В Красной Армии с 1941 года, призван Кандалакшским РВК Мурманской области. Награжден медалями: «За боевые заслуги» и «За оборону Советского Заполярья»¹.

123. Жидких Иван Васильевич, 1908 года рождения. Призван Кандалакшским РВК Мурманской области в июне 1941 года. Сержант, командир отделения лыжной бригады 127 отдельного лыжного корпуса. Прошел всю войну: с июня 1941 по октябрь 1944 года – на Карельском фронте, с декабря 1944 по февраль 1945 года – в составе 2-го Украинского фронта. Два легких и одно тяжелое ранение.

23 февраля 1945 года, действуя в составе лыжной бригады 127 О. Л. К. 2-го Украинского фронта, при наступлении в районе Моравской заставы в Закарпатской Украине сержант Жидких И. В. получил тяжелое осколочное ранение с переломом правого бедра, с последующей ампутацией части правого бедра. Инвалид Отечественной войны 3 группы. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией»².

Рядом с Жидких Иваном Васильевичем похоронены еще два героя: Великой войны – Рогозеров Ананий Алексеевич (1888 года рождения) и Великой Отечественной войны – его сын Рогозеров Георгий Ананьевич (1926 года рождения).

124. Рогозеров Ананий Алексеевич, участник Великой войны, был

¹ По материалам портала «Подвиг народа». Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#id=34361319&tab=navDetailManAward> Дата обращения: 05.12.2020.

² По материалам портала «Подвиг народа». Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#id=80190976&tab=navDetailManAward> Дата обращения: 06.12.2020.



Рогозеров Г. А.



Фомина (Жидких) Т. К.

старшим унтер-офицером 85-го пехотного Выборгского полка. Ранен под местечком Едвабно 18 июня 1914 года (в армии с 1912 года) ¹.

125. Рогозеров Георгий Ананьевич, 1926 года рождения, призван в ряды РККА Кандалакшским ГВК 21.11.1943. Гвардии ефрейтор 314 гв. сп. 102 гв. сд. 40 гв. ск. 19 армии. «Товарищ Рогозеров в боях с немецкими захватчиками за высоту 165,5 (воеводство Гдыня) 14 марта 1945 года, будучи связным командира роты, в тот момент, когда рота пошла в атаку, он первым бросился вперед и первым ворвался в траншеи противника и в гранатном бою уничтожил трех гитлеровцев. В этом бою тов. Рогозеров своим личным примером воодушевлял бойцов роты на выполнение боевой задачи. За время наступательных боев тов. Рогозеров неоднократно доставлял боевые распоряжения от командира роты командирам взводов, от которых зависел исход боя» ². Награжден орденом Славы III степени.

137. Фомина (Жидких) Татьяна Константиновна, «это моя бабушка, и до замужества с семьей жила против новой церкви (неда-

¹ По материалам портала «1914–1918 Памяти героев Великой войны». Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital21104075/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DRogozov%26birth_place%3Dkemskiy%26groups%3Dawd%3Apr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrody%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Afr%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1 Дата обращения: 06.12.2020.

² По материалам портала «Подвиг народа». Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?id=26383520&tab=navDetailManAward> Дата обращения: 07.12.2020.

леко от старой церкви, постройки 1801 года. – прим. автора статьи) с отцом Константином – управляющим церковным имуществом, церковным старостой по Кандалакшскому уезду (точно должность его не знаю). Он был богат, владел неводами, лошадьми, церковным скарбом и т. д. и т. п. В простонародье его называли “граф”. Несовременнолетней она вышла замуж за Трифона Ивановича Фомина – нашего деда. С 1917 по 1936 год он состоял в рядах ВКПБ и работал в партийно-административном аппарате Карельской ССР, занимал крупные партийно-административные должности, был депутатом съездов советов, выпускник курсов ВЦИК ВКПБ, знаком лично со всей партийной верхушкой СССР. Исключен из партии и причислен к зиновьевско-бухаринской группировке, освобожден из партийного аппарата и назначен на хозяйственные работы в Кандалакшу, где в 1938 году был арестован¹. Пропал без вести. Арестовывал его Начальник НКВД Кузьмин, в 50-х годах занимал должность председателя исполнительного комитета г. Кандалакши»².

146. Лопинцев Иван Самсонович, участник Великой войны. Рядовой 415-го пехотного Бахмутского полка, выбыл из действующей армии 04.11.1915 года «после инфекции»³.

155. Подурников Иван Семенович, участник Великой войны, рядовой 197 лесного пехотного полка, ранен (контужен) 08.06.1916 года за рекой Стрыпа⁴. Удалось подтвердить сведения о ранении Ивана Семеновича по Журналу боевых действий 197-го Лесного пехотного полка⁵. Действительно, в те дни полк держал обо-

¹ Портал «Открытый список». Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Фомин_Трофим_Иванович_\(1895\)](https://ru.openlist.wiki/Фомин_Трофим_Иванович_(1895)) Дата обращения: 08.12.2020.

² Воспоминания Михаила Петровича Трушнина, жителя левой стороны села Кандалакша – Зареки. Запись: 05.12.2020.

³ По материалам портала «1914–1918 Памяти героев Великой войны». Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital23628364/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DLopintsev%26birth_place_uezd%3Dkemsкий%26groups%3Dawd%3Aptr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneni%3Apotery_voennoplen%3Afrlist%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1 Дата обращения: 05.12.2020.

⁴ По материалам портала «1914–1918 Памяти героев Великой войны». Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital23670405/ Дата обращения 05.12.2020.

⁵ По материалам портала «1914–1918 Памяти героев Великой войны». Режим доступа: <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51507627> Дата обращения: 07.12.2020.

рону в 30 километрах севернее города Луцка – на западе Украины¹ – в районе деревень: Мыльск, Забара, Мирославки, Пожарки, укрепляя позиции. 6 и 7 ноября прошли спокойно, но в 05.00 утра 8 ноября «неприятель стал обстреливать тяжелой и легкой артиллерией наши окопы, а затем повел наступление против среднего участка нашего 3-го батальона. Артиллерия настолько была сильна, что роты третьего батальона не выдержав ураганного огня (10 и 9 роты) начали отходить, обнажив фланги первого и второго батальонов². Связь телефонная была порвана со всеми батальонами, и приходилось держать связь пешими людьми. Штаб полка во главе с генерал-майором Энвальдом начальником отряда перешел в с. Соловин.

В 12.00 часов выяснилось, что наша линия порвана противником. Тогда для остановки движения противника были подтянуты резервы 2-го батальона 22 Сибирского полка и 200-ый полк, которые развернулись за правым участком нашего полка, т. е. 2-го батальона. В 15.00 часов полк вместе с подоспевшими резервами перешел в контратаку, которой противник был выбит из наших окопов, и мы заняли нашу прежнюю позицию.

В 20.00 часов наш и 198 Александро-Невский полк были смещены 14 стрелковым Финляндским полком, нашему полку было приказано собраться в дер. Пожарки и оттуда перейти в Кол. Мирославку, и стать в резерв.

Потери за сутки в офицерском составе: 1 убит, 3 тяжелораненных остались на поле сражения, 1 тяжело контуженный остался на поле сражения, 8 раненных, 3 контуженных и 1 контуженный остался в строю; нижних чинов: 481 человек ранено, контужено 18 человек, убито 51 человек, раненных осталось на поле сражения 10 человек и без вести пропавших 531 человек». Именно в этот день – 8 ноября – Иван Семенович и был контужен.

В годы Гражданской войны он, возможно, сотрудничал с Белой армией, но после победы Советской власти преследованию не подвергался. «Но он всю жизнь за это переживал и рассчитывался, и всегда старался угодить Советской власти. У него под иконами –

¹ Современный административный центр Волынской области и Луцкого района Украины.

² Иван Семенович служил во втором батальоне.

божницей – висели портреты наших вождей: Ленина и Сталина... Он был труженик, он очень много помогал, он и колхозу помогал, на тоне рыбу ловил, а зимой был хорошим конюхом. Его обожали в колхозе»¹. Иван Семенович был конюхом колхоза им. Сталина в Кандалакше, а во время летних промыслов руководил рыболовецкой артелью на о. Малый Березовый.

«Нашей маме он приходится отчимом. Интересный человек был, во время демонстраций 1 мая и 7 ноября он всегда стоял на трибуне и представлял колхозное крестьянство. Богатырского сложения человек, с бородой, его привлекали к этой работе, и ему это очень нравилось. Когда в городе происходили какие-то выборы, он первым приходил на выборы, и потом по радио сообщали, что “первым приходил на выборы представитель колхозного крестьянства Иван Семенович Подурников”»².

НЕОБХОДИМОСТЬ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПОМОРСКОГО КЛАДБИЩА, ПРИДАНИЕ ЕМУ СТАТУСА НЕКРОПОЛЯ

По Федеральному закону № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» к объектам культурного наследия народов Российской Федерации относятся объекты «недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или

¹ Воспоминания Поздеевой (Жидких) Александры Федоровны, жительницы села Кандалакши. Запись 31.05.2017 года.

² Воспоминания Белошицкой (Жидких) Галины Федоровны, жительницы села Кандалакши. Запись: 31.05. 2017 года.

антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры».

Поморское кладбище на Монастырском наволоке в Кандалакше в полной мере подпадает под понятие «объект культурного наследия», так как возникло в результате событий, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, градостроительства, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и является подлинным источником информации о зарождении и развитии русской, поморской культуры и традиции на Кольском Севере. Расположенное на Монастырском наволоке в Кандалакше Поморское кладбище, если рассматривать его в предложенном комплексе «северного» и «южного» захоронений с археологическими находками и обнаруженным культурным слоем XVI века, пока единственное из уцелевших свидетелей древней истории Кандалакши, начинающейся в XVI веке. Здесь были обнаружены археологизированные остатки одной из первых церквей Кандалакшского монастыря; останки «основателей, строителей или игуменов, имевших огромное значение для истории монастыря, местночтимых святых или глубокоуважаемых общиной иноков, прославившихся жизненным подвигом благочестия»; здесь, с восточной стороны алтаря Богородицкой церкви, предполагаются захоронения монахов и трудников Кандалакшского монастыря XVI–XVIII веков; здесь располагаются захоронения поморов села Кандалакши, как минимум с XIX века, героев: Великой войны 1914–1918 гг., Гражданской войны и интервенции, Великой Отечественной войны; здесь находятся фундамент Богородицкой церкви XIX века, памятник федерального значения «Жертвам интервенции и белогвардейщины 1918–1920 гг.». Кладбище находится в уникальном, заповедном месте Монастырского наволока, связанного с хозяйственной деятельностью поморов села Кандалакши, и в живописной можжевелевой роще.

Захоронения на кладбище не производятся с начала 60-х годов XX века. Сегодня кладбище сохраняется только благодаря местным жителям, которые ухаживают за могилами своих родственников, похороненных на нем. Существует опасность, что земля кладбища будет передана под рекультивацию по прошествии определенного законом времени, и мы потеряем уникальный, практически един-

ственный объект, связывающий Кандалакшу не только с поморской историей, но и с более древней историей начала просвещения и освоения Кольского Севера русскими людьми.

Для сохранения Поморского кладбища на Монастырском наволоке в Кандалакше и его уникальных захоронений целесообразна реализация проекта по его защите и изучению: 1) постановка кладбища на государственный учет как объекта историко-культурного значения, с наделением охранного статуса и выведением территории кладбища в статус защищенной от застройки (гражданской или промышленной) и какого-либо другого хозяйственного использования; 2) составление его описания с последующей установкой стендов с планом местности или схемой кладбища; 3) формирование в городском музее каталога исторических справок и учетных карточек на основе исследований, проводимых на кладбище, как то: сбор информации о захороненных людях, археологических изысканиях, архивных и иных исторических сведениях, связанных с Поморским кладбищем, изысканий по памятникам; 4) разработка комплексной программы по выявлению и сохранению объектов культурного наследия Поморского кладбища на Монастырском наволоке.

Памятники истории выступают активным фактором формирования того социокультурного пространства, в котором живет человек, где определяются его идеалы, духовные потребности, ценностные ориентиры. Бережное отношение к памятникам служит показателем духовного здоровья общества, способного разумно, критично и вместе с тем уважительно, с достоинством относиться к прошлому, его достижениям или трагическим ошибкам.

Если земля не рождает героев – это бесплодная земля, и у нее нет будущего. Наша земля не бесплодна, она полита потом и кровью, пропитана плотью наших предков – людей, осваивавших и освоивших эти берега ежедневным усилием во имя жизни. Эта земля явила героев веры, самоотверженного труда и ратного подвига. Кто такой герой? Герой – это человек, который «одной стороной» связан с Богом, потому что совершает необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности поступок, ставящий ценность вечного, небесного выше земного и тленного. Наши предки явили нам такой пример, Господь дает нам его в наследство, мы не можем его потерять.

Приложение 1

Братия Кандалакшского Рождества-Богородичного Коккуева монастыря (195 человек)

Игумены и строители:

Варлаам
Василий
Питирим
Сильвестр
Василий
Зосима
Ферапонт
Сильвестр
Иов
Феодосий
Иоасаф

Иоаким
Иоасаф
Вассиан
Товня
Дионисий
Александр
Павел
Пахомий
Арсений
Феодор

Священники, пономари

Веннамин, священноинок
Геннадий, священноинок
Герман, священноинок
Ерофей, священноинок
Ерофей, священноинок
Иона, священноинок
Леонид, священноинок
Моисей, священноинок
Никита, священноинок
Кокоева монастыря
Филарет, священноинок
Филарет, священноинок

Илия, иеродиакон
Исидор, иеродиакон
Сергий, иеродиакон
Афанасий, пономарь
Савватий, пономарь

Казначей, келари, приказчики

Афанасий
Владимир
Гедсон, инок
Герасим
Герман
Герман
Геронтий
Геронтий
Гурий, инок
Данила
Зосима
Иаков
Иван
Игнатий
Измаил
Илларион
Иннокентий
Иоаким
Иоасаф
Иов
Иона
Иона
Иона, инок
Иосиф
Иосиф
Иринарх
Кирилл
Кирилл
Козьма

Козьма
Константин
Максим
Матфей
Матфей
Мефодий
Никифор
Никодим
Никодим
Павел
Павел
Панфил
Пимен
Протасий
Савватий
Савин
Семнон
Серапион
Серапион
Сергий
Сергий
Тарасий
Терентий
Тимофей
Трефиллий
Феоноста
Феодор
Феодосий
Ферапонт
Филофей
Христофор

Старцы и иноки

Аввакум
Авдей
Авраамий
Акакий
Александр
Алексей
Алимпий
Андроник
Арсений
Архип
Афанасий
Варлаам
Варлаам
Викентий
Виталий, инок
Гаврила
Гедсон
Галактион
Геласий, инок
Геннадий
Герасим
Дионисий
Дионисий
Дионисий
Досифей, инок
Ерофей
Ефросим
Ефросим
Закхей
Иаков
Иаков
Иван
Измаил, инок
Илья, инок

Илия
Илья
Илья
Илья
Иоасаф
Иоасаф
Иов
Иона, инок
Иона
Иона
Иор
Исаия
Киприян
Киприян
Кир
Кирилл
Конап
Константин
Макарий
Макарий
Максим
Марк Кукин
Матфей
Матфей
Меркурий
Мина
Мисаил
Мисаил
Нафанаил
Никандр
Никодим
Никон
Нил

Павел
Павел, инок
Пахомий
Петерим
Протасий, инок
Протасий
Роман
Савва
Савва
Савватий
Савин
Севастьян
Серапион
Сергий
Сергий
Силуян
Созонт
Тарх
Терентий
Терентий
Тимофей
Тимофей
Тихон
Трифон
Устин
Ферапонт
Феодорит
Филимон
Филофей

Приложение 2

Описание схемы Поморского кладбища на Монастырском наводлоке

П/П	Наименование	Даты	Примечание	
1	Захоронение в дьяконнике Богородицкой церкви.		По результатам археологических раскопок.	
2	Захоронение с восточной стороны алтаря Церкви.		Предположительно.	
3	Кресты захоронения вокруг церкви.		По фотографии нач. XX века.	
4	Памятник жителям улицы Заречной погибшим на фронтах Великой Отечественной войны.			
5	Мемориальная плита, сообщающая что это «старинное поморское кладбище».			
6	Памятник «Жертвам интервенции и белогвардейщины».			
7	Сорочкина Надежда Николаевна (по сообщению родственников)	1954 – 1959 Утонула с родителями.	Деревянный крест, холмик, цветы.	В одной металлической оградке.
8	Сорочкина Евдокия Николаевна.	10.02.1930 – 05.07.1959	Металлический памятник с табличкой, холмик, цветы.	
9	Мостовиков Фёдор Яковлевич (по сообщению родственников)	02.02.1952 – 1953. Младенец 1,5 годика.	Деревянный крест, холмик, цветы.	
10	Гручина Анна Павловна.	21.09.1893 – 20.03.1960		В одной металлической оградке.
11	Гручин Филипп Дмитриевич.	27.11.1897 – 25.10.1964		
12	Пушкарёва Танечка.	январь 1928 – март 1929	Памятник, металлическая оградка, холмик. Младенец.	
13	Лопинцев Иван Корнилович.	07.07.1889 – 08.11.1963	Гранитное надгробие с фотографией и датами, металлическая оградка.	
14	Безымянное захоронение.		Крест, маленькая деревянная оградка, холмик. Детское захоронение.	
15	Кяльмина Анисья Филипповна.	12.01.1890 – 18.03.1967	Бетонный памятник с табличкой, холмик, цветы.	В одной металлической оградке.
16	Кяльмин Павел Корнилович.	23.03.1887 – 08.11.1954	Бетонный памятник с табличкой, холмик, цветы.	
17	Безымянное захоронение.		Заросший холмик. В 2008 году ещё стоял деревянный памятник с крестом.	
18	Мошкова Мария Филипповна.	19.02.1889 – 24.09.1966	Каменный памятник с табличкой, холмик, цветы.	В одной металлической оградке.
19	Мошков Василий Тимофеевич.	25.04.1878 – 09.08.1953	Каменный памятник с табличкой.	

			холмик, цветы.	
20	Безымянное захоронение.		Заросший холмик, металлический памятник.	
21	Жидких Александра Феофилактовна.	1882 – 1966	Деревянный крест с табличкой, холмик, цветы.	В одной металлической оградке.
22	Жидких Фёдор Евдокимович.	1908 – 1959	Деревянный крест с табличкой, холмик, цветы.	
23	Александр.		Деревянный крест, холмик, цветы. Младенец.	
24	Плотников Никифор Феофилакторович.	187... – 193...	Деревянный крест с табличкой, холмик, цветы.	
25	Жидких Феодосий Евдокимович.	1910 – 1932	Деревянный крест с табличкой, холмик, цветы.	
26	Жидких Антонина Федоровна.	Младенец.	Холмик рядом с оградкой Жидких.	
27	Заросший холмик.		В 2012 году ещё стоял деревянный крест.	
28	Баранов Фёдор Петрович.	05.05.1929 – 10.02.1965	Памятник, оградка.	
29	Сорокина Мария Васильевна.	1907 – 1954	Памятник, оградка, фотография.	
30	Рогозеров Василий Филиппович.	12.02.1877 – 28.08.1948	Заросший холмик, памятник, фотография, цветы.	В одной металлической оградке.
31	Безымянное захоронение.		Заросший холмик, памятник.	
32	Рогозерова Марфа Ивановна.	14.10.1899 – 14.10.1952	Заросший холмик, памятник, фотография, цветы.	
33	Рогозеров Василий Васильевич.	07.02.1932 – 14.10.1952	Заросший холмик, памятник, фотография, цветы.	
34	Безымянное захоронение.		Холмик, оградка. Детское захоронение.	
35	Тарасова Екатерина Архиповна.	1878 – 1956	Холмик, цветы, памятник, табличка.	В одной металлической оградке.
36	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы. Младенец, внук Тарасовой Е. А.	
37	Жидких Александр Петрович.	1932 – 1959	Холмик, оградка, памятник, табличка упала.	
38	Тарасов Юрий Алексеевич.	1932 – 1961	Холмик, оградка, цветы, памятник, фотография, табличка.	В одной металлической оградке.
39	Безымянное захоронение.		Сын-младенец.	

40	Пушкарёв Петр Парфентьевич.	1883 – 1952	Общая гранитная плита с именами и датами, гранитное надгробие на цементном основании. Отсыпка гравием.	
41	Пушкарёва Ирина Демьяновна.	1885 – 1962		
42	Безымянное захоронение.		Металлическая оградка, железный памятник без таблички.	
43	Кожин Максим Афанасьевич.	1890 – 1957	Памятник, цветы, табличка.	В одной металлической оградке.
44	Кожина Татьяна Фёдоровна.	1898 – 1949	Памятник, цветы, табличка.	
45	Полежаева Анна Тихоновна.	1878 – 1946	Холмик, цветы, памятник с табличкой.	
46	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.	
47	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.	
48	Минеева Анна Кузминична.		Оградка, холмик, цветы, металлический крест (погнут), табличка.	
49	Жидких Пелагея Демьяновна.	17.05.1898 – 12.05.1964	Памятник, цветы, табличка.	В одной металлической оградке.
50	Жидких Иван Васильевич.	1894 – 21.06.1953	Памятник, цветы, табличка.	
51	Лопинцев Семён Демьянович.	30.04.1908 – 26.09.1958	Металлическая оградка, памятник, цветы, табличка.	
52	Еголаев Сергей Тимофеевич.		Заросший холмик, металлический крест с табличкой.	
53	Каюкова Анна Дмитриевна.	1884 – 1953	Оградка, холмик, цветы, металлический крест с табличкой. Столик, скамейка в оградке.	
54	Еголаев Тимофей Григорьевич.	1954	Заросший холмик, металлический крест с табличкой.	
55	Каюков Евгений Яковлевич.	23.02.1936 – 26.06.1957	Заросший холмик, памятник с табличкой.	В одной металлической оградке.
56	Каюков Яков Сергеевич.	23.04.1911 – 28.06.1956	Заросший холмик, металлический крест с табличкой.	
57	Каюкова Анна Михайловна.	16.09.1906 – 09.02.1964	Заросший холмик, металлический крест с табличкой.	
58	Пушкарёва Пелагея Никоноровна.	1881 – 1966	Металлическая оградка, холмик, цветы, деревянный крест с табличкой.	
59	Безымянное захоронение.		Металлическая оградка, заросший холмик, деревянный памятник с крестом.	
60	Безымянное захоронение.		Холмик, деревянный крест.	В одной металлической оградке.
61	Безымянное захоронение.		Холмик, деревянный крест.	
62	Полежаев Алексей Артамонович.	1872 – 16.11.1951	Металлическая оградка, холмик, цветы, гранитная плита с именем и	

			датами, эпитафией: «Память о тебе бережно храним. Внуки, правнуки.
63	Пушкарёв Иван Михайлович.	01.11.1908 – 26.10.1961	Металлическая оградка, заросший холмик, памятник с фотографией и датами.
64	Еголаева Матрёна Степановна.	1885 – 13.01.1953	Объединённое захоронение.
65	Прокопец Владимир Александрович.	1944 – 1946	Заросший холмик, цветы. Металлический крест с табличкой.
66	Трушин Вова.	Умер в 1943 г.	Заросший холмик, памятник с табличкой.
67	Безымянное захоронение.		Металлическая оградка, заросший холмик, цветы, деревянный крест.
68	Жидких Тимофей Андреевич.	01.09.1900 – 16.04.1968	Заросший холмик, цветы, деревянный памятник (еле стоит) с табличкой.
69	Тарасовы: Сергей, Евдокия.		Металлическая оградка, заросшая, металлический памятник с эпитафией: «Спите спокойно». Имена и надпись скорее угадываются, чем читаются.
70	Фомина Татьяна Яковлевна.	25.01.1910 – 19.09.1960.	Металлическая оградка, заросший холмик, деревянный крест с надписью.
71	Рогозеров Василий Ананьевич.	11.03.1924. – 09.12.1965	Каменная плита с именем и датами, каменное надгробие на цементном основании, фотография.
72	Лавринова Елена Михайловна.	14.09.1969 – 14.09.1969	Каменная плита с именем и датами, каменное надгробие на цементном основании
73	Фомин Михаил Николаевич.	05.11.1927 – 14.05.1963	Металлическая оградка. Заросший холмик, деревянная скамейка и столик, памятник с табличкой и фотографией.
74	Сорочкин Николай Петрович.	1930 – 1959	Металлическая оградка, холмик, цветы, железный памятник с табличкой.
75	Жидких Андрей Сергеевич.	1894 – 09.06.1961	Холмик, цветы, железный памятник с табличкой.
76	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.
77	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.
78	Крылов Валентин Иванович (по сообщению родственников)	22.07.1941 – январь 1967	Холмик, деревянный памятник.
79	Крылова Мария Григорьевна (по сообщению родственников)	30.03.1917 – 15.06.1966	Холмик, деревянный крест.
80	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.
81	Безымянное захоронение.		Деревянная оградка, деревянный крест.
82	Фомина Агафья Кирилловна.	19.02.1887 – 18.06.1965	Холмик обложен камнями и отсыпан мелким гравием, цветы, металлический крест с фотографией.

83	Безымянное захоронение.		Холмик, металлический стол.	
84	Безымянное захоронение.		Деревянная оградка, деревянный крест.	
85	Подурникова Лукерья Григорьевна.	1877 – 14.01.1962	Металлическая оградка, заросший холмик. Железный памятник, табличка.	
86	Трушнина Глафира Никифоровна.	09.05.1891 – 26.10.1965	Холмик, цветы, деревянный крест, табличка.	
87	Агафонова Мария Ивановна.	05.05.1913 – 20.05.1954	Холмик, деревянный крест.	В одной металлической оградке. Погибли при исполнении служебных обязанностей 20 мая 1954 года.
88	Мальгин Геннадий Дмитриевич.	10.10.1883 – 20.05.1954	Заросший холмик, железный памятник, таблички.	
89	Пельтихин Герасим Александрович.	18.05.1888 – 20.05.1954	Холмик, каменная плита, табличка.	
90	Безымянное захоронение.		Металлический крест, цветы. Ребёнок.	В одной металлической оградке.
91	Сергеева П. И.	01.09.1909 – 08.12.1972	Холмик, цветы, железный памятник, фотография.	
92	Фомин С. А.	1913 – 1957	Металлическая оградка, холмик, цветы, скамейка и столик, железный памятник с фотографией.	
93	Богданова Елизавета Васильевна.	Даты закрашены.	Металлическая оградка, холмик, цветы, железный памятник с фотографией. Скамейка, столик.	
94	Тарасов Алексей Савельевич.	1901 – 1964	Скамейка, столик. Холмик, цветы, памятник, фотография, табличка.	В одной металлической оградке.
95	Тарасова Александра Васильевна.	1905 – 1965	Холмик, цветы, памятник, фотография, табличка.	
96	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.	
97	Фомина Евгения Лупповна.	1885 – декабрь 1954	Холмик, цветы, металлический крест, табличка, фотография.	
98	Фомин Павел Кузьмич.	12.07.1886 – 08.07.1950	Холмик, цветы, металлический крест, фотография.	
99	Иванов Дмитрий Иванович.	07.11.1914 – 20.02.1962	Скамейка, столик. Холмик, цветы, памятник, фотография.	В одной металлической оградке.
100	Иванова Александра Дмитриевна.	01.09.1945 – 03.04.1962	Холмик, цветы, памятник, фотография.	
101	Безымянное захоронение.		Металлический крест, холмик, цветы.	
102	Безымянное захоронение.		Деревянный крестик. Ребёнок.	

103	Безымянное захоронение.		Металлический крест, холмик, цветы.	
104	Трушин Иван Григорьевич.	06.10.1887 – 30.01.1960	Холмик, цветы, памятник, фотография и табличка.	В одной металлической оградке.
105	Каннуев Григорий Иванович.	13.10.1887 – 06.03.1958	Холмик, цветы, металлический крест, фотография и табличка.	
106	Безымянное захоронение.		Железная оградка, металлический крест, столик.	
107	Карташова Пима Ивановна.		В одной железной оградке. Столик. Металлический крест, цветы, табличка.	
108	Насонов Пётр Матвеевич.		Металлический крест, цветы, табличка.	
109	Безымянное захоронение.		Холмик, металлический крест, цветы.	
110	Безымянное захоронение.		Холмик, металлический крест, цветы.	
111	Каннуев Антон Григорьевич (по сообщению родственников)	17.01.1915 – 19.07.1950	Памятник, холмик.	В одной металлической оградке. Заросшее.
112	Каннуева Людмила Антоновна (по сообщению родственников)	1939 - 1947	Холмик.	
113	Зайцев Степан Васильевич	1911 – 1964	Упавший и невидный в зарослях деревянный памятник с табличкой.	
114	Безымянное захоронение.		Деревянная оградка сломанная, деревянный крест.	
115	Евтюков Николай.	1935 – 1953	Металлическая оградка, холмик, цветы, железный памятник с табличкой.	
116	Полежаева Миропия Николаевна.	14.12.1894 – 24.10.1954	Металлическая оградка, холмик обложенный кирпичом, цветы, железный памятник с фотографией, столик, скамейка.	
117	Пушкарёв Василий Евдокимович.		Металлическая оградка, деревянный крест с табличкой.	
118	Зайцев Станислав Иванович.	25.05.1937 – 26 мая 1963	Холмик, цветы, памятник с табличкой и выпетшей фотографией.	
119	Фомина Пелагея Николаевна.	1864 – 1950	Железная оградка, холмик, цветы, металлический крест с табличкой.	
120	Фомина Александра Сергеевна.	1887 – 1949	Холмик, цветы, металлический крест с табличкой.	
121	Безымянное захоронение.		Деревянная оградка сломанная, металлический крест, заросшая.	
122	Безымянное захоронение.		Холмик заросший, железный памятник.	
123	Жидких Иван Васильевич.	1908 – 1966	Металлическая оградка, холмик, памятник железный с фотографией и табличкой.	
124	Рогозеров Ананий Алексеевич.	14.10.1888 – 16.12.1956	Холмик, цветы, металлический крест, табличка.	

125	Рогозеров Георгий Ананьевич.	05.04.1926 – 21.01.1949	Холмик, цветы, железный памятник, фотография.	
126	Гусева Мария Сергеевна.	07.08.1883 – 05.08.1952	Холмик, цветы, металлический крест, табличка.	
127	Трушнин Егор Тимофеевич.	30.03.1926 – 21.02.1949	Холмик, цветы, деревянный крест, табличка.	
128	Трушнин Константин.	Младенец, девяти дней отроду. Умер 27.02.1949.	Холмик, цветы, деревянный крест, табличка.	
129	Безымянное захоронение.		Холмик, покрашенный камень.	
130	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.	
131	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы, металлический крест.	
132	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы, металлический крест.	
133	Все таблички прикреплены к одному кресту, поэтому привязать их к могилкам невозможно: Ярусов Фёдор Леонтьевич, 1873 – 1962; Полежаева (Ярусова) Мария Леонтьевна, 1883 – 1958; Ярусов Василий Леонтьевич; Ярусова Евдокия Афанасьевна.		Холмик, цветы, металлический крест с четырьмя табличками.	В одной металлической оградке.
134			Холмик, цветы, деревянный крест.	
135			Холмик, цветы, деревянный крест.	
136			Холмик, цветы, деревянный крест.	
137	Фомина Татьяна Константиновна.	25.01.1899 – 19.10.1964	Холмик, цветы, железный памятник с фотографией.	В одной металлической оградке.
138	Безымянное захоронение.		Холмик, обложенный кирпичом, цветы, железный памятник.	
139	Безымянное захоронение.		Холмик, деревянный крест.	
140	Безымянное захоронение.		Холмик.	В одной металлической оградке. Скамейка поставлена.
141	Безымянное захоронение.		Холмик, железный памятник с фотографией.	
142	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.	
143	Лопинцева Хаврония Никитична (по сообщению родственников)	1869 – 05.03.1953	Холмик, обложенный камнем, цветы.	
144	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.	
145	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы.	
146	Лопинцев Иван Самсонович (по сообщению родственников)	1890 - 1954	Холмик, цветы, металлический памятник.	
147	Безымянное захоронение.		Холмик, цветы, металлический	

			памятник (с цепочкой).	
148	Пушкарёв Петр Кириллович.		Холмик, цветы, кованный крест (не большой).	
149	Фомина Любовь Александровна (по сообщению родственников)	1956 - 1962	Холмик, цветы, деревянный крест.	В одной металлическо й оградке. Поставлены деревянные столик и скамейка.
150	Фомин Иван Павлович.	06.06.1897 – 31.08.1955	Холмик, цветы, металлический крест с табличкой.	
151	Фомина Хавронья Сергеевна.	08.07.1900 – 02.10.1969	Холмик, цветы, металлический крест с табличкой.	
152	Голубев Сергей Николаевич (по сообщению родственников)	Младенец, 3 месяца.	Холмик, маленький металлический крест, цветы.	
153	Соколов Николай Николаевич (по сообщению родственников)	Младенец, 3 месяца.	Деревянный маленький крест, холмик, цветы.	
154	Пушкарёва Матрёна Кирилловна.	09.06.1878 – 21.11.1954	Металлический кованный крест с табличкой, эпитафией: «Любимой бабушке от внуков Али и Люды». Холмик, цветы.	
155	Подурников Иван Семёнович (по сообщению родственников)	1887 - 1957	Маленький заросший холмик, цветы.	
156	Трушнин Павел Осипович (по сообщению родственников)	1888 – 1964(5)	Холмик, цветы, памятник.	
157	Байков Андрей (по сообщению родственников)	Младенец, Умер во время родов	Маленькая «ажурная» металлическая оградка, холмик, цветы.	
158	Пушкарёва Матрёна Михайловна.		Деревянный крест с табличкой. Металлическая оградка.	
159	Безымянное захоронение.		Маленький холмик обложенный камнями, цветы.	
160	Безымянное захоронение.		Памятник (бетонная заливка), металлическая оградка.	

МИЛЬЧИК
Михаил Исаевич

кандидат искусствоведения,
ведущий научный сотрудник
НИИ ТИАГ, заместитель
председателя Совета по
сохранению культурного
наследия при Правительстве
Санкт-Петербурга, член
Союза архитекторов России



ДЕРЕВЯННЫЙ «ГОРОД» КОЛА
В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ ПОМОРЬЯ
КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

*Памяти моего институтского преподавателя,
исследователя истории Кольской земли
Ивана Федоровича Ушакова (1921–2002)*

Задача настоящей статьи – показать пути сложения оборонительной системы Поморья в конце XVI–XVII вв. и определить в ней место Колы, а также проследить особенности ее развития. Эта уже давно несуществующая крепость изучена недостаточно, хотя ей посвящены два исследования: обстоятельная статья В. В. Косточкина ¹

¹ Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы из истории русского оборонительного зодчества конца XVI – начала XVIII в). // МИА. М., 1958. № 77. С.200 – 246.

и исторический очерк И. Ф. Ушакова¹. В книге В. В. Сорокажердьева изложена лишь общая история города². На месте крепости до сих пор не проведены не только археологические раскопки, но даже не закладывались шурфы. Однако теперь, когда в дополнение к известной гравюре Герардо де Фера 1598 г.³ и писцовой книге 1608–1611 гг.⁴ удалось выявить новые архивные материалы: опись острога 1623 г. и смету на его ремонт (см. Приложение II), появилась возможность более детально представить себе особенности развития крепости и пути формирования оборонительной системы Поморья.

Соловецкий монастырь и Кола положили начало ее созданию в конце XVI в.⁵ Она – эта система – начала складываться еще в 1570-х гг. как ответ на вторжения кораблей Швеции, Голландии и Гамбурга, стремившихся установить контроль над торговлей Русского государства, а также подчинить себе побережье Белого и Баренцевого морей, славившихся рыбными и пушными богатствами. Это был период особой напряженности военной обстановки на северо-западных границах Русского государства. Близилась к неудачному завершению Ливонская война. Против России вступила в войну Швеция. К концу 1581 г. в ее руках оказалось почти все побережье Финского залива с Ивангородом, Копорьем, Ямгородом, а также Корелой (Кексгольмом). Осенью следующего года осажден Орешек. Россия лишилась возможности вести торговлю через Балтийское море и 10 августа 1583 г. вынуждена была подписать Плюсское перемирие, по которому, согласившись с потерей своих

¹ Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854). Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960.

² Сорокажердьев В. В. Кольский острог – город Кола: страницы истории. 1517–2010. Мурманск, 2010.

³ Gerardo de Vera. *Diarium nauticum*... Amstelredami, 1598. S. 42. Перевод см.: Геррит де Фер. Плавания Баренца 1594–1597. Л., 1936. С. 302–303. Далее будет показано, что гравюра в общих чертах правильно отразила местоположение Колы и главные особенности ее первоначального укрепления.

⁴ Писцовая книга Кольского острога (Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 409–416).

⁵ История основания крепостей на северной окраине Русского государства была впервые прослежена Г. Г. Фруменковым. См.: Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья. Архангельск, 1975. С. 18–19.

городов, получила трехлетнюю передышку. В 1585 г. стороны продолжили его на четыре года, но тогда, после Плюссы, возобновления военных действий следовало ожидать в конце 1586 г. Именно этот, первоначально трехлетний, срок перемирия определил время начала и завершения обширных работ по укреплению прибрежных и пограничных городов: правительство царя Федора Ивановича готовилось к борьбе за возврат утраченных земель. Потому-то почти одновременно ведется реконструкция старой каменной крепости и строительство нового древоземляного города в Ладоге (1584–1586 гг.)¹, возводятся Земляной и Окольный города в Новгороде (1582–1586 гг.)²

На Белом море первым был укреплен Соловецкий монастырь, куда в 1578 г. Иван IV направил воеводу Михаила Озерова с наказом «сделать острог <...> и башни <...> наряд изставить и людей по острогу и по башням, и по воротам росписать <...>, чтоб <...> острог скорее зделать <...> и от немецких людей убережи». Озеров за два лета поставил острог, вооружив его пушками и пищальями, а также разместил в монастыре гарнизон из 95 стрельцов³. Тем не менее, военная опасность нарастала: в 1590 г. шведский отряд сжег Печенгский монастырь и разграбил окрестности Колы; в 1591-м – новое нападение на Колу и Сумской посад⁴, в 1592-м разорено Беломорское побережье от Ковды до Вирмы⁵, а на следующий год – набег датчан на Мурманское побережье. За прошедшие четыре года после строительства соло-

¹ Мильчик М. И., Коляда М. И. О времени строительства Ладожской крепости. // АН. М., 1996. Т. 40. С. 53–54.

² Янин В. Л. «Чертеж Пальмквиста» и его место в истории новгородских фортификаций. // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 114; Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 2012. С. 107, 144.

³ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 367; Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л., 1990. С. 115; Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927. С. 55; Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья... С. 18–19.

⁴ Соловецкий летописец второй половины XVI века. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 203.

⁵ Соловецкий летописец... С. 204–205; Летописей Соловецкого монастыря. М., 1790. С. 45–46; Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Изд. 2-ое. Ч. I–III. М., 1853. С. 52–57; Ушаков И. Ф. Колыский острог... С. 5, 11 Ю 12; Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь... С. 28–31.

вещкого острога стало ясно, что он не сможет выдержать долгую осаду, учитывая, что островному монастырю быстрой помощи получить будет неоткуда, и потому на месте острога по указу царя Федорова Иоанновича стали воздвигать каменные стены и башни (1582–1594 гг.)¹ – единственную каменную крепость Поморья вплоть до начала XVIII в., когда в дельте Северной Двины построили Новодвинскую.

По существу одновременно с началом этого беспрецедентного по своему размаху строительства в конце 1581 – начале 1582 г. возникла мысль о необходимости создания нового порта на Северной Двине, который должен был стать для России новым «окном в Европу», и одновременного укрепления Колы, через которую тогда шла основная торговля со странами Западной Европы. Еще до подписания Плюсского перемирия, в сентябре 1582 г., Иван IV направляет воеводу Петра Афанасьевича Нащекина на Двину искать место для города и организовать сбор средств «в городовое дело», а уже в марте 1583-го он его торопит: «... как к вам ся наша грамота придет, и вы б часа того велели город делать <...> наспех»². Речь шла о строительстве Архангельска или, как тогда его называли, Ново-Холмогор. На следующий год воевода Максака Федорович Судимантов начинает строительство острога в Коле³, призванного первым встречать иноземные суда, как военные, так и торговые. Там и в будущем Архангельске крепости возводятся одновременно

¹ Косточкин В. В. Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря. // АН. М., 1972. Вып. 20. С. 35; Буров В. А., Скопин В. В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Трифоне // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. М., 1985. С. 59, 63–69.

² Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. // РИБ. СПб., 1894. Т. XIV. С. 87; Богуславский Г. А. Когда был основан Архангельск? // Известия ВГО 1988. Т. 120. Вып. 5. С. 459–264; Овсянников О. В. 1) Архангельский деревянный «город» XVI–XVII вв. – форпост России в Беломорье. // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период). Межвуз. сб. научн. тр. Вологда, 1986. С. 37–59; 2) Архангельский деревянный «город» XVI–XVII вв. // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 92–97; 3) Средневековые города архангельского Севера. Архангельск, 1992. С. 154–172; Мильчик М. И., Попова Л. В. Первые ворота Российского государства. Очерки градостроительной и архитектурной истории Архангельска и Холмогор. СПб., 2002. С. 12.

³ Сб. материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 39; Русские акты Копенгагенского государственного архива. // РИБ. СПб., 1897. Т. XVI. С. 211.

(1583–1584 гг.), Соловецкий же монастырь на собственные средства в эти же годы (1582–1583 гг.) строит Сумской острог¹, несколько позднее – Кемский городок на Леп-острове (1593–1598 гг.)², омываемый рукавами реки Кеми неподалеку от ее впадения в Белое море (Приложение I) (ил. 1).

Перечисленные крепости – лишь часть обширных мероприятий по возведению новых и перестройке старых крепостей на «польской Украине», в Поволжье, в западной Сибири. Джером Горсей так подытожил этот, доселе невиданный размах крепостного строительства: «Царь построил 155 крепостей в разных частях своего государства и снабдил их орудиями и гарнизонами»³.

Нельзя исключить, что еще Ивану IV стал известен стратегический замысел шведского короля Юхана III, заключавшийся в завоевании русского побережья Финского залива, Белого и Баренцева морей с тем, чтобы полностью отрезать Россию от морских путей в Западную Европу и поставить всю ее внешнюю торговлю под контроль Швеции⁴. Падение Ивангорода 17 сентября 1581 г. послужило для царя непосредственным толчком к срочному укреплению северных границ и одновременно к переносу туда всех контактов с европейскими странами⁵. К тому же царя склоняли и голландские купцы, указавшие в своем обращении к нему на Михайло-Архангельский монастырь в дельте Северной Двины, как на место, которое на-

¹ Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь... С. 20–21, 62–66; Шургин И. Н. Башня Сумского острога в Коломенском. // Искусство реставрации. К 100-летию Марфо-Мариинской обители милосердия. М., 2009. С. 137–139; Мильчик М. И., Шахнович М. М. Сумской острог: этапы строительной истории и перспективы исследований. // Вестник национального музея республики Карелии. Петрозаводск, 2016. Вып. 7. С. 204–214; Гостев И. М. Опыт графической реконструкции укреплений Сумского острога по письменным и графическим источникам. // Новые материалы по истории фортификации. Архангельск, 2016. Вып. 2. С. 175.

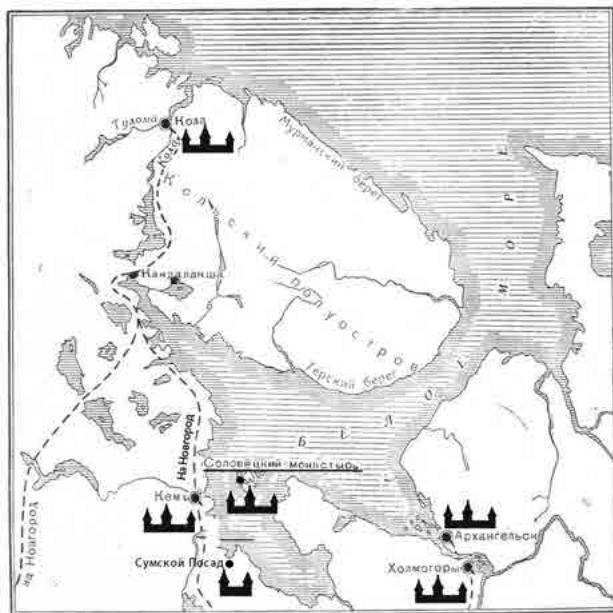
² Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь... С. 62–67; Куспак Н. В. Кемская крепость XVII в. // Народное зодчество. Сб. научн. тр. Петрозаводск, 1992. С. 167–176.

³ Горсей Д. Записки о Московии XVI века. СПб., 1909. С. 30. Количество крепостей, скорее всего, преувеличено.

⁴ Tavaststjerna, W. Pohjoismaiden viisikolmatta vootinen sota vuosien 1570 ja 1590 vrlinen alka. Helsinki, 1918–1920. S. 268; Tham W. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd.1, delen 2. Stockholm, 1960. S. 54–55; Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 года и торговые отношения России со Шведским государством. М.-Л., 1964. С. 23–24.

⁵ Накашидзе Н. Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI века. Тбилиси, 1955. С. 116, 154.

Ил. 1 Схема расположения прибрежных крепостей Поморья в последней четверти XVI в.



ряду с Николо-Корельским монастырем могло бы заменить потерю Нарвы и Ивангорода¹.

Если крупнейшие прибрежные крепости Севера XVI–XVII вв. (без учета монастырей, оборонительное значение некоторых из них и особенно Соловецкого было не меньшим) расположить в хронологической последовательности, основываясь на времени их основания, то мы получим следующую картину:

№ п/п	Крепость (острог или город)	Основание крепости	Дата начала послед. периода	Дата гибели	Длина стен по периметру	Площадь
1.	Сума	1582	1680		337 саж. (728 м)	~ 16525 кв.м
2.	Архангельск	1583	1671 - 1672	1730	395 саж. (853 м)	~19370 кв.м
3.	Кола	1583	1700 - 1704	1854	240 саж. (518 м)	~ 7560 кв.м
4.	Кемь	1593	1657	1797	212 саж. (451 м)	~6585 кв.м
5.	Холмогоры	1623	1691 - 1692	1723	822 саж. (1775 м)	~103000 кв.м

¹ Корд В. А. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. 55.

Всех их объединяют не только размеры (длина стен, за исключением Кемского острога, превышает полкилометра), но и расположение на реках в некоторой удаленности от морского побережья и, как правило, у порогов, что предохраняло их от внезапного вражеского нападения. Все эти крепости контролировали начало водных или сухопутных дорог, ведущих от моря вглубь страны. Кроме того, строительная история этих крепостей четко делится, как минимум, на два этапа, заключающиеся в переходе от острога (в изначальном значении) к рубленной крепости и в других усовершенствованиях на втором этапе. Так, в грамоте царя Федора Алексеевича 1680 г. (см. Приложение I.3) говорится о необходимости строительства в Суме городка, который был построен и описан в 1740 г.: «... у того городка шесть башен деревянных <...>, стена <...> рублена в два бревна на семи тарасех четырехугольных»¹. Более того, именно во второй период – во второй половине XVII в. – приморские крепости достигают максимума своего развития. Если ядром сложившейся системы являлся Соловецкий монастырь, то Кола служила самым удаленным ее форпостом.

Основание Петербурга (1703 г.) и победа в Северной войне существенным образом изменили всю военно-оборонительную ситуацию на Российском Севере. По этой причине, а также в результате широкого внедрения бастионной системы в фортификации, прежние крепости теряют свое значение и к тому же становятся устаревшими, что приводит их к гибели в первой трети XVIII в. (за исключением Колы, крепость которой просуществовала до 1854 г.).

* * *

Кола, удобно расположенная примерно в 50 км от незамерзающего Студеного или Мурманского (Баренцева) моря, на мысу, образованном реками Туломой и Колой², издавна была для поморов отправным пунктом при плавании на Грумант (Шпицберген)

¹ Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь... С. 64–65; Мильчик М. И., Шахнович М. М. Сумской острог... С. 213. В цитируемом отрывке говорится только об одном прясле, но такую же конструкцию имели и остальные.

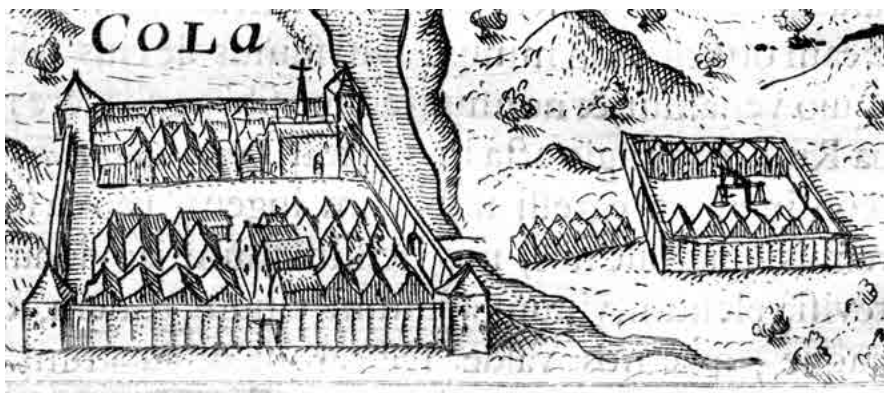
² Книга Большому Чертежу так описывает местоположение Колы: «... а в проливу пала река Кола да река Тулома вместе устьями. А промеж тех рек на устье город Кола, от моря 60 верст» (Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С. 148).



Ил. 2 Кола на карте России 1614 г. Составитель Г. Геритц (Hessel Gerritsz, 1580–1632). Фрагмент. Из издания 1664 г. Амстердам. Нидерландский морской музей. «Карта России с оригинала, составленного по поведению Федора, сына царя Бориса, насколько возможно было сделать на основе дошедших до нас карт и известий и посвящена Гесселем Геритцем великому государю царю и великому князю всея Руси Михаилу Федоровичу <...>». Предположительно эта карта составлена на основе не дошедшего до нас «Большого чертежа» Московского государства, созданного при царе Федоре Иоанновиче (1584–1598)

и Новую землю (ил. 2). С суши ее защищали болота и озера, а с залива – мелководье, не позволявшее крупным судам без знания фарватера подходить к селению: «... карбасы и лодьи с моря приходят к берегу под острог, а корабли приставают за Еловым наволоком в Орьской губе от острогу верст з две», – читаем в Описи 1623 г. (см. Приложение II). Через Колу, как и через Николо-Корельский монастырь¹, а позднее через Архангельск, идет транзитная торговля Московии с Голландией, Англией, Норвегией. В апреле 1582 г. датский король Фредерик II отправил к Мурманскому побережью военную эскадру, повелев ей захватывать иностранные суда даже «в самой Кольской гавани». Иван IV вынужден был обратиться за помощью к английской королеве Елизавете, чтобы «их <датские корабли> с моря согнати и дорогу очистить», одновременно со-

¹ О Николо-Корельском монастыре см.: Мильчик М. И. Ансамбль деревянного Николо-Корельского монастыря. // Народное зодчество. Межвуз. сб. [Петрозаводского ун-та]. Петрозаводск, 2007. С. 391–420.



Ил. 3. Кольский острог (Cola) и гостиный двор на реке Коле.
Фрагмент гравюры из книги Герарда де Фера. 1598 г.
Gerardo de Veer. Diarum nauticum. Amstelredami, 1598. S. 42

общая, что «мы людей воинских в те пристанища посылаем и велим от дацкого короля людей от приходу береженье держать...»¹. В том же 1582 г. в Колу из Москвы был послан первый воевода Аверкий Иванович Палицын (впоследствии келарь Троице-Сергиева монастыря, в монашестве Авраамий Палицын), который устроил здесь, на правом берегу реки Колы, гостиный двор². На следующий год его сменил Максака Федорович Судимантов, который с помощью стрельцов и посошных людей, набранных в поморских вотчинах Соловецкого монастыря, за одно лето на другом, левом берегу Колы поставил острог³.

Первоначально кольское укрепление представляло собой ограду из вертикально поставленных и заостренных сверху бревен, что следует из ответа Максаки Судимантова Томасу Норманну де Лановету, датскому посланнику, приезжавшему в 1584 г. для переговоров о границе: «частокол поставлен вокруг Колы для защиты от мор-

¹ Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 8–10.

² Корд В. Очерк сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов. Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. XXVI.

³ Филиппов А. М. Русские в Лапландии (Сообщение Ван Салингена). Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 305; Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. // РИБ. СПб., 1897. Т. XVI. С. 207 (грамота М. Ф. Судимантова от 7 мая 1583 г.).

ских разбойников»¹. Писцовая книга 1608–1611 гг.² и в какой-то мере гравюра из книги голландца Геррита де Фера (ил. 3), побывавшего в Коле в сентябре 1597 г.³, дают возможность уточнить представление о том, первоначальном остроге, поставленном на левом берегу реки Колы. В плане он был четырехугольным с общей длиной стен около 518 м, и, судя по первому дошедшему до нас плану города, датированному 1719 г. (ил. 4), представлял собой трапецию, основанием которой являлась 150-метровая стена, шедшая вдоль реки. Три из них – тыновые, составленные из заостренных вверху сосновых бревен диаметром 22 см («...толщиной 5 вершков»), вкопанных в землю примерно на метр («в землю вкопан на полсажени»)⁴. Особенностью конструкции острожных стен Колы было то, что с внутренней стороны к трем из четырех примыкали невысокие (в 4–5 венцов) тарасы, по-видимому, ничем не крытые: «... в остроге тарасы рублены в пояс человека и хрящем насыпаны»⁵. Лишь одна – северная – 108-метровая стена, обращенная в сторону Кольской губы, была городской, то есть рубленой, состоявшей целиком из тарас.

Башен – пять (на гравюре их четыре). Средняя (позднее Водяная), стоявшая на речной стороне, и две угловые (с напольной стороны) – Соловарская и Ерзовская (в XVIII в. – Чепучинная и Пытальная) – были глухими. Две других береговых – северо-восточная

¹ Щербачев Ю. Н. Датский архив. // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. Отд. 1. С. 124, 125.

² Писцовая книга Кольского острога (Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 409–416).

³ Gerardo de Vera. Diarium nauticum... Amselredami, 1598, S. 42; Геррит де Фер. Плавание Баренца 1594–1597. Л., 1936. С. 302–303. Судя по «Росписи чертежам розных государств», составленной в Посольском приказе в 1614 г., существовал русский, к сожалению, не дошедший до нас план острога («В коробье: чертеж Колскому острогу и волостям <...>, ветх, роспался» (ЧОИДР. Кн. 3 (170). М., 1894. Раздел IV. С. 15).

⁴ Составители описи князь Василий Иванович Туренин и дьяк Воин Трескин особо объясняют столь незначительное заглубление столбов (тынин): «в землю впущено мало, потому что копати нелзе: все камень».

⁵ Сходную конструкцию стен имела в конце XVI в. Торговая сторона Новгорода: «... острог весь <...> ставлен в тарасы, а тарасы около всего острога рублены <...> в пять венцов» (цит. по: Кузьмина Н. Н. Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого... С. 111). Это была стена переходного типа: «острог в тарасах», но, судя по смете, князь Туренин предполагал ставить рубленую стену, целиком составленную из тарас: «... на ту острожную поделку надобе лесу <...> на обламы и на катки, и на тарасы». (С. 13).

Егорьевская и юго-восточная Никольская – воротные (позднейшая крепость повторила план первой, а башни, в основном, сохранили свои изначальные названия). Через Егорьевскую острог сообщался с Нижним посадом и Стрелецкой слободой, а через Никольскую – с Верхним посадом. Все башни – шестистенные, трехъярусные, кроме Водяной, имевшей два боя. Перед Егорьевской башней была отводная огородня: низкое бревенчатое укрепление протобастионного типа, снабженное подошвенными бойницами. С трех сторон острог был окружен широким (около 4-ех метров) рвом, скорее всего, сухим.

На гравюре же показано двое ворот в стенах: одни – в южной, и вторые – в восточной, обращенной к реке. Перед последними – мост на правый берег Колы (точнее – на остров). Однако на планах XVIII в. моста уже не было.

Внутри острога помимо амбаров и чуланов, в которых хранились судовые снасти и продовольствие, съезжей избы (воеводской канцелярии), возвышались две церкви: теплая клетская Николая Чудотворца и «студеная» шатровая вмч. Георгия с колокольной (на гравюре условно показан один храм). По их посвящениям получили свои названия приречные башни острога. У Никольских и Егорьевских ворот располагались сторожевые избы, а у последней башни еще и тюрьма, обнесенная «тыном вострым»¹. Такие же были в Каргопольской и Олонецкой крепостях. Здесь особенно понятно, почему острогами позднее стали называть тюремные сооружения.

Напротив города, на острове находился Кольско-Печенгский монастырь (он был перенесен сюда из Печенги после разорения в 1589/90 гг. и до пожара 1619 года находился в самом остроге)², а рядом с городом – вышеупомянутые Верхний и Нижний посады. В последнем располагался Гостиный двор за тыновой оградой. Кстати, первоначально, еще до переноса Троице-Печенгского монастыря, гостиный двор, судя по гравюре Геррита де Фера, находился на острове (не случайно в центре его двора изображены весы,

¹ Харузин Н. Русские лопари... С. 409–411.

² После упразднения монастыря в 1764 году его Троицкая церковь, ставшая кладбищенской, была приписана к Кольскому Воскресенскому собору (Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии.. Архангельск, 1896. Вып. III. С. 210).

а вдоль стен – лавки). Всего же – в самом остроге и за его пределами – насчитывалось 116 посадских, стрелецких и монастырских дворов, в которых жило 206 человек мужского пола. А через 30 с лишним лет в остроге находилось служивых людей, стрельцов и посадских в два раза больше: 417 человек (см. Приложение II).

В августе 1591 г. шведы безуспешно пытались взять крепость. Вот как об этом повествует Соловецкая летопись второй половины XVI в.: «... приходили свийские немецкие люди на Мурманское море к Кольскому острогу Туломою рекою в малых судах, воеводька Ганш Лерсон, а с ним заморских и каенских немец 1200 человек. И за два часа до вечера приступили к острогу с приметом¹ и зажигати, и зажгли две башни, Егорьевскую башню да Покровскую, и из острога против их выласки были многажды, и дело было с ними до пяти часов ночи. <...>. И отошед немцы от острогу на остров на Туломе реке, стояли три дни и три ночи и пошли в свою землю Туломою рекою <...>. А в Кольском остроге был государев воевода Володимер Федорович Загрязской, а с ним людей Кольских стрелцов 30 человек, да иногородцев торговых людей и Кольских жильцов и казаков всякого человека 1700 человек»². Даже, если допустить некоторое завышение численности, то все равно внутрикрепостная территория должна была быть плотно застроенной.

Неоднократно нападение датских, а затем и шведских военных кораблей на Мурманское побережье заставляло русское правительство постоянно ремонтировать острог, укреплять береговой откос обрубками и держать в Коле большой гарнизон (в начале XVII в. военная команда острога состояла из 63 стрельцов и 5 пушкарей). Опись 1623 г. со сметой на ремонт (Приложение II) дает достаточно полное представление как о самом остроге, так и о трудностях заготовки необходимой древесины: «А сечь тот лес от Кольского острогу в 25 верстах по реке по Туломе вверх, от берегу верстах в пяти и больше. А к берегу ото лес тоскати на себе и водою вниз

¹ Примет – связки хвороста, служившие для заваливания крепостных рвов, поджога деревянных укреплений или облегчения подъема на их стены (Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА, № 105. М.-Л., 1961. С. 160–161).

² Соловецкий летописец второй половины XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 203.

<...> гнати по полой воде; из реки на берег волоčiti и скоблѣти <...>. А зимою того лесу <на> оленех не возят и лошадей нет» (см. Приложение II).

Сравнение приведенного описания острога 1623 г. с его росписью 1701 г. позволяет утверждать, что он за восемьдесят лет не претерпел существенных изменений: «Город Колской острог деревянной стоячей, а на нем 5 башен рубленые, меж башнями в стенах торасы рубленые же, а позаде торасов острог стоячей в две стены кругом города мерою опричь башен 97 сажен с полусаженью <~ 210 м>, ветхи, да 4 тораса, да 2 тайника»¹. Следовательно, одна стена, как и в начале прошлого столетия, была рубленой и состояла из тарас. Но теперь появилось и новшество: острог получил вторую «стоячую» стену, правда, состояние ее было плачевным: еще в 1699 г. при приеме кольских укреплений новым воеводой Григорием Никитичем Козловым отмечалось, что 14 сажен (~30 м) «стоячего острога <...> вывалилось»². Сходная конструкция стен, состоявших из двойного и даже из тройного тына, зафиксирована археологическими раскопками в Турчасовском остроге на правом берегу реки Онеги³.

В начале Северной войны (1700–1721 гг.) ситуация резко изменилась: Кола должна была стать центром обороны Кольского полуострова вместе с Кемской крепостью и всей северной Карелией. Прежде всего, был усилен вооружение крепости (оно состояло теперь из 39 пушек), и ее гарнизон стал чуть ли на самым большим среди северных крепостей: полтысячи стрельцов, пять капитанов (сотников) и восемь пушкарей. Затем воевода Г.Н. Козлов должен был «город, в которых местех попорчен <...> починить, а где починить не мощно и в тех местех сделать вновь градскими и уездными людьми в тот час»⁴. Кроме того, царь указал перед прежней крепо-

¹ Грамота Петра I кольскому воеводе Григорию Никитичу Козлову 23 сентября 1701 г. Цит. по: Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы... С. 208

² РГАДА. Ф. 137. Д. 2. Л. 2.

³ Архив ИА РАН. Р-1, Д. 5299 (Никитин А. В. Археологический отчет о раскопках 1971 г.). Л. 43. См. также: Мильчик М. И. Каргополь: деревянная крепость и остроги по реке Онеге. Документы и графические реконструкции. СПб., 2008. С. 44.

⁴ РГАДА. Ф. 137. Д. 2. Л. 220. Цит. по: Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы... С. 243.

стью возвести земляную, а перед ней вырыть ров. На валах предполагалось установить пушки, «чтоб в военный случай в том городе в осаде сидеть было надежно». Иными словами, Петр задумал окружить деревянную крепость земляными куртинами, как это делалось в это время и перед другими старыми укреплениями. В результате должна была быть создана двойная линия обороны.

Козлов и следующие за ним воеводы были заняты перестройкой старой крепости, а если сказать точнее, возведением новой, рубленной. Эти работы заняли три следующих года. Начали же тогда, в 1700-м году, с укрепления Кольского берега у Егорьевской башни, для чего построили бревенчатый обруб длиной 10 сажен (21,6 м) и высотой – две (4,3 м), который засыпали камнями и хрящом, а «на тот обруб вместо городской стены в полое место великого государя 3 житницы». Затем починили тайник, поставили заново угловую башню и «около тое башни во рву устроили обруб стоячей в длину 25 сажен» (54 м), у Георгиевской башни вдоль реки Колы построили стену с воротами и тарасами, на старых стенах устроили перила и лестницы, на случай осады выкопали колодец около воеводского двора и привели в порядок артиллерию: к пушечным станкам сделали оси, колеса и для них оковки¹. Кольские стрельцы в своей челобитной царю пояснили, что живут «в великом опасении и осторожности», посылают «на Свейской и на Дацкой рубежи» своих лазутчиков «ради провеживанья вестей, чтоб свейские неприятельские люди безвестно под Кольской острог в Поморские волости ратью не пришли и разорения бы какова не учинили».

Работы не были завершены, но острог был приведен в годное для обороны состояние. Нападение 24 июня 1701 г. шведских судов в дельте Северной Двины на еще строившуюся Новодвинскую крепость явилось толчком к указу царя кольскому воеводе от 23 сентября того же года возобновить строительство, «чтоб в военный случай в том городе в осаде сидеть было надежно». За летние месяцы 1702 г. посадские люди и уездные крестьяне поставили новую Егорьевскую башню, стрельцы – юго-западную Ерзовскую, а во

¹ Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы.... С. 239–240 (Приложение: Челобитная грамота кольских стрельцов Петру I 9 июля 1703 г.); с. 243–244 (Приложение 6: Сказки Кольских стрелецких пятидесятников от ноября 1704 г.).

рву около нее поставили стоящий обруб длиной в 25 сажен (54 м), между Егорьевской и Водяной башнями примерно в трех метрах от стены сделали другой обруб длиной около 65-ти метров. Одновременно началась замена стоячего тына на рубленые стены. В том году, однако, успели разобрать старое и возвести новое южное прясло.

Не удивительно, что приехавший в Колу зимой новый воевода Дмитрий Иванович Унковский, нашел, что крепость все еще остается «к приходу воинских людей ненадежна». Весна и начало лета 1703 г. ушли на заготовку леса, который приходилось возить издалека: за 50 и более верст. Как обычно, не хватало людей: ближайшие Ковденская и Кандалакшская волости вместо работников прислали деньги, а приказные старцы Соловецкого монастыря отказались давать крестьян, потому что «и к какому строенью преж сего и до ныне не бывали». В результате работы начались только в июле, но продолжались до зимних холодов: до середины ноября. За это время были срублены два прясла: восточное между Егорьевской и Водяной башнями и западное между Ерзовской и Чепучинской. Правда, следующий воевода Михаил Григорьевич Срезнев сообщал царю, что эти стены еще далеки до завершения, не говоря уже о том, что не построены еще три башни из пяти, включая важнейшую для обороны башню с тайником и колодцем (Водяную), а также не доделан обруб вдоль реки Колы. Воевода потребовал от кольских бурмистров выделить 30 плотников, из стрельцов он готов отрядить также 30 человек, «чтоб то городовое строение <...> к вешним дням в пребудущей 705 год в отделке было».

К сожалению, мы не имеем сведений о том, как в дальнейшем шли работы и когда точно они были завершены (предположительно в 1704 г.¹), но ясно, что несколько лет спустя старый Кольский острог XVII века был полностью заменен новым деревянным городом, который в 1736 г., т. е. через тридцать с лишним лет, по сообщению прапорщика Степана Хвостова, «ветхости <...> никакой не имеет». Его вооружение достигло 36 пушек, к которым имелось 5905 ядер. Однако к концу столетия, крепость, с учетом возросшей мощи артиллерии, потеряла свое военное значение, а потому была

¹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии... Архангельск, 1896. Вып. III. С. 207.

разоружена и исключена из числа укрепленных пунктов Русского государства¹. Просуществовала же она дольше всех остальных деревянных крепостей Русского Севера – до 11 августа 1854 г., когда сгорела в результате бомбардировки Колы английской эскадрой².

Сохранившиеся планы начала XVIII века³ в сочетании с донесениями кольских воевод и комендантов позволяют достаточно подробно представить себе как планировку всего города, так и конструктивные особенности этой самой северной деревянной крепости на двух этапах ее существования, хотя степень точности этих планов различна. На плане 1719 г. (ил. 4, см. цв. вкладку), кроме самой крепости показано передовое укрепление, возведенное в 1702 г. на стрелке Кольского мыса (под литерой Н), о котором воевода Д. И. Унковский так докладывал царю: «да построено близ посаду меж рек Туломы и Колы реки в наволоке крепости стены только на 15 пушек [...] и не покрыто и к приходу воинских людей ненадежна»⁴. Просуществовала она, по-видимому, недолго, так как отсутствует на остальных планах.

Сам «город», стоящий на левом берегу Колы, показан четырехугольным в виде равнобокой трапеции с небольшим изломом береговой стены. Он имел пять шестистенных башен, из которых две береговые – Георгиевская и Никольская (и Водяная с тайником) – воротные (первые две по 18 м высотой), остальные – Чепучинная и Ерзовская – глухие, высотой по 15 м. На другом берегу – монастырь, план которого сходен с крепостным.

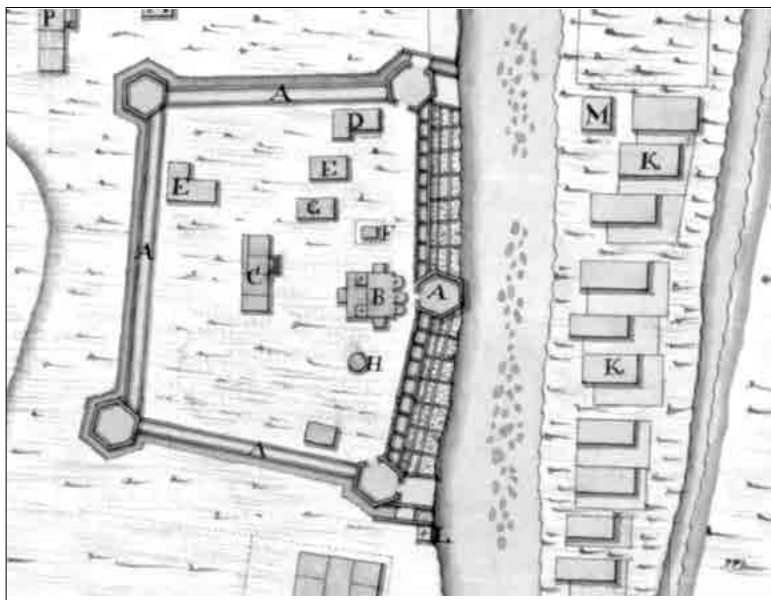
Стены «города» по-прежнему отличались разной конструкцией: береговая, наиболее мощная стена состояла из 19 тарас с самостоятельными входами в каждый сруб; остальные рублены «в две стены».

¹ Голубцов Н. К истории Колы Архангельской губернии. // ИАОИРС. № 1. Архангельск, 1911. С. 14.

² Голубцов Н. К истории Колы... С. 685; Кунцевич Г. З. О защите города Колы от неприятеля в 1854 году. // ЧОИДР. Кн. IV. Отд. 5. 1906. С. 41.

³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 3387 (ил. 4); ф. 349. Оп. 29. Д. 3; ВУА. Д. 22056 (ил. 5). Из них только первый план точно датирован 719-м годом, два остальных, по мнению В. В. Косточкина, фиксируют острог конца XVII в., хотя изготовлены позднее и являются копиями неизвестных нам чертежей (Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы... С. 215).

⁴ Цит. по: Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы... С. 238.



Ил. 5. «План городу Коле с показанием в оном форштадта и вокруг оного какие реки и горы». 1730-е гг. Фрагмент.

РГВИА. ВУА. Д. 22056

Экспликация на плане (выборочно): «А. город Кола;
В. церковь; С. канцелярия; Д. гауптвахта; Е. магазенины;
Г. пороховой погреб; Н. колоколя при церкви;
К. Кобывательское строение; М. питейные дома...»

Третий же план (ил. 5) и четыре следующих¹ фиксируют крепость уже после ее перестройки в начале XVIII в. Они вместе с описанием прясла стены между Егорьевской и Водяной башнями, сделанным воеводой Д. И. Унковским сразу после ее постройки в 1703 г., дают возможность детально представить конструкцию и остальных стен крепости (ил. 6, см. цв. вкладку). Все они возведены на основании, сложенном из бревен старого острога («а под стеною положено сланью старого прежнего острогу») состоят

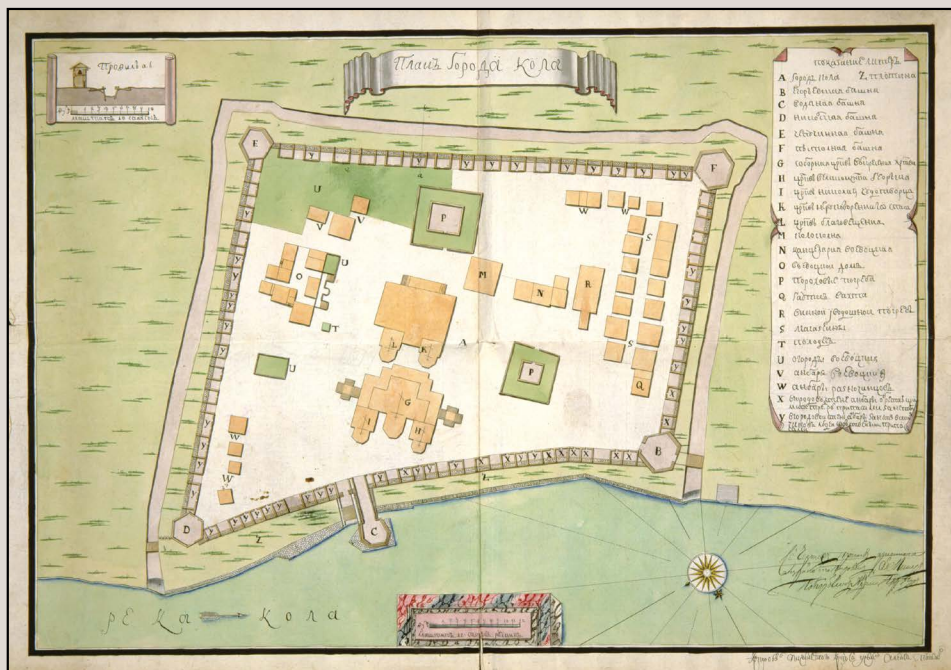
¹ РГВИА. ВУА. Дд. 22055, 22056 (ил. 5); Ф. 349. Оп. 17. Дд. 3388, 3389 (ил. 6), 3390. На «Плане города Колы» (ф. 349, оп. 17, д. 3389 – см. ил. 6) указано, что этот чертеж «копировал инженерного корпуса ученик Алексей Поспелов». На основании сходства графики В. В. Косточкин предположил, что все три чертежа исполнены Алексеем Поспеловым в 1737–1738 гг. под руководством кондуктора Федора Неелова по обмерам, выполненным им совместно с инженер-прапорщиком Степаном Хвостовым между 1732 и 1736 годами (Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы... С. 218–219).



Ил. 4. Чертеж Кольского острога. 1719 г. РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 3387

Надпись в левом нижнем углу:

«При том писано по немецки тако: Егорин Эренст Ресен инженер. Осмтров.
1719 году марта 26 дня. Переводил по руски Шлихтинг».

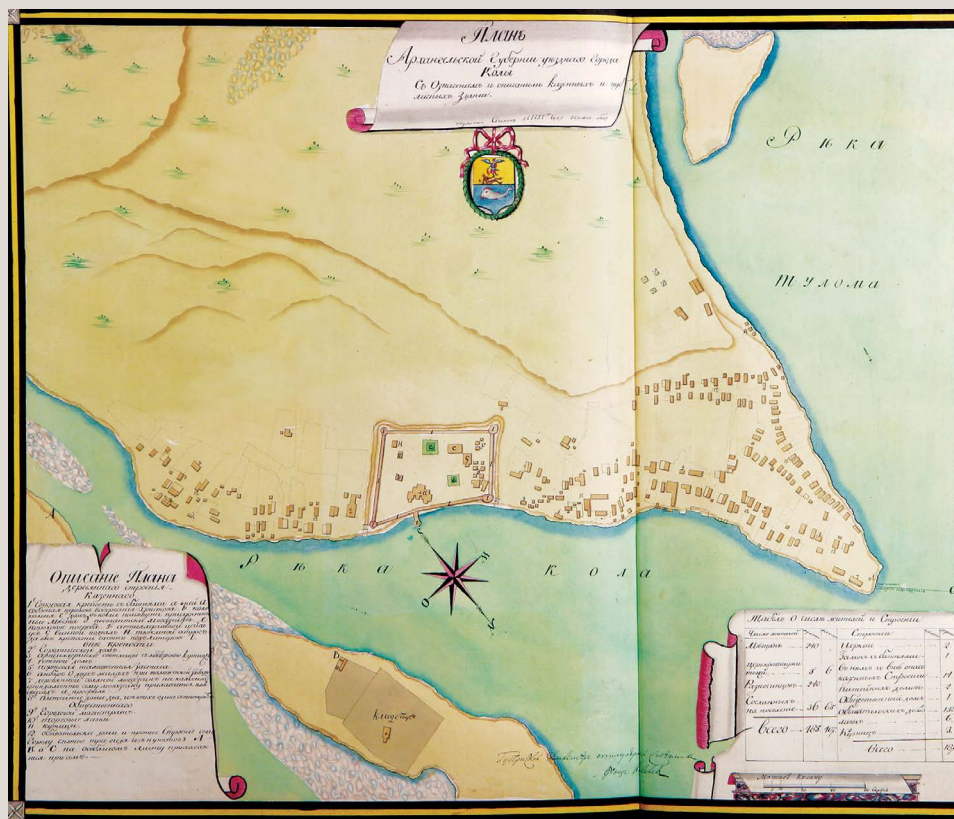


Ил. 6. «План города Кола». Середина XVIII в.
РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 3389

«Показание литер:

- А. город Кола; В. Егорьевская башня;
- С. Водяная башня; Д. Никольская башня;
- Е. Чепучинная башня; Ф. Пытальная башня;
- Г. соборная церковь Воскресения Христова;
- Н. церковь великомученика Георгия;
- И. церковь Николая чудотворца;
- К. церковь Нерукотворенного Спаса;
- Л. Церковь Благовещения; М. колокольна;
- Н. Канцелярия воевоцкая; О. воевоцкой дом;
- Р. пороховые погреба; Q. гаупт вахта;
- Р. Винной и водошной погреб; S. магазины;
- Т. колодезь; U. огороды воевоцкия;
- V. анбары воевоцкия; W. анбары разночинцов;
- X. в городской стене анбары;
- Y. В городской стене анбары заняты всяких чинов людей собственными припасами;
- Z. плотина.

Оной чертеж против оригинала акуратно скопировал инженерного корпуса ученик Алексей Пospelовъ».



Ил. 9. План города Колы с окрестностями. «Атлас Архангельской губернии» 1797 г. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Л. 932

«План Архангельской губернии уездного города Колы
с означением и описанием казенных и публичных зданий.

Подлинной сочинен в 1797 году в июле месяце.

Описание плана деревянного строения

Казенного: 1-е. городская крепость с башнями, а в ней а) соборная церковь Воскресения Христова, б) колокольня, с) дом, в котором помещены присудственные места, d) провиантские магазейны, e) пороховые погреба, f) артиллерийской цейгауз, с) винной подвал, h) тюремной острог. Да вне крепости часовни под литерою i. Вне крепости: 2-е. городнической дом, 3. артиллерийские светлицы с мастерскою кузницею, 4. ротной дом, 5. портовая таможенная застава, 6. амбар о двух жилах при таможенной заставе, 7. деревянной соляной магазейн на каменном фундаменте <...>, 8-е. питейные дома два, из коих один с пивоварнею.

Общественного: 9-е. городской магистрат, 10-е. торговые лавки, 11-е. кузницы, 12-е. обывательские дома и прочее строение.

Сему городу снятые три вида из пунктов А, В и С на особливом листу прилагаются при сем».



Ил. 10. Три вида Колы «Атлас Архангельской губернии» 1797 г. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Л. 940–941

«Вид города Колы с юго-восточной стороны
из пункта из пункта А

1-е. Гора, именуемая Солеварка, 2. обывательское строение, 3-е. часовня, 4. башни ветхого замка, 5. соборная Воскресенская церковь, 6-е. питьевой дом, 7-е. кладбищенская Троицкая церковь на острове, 8-е. река Кола.

Вид города Колы с северо-восточной
стороны из пункта В

9-е. обывательское строение, 10-е. часовня, 11-е. питьевой дом, 12-е. городнической дом, 13. ветхой замок с башнями, 14. соборная колокольна, 15. соборная Воскресенская церковь, 16. таможенный анбар, 17. таможенная застава, 18. часовня в дале, 19. соляной магазейн на каменном фундаменте, 20. гора Соловарка, 21. мосты через ров, 22. река Кола.

Вид города с северо-западной стороны из пункта С

23-е. церковь кладбищенская на острове, 24-е. обывательское строение, 25-е. соляной магазейн, 26-е. часовня, 27-е. соборная Воскресенская церковь, 28-е. городская башня, 29-е. гора Соловарка, 30-е. река Тулома, 31-е. река Кола.

Губернской землемер Федор Киселев».

из амбаров (в экспликации – «вырубленные анбары»), представляющих собой некое подобие тарас (ширина около 4,2 м, высота около 3,2 м), по которым идет боевой ход. Между группами от двух до семи амбаров были разрывы, позволявшие подойти к стене вплотную. В нее врубались поперечные перегородки, отделявшие один амбар от другого. Внешние стены состояли из двух бревенчатых стенок, промежутки между ними (около 1,6 м) был засыпан на треть высоты камнями и землей. Выше засыпки примерно на уровне человеческого роста обе стены прорезали бойницы, расположенные через каждую сажень¹. Боевой ход над амбарами имел высоту в сажень (2,13 м), прикрытый снаружи той же двойной стеной с просеченными в ней пушечными бойницами (ил. 7). Над ним нависал облам, также имевший бойницы. Именно в этом ярусе должны были быть сосредоточены основные силы защитников крепости. Боевой ход был крыт двускатной кровлей в два теса, высота конька которой от земли была 3,5 сажени (около 7,5 м), при этом до облама – 2 сажени с аршином и четвертью аршина (5,16 м) – 17–18 бревен, сам облам – 2 аршина без 5 вершков (1,4 м) – 5 рядов, следовательно, вся стена имела высоту 3 сажени без четверти аршина (6,9 м) – 22 бревна.

Башни, как и в предшествовавшей крепости, оставались шестериковыми (ил. 8), но теперь все они, кроме Никольской, как и прясла, были рублены в две стены, впрочем, за исключением граней, обращенных внутрь крепости² – новая черта деревянных укреплений. Над шестериковыми срубами нависали одностенные обламы, опирающиеся на выпуски балок междуярусных перекрытий. Все башни были крыты шатрами стропильной конструкции, без полиц. Все они, кроме Водяной, имели смотрильные вышки, а вышка Егорьевской – самая высокая – была увенчана двуглавым орлом. Стены башен, включая и обламы, прорезали бойницы. Ярусы соединялись лестницами, приставленными к люкам в мостах. Угловые башни – Пытальная (Ерзовская) и Чепучинная – по второму ярусу имели выход на боевой ход стен, а обе воротные – нет.

¹ Рейнке, лейтенант. Описание Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. С. 7.

² Подобную же конструкцию имели восьмериковые башни Кемской крепости (Грбарь И. История русского искусства. М., 1910. Т. I. С. 501–503).

Существенно отличалась от этих башен пятая – Водяная, стоявшая прямо в реке и соединенная с северо-восточной стеной крепости двухэтажным переходом, частично стоявшем на сваях. Она вся, как и переход, рублена в две стены, ибо предназначалась для круговой обороны. В отличие от других башен, Водяная была двухъярусной и не имела смотрильной вышки. Внутри башни на случай осады находился колодец (колодец был и внутри крепости около воеводского двора (на «Плане города Кола» – см. ил. 6 – под литерой Т, см. цветную вкладку)). В мирное время воду брали непосредственно из реки, для чего рядом с башней в стене существовали ворота. Через них попадали в крепость и все прибывавшие по реке. Островок, на котором стояла башня, имел деревянный же ледорез, как и плотина перед воротами.

Такое необычное вынесение одной башни за пределы крепости, в какой-то мере напоминающее барбаканы западноевропейских замков, – еще одно нововведение. Оно, вероятно, объясняется необходимостью держать под контролем как русло Колы, так и подходы к воротным башням – наиболее уязвимым частям крепости – со стороны реки. Вся береговая линия перед крепостью была укреплена мощным обрубом, клетки которого были заполнены валунами (см. ил. 5).

Хотя Кольская крепость располагалась на мысу между реками Колой и Туломой, ее с трех сторон окружал сухой ров глубиной более двух метров, а шириной до четырех (см. ил. 6 и 7). Его стены были укреплены обрубом. Перед ним оставалось свободное от застройки простреливаемое пространство – обычное для крепостей. Оно мешало неприятелю подойти к стенам и башням незаметно и предохраняло их от огня, если на посаде случится пожар.

Состав внутрикрепостных построек отражал назначение крепости как военно-административного и религиозного центра. Там находились воеводский двор (на «Плане города Кола» см. ил. 6 под литерой О), воеводская канцелярия (на «Плане города Кола» см. ил. 6 под литерой N), пороховые погреба (на «Плане города Кола» см. ил. 6 под литерой Р), гаубвахта (на «Плане города Кола» см. ил. 6 под литерой Q), магазины – государственные склады (на «Плане города Кола» см. ил. 6 под литерой S) и торговые амбары купцов (на «Плане города Кола» ил. 6 под ли-

терой W), наконец, два храма – невысокая церковь Благовещения (на «Плане города Кола» см. ил. 6 под литерой L, см. цветную вкладку) с обширной трапезной и с приделом Нерукотворного образа (под литерой K) и знаменитый двадцатиглавый Воскресенский собор (на «Плане города Кола» см. ил. 6 под литерой G, см. цветную вкладку) – холодный, с двумя приделами – Никольским и Георгиевским (на «Плане города Кола» см. ил. 6 под литерами I и H), возведенный в 1681–1684 гг.¹ Этот один из самых загадочных деревянных храмов России располагался в северо-восточной части крепости почти непосредственно за Водяной башней, причем таким образом, что храм сразу же вставал «во весь рост» (его высота была около 36 м) перед вошедшими через Водяные ворота. Вместе с Водяной башней он фиксировал ось симметрии всего крепостного ансамбля, хотя на самом деле обе постройки несколько нарушали симметрию, будучи сдвинуты с геометрической оси к югу.

Особое значение имеют план и виды из рукописного Атласа Архангельской губернии 1797 г.² (ил. 9–11, см. цветную вкладку), благодаря использованию камеры обскуры, снятые с почти фотографической точностью. Они хорошо передают величественную панораму крепости со стороны реки, в которой собор играл доминирующую роль. А если учесть, что Колу окружала почти безлесная местность, то нетрудно предположить, что он был виден за несколько верст всем поднимавшимся от Баренцева моря, с севера,

¹ Жуковский А. Т. Кольский Воскресенский собор XVII в. // ИАО. СПб., 1861. Т. II, вып. 1. Стб. 15; Краткое описание приходов и церквей... Вып. III. С. 209; Голубцов Н. К истории Колы... // ИАОИРС. Архангельск, 1911. № 5. С. 392. О соборе см. также: Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество... С. 191; История русской архитектуры. Изд. 2-е. СПб., 1994. С. 155.

Первая дата была указана на доске, прибитой к алтарному прируб, вторая указана в клировых ведомостях. Можно предположить, что они соответствуют началу и концу строительства.

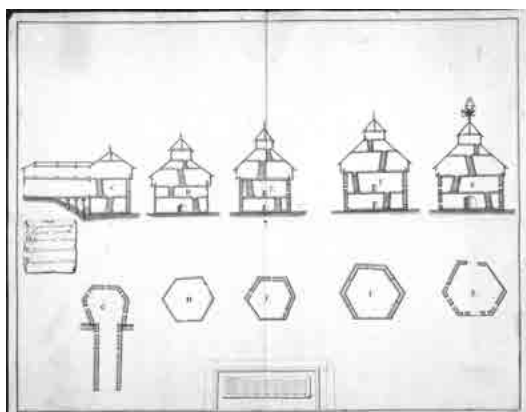
Об архитектуре собора и его графические реконструкции см.: Тереньтева А. А. Собор Воскресения Христа в Коле. К вопросу о реконструкции архитектурного облика. // Деревянное зодчество: новые материалы и открытия. М., СПб., 2015. Вып. IV. С. 208–228; Бодэ А. Б., Воеводин И. В., Зинина О. А. Воскресенский собор в Коле. Возвращение к проблеме реконструкции архитектурного облика. // Деревянное зодчество: новые материалы и открытия. СПб., 2018. Вып. VI. С. 125–146.

² Об истории создания Атласа см.: Мильчик М. И. Город Холмогор был многолюден и знаменит...: очерк градостроительной и архитектурной истории. СПб., СПб., 2013. С. 130–136.

Ил. 7. Разрез («Профиль») крепостной стены и рва. Фрагмент «Плана города Кола». Середина XVIII в. РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 3389



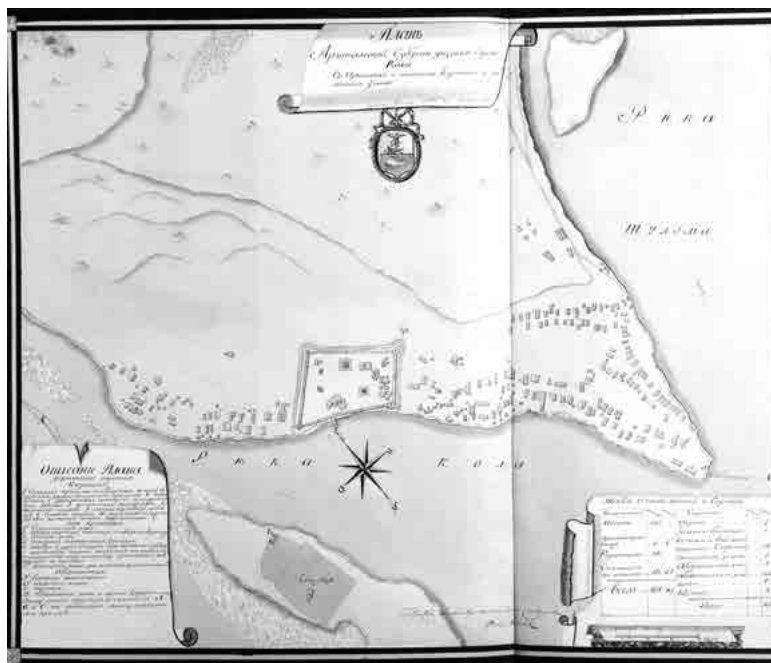
Ил. 8. Кольская крепость. Планы и разрезы башен. 1737 – 1738 гг. Экспликация: «В. Егорьевская башня; С. Водяная башня; D. Никольская башня; Е. Чепучинная башня; F. Пытальная башня. Инженерный ученик А. Пospelов, кондуктор Ф. Неелов» РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 3390



или спускавшимся по обеим рекам (вид города на дальнем подходе по реке со стороны моря, как это показано на третьей панораме Атласа – с северо-восточной стороны). Здесь эти Виды впервые публикуются целиком, ибо содержат важные сведения не только по крепости, но и по всему городу.

В конце XVIII в. Кольская крепость была разоружена и исключена из числа укрепленных пунктов Российской империи¹. Наконец, с Крымской войной связана последняя страница в истории укреплений Колы: собор и вся крепость сгорели 11 августа 1854 г. в результате 20-часовой бомбардировки с английского военного судна. В Коле осталось всего 18 домов с «13-ю душами обоего пола, считая и малолетних». Побывавший здесь на следующий год путешественник писал: «город выжжен почти весь: в самой середине его, на площади одиноко стоят обгорелые стены каменной церкви;

¹ Голубцов Н. К истории города Колы... С. 14.



Ил. 9. План города Колы с окрестностями. «Атлас
Архангельской губернии» 1797 г.

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Л. 932.

«План Архангельской губернии уездного города Колы с означением
и описанием казенных и публичных зданий. Подлинной сочинен в
1797 году в июле месяце.

Описание плана деревянного строения

Казенного: 1-е. городовая крепость с башнями, а в ней а) соборная церковь Воскресения Христова, б) колокольня, с) дом, в котором помещены присудственные места, d) провиантские магазейны, е) пороховые погреба, f) артиллерийской цейгауз, с) винной подвал, h) тюремной острог. Да вне крепости часовни под литерою i.

Вне крепости: 2-е. городнической дом, 3. артиллерийские светлицы с мастерскою кузницею, 4. ротной дом, 5. портовая таможенная застава, 6. амбар о двух жилах при таможенной заставе, 7. деревянной соляной магазейн на каменном фундаменте <... >, 8-е. питейные дома два, из коих один с пивоварнею.

Общественного: 9-е. городской магистрат, 10-е. торговые лавки, 11-е. кузницы, 12-е. обывательские дома и протчее строение.

Сему городу снятые три вида из пунктов А, В и С на особливом листу прилагаются при сем».

Табель о числе жителей и строении

<i>Число жителей</i>	<i>мужеска</i>	<i>женска</i>	<i>Строения</i>	<i>Деревян.</i>
Мещан	240		Церкви	2
Церковнослужителей	5	6	Замок с башнями	1
Разночинцов	240		В нем и вне оного казенных строений	14
Сосланных на поселение	36	65	Питейных домов	2
			Общественный дом	1
			Обывательских домов	158
			Лавок	6
			Кузниц	3
Всего	485	407	Всего	187

«Губернской землемер титулярный советник Федор Киселев».
Обозначение на плане трех пунктов, от которых были сняты
три вида Колы (см. ил.10): А и В – на правом берегу р. Колы, на
Монастырском острове, приблизительно напротив крепости;
С – за северо-западной оконечностью городского мыса.

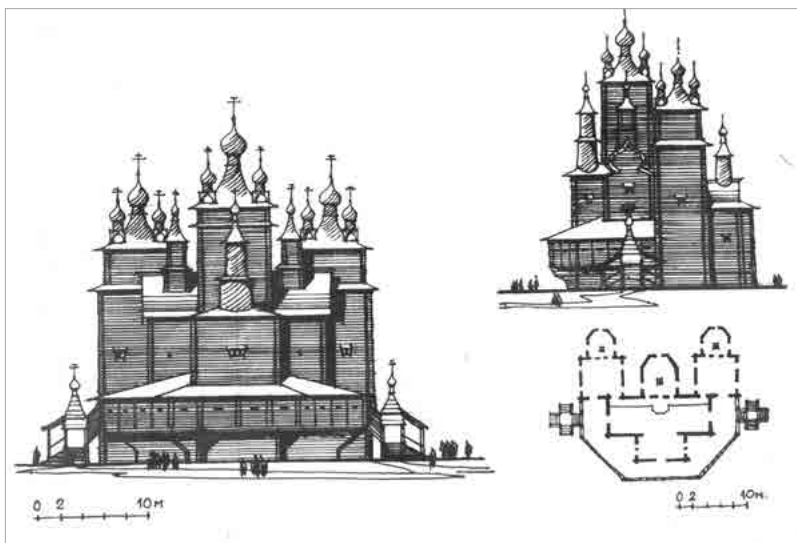
площадь эта <...> окружена обвалившимся рвом и признаками земляного вала (остатки бывшего Каргопольского острога)»¹. После этого события Кола уже стала быстро деградировать, а к нашему времени признаков некогда существовавшей здесь крепости не осталось и вовсе.

В ряду северных крепостей Кола на последнем своем этапе своей строительной истории представляет собой самую позднюю постройку, правда, сохранившую структуру острога XVII века, близкую к регулярной. Она в большей степени, нежели другие упомянутые здесь крепости, являлась не только военно-оборонительным сооружением, но и торгово-религиозным центром всего Кольского побережья, отчасти напоминая по своей двойной функции архангельский Гостиный двор. Необычным для деревянных крепостей

¹ «Очерки Архангельской губернии» К. Соловцова. Цит. по: Ушаков И. Ф. Кольский острог... С. 46.



Ил. 11. Кольская крепость. Вид с правого берега р. Колы. Фрагмент «Вида города Колы с северо-восточной стороны из пункта В», «Атлас Архангельской губернии», 1797 г. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Л. 940
 Экспликацию см. ил. 10



Ил. 12. Воскресенский собор. 1682 – 1684 гг. Западный и южный фасады. Реконструктивный рисунок Ю. С. Ушакова

были двойные стены башен, асимметричное расположение главной башни крепости – Егорьевской, а также наличие вынесенной на реку Водяной (Отводной) башни. Крепостной же собор (ил. 12) являлся одним из самых монументальных сооружений во всем русском деревянном зодчестве.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическую экспедицию Академии наук. СПб., 1836. И.1–4.

АН – Архитектурное наследство.

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.

ИАОИРС – Известия Архангельского общества изучения Русского Севера.

КСИА – Краткие сообщения института археологии.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РИБ – Российская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. СПб., Птг., Л. 1872–1927.

РИО – Российское историческое общество.

ЧОИДР – Чтения в Обществе любителей древней письменности.

Приложение I

1. 1593, июля 24. Копия грамоты царя Федора Ивановича игумену Соловецкого монастыря Иакову с братией о заготовке леса для Кемского острога и о том, что строительство следует начинать после получения нового указа.

(л. 285 об.) От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Соловецкой монастырь богомольцу нашему игумену Иакову з братьею. Писали есте к нам, что по нашему указу велено вам досмотрити на Кеми к реке, где б поставити острог от немецких людей приходу и вы де и присмотрели место в волости в Кеми средь Кеми реки на Лепе острове и на чертеж начертя, прислали к нам, к Москве. А тот де остров стоит против Быкова наволока, а от Лепы острова до Быкова наволока ширина порогу сто тритцать сажен <281 м>, а з другую сторону до Никонова наволока ширина порогу сто пятьдесят сажен <324 м>, а на третью сторону от Лепы острова до церковного острова ширина порогу двести сажен <432 м>. А величеством острог будет таков, каков Сумской острог. А место крепко и удобное: около того острова подошли быстрые пороги, а приезда к тому острову сухово нет, разве спусть пороги тихою водою снизу Кеми реки. К тому острову один приезд водяной и лес вы острожной на Кеми реке припасли и то нам уведомля, что на том острову для приходу немецких людей лзя острог ставить нам бы вам о том велети указ свой учинить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б ныне сей год (л. 286). // острог не ставили, а дожидались бы о том нашего указа. А лес бы у вас острожной весь был готов. А как острог ставить, мы к вам о том указ свой пришлем. Писан на Москве лета 7101 <1593> июля в 24 день.

2. 1657, мая 28. Копия грамоты царя Алексея Михайловича архимандриту Соловецкого монастыря Илье с братией строительстве нового Кемского острога.

(л. 295) От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белье Росии самодержца в Соловецкий монастырь архимандриту Илье з братьею. Писали вы к нам, великому государю, ведомо де вам учинилось от наших великого государя крестьян, которые жили близко свейского рубежа, что свийские воинские люди хотят

приходить войною на наши великого государя порубежные поморские места Кемью рекою и озерами водяным путем в судах и воевать Кемскую волость и вси поморские места, а в той Кемской волости никакие крепости и ратных людей нет, а наперед сего в той Кемской волости был острог и тот острог огнил и обвалился весь и вам в Соловецком монастыре жить страшно, а нового острогу в Кемской волости без нашего указа построить не смеете и о том велети б наш указ учинить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в Кемской волости острог устроить велели, по людем смотря небольшой, а пушек и ядер и пороху, буде у Архангелсково города вскоре промыслить немошно, а в Соловецком монастыре, буде есть в лишке, и вы б из Соловецкого монастыря (л. 295 об.). // в Кемской острог пушки и к ним ядра и зелья и свинцу послали <...>. Писан на Москве лета 7165 <1657> мая в 28 день. У подлинной назади в закрепе тако: диак Ефим Юрья; справил Федка Федоров. Назедю ж печать восковая.

3. 1680, января 19. Копия грамоты царя Федора Алексеевича архимандриту Соловецкого монастыря Макарию с братией о постройке Сумского острога за счет монастырской казны.

(л. 296) От царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великие и Малые и Белые Росии самодержца. Богомольцу нашему архимандриту Макарию з братиею. <...> боясь всяких воинских и приходу немецких свейских ратных людей издавна построен был острожек монастырскою казною <...>. (л. 296 об.) А в том де Сумском остроге, которые ушли от немецких и от воровских людей, отсиделись, а к тому Сумскому острогу многие приступы с пушками были <...>. А ныне тот Сумской острог огнил и опал, а без стен в данной порубежной стране <...> нашим великого государя людем быть нелзе и жить опасно и страшно и нам, великому государю, пожаловать вас vele вам монастырскою казною <...> построить городок и мы велели вам в Сумском остроге город зделать монастырскою казною <...> и вы б в Сумском остроге город зделали. Писан на Москве лета 7188 <1680> генваря в 19 день.

РГАДА. Ф.1201. Оп.2. Д.1707

Приложение II

1623 г., ноября 23. Опись Кольского острога и смета на его ремонт, составленная по указу царя Михаила Федоровича стольником князем Василием Ивановичем Турениным и дьяком Воином Трескиным.

(с.6) 132 < 1623 > ноября в 23 день по государеву царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указа смета Кольскому острогу, что в остроге наряду и свинцу, и зелья, и ядер, и меди, и железа, и укладу, и что надобно на острожную и на ров на поделку лесу и что в Коле служивых и жилецких всяких людей и сколько в Коле государевых хлебных запасов и какие промыслы Кольские жилецкие люди промышляют и кормятца и на какове месте острог стоит.

А по осмотру и по смете стольника князя Василия Ивановича Туренина да дьяка Воина Трескина Кольской острог лес сосновой нов, добр и сидети в нем в осадную пору мошно. Вышина острогу вверх 3-х сажений без локти < 6,02 м >, в землю копан полсажени, лесу толщина 5 вершков < 22 см >. В землю пущено мало, потому что копати нелзе: все каменье. А длина острогу: башня Егорьевская с ворота до водяной башни и от < 22 см > Водяной башни до Никольские башни 67 сажень < 144,2 м >; от Никольские башни до Соловарской башни острогу 58 сажень < 125,3 м >; от Соловарской башни до Ерзовской (с.7) башни острогу 71 сажень < 153,3 м >; от Ерзовской башни до Егорьевских ворот 43 сажени < 92,9 м >. Ширина башням по 4 сажени < 8,6 м >. Башни рублены 6-и угольные. И всего острогу и з башнями вдоль и поперег 259 сажень < 559,5 м >.

А в остроге тарасы рублены в пояс человека и хрящем насыпаны, а обламов и катков [по острогу] нет. И тарасы худы, и тайника нет. Тайник делать [но]вой. А погреб зелейной худ, гнил, делать новой же.

А крепости около острогу ров, глубина 2-х сажень без локти < 3,8 м >, в ширину 2 сажени < 4,3 м > ров от острогу копан пол 2 сажени < 2,5 м >. Делано рву 185 сажени < 399,6 м >, недоделаного 273 сажени < 589,7 м >.

А наряду в башнях и по острогу.

На Никольской башни во 6 боех пищаль железная полу 10 пядей, станок новой, ядер пол 2 гривеньки. 2 пищали дробовые, скорострельные, железные, одна 6 пядей, а другая 4-х пядей на козлах,

а станков нет. Той же Никольской башни в верхнем в 5-м боех пищаль медная полуторная, станок новой, ядров 4 гривеньки.

(с. 8) Башня Воденая в 2-х боех пищаль железная горелая 6 пядей, станок новой, ядров пол 2 гривеньки, стрелять из <нее> не мощно. Пищаль дробовая скорострельная железная, 4-х пядей, на козле, станка нет. В той же Водяной башни в верхнем в 2-х боех пищаль полковая, железная, горелая, 7 пядей, на козле. Ядров пол 2 гривеньки. И по смотру и по скаске пушкарей впредь ис тое пищали стреляти не lze. А у башни верх не покрыт.

На Егорьевской башни в нижнем в 6 боех пищаль железная понойка 7-ми пядей, станок новой. Ядров пол 7-ми гривеньки. Пищаль дробовая, скорострельная, 7-ми пядей. Пищаль полковая, железная, горелая, 7-ми пядей. По смотру же по скаске пушкарей стреляти ис тое пищали не lze. Ядров пол 2 гривеньки. В той же Егорьевской башни в верхнем в 4-х боех пищаль медная. Полуторная, станок новой. Ядров пол 7 гривеньки.

На Ерзовской башни в нижнем в 5 боех 2 пищали железные, по 9 пядей, одна горелая, станки новые. Ядро по гривеньки, стреляти (с. 9) из нее мощно. Пищаль волоконена, железная, горелая, 7-ми пядей, на козле. Ядров пол гривеньки. Станка нет. Стреляти из нее мощно. В той же Ерзовской башни в верхнем в 4-х боех наряду нет.

На Соловарской башни в нижнем в 4-х боех 2 пищали железные по 7-ми пядей, станки новые. Ядров 3 гривеньки. Пищаль полковая, железная 7-м пядей, на козле, станка нет. Ядров пол 2 гривеньки. В той же на Соловарской башни в верхнем в 4-х боех наряду нет. И у тех всех пищалеи колеса дощаные худы и запасных нет, а в Коле мастеров и лесу нет и делать некому.

У тех у всех пищалеи 4577 ядер железных.

Да в казне на погребѣ <...>¹. Да в государеве житнице [в Коле] хлебных запасов <...>.

(с. 11) А служилых людей в Коле <...> и рядовых стрельцов 307 человек <...>. Пищалеи нет, потому что згорели в пожаре, а у иных поймале датцкого короля воинские люди и тем стрельцом стреляти нечево, а в государеве казне в пищали нет.

¹ Далее на с. 10 – 11 перечислены пищали, ядра, зелье (порох), свинец, медь, железо в прутах.

Пушкарей и затинщиков 8 человек <...>.

(с. 12) И всего в Кольском остроге служивых и посадских людей 417 человек. И теми людьми в приход немецких людей без прибавки сидеть мощно потому, что летом приезжают в Кольской острог з городов всякие торговые люди для промыслов.

А Кольской острог стоит под горою, с правую сторону подле острогу река Кола. С левой стороны река Тулома и обе реки сошлись устьи вместо в морскую губу. А карбасы и лодьи с моря приходят к берегу под острог, а карабли приставают за Еловым наволоком в Орьской губе от острогу верст з две. А от той губы до большого моря до Кильдина (с. 13) острова 60 верст. А Туломою рекою вниз и вверх суды не ходят потому, что быстра добре и пороги великие. А Колою рекою суды с верху ставятца за 3 версты до острогу, волочат мимо острогу через гору Соловарка, а вверх Колою рекою суды малые карбасцы ходят в дватцати верстах, а волочат через волоки верст по пять и по десять и больши по озерам для рыбные ловли. А пригора с приезду с Москвы от острогу 55 сажень <119 м>. А по другую сторон острогу подле того ж пригора¹ повыше гора Соловарка от острогу 220 сажень <475,2 м>. А за Колою рекою стоит Печеньской монастырь против острогу на берегу. Круг монастыря проток из морской губы, а в прибылую воду сходит с моря вверх в Колу реку вода прибывает и убывает судками двожды. А без прибылые воды живет сухо. По стороны монастыря гора Лопьская и то все писано в чертеже.

А ныне по смете на ту острожную поделку надобе лесу в прибавку на обламы и на катки, и на тарасы. И на тайник, и на зелейной погреб 3-х саженного лесу 2000 бревен в отрубе 5-ти вершков. А на ров надобе в прибавку ж к недоделанному рву на 272 сажени <587,5 м> 3000 бревен 2-х саженных в отрубе 5 вершков в сажень иметца. (с. 14) против прежнево лесу, каков во рву. По 11 бревен и связьми. И всего надобе на острожную и на всякую и нарядную поделку 4-х саженного и 2-х саженного лесу 5000 бревен в отрубе 5-ти вершков.

А уговоряно тот лес стрельцами с пятидесятником з Гришею Галичениным да с десятником с Ывашком Лудою с товарищи. А сечь тот

¹ Пригора – холм, покатошь

лес от Кольсково острогу в 25 верстах по реке по Туломе вверх от берегу в верстах в пяти и больши. А к берегу тот лес тоскати на себе и водою вниз к острогу гнати по полой воде; из реки на берег волоčiti и оскоблити им же, уговорщиком. А за тот лес за долгой и за короткой по уговору дати им за 5000 бревен 175 рублей по 7 денег бревно. А зимою того лесу < на > оленех не возят и лошадей нет.

(с.15) И на ту острожную поделку и на ров, и на тайник не нанялся никто. И уговорщики без денег тово лесу готовить не хотят. А только будет лес на ту поделку надобно и деньги уговорщиком дати на срок на Николин день вешной < 9 мая ст.ст. >, и лес будет у них готов.

А преж сего тот острог ставлен и ров копан и лес сечен и проважен после пожару во 128 [1620]-м году Кольскими всякими служивыми и посадчими жилецками и уездными и приезжими русскими торговыми людьми, которые приезжают из городов в Колу для торгов, а не государевой казною.

И ныне острожная и рвяная поделка делати из государевой казны или которые люди преж сево делали, о том, как государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси укажет.

РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.1281.

Секция

ИСТОРИЯ,
КУЛЬТУРА И БЫТ

ОРЕХОВА

Екатерина Александровна

кандидат исторических наук,
специалист по экспозиционно-
выставочной деятельности
Мурманского областного
краеведческого музея



КОЛЬСКАЯ ИНВАЛИДНАЯ КОМАНДА
НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДУХОВНЫХ РОСПИСЕЙ
КОЛЬСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО
СОБОРА 1850–1854 гг.)

Город Кола, со времени строительства там первого острога в 1583 году, была поселением, заметную часть жителей которого составляли военные. Такое положение сохранялось до 1854 года, когда в результате английского нападения город и остатки крепости были сожжены, а гарнизон, состоявший из уездной инвалидной команды, был выведен в Кемь¹. В литературе достаточно подробно освещено участие этого подразделения в обороне Колы в августе 1854 года. Однако информация о служащих команды и ее задачах встречается лишь эпизодически.

И. Ф. Ушаков, упоминая образование в Коле инвалидной команды пишет: «Вместо регу-

¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф 1, Оп. 8, Т. 2, Д. 387, Л. 12–19.

лярных сил в Коле стала содержаться “инвалидная команда”, состоявшая их старых и увечных служителей»¹. Так ли это было на самом деле?

Реконструировать облик подразделения нам помогут духовные росписи Кольского Воскресенского собора. Духовная роспись представляла собой отчетный документ, ежегодно составлявшийся в каждом приходе в XVII – начале XX в. Это был посемейный список всех проживающих на его территории, с указанием для каждого человека, был ли он в этом году во время Великого поста или других трех постов на исповеди и принимал ли причастие. Духовные росписи кольского Воскресенского собора погодно фиксировали поименный список жителей города². В росписи указывались имя и фамилия, возраст, члены семьи, сословная принадлежность; военные выделялись в отдельную группу. К военному ведомству относились не только действующие, но и отставные военнослужащие, а также члены их семей: жены и вдовы, дети и сироты. Как правило, это были дочери, солдатские сыновья по достижении 10-летнего возраста направлялись в подразделения кантонистов для получения военного образования. Ближайшим был архангельский полубатальон военных кантонистов.

Инвалидные команды являлись регулярными воинскими подразделениями. 16 января 1811 года все команды, выполнявшие полицейские обязанности, главным образом, по охране внутреннего государственного порядка, были переданы в военное ведомство, а 27 марта 1811 года из них были образованы инвалидные роты и инвалидные команды различных наименований³. Организационно они входили в состав Отдельного корпуса внутренней стражи. В 1853 году он состоял из 523 гарнизонных батальонов и двух полубатальонов, 564 инвалидных, 296 этапных и пяти соляных команд, общей численностью около 145 тысяч человек. Кольская уездная ин-

¹ Ушаков И. Ф. Избранные произведения: В 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Т. 1: Кольская земля. Мурманск, 1997. С. 223; Избранные произведения: В 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Т. 2: Кольский Север. Мурманск, 1998. С. 121.

² В Государственном архиве Мурманской области хранятся духовные росписи с 1841 года. (ГАМО. Ф. И-16).

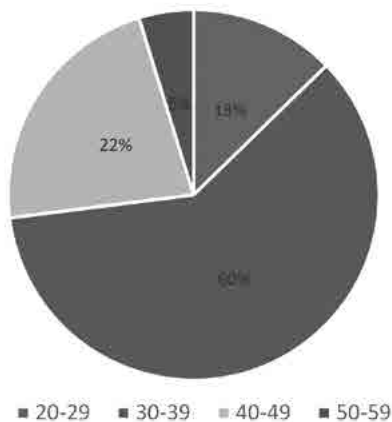
³ Указ от 27 марта 1811 года «О устройстве инвалидных рот и команд и составлении из них подвижных инвалидных рот и служащих инвалидных команд» // ПСЗ РИ. Т. XXXI. № 24568.

валидная команда входила в состав 1-го Архангелогородского гарнизонного батальона 3-го округа внутренней стражи.

По штату от 29 октября 1850 года в Кольской уездной инвалидной команде состояли: 1 обер-офицер, 5 унтер-офицеров и 65 рядовых (ПСЗРИ 54544). Эти же цифры приводит и Духовная роспись за 1853–1854 годы¹. В рапорте о боевых действиях по обороне Колы лейтенант А. М. Бруннер сообщил, что в бою приняли участие 53 служащих Кольской инвалидной команды: 3 унтер-офицера и 50 рядовых². Персональный состав команды периодически менялся. За пять лет – с 1850 по 1854 годы – в ней проходили службу 9 унтер-офицеров и 111 нижних чинов.

Насколько «старыми» были эти люди? Духовные росписи за 1853–1854 годы приводят следующие данные:

Возраст рядовых Кольской уездной инвалидной команды.
1853-1854 годы.



Таким образом, три четверти рядовых по возрасту не достигали 40 лет. Лишь 5% рядовых были старше 50 лет.

Также, по данным духовных росписей, ни одному из унтер-офицеров накануне войны не было сорока лет.

¹ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 51.

² ГААО, ф. 2, оп. 1, т. 5, д. 5582, л. 170–173.

Унтер-офицеры Кольской уездной инвалидной команды
(1853–1854 годы)

	Ф.И.	Возраст
1	Киселев Иван	37
2	Леонтьев Иосиф	35
3	Львов Григорий	29
4	Федоров Ксенофонт	33
5	Хренов Семен	35
	Константинов Иван <i>барабанщик</i>	35

В составе команды духовная роспись также показывает сверхштатные нижние чины.

Сверхштатные нижние чины Кольской инвалидной команды
(1853–1854 годы)

	Ф.И.	Возраст
1	Горбунов Василий	57
2	Зайцев Василий	42
3	Зыбнев Иван	36
4	Калычин Петр	56
5	Максимов Иван	47
6	Никифоров Афанасий	77
7	Николаев Николай	53
8	Никитин Антон	61
9	Очков Федор	48
10	Петров Матфей	71
11	Порочкин Петр	76
12	Рогачев Иван	34
13	Родионов Спиридон	58
14	Филиппов Иван	50
15	Хохлов Дмитрий	52
16	Щелгачев Андрей	49

В 1848 году к внутренней страже были причислены полицейские и пожарные команды; в 1849 году чины этих команд стали называться сверхштатными. Формировались они за счет нижних чинов, поступавших в Корпус внутренней стражи из полевых войск, беспорочно прослужив в них не менее 15 лет¹. Таким образом, часть

¹ ПСЗРИ. 15083. 30 ноября 1841. О нижних чинах, поступающих из полевых войск во внутреннюю стражу.

людей из этого списка – кольские полицейские и пожарные.

Однако среди указанных сверхштатных были люди старше 70 лет, вряд ли способные к полицейской и пожарной службе. Здесь стоит отметить, что Корпус внутренней стражи выполнял и социальные функции по устройству отставных нижних чинов, неспособных, по тем или иным причинам, самостоятельно себя обеспечивать. В соответствии с Уставом о предупреждении и пресечении преступлений предусматривались следующие меры: «Отставные нижние чины, взятые за прошение милостыни, кои выслужили узаконенный срок, но по старости лет, слабости здоровья и по другим причинам не могут снискивать трудами пропитания, принимаются на попечение батальонных командиров Внутренней Стражи, и причисляются, хотя бы того и не желали, к инвалидным командам, на казенное содержание, без исполнения службы...», также «отставные нижние чины, кои по увечью, или по неспособности, уволены временно до поправления здоровья, строго свидетельствуются при медицинском чиновнике; и если окажутся из них выздоровевшие и способные продолжать полевую, гарнизонную, или инвалидную службу, таковые немедленно определяются в команды, а с прочими поступается как и в предшествующем пункте сказано о выслуживших срок, но не могущих снискивать пропитание, то есть они причисляются к инвалидным командам на казенное содержание, без исполнения службы»¹.

Итак, солдат Кольской инвалидной команды нельзя назвать «старыми». В ее составе действительно были люди преклонного возраста, но все они относились к категории сверхштатных и к службе не привлекались. Под образ «старого и увечного» инвалида, пожалуй, подходил начальник Кольской инвалидной команды – штабс-капитан (с 1852 года) Григорий Трофимович Дорофеев². В 1854 году ему было 60 лет. Участия в бою 11–12 августа он не принимал, так как А.М. Бруннер «еще 9-го числа нашел здоровье его таким слабым, что должен был удалить от команды»³.

¹ ПСЗРИ. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Разд. III. Гл. 5. Ст. 262. П. 3, 4.

² Справочная книжка по Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852. С. 244.

³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 177–178 об.

Семейные служащие Кольской инвалидной команды

№	Ф.И., звание, возраст	Члены семьи
1	Дорофеев Григорий Трофимов, штабс-капитан, начальник инвалидной команды, 60	Жена Ульяна Васильевна, 50
2	Иванов Степан, унтер-офицер, 38	Жена Варвара, 41
3	Константинов Иван, барабанщик, 35	Жена Федора Стефанова, 29 Сын Андрей, 2
4	Афанасьев Петр, рядовой, 38	Жена Ксения, 25 (1851), Жена Анна Филиппова, 25 (1853-1854)
5	Болотов Семен, рядовой, 35	Жена Аграфена Козьмина, 21
6	Жуйков Василий, рядовой, 36	Жена Акилина Дементьева, 27
7	Иванов Степан, рядовой, 56	Жена Варвара, 39
8	Котов Семен, рядовой, 39	Жена Федора Иванова Дочь Мариамна, 0,2
9	Осипов Петр, рядовой, 34	Жена Евгения Михайлова, 27 Дочь Агриппина, 0,5
10	Сысоев Тарас, рядовой, 42	Жена Пелагея, 37
11	Щелгачев Андрей, сверхштатный, 49	Жена Параскева Козьмина, 47 Дети Иван, 7, Федосья, 10

В Коле проживали и семьи военных, включая отставных. Поскольку Кольская инвалидная команда не располагала собственными казармами, личный состав размещался на обывательских квартирах. Семейные военнослужащие имели право размещать там своих жен и детей (сыновей – до 14 лет, дочерей – до замужества)¹. Обывательские квартиры предоставлялись также нижним чинам, состоявшим при инвалидных командах на казенном содержании². Вместе с тем, поощрялось обзаведение служащими инвалидами собственными домами, они освобождались от городских повинностей³. В «Именном реестре сгоревшим жилым строениям в городе Коле во время бомбардирования его неприятелем 11–12 августа 1854 года» указаны

¹ СЗРИ. Т. 4. Уставы о повинностях. Кн. 2. Уставы о земских повинностях. Раздел III. О земских повинностях, отправляемых натурою. III. О лицах, имеющих право на получение квартир от обывателей. № 257, 258.

² ПСЗРИ. 15806. 30 июня 1842. О отводе обывательских квартир нижним чинам, состоящим при инвалидных командах на казенном содержании.

³ ПСЗРИ. 13448. 6 мая 1840. Об освобождении домов, принадлежащих служащим инвалидам, от городских повинностей.

дома «солдаток»: вдовы Анастасии Доставаловой с крестьянкой Марфой Сверловой, и жены рядового Василия Жуйкова – Акулины Жуйковой¹.

Отставные чины и члены их семей

Ф.И.	Члены семьи
	Вдова Горюшкова Анна, 56 Дочь ее Пелагея, 22
	Вдова Лагунова Евдокия, 38 Дети ее: Ефросинья, 24, Анна, 15, Андрей, 9, Сила, 0,3
	Вдова Глухих Любовь, 56
	Бакина Екатерина, 50
	Девка Ракова Параскева, 47 Дочь ее Акилина, 20
	Харлова Ирина, 69
	Бородина Матрена, 53
	Девка Трапезникова Настасья (умерла), 44 Дочь ее Матрена, 14
	Вдова Доставалова Настасья, 46
Иванов Трифон, 63	Жена Варвара, 57
Яргин Федор Дмитриев, 63	Жена Анна, 60

После пожара, вызванного английской бомбардировкой, коляне были вынуждены покинуть город. В начале сентября 1854 года Кольская инвалидная команда была выведена в Кемь². В ходе военной реформы Отдельный корпус внутренней стражи в 1864 году был ликвидирован. Его обязанности были переданы местным войскам. Созданные в уездных городах местные команды формировались уже на основе воинской повинности, но фактически продолжали выполнять прежние задачи корпуса.

Хотя в 1883 году Кола вновь стала уездным городом, местной команды в ней не было, ближайшая дислоцировалась в Кеми. С уходом инвалидной команды Кола окончательно утратила статус военного центра.

¹ Кунцевич Г. З. О защите города Колы от неприятеля в 1854 году. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Книга 4 (219). V. Смесь. М., 1906. С. 43.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 387. Л. 12–19.

БАРДИЛЕВА
Юлия Петровна

к. и. н., доцент, заведующий
кафедрой истории и права
Мурманского арктического
государственного
университета



КОЛЬСКИЙ БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ПРИХОД И ЕГО ПРИХОЖАНЕ В 1917–1937 гг.

В 1916 году в приходе Кольского Благовещенского собора состояло 114 домов и 619 прихожан – жителей г. Колы. Храму принадлежали: 1 десятина сенокосной земли вокруг церкви, 19,5 десятин – по р. Туломе и семужья тоня «Пейва». Штат служителей: протоиерей, диакон и псаломщик. К 1918 г. в приходе числилось 107 дворов, 296 мужчин и 268 женщин, из них лишь 1 мужчина и 1 женщина – инославцы.

С августа 1909 г. настоятелем Кольского собора стал отец Константин Михайлович Мелетиев, на долю которого и долю Благовещенской церкви выпадут самые суровые испытания первых лет безбожной антирелигиозной политики Советского государства.

Отец Константин родился 20 мая 1884 г. в семье священника, с 1894 по 1909 гг. учился в Архангельской Духовной семинарии, которую благополучно закончил по II разряду

(«хорошистом»). В августе 1909 г. был рукоположен в сан диакона и в сан священника и определен в Кольский собор. Отец Константин состоял законоучителем Кольского одноклассного приходского училища с 1 сентября 1909 г. и заведующим Кильдинской церковно-приходской школы со 2 ноября 1909 г. 14 июля 1911 г. Указом Архангельской Духовной Консистории он был утвержден в звании члена благочиннического совета и впоследствии утверждался в этой должности в 1917 г. В послужном списке отца Константина отмечалось, что он поведения очень хорошего, к службе относится ревностно¹.

С 1915 г. по 1917 г. диаконом в Кольском соборе служил Иван Александрович Костылев, 1886 г. рожд., сын священника. Его духовный путь разительно отличается от двух его предшественников. Он окончил курс псаломщической школы в 1906 г. и был определен псаломщиком в Золотицкий приход I Онежского благочиния в том же году. Согласно прошения, переведен в Польский приход III Онежского благочиния в 1907 г., где помимо псаломщических обязанностей выполнял обязанности учителя пения в церковно-приходской школе до 1910 г. В 1909 г. по прошению переводится в Чекуевский приход того же благочиния. В 1915 г. сдает экзамен на диаконский сан в Архангельской Духовной семинарии и рукополагается в сан диакона в том же году епископом Гдовским Вениамином с назначением в г. Колу. Как отмечалось в его послужном списке, был отличного поведения.

Псаломщиками в Кольском Благовещенском приходе в начале XX в. служили Клавдий Павлович Абрамов, Михаил Иванович Баранкиев, Михаил Иванович Распутин (в будущем – священник Ловозерского прихода), Боголепов (в послужном списке указан без инициалов), Иван Павлович Колчин, Иван Антонович Петров. Как отмечалось в послужных списках, все они были поведения «очень хорошего».

Большую роль в жизни Благовещенской церкви играли прихожане, из числа которых наиболее достойные занимали должность церковного старосты при храме.

¹ Данные о священниках, диаконах, псаломщиках, церковных старостах и прихожанах взяты из клировых ведомостей Кольского Благовещенского прихода (см. подробнее: Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283, 305, 306, 313, 315, 316, 318, 320, 325, 330).

С января 1914 г. по 1917 г. церковным старостой состоял постоянно проживающий в г. Коле мещанин г. Архангельска Василий Андреевич Чертов.

Октябрь 1917 г. резко изменил отношения государства и Церкви. Уже в первых декретах новой власти прослеживались ноты нетерпимого отношения к духовенству. Жители края недоумевали, как можно вычеркивать вековые традиции общения верующих и Церкви из жизни российского государства.

Первые же попытки советской власти провести декрет от 23 января (2 февраля) 1918 г. в жизнь вызвали искреннее недоумение и возмущение жителей Архангельской губернии. На общем собрании прихожан Кольского Благовещенского собора 4 февраля 1918 г. при решении вопроса о содержании прихожанами священнослужителей и храмов по новому законодательству коляне отметили: «Все население Кольского полуострова без исключения православное. Все мы даем государству и воинов, и материальные средства, и неужели же государство откажет верным сынам своим, здесь, на далеком севере, в материальной помощи на устройство ими своей церковной и религиозно-нравственной жизни». В конечном итоге собрание верующих постановило просить Поместный собор сделать все возможное для неперемennого обеспечения духовенства жалованьем от казны, с учетом распространения на него тех же привилегий, которыми пользуется чиновничество окраин¹.

Это обращение показывает, что население края не могло поверить, что государство может принять подобный декрет, и что была еще надежда на благополучный исход решения вопроса и силы Собора. Однако уже в марте того же года на очередном собрании, прочтя и подвергнув критике указанный декрет, обсудив послание патриарха «О событиях дня», было решено содержать священника собственными местными силами². Жалованье, которое было положено священнику, составило 1200 рублей в год, псаломщику – 500 рублей. Тут же на собрании, по предложению церковного старосты В. А. Чертова, заготовили подписной лист и по нему собрали 1372 рубля. Данный взнос, равно как и все последующие, поручили хра-

¹ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 236. Лл. 5, 5 об.

² Там же. Л. 6.

нить казначею приходского совета – священнику Константину Мелетиеву¹. Кольским приходом в 1918 г. было получено за пожни 350 рублей, а за рыболовную тоню «Пейва» – 40 рублей.

На протяжении всего 1918 г. сохраняется постоянное преподавание Закона Божия в Кольском двухклассном приходском училище².

Некоторые представители церковно- и священнослужителей с началом Гражданской войны покидали Кольский Север. Например, диакон Кольского собора Иоанн Костылев по собственному прошению в августе 1919 г. был переведен на более низкую должность псаломщика в Спасо-Введенскую церковь г. Архангельска, откуда через полмесяца отправится Николай Шешенин в Рынду³.

В это непростое время для всей Архангельской епархии правящий архиерей – епископ Павел – посещал отдаленные приходы Кольского Севера. Так, газета «Мурманский вестник» сообщала, что 3 августа 1919 г. преосвященный Павел посетил г. Мурманск, отслужил Всенощную службу, а 4 августа – Литургию в городском храме. Помимо Мурманска епископ посетил Колу и Александровск⁴.

В Мурманском благочинии в сентябре 1921 г. числилось уже лишь 10 приходов: три городских и семь сельских (Кольский, Мурманский, Александровский, Кильдинский, Нотозерский, Ловозерский, Териберский, Гавриловский, Рындский и Китовский)⁵.

Как следует из рапорта благочинного о. Константина Мелетиева, число прихожан, верующего населения в то же время сократилось ненамного.

В период Гражданской войны, когда территория Кольского полуострова находилась в ведении Временного правительства Северной области, в нашем крае не осуществлялись советские декреты в отношении Церкви. Однако, после февраля 1920 г. все резко изменилось. Советские органы власти потребовали от Церкви сдать все метрические книги, стали активно проводить в жизнь декрет об от-

¹ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 236. Лл. 5, 5 об.

² ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 330. Лл. 12 об, 16 об.

³ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. Р-5300. Оп. 2. Д. 68. Л. 1.

⁴ Мурманский вестник. 1919. 9 августа. С. 4.

⁵ ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 1262. Л. 230.

делении Церкви от государства и школы от Церкви, требовать от верующих заключения договоров на пользование собственными же храмами. В августе 1920 г. был заключен договор с верующими Колы (от лица местного исполкома выступал тов. Белкин П. Д.) на пользование Благовещенским собором, деревянной Троицкой кладбищенской церковью, двумя часовнями: в честь Спаса Многомилостивого и Трифона Печенгского Чудотворца. От лица верующих уполномочены были подписать этот договор Иван Михайлович Гоглев, Василий Андреевич Чертов, Андрей Иванович Молвистов¹. В связи с тем, что жалование священникам назначалось не повсеместно или было невелико, а также из-за необходимости выполнять в соответствии с законодательством трудовую повинность, многие священнослужители Кольского полуострова вынуждены были наниматься на работу в светские учреждения. По данным на март 1921 г. священник Кольского собора Константин Мелетиев состоял в должности делопроизводителя при волостном отделе ЗАГСа.

В 1922 г. на Кольском Севере, как и по всей стране, началось проведение кампании по изъятию церковных ценностей. Основные изъятия церковных ценностей, как видно из материалов Комиссии помощи голодающим при исполкоме Мурманского губернского совета, прошли весной 1922 г. в Мурманске, Коле и Александровске, то есть в наиболее устроенных приходах.

В Коле комиссия по изъятию ценностей была представлена заведующим отделом Управления Мургубисполкома Матусевичем (председатель), председателем Кольско-Лопарского волисполкома Астаховым, начальником Кольского загранпоста (должность в тексте написана неразборчиво) Гавриловым, представителем религиозной общины И. М. Гоглевым, П. Ф. Иевлевым от граждан Колы, настоятелем Кольской церкви К. М. Мелетиевым.

Из Кольского Благовещенского собора по акту 22 мая 1922 г. было изъято множество серебряных изделий: 20 штук риз с венчиками и без (то есть окладов икон), 3 штуки венчиков, один наперсный крест (хотя это и награда по духовному ведомству, косвенно имеющая отношение к богослужению), один потир, по одному дискусу, звезде, блюду, кадилу и так далее.

¹ ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 2. Л. 36; ГАМО. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 144. Л. 3.



Изъяли 26 серебряных монет по 50 копеек и восемь – по рублю, серебряный и золотой лом. Всего из Кольского собора и Троицкой церкви г. Колы изъяли 34 фунта 16 золотников серебра. Три иконы (Божьей Матери, Алексия Божьего человека и «Всех скорбящих радости») по просьбе верующих обменяли на монеты и серебряный лом. Интересно, что власть поступила с храмами Колы в 1922 г. весьма благожелательно: им оставили как старину Евангелие (1698 г.), ризы на иконах Иверской Божьей Матери и Николая Чудотворца «как чтимые местным населением», так же поступили и с иконами Трифона Печенгского и Троицы¹. Подобного рода обращение в те годы встречалось редко.

Не последнюю роль в этом, видимо, сыграл авторитет настоятеля Благовещенской церкви и «двадцатки» верующих. К Пасхе 1922 г. отец Константин был награжден камилавкою архиепископом Архангельским Антонием. За свою высокополезную деятельность в 1927 г. он удостоился еще одной награды – наперсного золотого креста и утверждения в должности благочинного края². На протяжении

¹ ГАМО. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 18. Лл. 1–3; ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 247. Лл. 1, 2.

² ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 259. Л. 2 об.

1920-х – 1930-х гг., будучи благочинным, священник К. М. Мелетиев вел переписку со всеми вверенными ему приходами, разбирался с церковными нестроениями, поддерживал верующих.

В рассматриваемый период духовенство и их ближайшие родственники (вплоть до 1936 г.) не допускались к полноценной жизни в «новом» мире, оставаясь лишенными избирательных прав. Наиболее подробные списки «лишенцев» по Кольскому полуострову относятся к 1924–1925 гг. Примечательно, что лишенными избирательных прав оказывались не только священнослужители, но и церковные старосты, сторожа, не имевшие духовного сана – за связь с култом. Чтобы членам семьи священника добиться избирательных прав было возможно, им необходимо было полностью порвать со своим отцом, сыном или мужем, состоящим в духовном сане. Примечательно в этом плане дело семьи Мелетиевых. Глава семейства – Константин Мелетиев – в течение многих лет был настоятелем Кольского Благовещенского собора и благочинным. Члены его семьи были лишены вместе с ним избирательных прав. Правда, его жена Анфиса Мелетиева пыталась против этого протестовать на основании того, что она не живет на «нетрудовые доходы» мужа, а работает, но решение оставили в силе, лишив ее избирательных прав как антисоветский элемент и находящуюся под религиозным влиянием мужа. Из трех их детей восстановиться в правах удалось лишь Вячеславу Мелетиеву, так как он занимался общественно-полезным трудом (он член рыбацкого колхоза «Пробуждение») и проходил службу в РККА, а также порвал с отцом. Однако разрыв с отцом был лишь пустой формальностью, о чем свидетельствует весьма теплое письмо, написанное главе семьи сыном из армии¹.

В марте 1923 г. был создан антирелигиозный кружок при агитотделе Мурманского губкома. Каждое воскресенье он проводил занятия в Доме Просвещения. Первые лекции были посвящены разоблачениям религиозных праздников, вопросам происхождения религии, здесь же подготавливались карикатуры антирелигиозного толка².

¹ ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 99. Лл. 1–12 об, Д. 100. Лл. 13, 22, Д. 101. Лл. 83, 80, Д. 179. Лл. 4 об-133; ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 89. Лл. 84, 85.

² ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 121. Лл. 82 а, 83, 88, 89.

Исходным пунктом для систематической антирелигиозной пропаганды должна была послужить «комсомольская пасха». Как видно из отчета мая 1923 г., данная акция успешно прошла в Коле и Мурманске, а в Александровске – нет, так как, по мнению антирелигиозников, «обывательское и лицемерное» население своей психологией подорвало данную кампанию.

Характеризуя религиозную обстановку в крае, нельзя обойти стороной и спорные моменты, возникавшие между общинами верующих и местными властями. Горячую полемику в среде верующих и их общины вызвали решения о закрытии часовен и церквей в г. Коле. В марте 1931 г. по решению Мурманского окрисполкома была закрыта часовня в с. Коле. Поводом послужило отсутствие заявлений от группы верующих на пользование ею, а здание ветхое, и его надо предохранять от дальнейшего разрушения. Верующие выразили несогласие с занятием помещения часовни «Всемилющего Спаса» государством. 4 октября 1931 г., после предъявления им документов о закрытии, прихожане Колы в срочном порядке провели общее собрание. Они мотивировали необходимость оставления часовни как памятника старины (в документе указан XV в.), имеющего историческое значение, отмечая, что два года тому назад представители реставрационного отдела Ленинградского художественного музея иконопись данной часовни признали редкой и ценной стариной. Видимо, официально это не было зафиксировано, и Кольский РИК изъяс здание, а имущество часовни передал группе верующих Кольского собора. Часовню позднее переделали под аптечный ларек¹.

Однако на этом злоключения церковной двадцатки с. Колы не закончились. В Коле происходили какие-то конфликты между группами верующих, причины которых, к сожалению, не отражены на страницах архивных документов. В 1931 г. общине Кольского собора предъявили документы о расторжении с ней договора на пользование молитвенным зданием, так как якобы были не выполнены основные условия договора по ремонту здания. Однако на самом деле община провела ремонт, причем с привлечением средств ве-

¹ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 472. Л. 1; ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 248. Л. 26, Д. 261. Лл. 9, 10.

рующих, как Колы, так и Мурманска. Но договор был расторгнут и перезаключен с иной религиозной общиной, точнее с иными ее учредителями¹.

В 1933 г. состоялся самовольный осмотр имущества Троицкой кладбищенской церкви², а спустя два года ее переоборудовали под дом пионеров.

Закрытие Кольского Благовещенского собора и арест его настоятеля, о. Константина, неразрывно связаны друг с другом. Еще в июне 1937 г. инженером госстройконтроля Мурманского округа и представителями поселкового совета Колы был подписан акт, утверждавший, что колокольня собора угрожает жизни граждан своим падением. Стены и перекрытия здания близки к обвалу, а сам собор не подлежит предупредительному ремонту и эксплуатации. Остается лишний раз удивляться, насколько лукавили власти, которые впоследствии смогут весьма длительное время использовать «ветхое» здание и как полевую кухню, и как школьные мастерские, и как музей!

Возможно, административному сектору Мурманского окружного исполкома и удалось бы провести в жизнь решение о сносе здания собора 1807 г. постройки³, если бы не деятельность верующих под руководством о. Константина. Представители церковной двадцатки направили во ВЦИК, в Москву на имя М. Н. Калинина ходатайство о защите религиозных интересов и местного храма, в котором подчеркивали, что все местные антирелигиозные выступления проходят в оскорбительном для верующих духе, и что единственным действенным способом антирелигиозной «пропаганды» местные власти признают повальное закрытие храмов. Сообщали они и о том, как проходило очередное закрытие Кольского Благовещенского собора (ранее его временно закрывали в 1934 г.): «На этот раз Риком была создана удивительная комиссия. Таковая явилась с топором и не менее как пятикилограммовым железным гвоздем, в поисках трещин. Изрубили снаружи стену, северный

¹ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 262. Лл. 4, 7.

² ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 248. Л. 21.

³ ГАМО. Ф. 140 (Управление МБ РФ (УФСБ) по Мурманской области). Оп. 3. Д. 5641/2. Л. 8; ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 1172. Л. 10.

угол здания, навыворачивали кирпичей, сделали несколько фотоснимков. Такой комиссии нам и во сне не снилось»¹. Комиссия вынесла однозначное решение о нерентабельности и нецелесообразности ремонта.

Верующие же в своем обращении отмечали один существенный факт, который этому выводу весьма противоречит: в 1934 г. молитвенное здание было подвергнуто осмотру приглашенными из г. Москвы инженером Волошиным и инженером-архитектором Никитиным, имевшими академическое образование и свыше сорока лет практики. И тот, и другой засвидетельствовали прочность здания, указав на незначительные дефекты первоначальной постройки, которые в течение лета того же года силами двадцатки были устранены.

Не ограничиваясь обращениями и призывами к голосу разума, верующие двадцатки обратились с иском в Мурманскую окружную прокуратуру с требованием разобраться в незаконном закрытии храма. К сожалению, все усилия верующих оказались тщетными: 28 октября 1938 г., после более чем года переписки, Президиум Ленинградского облисполкома утвердил решение о закрытии церкви и запрете проводить в ней богослужения. Утешало одно: ликвидировать здание храма не стали, обязав местные власти провести его капитальный ремонт в шестимесячный срок².

Закрытие данной церкви тщательно планировалось местной властью: в газетах была развернута яростная антирелигиозная пропаганда, направленная против деятельности общины верующих, настоятеля и сохранения храма. В январе 1931 г. в заметке «Кола – центр мракобесия» говорилось о том, что Кольский собор является окружным центром религиозной жизни, что богослужения в нем посещают не только коляне, но и мурманчане, а «двадцатка» ведет активную религиозную работу среди рыбаков. На страницах газеты «Полярная правда» они неоднократно сетовали, что в Коле активно действует религиозная двадцатка, что Кольский собор «является „окружным центром“, туда стекаются со всех сторон Мурманского округа фанатики, пройдя в стужу 12 верст, в то время,

¹ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 1172. Лл. 31, 31 об.

² Там же. Лл. 35, 47.

когда антирелигиозники в Коле не показываются даже на поезде», что верующим удалось в короткие сроки собрать необходимые для ремонта храма средства (900 рублей), чтобы его не смогли забрать для «общественных нужд», что ячейка СВБ в Коле практически бездействует, не ведет активной работы по организации антирелигиозных кампаний¹.

Благодаря деятельности священника – протоиерея Константина Мелетиева – и верующих, представители Союза воинствующих безбожников (СВБ) долго не могли наладить свою работу в Коле.

Помимо «двадцатки» при Благовещенском соборе в Коле действовала зарегистрированная группа верующих и при Троицкой кладбищенской церкви. Прихожане ездили в Мурманск, распространяли среди верующих информацию о времени проведения богослужений, собирали средства на ремонт храмов².

В декабре 1932 г. окружной совет СВБ совместно с окружным советом просвещения обсудил на объединенном собрании постановление колхозников колхоза «Пробуждение» (с. Кола) о закрытии Кольской церкви и передаче ее здания под культурно-просветительные нужды. Антирелигиозники поддержали данное решение и пообещали мобилизовать трудящиеся массы Мурманска поддержать решение молодой безбожной организации. В заметках 1932 г. в рамках антирождественской кампании прозвучала мысль о том, что единодушное «требование трудящихся Кольского района о закрытии церкви должно быть в ближайшее время проведено в жизнь»³.

К 1937 г. агитация за закрытие Кольского прихода и Благовещенской церкви приобретает небывалый размах. В статье «Мрако-

¹ Кола плетется в хвосте. // Полярная правда. 1931. 25 марта. С. 4; А. Р. Кола – центр мракобесия. // Полярная правда. 1931. 9 мая. С. 4; Селиванов. Укрепить антирелигиозный фронт. // Полярная правда. 1931. 15 июня. С. 3; Немедленно оживить антирелигиозную работу в Коле. // Полярная правда. 1932. 16 апреля. С. 2.

² А. Р. Кола – центр мракобесия. // Полярная правда. 1931. 9 января. С. 2; Кола плетется в хвосте. // Полярная правда. 1931. 25 марта. С. 4.

³ Трудящиеся Кольского района требуют закрытия церкви. // Полярная правда. 1931. 4 декабря. С. 4; Во всеоружии встретим поповско-кулацкое «рождество». // Полярная правда. 1932. 3 января. С. 2; Поповско-кулацкой «пасхе» – противопоставим праздник трудящихся – 1 мая. Немедленно оживить антирелигиозную работу в крае. // Полярная правда. 1932. 16 апреля. С. 2.

бесы» ленинградский пропагандист Н. Бронницкий позволяет себе неприкрытое хамство в отношении священника Константина Мелетиева, обзывая его пьяницей, лихоимцем, причем путая его имя (называет почему-то Владимиром, хотя имя матушки упоминает верно). Причины такой ярости ясны: священника хорошо знали за пределами Колы. Он исполнял требы в Мурманске, Шонгуе, ездил в Пулозеро, Ловозеро. Он пользовался авторитетом у прихожан. Поэтому они несли деньги на ремонт церкви, оплату отопления и освещения храма, уплату налогов. Автор статьи обвиняет священника в поборах с населения, занятиях целительством, неверно понимая смысл описываемого таинства елеосвящения (соборования)¹.

Итогом данной антирелигиозной кампании стал арест протоиерея Константина, бессменного настоятеля Кольской Благовещенской церкви с 1909 г. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявления обвинения от 5 августа 1937 г. указывалось, что отец Константин изобличается в том, что «является руководителем контрреволюционной организации церковников, ведет среди населения контрреволюционную агитацию против ВКП(б) и советской власти», распространяет слухи о возрождении храмового строительства в соответствии с новой «Сталинской» конституцией, а потому до вынесения обвинительного приговора должен содержаться под стражей при доме предварительного заключения в г. Мурманске.

Однако дело Мелетиева было направлено не против абстрактных разговоров о свободе совести. Власти были раздражены самим фактом продолжавшей существовать в г. Коле религиозной общины. Отцу Константину в сложные тридцатые годы удалось противостоять мощному агитационному воздействию местного Союза воинствующих безбожников, комсомольским и партийным ячейкам, разворачивавшим активную деятельность по проведению всяческих кампаний атеистического толка (например, «комсомольское рождество», «октябрины» и т.д.) и сплотить вокруг себя верующих края. Не случайно поэтому в обвинении упоминается об организации демонстративного шествия верующих в сельсовет с требованием разрешить открыть закрытую якобы из-за отсутствия ремонта

¹ Бронницкий Н. Мракобесы. // Полярная правда. 1937. 8 мая. С. 3.



Благовещенскую церковь, о Пасхальном богослужении в Коле, на которое съехалось около 800 человек из ряда регионов Мурманского округа. Деятельность отца Константина и вверенной ему церковной двадцатки во многом способствовала и тому, что в крае начался сбор средств на постройку новой церкви¹.

В обвинительном меморандуме, где наряду с К. М. Мелетиевым указываются умерший до следствия председатель церковной двадцатки г. Колы Леонтий Николаевич Яргин и член церковной двадцатки Дмитрий Акимович Немчинов, отмечалось, что при единственной действующей в Мурманском

округе церкви (церкви Ковды и Кандалакши не учитывались, так как не входили на тот момент в состав Мурманского округа) ведется большая агитация, направленная на вовлечение в церковную работу рабочих и колхозников по сохранению церкви, что новая Советская – «Сталинская» – Конституция трактуется ими как разрешение на открытие новых церквей и основание для борьбы против притеснений в отношении религии. Последнее рассматривалось властью как «извращение Сталинской Конституции». Отмечалось, что отец Константин заявлял, что Сталин разрешил открывать новые храмы, а местные власти чинят этому препятствия. Вполне возможно, что Конституция СССР 1936 г. была воспринята как смягчение политики государства в отношении религиозных верований граждан, так как в ней уже отсутствовали статьи по лишению избирательных прав духовенства. Понятны и ожидания по открытию новых храмов или, как минимум, надежды на то, что прежние из них будут продолжать действовать. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» ЦК потребовал «решительно прекратить практику за-

¹ Там же. С. 5, 6.

крытия церквей в административном порядке». Комиссия по вопросам культа ставила вопрос о привлечении нарушителей данного закона к административной, а порой уголовной ответственности¹. Однако это вовсе не означало полной лояльности властей к Церкви и священнослужителям.

Примечательно, что арест К. М. Мелетиева был произведен как раз в то время, когда коляне активно боролись за сохранение своего храма действующим, обращаясь с просьбами не только к руководству Мурманского округа и в Леноблисполком, но даже в ЦИК ВКП (б). Роковую роль в обвинении священника сыграли и его отношения с видными представителями российского духовенства, стоявшими на позициях сохранения православия тихоновского направления: архиепископом Петергофским Николаем Ярушевичем и митрополитом Ленинградским Алексеем Симанским (будущим Патриархом Всея Руси Алексием I). В ходе изнурительных допросов, повторявшихся изо дня в день и часто начинавшихся ближе к полуночи, о. Константина пытались уличить в развертывании «бешеной» агитации контрреволюционного и антисоветского характера. Однако о. Константин настаивал, что никакой агитационной работы он не проводил, хотя, зачитав постановление РИКа о закрытии храма, предлагал поездки в Москву и Ленинград, дабы добиться приостановления этого решения. В результате, поездки действительно состоялись, представители двадчатки – Немчинов, Лытатин (? – написано в тексте документов неразборчиво) и сам отец Константин – побывали в Москве и Ленинграде. До 3 сентября 1937 г. на допросах Константин Михайлович отрицал все навязываемые ему обвинения. Однако на этом допросе многие пункты обвинения были им подписаны.

Тон признания не оставляет сомнения в том, что «признание» было заранее составлено следователем или продиктовано обвиняемому, а уже впоследствии К. М. Мелетиева его заставили подписать. В подтверждение тому выдержки из стенограммы допроса: «... все

¹ Архивная справка Управления ФСБ России по Мурманской области от 10.05.2007 № 10/11098; Жития новомучеников Кольского Севера. В изложении игумена Митрофана (Баданина). СПб-Мурманск: Изд. Лада, 2011. С. 11–20; ГАМО. Ф. Р-140. Оп. 3. Д. 5641/2. Лл. 1, 1 об, 5; Одинцов М. И. Хождение по мукам. // Наука и религия. 1990. № 7. С. 56

время боролся за сохранение церкви и числа верующих вокруг церкви. С этой целью через актив церковников, под моим руководством, я проводил контрреволюционную работу среди верующих... я разъяснял, что новая Конституция дает... возможность открывать закрытые церкви, что является контрреволюционным извращением сущности новой Конституции», «... признаю себя виновным в том, что вел контрреволюционную работу среди верующих, выражавшуюся в том, что я выступал в контрреволюционном духе и... настраивал верующих против мероприятий соввласти, что вызвало антисоветскую демонстрацию в поселковый совет»¹.

Что послужило поводом к резкому изменению своих показаний? Однозначного ответа на этот вопрос сегодня уже не найти. Возможно, это опасение за судьбу своих близких – жены, сыновей Вячеслава, Ивана и дочери Киры, тем более что в свое время Вячеславу Михайловичу было поставлено условие о разрыве отношений с отцом священником (на самом же деле переписка и непосредственное общение между ними сохранялись). А может и показания привлеченных свидетелей, в которых в резкой форме давались оценки деятельности отца Константина как контрреволюционной, недоброжелательной в отношении Советской власти.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что, подписывая признание, отец Константин взял весь удар по общине верующих на себя: не было сказано ни единого слова в отношении проходившего с ним по одному делу члена церковной двадцатки Немчинова, не было обвинений о «соучастии в контрреволюционной антисоветской деятельности» в адрес верующих или видных иерархов Церкви.

Обвинительное же заключение, утвержденное 26 сентября 1937 г. заместителем начальника Мурманского Окружного отдела НКВД г. Мурманска, содержало огромный перечень «преступных» деяний Кольского священника: враждебное отношение к Советской власти, систематическая контрреволюционная агитация, извращение сущности сталинской Конституции, активизация деятельности церковной двадцатки путем вовлечения в нее молодежи, организация нелегального схода верующих у поселкового совета. Следственное дело было направлено на рассмотрение Тройки УНКВД

¹ ГАМО. Ф. Р-140. Оп. 3. Д. 5641/2. Лл. 15, 15 об., 16.

Ленинградской области. Протокол ее заседания, датируемый 4 октября 1937 г., вынес однозначное решение – расстрел. Время исполнения приговора точно не указывается – либо 5-ое, либо 9-ое октября 1937 г.

Расстрелянный священник был похоронен на Левашовском кладбище г. Ленинграда среди многих безымянных могил таких же мучеников за свою веру и идеалы. Реабилитирован о. Константин был только 17 мая 1989 г. после вступления в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»¹. Со смертью Константина Михайловича Мелетиева вплоть до 1946 г. прекратились и активная церковная жизнь верующих Колы, и функционирование Благовещенского собора.

¹ ГАМО. Ф. Р-140. Оп. 3. Д. 5641/2. Лл. 7–10, 12, 18–35, 38–41 об, 43, 47.

ФЕДОРОВ

Павел Викторович

доктор исторических наук,
профессор (Мурманская
государственная областная
универсальная научная
библиотека)



ФИЛОСОФ СУСЛОВ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ КОЛЫ В ПЕРИОД ГОНЕНИЙ (1920 – 1930 гг.)

Жители Колы до сих пор помнят о слепом богомольце Философе Степановиче Суслове. В 2020 году исполнилось 80 лет со дня его кончины.

В советское время, будучи уже глубоким стариком, Философ Суслов с помощью своей неординарности умел напомнить людям об изначальных основах жизни. Самое удивительное заключалось в том, что интерес к Философу проявляли как верующие, так и атеисты. Пожилой колянин в глазах многих символизировал уходящую эпоху, которой было что оставить будущему. Встретив революцию, он дожил и до сталинских гонений на Церковь, когда даже в маленькой Коле был арестован священник и закрыт храм. И даже тогда, смиренно ожидая своей

смерти и смастерив себе гроб¹, он продолжал открыто отстаивать ценности, которым был верен всю свою жизнь...

Родился Философ 1 июня 1862 года (по старому стилю) в семье мещанина Степана Ивановича Суслова². Род Сусловых – старейший в Коле, известен с начала XVII века. Так, в писцовой книге Алая Михалкова 1608–1611 гг. в числе жителей Верхнего посада Колы упоминается «Михалко Иванов сын Сусло»³. В течении XVI–XIX вв. род Сусловых разрастался и стал одним из крупнейших в городе. Его представители активно промышляли рыбу у Мурманского побережья, занимались общественной работой⁴.

В семье Степана Суслова Философ был четвертым ребенком⁵. Свое редкое имя мальчик получил в напоминание о мученике Философе Александрийском, день памяти которого Церковь отмечает 31 мая (по старому стилю). Как повествует православный календарь, святой мученик Философ пострадал за Христа в Александрии в гоношение императора Декия (249–251). Юношу принуждали отречься от Христа, но он оставался непоколебимым. Тогда мучители решили склонить его ко греху. Святого привели в цветущий сад и связанного оставили наедине с распутной женщиной. Чтобы не поддаваться греху, святой откусил себе язык и этой страшной болью оградил себя от плотской страсти. Он выплюнул окровавленный язык в лицо блудницы. Палачи, видя мужество и бесстрашие мученика, отрубили святому мечом голову.

Что же известно о самом Философе Суслове? В детстве он переболел оспой и в 3 года ослеп⁶. Всю свою жизнь прожил в родительском доме в Коле, на берегу реки Туломы.

Как вспоминала бывшая колянка Елена Михайловна Попова, на

¹ О том, что Философ Степанович Суслов смастерил себе гроб, историку и библиографу Алексею Малашенкову рассказывала Августа Демьяновна Немчинова.

² Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

³ Харузин Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). Москва, 1890. С. 411.

⁴ Малашенков А. А., Федоров П. В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск, 2010. Ч. I. С. 173–175.

⁵ Малашенков А. А., Федоров П. В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск, 2010. Ч. II. С. 186.

⁶ М. Б. Вчера и сегодня. // Полярная правда. 1928. 10 апреля.

склоне лет выглядел Философ так: «высокий, прямой, седой как лунь, с длинной бородой»¹. Приехавшему в Колу журналисту он показался «с желтым, как воск, лицом и с длинными седыми волосами»². Почетный гражданин Колы Валентин Сергеевич Лопинцев рассказывал, что Философ Суслов ходил, опираясь на палку, людей узнавал по голосу³.

Несмотря на слепоту, в Коле Философ Степанович снискал признание за умение класть печи и чинить валенки. Хорошо владел и столярным делом. Примерно в 1918 году он построил рядом со своим домом, на берегу реки Туломы, крохотный молитвенный домик в виде часовенки. Внутри этого помещения хранился старый поклонный крест.

Весной 1928 года при осмотре этой постройки журналистка М. Бабушкина заметила, что «лики святых, вделанные в дверь часовеньки, глядят в реку, которая по-весеннему блестит от солнца». От самого Философа корреспондент услышала: «Я-то сам не помню, а отцы наши рассказывали, что на той стороне Туломы было Соловецкое подворье. Лет сто тому жили там монахи, они крест поставили. Пожалел я старинный крест и выстроил часовню. Это для Бога. Я в него верую, и он мне помогает»⁴.

Философ Суслов соорудил свой молитвенный домик для хранения в нем поклонного креста на берегу реки Туломы – поблизости с большой часовней прп. Трифона Печенгского. По-видимому, образцом послужила находившаяся на берегу реки Колы Спасская часовня, где под навесом также находился древний поклонный крест⁵. Теперь оба речных берега в пределах городского пространства были отмечены поклонными крестами.

Трифоновская часовня в Коле была построена в XVIII веке. Она получила известность тем, что в ней подаянием колян стала жить

¹ Человек – место – память: Мемориальная культура старожильского населения северных районов Кольского полуострова в условиях социальных трансформаций. / Под ред. П. В. Федорова и А. А. Малащенко. Мурманск, 2013. С. 245.

² М. Б. Вчера и сегодня // Полярная правда. 1928. 10 апреля.

³ Человек – место – память... С. 87.

⁴ М. Б. Вчера и сегодня. // Полярная правда. 1928. 10 апреля.

⁵ Человек – место – память... С. 40–41.



Часовня при. Трифона Печенгского на берегу реки Туломы в Коле. 1918 г. Недалеко от нее Философ Суслов построил маленькую «часовенку» для хранения старого поклонного креста. Не ее ли остов виден на снимке? (Фотография с портала Соборы.ру)

община богомолок. После упразднения в Коле монастыря в связи с указом о секуляризации духовных вотчин 1764 года Трифоновская часовня стала своеобразной наследницей монашеского общежития в Коле. Но в 1854 году в результате обстрела города английским кораблем «Миранда» здание в числе других городских построек сторело. Восстановлено оно было усердием кольского шкипера Аполлона Хохлова в 1906 году, когда от самой общины уже остались одни воспоминания. О воссоздании обители поднимал вопрос настоятель Благовещенской церкви г. Колы о. Александр Иннокентьевич Попов¹. В 1911 году священник умер, и его дело у Трифоновской часовни своеобразно продолжил Ф. С. Суслов.

В повседневной жизни Философ Степанович вел себя весьма скромно, практически по-монашески. Придя в дом Сулова, жур-

¹ Попов А. Из г. Колы. // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 13. Часть неофициальная. С. 415–422; Ушаков И. Храмы Кольского Севера. II. Часовни. 1. Кола. 2. Печенга. // Мурманский вестник. 1996. 25 января; Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. Санкт-Петербург, 2017. С. 204–205.

налистка М. Бабушкина запечатлела небольшую комнатку Философа: «В углу из трех досок – ложе, непокрытое ничем, перед старинными иконами лампада, а на стене развешаны инструменты». В беседе Философ Степанович сказал, что добровольно отказался от государственной пенсии, поскольку посчитал, что она другим нужнее. На вопрос «Как же вы кормитесь, дедушка?» последовал ответ: «А вот работаю... Печки лажу, посуду чиню хозяйкам, валенки обшиваю. Денег я не беру. Покормит кто – и ладно». Журналистка заметила, что, несмотря на годы, старик бодр и ни на что не жалуется¹.

Во время гонений на Церковь испытаниям подверглись и жители Колы. В августе 1937 года были арестованы настоятель Благовещенской церкви о. Константин Мелетиев, член церковной двадцатки Дмитрий Акимович Немчинов. Еще до начала следствия скончался председатель двадцатки Леонтий Николаевич Яргин. В октябре 1937 года о. Константин Мелетиев был расстрелян².

Благовещенская церковь опустела, но православная жизнь в Коле не прекратилась. Особая роль в ней стала принадлежать Философу Суслову, который в 1930-е годы являлся членом кольской православной религиозной общины³ и членом двадцатки Троицкой кладбищенской церкви⁴. Как рассказывала Августа Демьяновна Немчинова, местные жители ходили к Философу домой молиться.

Коляне любили Философа, да так, что это передавалось и приезжим людям. Литератор В. Балашов списал с него образ для одного из своих литературных персонажей: «С пригорка спустился, шаря перед собой палкой-посохом, прямой как столб, слепец Философ... У собора Философа окружили старухи и рыбацки. Они с какой-то особой любовью заглядывали ему в потухшие глаза, в рот, расспрашивали о житье святых и Бога... От белой, длинной рубахи и до штанов на слепце Философе чувствовалась большая женская забота.

¹ М. Б. Вчера и сегодня. // Полярная правда. 1928. 10 апреля.

² Бардильева Ю. П. Отец Константин Мелетиев – настоятель Благовещенского собора г. Кола. // II Ушаковские чтения. Мурманск, 2005. С. 182–187.

³ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 248. Лл. 9–10.

⁴ ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

Он был чистый, приглаженный. А мужья тех же рыбачек, что обмывали Философа, ходили грязные, пропахшие морем»¹.

Удивительно то, что эти строки были напечатаны в газете «Полярная правда» в 1936 году, в самый разгар богоборчества, когда сам прототип еще жил в Коле.

В 1938 году с Философом Сусловым встретился сотрудник Мурманского краеведческого музея Анатолий Павлович Попов. Записанные им впечатления также указывают на то, что в тяжелое время гонений свои истинные убеждения старик не прятал: «Помнит Философ на своей памяти и “колдунов”, и старушек, которые спали по 3 дня подряд, и после рассказывали “сны о загробной жизни”, крепко религиозен. Во многом видит явления предсказаний в Библии. Так, например, говорит, в Библии сказано, что “будут птицы летать с носом железным и конскими гривами”, а теперь они появились – это аэропланы. Или “вся земля будет связана железом и будут ходить огненные змеи”. Сейчас вся земля связана железом – машинами, а огненные змеи – это ракеты. От стариков часто слышал поговорку: “Со всей России соберется народ на Пур-наволоке”. А сейчас на Пур-наволоке² вырос г. Мурманск»³.

Деятельность Ф. Суслова в защиту Церкви стала настолько явной, что 31 декабря 1937 года «Полярная правда» поднимала этот вопрос на всеобщее обсуждение: «Церковники Колы при попустительстве районных организаций долгое время обрабатывали молодежь. Под видом “культурной работы” мракобесы вовлекали в свои сети неустойчивых парней и девушек. До последнего времени кольский “прозорливец” Ф. Суслов заманивал в свой собственный дом и часовню учеников школы и учил их молитвам. Со взрослыми он занимался “пророчеством”»⁴.

Несмотря на антирелигиозные притеснения и поругание свя-

¹ Балашов В. Кола. Из книги «Мурман». Глава II. // Полярная правда. 1936. 11 июля.

² Пур-Наволоке – мыс на берегу реки Северной Двины, на котором начали строить Архангельск. В данном случае понимается образно, как место большого города.

³ Человек – место – память... С. 43.

⁴ Лукичев Н. Мурманские безбожники работают плохо. // Полярная правда. 1937. 31 декабря.

*Надгробие Ф. С. Суслову
на городском кладбище
Колы. Современный вид*



тынь, в отсутствии церквей и священнослужителей, среди простых мирян находились люди, которые, подобно Философу Суслову, самоотверженно и бесстрашно выражали непоколебимость веры, выступая духовным оплотом для верующих.

Интересно, а не привела ли деятельность Ф. Суслова к появлению в Коле тайной приходской общины, подобно возникшим в России православным «катакомбам»? Этот вопрос, несомненно, требует своего изучения.

Очевидно, что сам Ф. Суслов в силу возраста уже не мог продолжить этот процесс. Господь забрал его 28 июня 1940 года. Он был похоронен на местном кладбище Колы, где упокоились его предки. С годами могила затерялась, но память продолжала жить. И вот однажды нашелся человек, который смог показать место последнего упокоения кольского ревнителя веры. Жительница Колы Тамара Александровна Кузнецова на основании рассказов своей

матери вспомнила, что рядом с могилой ее отца был похоронен дед с редким именем Философ. Мать просила присмотреть за могилой этого человека, которого знала вся Кола. Здесь к тому времени сохранилась лишь старая деревянная ограда, а надмогильного памятника уже не было.

В 2014 году на средства, пожертвованные прихожанами кольской Благовещенской церкви и членами клуба краеведов «Коляне», на могиле Философа Суслова был установлен памятник. По черному граниту под православным крестом бежит строчка: «Помолимся о кольском старце, хранившем веру православную».

При открытии памятника состоялся молебен: пришедшие на могилу Философа Суслова прихожане вместе с настоятелем Благовещенской церкви г. Колы о. Андреем Разинковым помолились за упокой его души. На панихиде звучали слова о том, что Философ Степанович помог верующим в трудный для них период гонений, что верой и непоколебимостью таких как он Святой Руси не пристало поникнуть после революции, старая и новая эпохи стали единым целым.

КАХЛА Элина
филолог-культуролог,
доктор наук, университет
Хельсинки, Финляндия



ПРЕПОДОБНЫЙ ТРИФОН ПЕЧЕНГСКИЙ И КОРЕННЫЕ СААМЫ: БОРЬБА ИЛИ ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ?

Преподобный Трифон Печенгский (1495–1583) – знаменитый русский православный деятель, оказавший влияние как на колонизацию, так и на просвещение северной Лапландии (Кольского полуострова), и особенно прославляемый как апостол-миссионер среди местных саамов. В частности, его память хранят и почитают по сей день потомки тех коренных жителей, которые кочевали в приграничной территории и вдоль берега Ледовитого океана, где в течение десятилетий простиралась историческая деятельность подвижника Трифона. Это историко-географическая справка о скрещении судеб служит отправной точкой в этой статье.

В статье рассматривается память коренного народа северной Лапландии (саамы) о деятельности преподобного Трифона как

с академической точки зрения, так и с целью практического применения учения Трифона о христианском миротворчестве в современных межкультурных условиях. Главный теоретический вопрос статьи заключается в том, имеем ли мы основания допустить возможность, что преподобный Трифон, пребывая среди саамов, не только в одностороннем направлении – сверху вниз, на правах колонизатора – учил их, внушая коренному населению православную веру и обычаи, одновременно проклиная их дохристианский промысловый культ, или – в течение длительного периода тесного сосуществования, а также в силу желания раскаяться в собственных грехах прошлой жизни, – также сам у них кое-чему достойному обучился? Иными (из современного лексикона) словами, интересно обдумать, участвовал ли Трифон в двухстороннем культурном обмене, во взаимном обогащении? Предполагаю, что – да, безусловно, взаимообогащение имело место быть, раз имеются сведения, по которым Трифон и его учитель – прп. Феодорит (1481–1571) – кочевали вместе с саамами, как он сам рассказывал иностранному дипломату Симону ван Салингену. Если принять это во внимание, то далее возникает вопрос: имеются ли какие-нибудь содержательные свидетельства о характере их взаимности (cross-fertilization)?

А почему у меня (финского православного культуролога) возникли такие вопросы? Дело в том, что в течение последних десятилетий научное знание о малых коренных народах намного обогатилось. Статус и права, в частности саамов, охраняются законом¹. В финских университетах финно-угорские кафедры традиционно сильные, а в последнее время все более актуален учет глобального опыта о выживании коренных северных народов в экологическом кризисе. Как известно, потепление климата в Арктике грозит не только сильно изменить климат Земли в целом², с крайне опасными последствиями для выживания всего человечества, но особенно грозит выживанию малых коренных народов. На этом фоне усиливается критика против эксплуатации экологии

¹ <https://www.samediggi.fi/sami-info/?lang=en>. 14.05.2020.

² <https://www.if24.ru/izmeneniya-klimata-arktiki-predposylki-i-sledstviya/>. 05.03.2019.

и требования обуздать чрезмерное потребление именно в богатых странах. Изучать опыт выживания в экстремальных арктических условиях становится объектом серьезного интереса не только среди климатических радикалов, но и в междисциплинарных академических дискуссиях¹.

Именно здесь я вижу точки соприкосновения, где гуманитарные науки могут внести свою лепту. Многовековой опыт жизни в аскетических условиях соединяет саамов и православных подвижников, соратников и преемников прп. Трифона, и мы можем согласиться с тем, что темы почитания природы, включая запрет уничтожения биоразнообразия и меры по предотвращению арктического потепления, заслуживают сегодня всестороннего внимания. В следующем, я рассмотрю «предание Трифона в свете взаимообогащения с саамами» более детально, с целью просвещения темы «арктического устойчивого бытия».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРИФОНА В КРАЯХ СААМОВ КАК ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ СИМВОЛ «АРКТИЧЕСКОГО УСТОЙЧИВОГО БЫТИЯ»

Деятельность Трифона фокусировалась на северной границе между восточной и западной цивилизациями, на территории, которая сегодня входит в состав Баренцева региона. Таким образом, сегодня в Норвегии, Финляндии и России, в разных национальных государствах, его можно считать объединяющим транснациональным, историко-культурным и религиозным символом.

Сегодня общая численность населения арктического Баренцева региона составляет около пяти миллионов, включая единственный коренной народ в пределах Европейского союза – саамов. Помимо православных (в том числе сколтов, фин. *kolтта*) малочис-

¹ См. о специалистах устойчивого развития: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/>. При хельсинкском университете в 2018 г. создан институт устойчивой науки. См.: <https://www.helsinki.fi/en/helsinki-institute-of-sustainability-science/the-institute-0>.

ленных саамов, северную Россию населяют карелы, коми, вепсы и ненцы, которые на протяжении веков находились в контакте со славянским православным культурным кругом и его миссионерской колонизацией. Историко-политическое развитие в постсоветской России (и конечно, не только в России) иллюстрируется тем, что культы средневековых святых снова стали актуальными и востребованными.

Коллективное чествование святых подвижников Кольского побережья («Собор Кольских святых») начало возрождаться в 2003 году. На фоне укрепления данной традиции можно видеть более длительный период развития. Первоначально (с времен празднования тысячелетия Крещения Руси в 1988 году, а уже в более широком масштабе – с начала 1990-х годов) в российском обществе и в верхах РПЦ считалось востребованным разоблачать сведения о гонениях эпохи богоборчества и озвучивать мученические судьбы христиан. Затем была утверждена вторая задача: пересмотреть роль Церкви и использовать ее в подтверждении новой объединяющей всенациональной идентичности. Третья задача связана уже с укреплением региональной идентичности и имеет практические цели, например, в развитии туризма (паломничество и культурные мероприятия)¹. Четвертая задача – реабилитация репрессированных саамов, которая м.б. еще не полностью осознана².

А что касается политики памяти других вышеупомянутых стран – Норвегии и Финляндии (до 1809 года – части Шведского королевства) – дело обстоит, конечно, иначе. Норвегия раньше своих соседей реабилитировала память репрессированных саамов, своих граждан (Степаненко А., 2002). Финляндия вкладывала множество сил в эвакуацию и переселение сколт-саамских граждан с потерянных территорий и долго гордилась устройством уклада их нового быта, в том числе в селениях Неллиме и Советтиярви³. Гораздо позже стало ясно, что именно сколты страдали от потери семейных связей, традиционных ремесел и культуры. Сегодня большинство

¹ Журженко Татьяна (Zhurzenko T.) World War II Memories and Local Media in the Russian Province (Velikiy Novgorod and Murmansk). 2020 (forthcoming).

² Степаненко Александр. Расстрелянная семья. Мурманск. 2002.

³ <https://www.kolttaasaamelaiset.fi/kolttakulttuuri/kolttaasaamelaisten-historia/>. Без даты.

их потомков живет в городе. Немного утрируя, можно предположить, что только в составе Евросоюза (начиная с 1995 года), присвоения понятия «Европы регионов» и признания прав «малых» коренных народов, финляндские саамы осознали свое право на сохранение культурной идентичности. В последние годы интерес к корням растет, скотт-саамская культура переживает потрясающее возрождение (интерес к языку, создание современной этно-музыки). Помогли информационные технологии и возможность общаться в соц. сетях, а также щедрое общескандинавское финансирование саамской службы в эфире госканалов¹.

СПЕЦИФИКА АРКТИЧЕСКИХ СААМОВ

Специфика арктической гиперборей (Ultima Thule) – малонаселенность, труднодоступность (без местного гида добраться совсем безнадежно). Кочевые саамы, занимающиеся параллельно оленеводством, рыбной ловлей и охотой, перемещались из Лапландии по большой территории в сторону юга без значительного вмешательства со стороны государственных структур довольно долго. Со временем, колонизаторы стеснили саамов на север.

«Стратегией выживания саамов были – малое количество людей, умение приспосабливаться, умение исчезать в пустыню (в случае нападения врага или сборщика налогов), кочевничество. Последнее – это великое экологическое открытие. До закрытия границ между Норвегией и Россией в 1852 году, в Лапландии олени только зимовали. Хрупкая природа Лапландии не выдерживала бы круглогодичного использования почвы как пастбища. Для оленеводства закрытие границ было большой трагедией.

Для саамов движение – основной признак бытия. Понятие о земле – коренным образом отличается» (Интервью с полукочевым оленеводом и художником Оула А. Валкеапя, 08.09.2020, Сарикоски, Лапландия).

¹ <https://yle.fi/uutiset/osasto/sapmi/>.

Овцы и пряжа



В эпоху колонизации севера за завоевание территорий с природными богатствами (рыба, мясо, пушнина) всегда шла кровопролитная борьба. Фольклорно знамениты кровавые экспедиции восточных воинов, в том числе будущего Трифона, вплоть до Остроботнии. Атаки партизан на восток, в том числе под руководством крестьянина Пекки Весайнена, относятся к тому же XVI веку. Таким образом, доказательств борьбы за власть, грабежей и мести, погоне за материальной выгодой предостаточно.

Однако, ознакомившись с трудами в особенности владыки Митрофана о Трифоне Печенгском (2009) и о Кольском Севере в Средние века (трехтомник, 2017)¹, у меня, как у культуролога, возник другой вопрос. Можно ли рассматривать действия поселенцев (колонизаторов), поселившихся среди коренного населения, как форму двухстороннего диалога? Достаточно ли доказательств?

Естественным методом мне кажется сравнительный анализ разных текстовых источников. По отношению к русским словесным источникам, я разделяю мнение о фундаментальной дихотомии древнерусской литературы, согласно которой светский и церковный жанры преследуют принципиально разные цели. Светские источ-

¹ Митрофан (Баданин), Игумен. Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию Жития. СПб – Мурманск, 2009 г. Кольский Север в средние века. СПб – Мурманск, 2017 г.



Katri Jefremoff

ники представляют собой в том числе правовые и административные документы, например: охранные грамоты о правах пользования землей и прочими ресурсами. Церковные – учение о Евангелии Христа, а также, в том числе, проповеди об отрицании стяжательства. Необходимо определить жанр, возраст и происхождение документа, учесть контекст. Важная жанровая особенность церковного жанра – это резкие сюжетные сдвиги, а внутренние противоречия церковными книжниками часто игнорируются. Например, тот же человек, который в светских – «не-своих» –

источниках изображен как буйный грабитель, является скромным нестяжателем и чудотворцем в церковном контексте, в разных вариантах. Древнерусская дихотомия, конечно, больше не воспринимается достоверно, однако, целиком она в литературе не исчезла. Дихотомия отражается как гибрид разных внутренне противоречивых жанров.

Источники, использованные в этой статье, касающиеся прямо или косвенно деятельности Трифона, тоже представляют собой гибриды, комбинации светских и церковных жанров в редакциях разных эпох. Гибридность проявляется также в коллекции архивных документов. Среди них так называемый «Грамотный архив» (Kolttakylän arkisto) сколтов имеет для их коллективной идентичности особое значение¹. Для аргументации этой статьи важно то, что гордость сколтов за «Грамотный архив» основана на их положительном отношении как к русскому царю, так и к миссионеру Трифону, которые, в их понятии, защищали их законные, старинные права от нападающих врагов.

¹ <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-1/archive-of-the-skolt-sami-village-of-suonjel-suenjel/>. Перевод статьи на русский язык: Архив скольт-самской деревни Суонель – документальное наследие, представленное Финляндией и рекомендованное для включения в реестр «Память мира» в 2015 году. Архив после консервации. Микко Салминен. / Национальная архивная служба Финляндии, 2012.



Грамотный архив» - это гордость саамов из сийда Суоньел. Архив вошел в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2015 году. Грамоты гарантировали православным «трифонам просвещенным» саамам право на «вечное наслаждение». Самый старый из его документов с 1601 года, а самый молодой – с 1775 года

«ГРАМОТНЫЙ АРХИВ» СКОЛТОВ

В знак признания авторитетности «Грамотный архив», или сборник светских документов из сийта Суоньел был включен в так называемый Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2015 году. Сборник документов представляет собой грамоты, которыми назначенный наместник России гарантировал православным «трифоном просвещенным» саамам право на «вечное наслаждение». Самый старый из его документов датируется 1601 годом, а самый свежий – 1775 годом. Архив представляет собой уникальную коллекцию документов коренных народов. Это уникальное выражение того, как задокументированные решения правления понимались уже много веков назад как защита основных общественных прав (сийта). Эти документы представляют собой официальные указы, которые подтверждали права сколтов на рыболовство и оленеводство.

Вполне естественно, что сийт разработал способ сохранения этих жизненно важных записей. «Грамотный архив» хранился в тайном месте, о котором знали одновременно только два чело-

Текст из «Грамотного
архива»



века. Архив эвакуировался в Финляндию вместе с саамами во время войны в 1942 году и находился в Национальном архиве, пока его не вернули обратно к саамам в 2012 году¹.

«СОББАР» СКОЛЬТОВ

Вторым источником авторитета самобытности скольтов является старинная модель самоуправления – соббар². Система старинных собраний существует с тех пор, как скольты жили в сийтах и кочевали в соответствии с годовым циклом. Соббар собирался в старину в зимней деревне (т. е. в том месте, где зимовали). Члены сийта традиционно собирались всякий раз, когда решались общественно важные вопросы. Решались вопросы оленеводства и рыболовства, а также другие вопросы землепользования, а также споры и уголовные дела. Соббар проводил старейшина села. Система действует в какой-то мере и сегодня³.

¹ <https://arkisto.fi/fi/aineistot/kansallisarkiston-aineistot/saamelaisarkiston-aineistot/kolttakyl%C3%A4n-arkisto>. 23.09.2020.

² <https://www.kolttaasaamelaiset.fi/kolttien-kylakokous/yleista/>. 23.09.2020.

³ <https://www.kolttaasaamelaiset.fi/kolttien-kylakokous/koltthaneuvostot/>



СВИДЕТЕЛЬСТВА СААМОВ О ТРИФОНЕ

Помимо сказанного выше, интересно попытаться найти еще другие свидетельства в пользу гипотезы о взаимообогащающем опыте сосуществования между Трифоном, его сподвижниками и коренным населением. Таким образом, необходимо посмотреть на свидетельства сосуществования с точки зрения саамов. Наиболее известные из «свидетельств» – это рассказы о разных приключениях и конфликтах. К ним, безусловно, нужно отнести критически. Ведь речь идет об устной традиции, специфический контекст и изначальный конкретный смысл которой теряется при пересказе, переводе на другой язык и стилизации в письменную форму. Не всегда ясно, чей голос звучит как «оригинал», а где «седьмая вода на киселе». Однако, раз традиция есть, мы можем ее изучать. Из разных сборников я использовала в основном труд норвежской ученой, историка искусства Каролины Серк-Ханссен (2017)¹. Наиболее интересны те рассказы, которые прямо или косвенно – не всегда называя его по имени – связаны с деятельностью преподобного Трифона среди саамов.

В силу гипотезы о доброжелательности апостола в рассказах упоминается, что взрослые сколты сдержанно или агрессивно относятся

¹ Serck-Hanssen, Caroline. Helgen i grenseland . Arven fra Trifon av Petsjenga. Orkana, 2017. Также были использованы порталы: <http://discoverkola.com/blog/folklorne-skazki-i-predaniya-kolskikh-saamov-v-trudakh-rossijskikh-issledovatelej-xix-xx-vv>; <http://saami.su/o-saami/antropologiya/32-biblioteka-materialy/saamskie-skazki-pod-redaktsiej-g-m-kerta.html>

к незнакомцу, зато детям он нравится: «Папа» добр к детям и раздает им хлеб, который никогда не кончится. Однако большинство из рассказов трагичны. Например, в описании угрызания совести саама Эввана (Ивана) после того, как он вел врагов к монастырю, и те уничтожили его вместе с братией. Тут раскрывается глубинный конфликт между отречением Эввана от своей дохристианской веры и принятием христианства. Согласно рассказу, Эвван принял христианское крещение вместе с другими, но в поиске прибыли, надеясь получить дары крещения. Однако, когда он понимает, что подарков не будет, он разочаровывается и отрекается от новой веры, и, видимо, Бог от него тоже как будто отворачивается. Разочарование ведет к измене, «христопродавец» ведет разбойников в монастырь. После кровопролития бандиты отступают к скале, чтобы разделить добычу. Эввану оплачивают его услуги, он получает серебряную чашу для причастия. Рассказ достигает кульминации, когда Эвван пытается утолить жажду, а в чаше вместо воды появляются кровь и волосы. Есть другие варианты, которые тоже раскрывают трагичность всякого конфликта с точки зрения саамов.

Заключение

«А если вы берете из природы больше,
чем вам нужно, равенства нет».

В заключение хочу передать слово современному сааму-оленоводу, отвечавшему на вопросы о потенциальном конфликте с новой верой (интервью автора с Оула А. Валкеапья, 08.09.2020, Саарикоски, Лапландия). В квадратных скобках комментарии от автора.

– Как саамы восприняли миссионеров?

– Когда [лютеранские] миссионеры сперва стали появляться в Лапландию – в XVII веке – и знакомиться с местными, саамы воспринимали их с привычной простотой – легко. Саамы достаточно умело присвоили шведскую королевскую церковь к себе. В тундре храм – первое и единственное место, где наши могли собраться. Церковь дала лицо королевству. Там стоит памятник первому храму [показывает рукой на гору недалеко, а сам дом семейства Валкеапья, где

беседа проводится, находится довольно далеко от дороги, к ним в гости можно добраться лишь на лодке или вездеходе; никто сюда не попадает без приглашения и проводника].

– Скажите, Оула, пожалуйста, чем коренная религия саамов отличается от христианского вероучения?

– Бабушка учила, что если ты поешь чей-то йоик по-доброму, то тогда ты не поступаешь против христианского вероучения. А если наоборот, со злом, то тогда, конечно, другое дело... Для бабушки было обязательно каждое воскресенье брать уроки Библии, она читала мне Библию вслух, и мне это чтение очень нравилось. И на стене у нее висела фотография Лестадиуса [лютеранский проповедник-пиетист саамского происхождения, основатель движения лестадианства, строго запретивший йоик]¹.

Учение христианства нашими трактовалось, у нас была готовность переосмысления и приспособления, когда это стало нужным. Саамы ведь считают, подобно дзен-буддизму, что человек и природа едины. Жизнь на природе² [имеется ввиду – в созвучии с природой] означает, что природа – это Бог, все едино. Рассказчик един с миром, человек равен природе. Я равноценен дереву, и наоборот, мы – часть единого бытия. Если вы берете из природы больше, чем вам нужно, равенства нет.

Подытоживая тему, я склонна думать, что сколт-саамы при встрече с Трифоном аналогично трактовали его учение по-доброму, умея переосмыслить свои верования и приспособить их к новому учению, условиям и сосуществованию с миссионером. И думаю, что Трифон, в конце концов, тоже не мог не понимать, что значит жить в созвучии с природой. Если предположить обратное, то память о Трифоне не сохранилась бы на всей территории его исторической деятельности по сей день. Хочется надеяться, что «йоик по-доброму» найдет действенный отклик и в непростом контексте сегодняшнего дня, и что любой человек научится брать себе не больше, чем ему нужно.

¹ Ларс Леви Лестадиус (1800–1861).

² См. философскую трактовку о жизни в природе глазами оленевода: Valkeapää, Leena. Luonnonssa. Vuoropuhelua Nils-Aslak Valkeapään tuotannon kanssa. Maahenki, 2011. [Валкеапя, Леена. В дикой природе. Диалог с искусством Нильс-Аслак Валкеапая. Диссертация].





Открытие XIII
Феодоритовских
чтений. Пленарная
часть конференции





Подписание
соглашения
о сотрудничестве
между Мурманской
Митрополией и
Кольским научным
центром РАН





Представление
выставочных
проектов Кольского
научно центра
РАН и Мурманской
областной научной
библиотеки







Работа
научных
секций





Награждение
победителей конкурса
«За нравственный
подвиг учителя»



САМОЙЛОВА

Татьяна Евгеньевна

кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник
Государственной
Третьяковской галереи,
лауреат премии Митрополита
Макария



ЛИЦЕВЫЕ СПИСКИ «ХРИСТИАНСКОЙ ТОПОГРАФИИ» КОЗЬМЫ В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИКОНОПИСЬ

Начиная с конца XV века, одной из самых читаемых, переписываемых, иллюстрируемых книг на Руси становится «Христианская топография» Козьмы Индикоплова. Это произведение, представляющее собой философско-богословский трактат на тему устройства мира, было написано в VI веке. Наиболее древний, дошедший до нашего времени список Индикоплова относится к IX в. и хранится в Ватикане. В настоящее время ученые склоняются к версии о том, что сочинение Козьмы Индикоплова на Руси было известно уже в домонгольскую эпоху, однако большинство из них считает, что «Христианскую топографию» перевели на русский язык несколько позднее, не ранее XIII века,

но и не позднее XV столетия¹. В конце XV – начале XVI столетия среди русских книжников возник необыкновенный всплеск интереса к этому произведению, выразившийся, прежде всего, в создании многочисленных иллюстрированных списков. Самый ранний известный русский иллюминированный «Индикоплов» (ГИМ, Увар. 566) был создан в обители Спаса в Ярославле в 1494–1495 гг.² В ГИМе хранятся еще несколько «Индикоплов». Это следующие списки: Увар. 60 рубежа XV–XVI вв., Муз. 3512 – 1530–40-е гг. XVI в., Муз. 1152–1553 г. (переписан в Николо-Песношском монастыре), Синод. 997 – 1542 г., Щукин 475 – 40-е гг. XVI в., Барс. 263 середины XVI в.³ РНБ обладает «Индикопловами» Соф. 1197 второй трети XVI в. и F.I. 220 первой половины XVI в. В отделе рукописей РГБ хранится роскошно иллюминированный «Индикоплов», датируемый 1540-ми годами. Все они имеют своим протографом образец XV в., созданный в Кирилло-Белозерском монастыре. На основе этого образца мастера рукописной мастерской новгородского архиепископа Макария в течение нескольких десятилетий трудились над созданием иллюстраций к этой книге⁴. Исследователи установили, что, относительно древнего византийского образца, ряд миниатюр русские иллюстраторы оставили почти без изменений, но многие были существенно переработаны⁵. Как итог проделанной работы, в 1542 году иллюминированный «Индикоплов» вошел в состав в ВМЧ, главного творения тогда уже митрополита Макария. Исследователи не исключают, что по сравнению, например, с самым ранним списком (Увар. 566) целый ряд миниатюр был «модифицирован» по иници-

¹ Пиотровская Е. К. Древнерусская версия Христианской Топографии Козьмы Индикоплова и «Толковая Палея». // ТОДРА. Т. 48. М., 1993. С. 43, 139.

² Серебрякова Е. И. О двух лицевых Индикопловах XVI в. из Музейского собрания ГИМ // И. Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Ч. 2. М., 1992. С. 72.

³ Пиотровская Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции: (на материале дошедших фрагментов). СПб., 2004. С. 38–39. Серебрякова Е. А. Лицевые Индикопловы Исторического музея (опыт классификации). // Забелинские научные чтения. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Вып. 87. М., 1995. С. 143–147.

⁴ Серебрякова Е. А. Лицевые Индикопловы Исторического музея (опыт классификации). // Забелинские научные чтения. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Вып. 87. М., 1995. С. 148–150

⁵ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 4–80, 142–255.

циативе самого архипастыря¹. Состав миниатюр «Индикоплова», вошедшего в ВМЧ, как и композиции каждой его отдельной миниатюры, по-видимому, рассматривались с этого момента в качестве эталона².

Естественным образом возникает вопрос, почему эта книга стала столь востребованной на рубеже XV–XVI вв. и особенно в эпоху митрополита Макария? В самом начале XX века этим вопросом занялся замечательный исследователь истории русской литературы В. Малинин. И возник у него этот вопрос в связи с предпринятым исследованием литературного наследия знаменитого старца псковского Елеазарова монастыря Филофея, с именем которого связано формирование знаменитой теории «Москва – Третий Рим»³. Как известно, Филофей – автор нескольких посланий к царскому дьяку Мисюрю-Мунехину и к великому князю Василию Иоанновичу, в которых он сформулировал основные положения своей теории. Квинтэссенцию всех посланий Филофея В. Малинин, написавший монографию в 1901 году, определил как «выражение и формулирование исключительного призвания, которое указано Промыслом Божиим Русской Церкви, Русскому государству и их главе»⁴. В. Малинин первым обратил внимание на то, что, создавая свои послания, старец активно использовал тексты из сочинения Козьмы Индикоплова. Филофея чрезвычайно занимала тема действия промысла Божия как в судьбе отдельной личности, так и в судьбах целых народов. Для разработки этой темы в связи с русскими реалиями ему в качестве опоры был необходим авторитетный автор, размышления которого касались бы сходных тем. Таким для него стал Кир Козьма, чье сочинение пользовалось высочайшим авторитетом в византийском мире. Характерно, что русские «Индикопловы» открываются выходной миниатюрой, представляющей собой «портрет» Козьмы, изображенного за работой над рукописью, подобно тому,

¹ Пиотровская Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции: (на материале дошедших фрагментов). СПб., 2004. С. 39.

² Ретковская Л. С. Вселенная в искусстве Древней Руси. М., 1960. С. 17.

³ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

⁴ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 383.

как изображались евангелисты¹. Но был и конкретный повод, заставивший Филофея обратиться именно к «Христианской топографии». После несостоявшегося в 1492 году конца света западные астрологи предсказывали Всемирный потоп, назначив его дату на 1524 год. «Звездная» тема в это время становится особенно злободневной. Вышедший в 1522 году альманах Штофлера, в котором предсказывался грядущий Всемирный потоп, на русский язык перевел немец Николай Булев, служивший лекарем при дворе великого князя Василия III. Благодаря переводу, с содержанием альманаха познакомился великокняжеский дьяк и дипломат Михаил Григорьевич Мисюрь-Мунехин, а за разъяснениями по поводу этого, смутившего его сочинения, Михаил Григорьевич обратился к старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею². Ответом стало Послание, в котором, полностью отвергая астрологию, Филофей объясняет дьяку, что неодушевленные звезды не могут оказывать никакого влияния ни на судьбы народов, ни на судьбу отдельного человека; что миром и народами, и звездами движет божественная воля, божественный промысел, и тайна конца времен не может быть доступна астрологам-звездочетам, ибо Господь не открыл ее даже ангелам. В этой идеологической борьбе русские книжники должны были опираться на незыблемый авторитет³. Таким было для них сочинение, имевшее многовековую историю и статус Священного Писания, «... книга... избрана от Божественных Писаний благочестивым и повсюду славимым Кир Козьмою к хотящим христианствовати...».

К моменту появления Посланий Филофея в русской книжной культуре уже сложилась определенная традиция иллюстрирования «Индикопловов», вследствие чего вполне можно предположить, что старец Елиазарова монастыря вдохновлялся не только непосредственно текстом, но и сопровождавшими его миниатюрами. Известно, что к тексту Индикоплова Филофей обращался и ранее. Например, в «Послании на противящихся воле Божией» он упо-

¹ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 23–33.

² Пиотровская Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции: (на материале дошедших фрагментов). СПб., 2004. С. 136–144.

³ Пиотровская Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции: (на материале дошедших фрагментов). СПб., 2004. С. 42.

минает такой сюжет как «Вавилонская башня» или «Столпотворение»¹. У Козьмы этот сюжет также упоминается. Внимание читателя автор фокусирует на том, что, именно наблюдая с высоты башни за звездами, люди решили, что небо вращается «вследствии своей шаровидности, но они не знали, – пишет Козьма, – ни вида земли, ни того, что звезды движутся ангелами»². Интересно, что миниатюр с изображением «Столпотворения» не было в древних византийских списках, тогда как среди миниатюр русских «Индикоплов» оно заняло важное место, став оригинальным творением русских миниатюристов. Это обстоятельство лишний раз подтверждает значимость для русской культуры первой половины XVI в. и собственно текста Козьмы, и той его русской интерпретации, которая прочитывается в системе иллюстрирования рукописей. Например, в русских «Индикопловах» конца XV–XVI вв. в списках уваровской редакции кроме изображения башни со звездочетцами появилось совершенно оригинальное изображение Земли и небесных сфер в виде концентрических кругов с ангелами, расположенными по четырем сторонам света. Русский мастер отталкивался от миниатюры византийской рукописи, на которой Земля была изображена в виде прямоугольника с аллегорическими фигурами ветров по его сторонам, но, в конечном счете, решил ее совершенно иначе. Более того, эту оригинальную композицию сопровождали надписью, не оставляющей у читателя никакого сомнения в том, что «ангелы держат планиту»³. Напомним, что самый ранний дошедший до нас иллюстрированный «Индикоплов» датируется 1494–1495 гг., и вполне вероятно, что некий список с него мог быть и в библиотеке Елеазарова монастыря, и старец мог воспользоваться им, составляя свой ответ Мисюрю-Мунехину и прорабатывая главы «Христианской топографии», названия которых говорят сами за себя: «О величии солнца», «О неразрушимости неба», «О заходе солнца», «О течении звезд».

Однако, отвечая на конкретные вопросы дьяка, Филофей пошел

¹ Пиотровская Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции: (на материале дошедших фрагментов). СПб., 2004. С. 144.

² Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 84

³ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 78.

значительно дальше «звездной темы». Его увлекла гораздо более широкая проблема: проблема исторической смены царств и народов. После заключения Флорентийской унии в 1439 году, после падения столицы Византийской империи Константинополя в 1453 году христианский мир стал принципиально другим. Турки одно за другим завоевывали христианские страны на Балканах и угрожали Европе. Именно в этой ситуации на границе с европейскими государствами возникает великое княжество Московское во главе с Иваном III, сумевшим сбросить монгольское иго и обрести независимость. Теперь, когда в 1505 году на великокняжеский престол вззошел сын Ивана III Василий Иоаннович, в чьих жилах текла кровь высокородных Палеологов, перед новым правителем встала задача добиться равночестного положения в семье европейских народов, обрести статус государства, имеющего прочное местоположение в политическом, историческом и географическом смысле. Для решения этой задачи требовалась новая историософская концепция, объясняющая генезис Московского царства. Одним из книжников, внесших в нее выдающийся вклад, был старец Филофей. В своих посланиях ему удалось создать формулу исключительного, «богоизбраннического призвания Русской Церкви и Русского государства... по Промыслу Божию»¹. И в этом вновь помощь ему оказал не кто иной, как Козьма Индикоплов, автор «Книги о Христе объемлющем весь мир округ». Среди миниатюр византийских рукописей «Христианской топографии» обязательно присутствует изображение земли с обозначением населяющих ее части народов. В русских «Индикопловах» таких миниатюр нет, но в славянском переводе греческого текста в том месте, где перечисляются народы, среди которых распространено христианство, появилась характерная вставка переписчика: «и на западной стране великая страна, нарицаемая Русь»². Так русские книжники, изучая строение мироздания по «Христианской топографии», посчитали необходимым вписать в произведение великого мужа имя своей страны и своего народа. Так впервые в виде

¹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 383.

² Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 84.



Земля связана с небом по ширине.
Христианская Топография Козьмы
Индикоплова. ГИМ. Увар. 566.
Конец XV в.



Ангелы держат «планиту».
Христианская Топография Козьмы
Индикоплова. ГИМ. Увар. 60.
Конец XV – начало XVI вв.

небольшой заметки прозвучала идея о русском народе, Божиим промыслом выведенном на авансцену истории. Эта маленькая заметка отражает актуальность темы для русских книжников, мысль которых в лице Филофея стремилась отныне к широким обобщениям о богоизбранности народов и преемстве царств¹. Текст «Индикоплова» предоставлял для этого богатейший материал, ибо значительная часть повествования Козьмы – это рассказ об истории Моисея, о жизни и испытаниях израильского народа в пустыне и возвращении в обетованную Землю. Ради чего рассказывается столь подробно библейская история в «Индикоплове»? В.Малинин объясняет это следующим образом: «... богоизбранничество народа израильского происходит именно при Моисее. Когда Моисей услышал глас Божий из Купины, этот Голос назвал себя Богом Авраама, Исаака и Иакова и обещал спасение народу израильскому от рабства, то есть именно в этот момент Бог принимает израильтян “себе в народ”. Условия богоизбранничества Го-

¹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.С. 385.



*Несение Ковчега Завета.
Христианская Топография
Козьмы Индикоплова. ГИМ.
Муз. 3512. 30-40-е гг. XVI в.*

сподь возвещает Моисею на горе Синай: “если будешь слушать гласа Моего и будешь исполнять все, что скажу тебе и сохранишь завет Мой, то будете у Меня народом избранным... царственным священством и народом святым”»¹. Уже в древних византийских списках «Христианской топографии» были проиллюстрированы все главные моменты истории богоизбранного народа: как евреи вышли из Египта, как они перешли через Красное море, как Моисей поднимался на гору Синай, как была устроена Скиния Завета, как несли Ковчег Завета, как Моисей «себе в место» поставил князем народа израильского Иисуса Навина, как перешли израильтяне

через Иордан, как обрушились стены Иерихона, и евреи вступили на обетованную Землю. Все это Козьма Индикоплов пересказывает для того, чтобы убедить читателя в том, что «истинно есть и достоверно Божественное Писание...»². Для Филофея же главной идеей, которую он воспринимает и развивает в своих сочинениях, становится мысль о богоизбранничестве народа. Вся история от Моисея до Иисуса Навина для него – это платформа, на которой он возводит свою конструкцию об особой миссии русского народа и Руси³, принявшей на себя миссию сошедшей с исторической сцены Византийской империи. Вслед за Козьмой Индикопловом, идущим за пророком Даниилом, описавшим последовательность смены четырех великих царств, объемлющих судьбы

¹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 387.

² Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 84.

³ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 383.

человечества до последнего момента, он отождествляет Византийскую империю с империей Римской¹. Важным для Филофея оказывается тот факт, что в концепцию смены царств Даниила Козьма добавляет нюанс, касающийся особой роли в этой череде царства Римского. Козьма уверенно говорит о вечности Римской империи, и, с его точки зрения, «она потому вечна, что на смену других царств приходит в пору рождения Спасителя и, таким образом, становится слугою Христова строения»². Римское царство знает Христа. В лице императора Константина оно покровительствовало Церкви и новому богоизбранному народу – христианам, и потому оноечно, какечно само Царство Христово. Козьма высказывает мысль, что несмотря на все посылаемые трудности и испытания, подобные испытаниям еврейского народа, ведомого Моисеем, Римское царство, последующее Христу, во век не истлеет³. Именно эта идея Индикоплова была воспринята Филофеем, как доказал В. Малинин, и в дальнейшем трансформирована в новую мифологию – «Москва Третий Рим»: «...старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь



Строительство Вавилонской башни. Топография Козьмы Индикоплова. РГБ. Ф. 173.102. Середина XVI в.

¹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 393.

² Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 403–404.

³ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 160–162, 404.

во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится»¹. Ромейское царство, воплотившееся в Московском государстве, благодаря идеологической основе, заимствованной из «Христианской топографии», понимается теперь как царство, где сохраняется подлинная христианская вера, как царство христианское².

«Христианская Топография» Козьмы Индикоплова заняла исключительное место в культуре первой половины XVI в. Как мы помним, самый ранний лицевой «Индикоплов» относится к концу XV в. (ГИМ, Увар.566). Он имеет определенный набор миниатюр. В дальнейшем на протяжении первой половины XVI века система иллюстрирования Книги постепенно претерпевает некоторые весьма показательные изменения, отражающие эволюцию идей, прозвучавших в Посланиях Филофея. Е. К. Редин, написавший глубокое и детальное исследование, в котором провел сравнение миниатюр древних греческих рукописей с русскими лицевыми «Индикопловами», отмечал, что древнейший русский иллюминированный «Индикоплов» Увар.566 является, с одной стороны, показателем зависимости мастера от византийских образцов XI–XII вв., но в то же время говорит о творческой переработке, как системы иллюстрирования, так и отдельных композиций³. Анализ миниатюр русских списков убеждает в том, что к иллюстрированию подходили осознанно, имея перед собой задачу не копировать византийский образец, но создавать композиции, отвечающие «злобе дня». Все русские списки открываются изображением Голгофского Креста (в Увар.566 лист утрачен), и эта первая миниатюра была уже значительно модифицирована по сравнению с греческими рукописями. Крест – не четырехконечный, а восьмиконечный. По сторонам от него изображены не фигуры апостолов Петра и Павла, а три пары медальонов, в которых представлены Петр и Павел, пророки Исайя и Иеремия, и святители – Иаков, брат Господень и папа Сильвестр Римский. В неко-

¹ Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 272.

² Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси. // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. М., 1996. С. 96.

³ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916.

торых редакциях вместо Иакова изображали Климента Римского. Важной иконографической деталью становится появление за Крестом изображения городской стены. Изначальная идея миниатюры с Крестом заключается, как писал Е. К. Редин, в манифестации Креста как основы Церкви. В русских списках идея Церкви усложняется, и суть программы поясняет надпись, сопровождающая миниатюру: «Положи убо в церкви первое апостолы, второе пророки, третье учителя на исправление ея». Три пары изображений в медальонах Е. К. Редин толкует следующим образом: Петр и Павел – представители Церкви от иудеев и от язычников; Исаия и Иеремия суть старшие пророки, прообразы евангелистов; Иаков, брат Божий – первый епископ Иерусалимской церкви, матери всех христианских Церквей; Сильвестр – епископ, по преданию, крестивший императора Константина, при котором христианская церковь стала легитимной; Климент был посвящен в епископы самим апостолом Петром, кроме того, его имя связано с памятью о первых учителях из славян, тех, кто нашел мощи Климента в Херсонесе и способствовал их перенесению в Рим¹. Что касается Климента, то здесь важно вспомнить, что это был один из самых почитаемых святых в Киевской Руси, поскольку, согласно Повести временных лет, вернувшийся из Корсуни князь Владимир привез с собой мощи святого Климента, и эта реликвия участвовала в ритуале крещения русского народа². Интересно, что в конце XV – начале XVI века, после долгого перерыва, образ святого Климента вновь привлек внимание иконописцев, и изображения этого святого получили достаточно широкое распространение. Так, святой Климент изображен на нижнем поле псковской иконы «Рождество Христово с избранными святыми» конца XV в. (ГРМ), на северной иконе «Священномученик Климент» нач. XVI в. (ГРМ), на иконе новгородской школы «Святитель Николай со святыми Климентом и Власием» конца XV – начала XVI в. (ГВСМЗ), на псковской иконе «Избранные святые: святитель Николай Чудотворец, архидиакон Стефан, священномученик

¹ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 16.

² Толстая Т. В., Уханова Е. Б. «Корсунские» реликвии и крещение Руси. // Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 149.



*Антиподы. Христианская
Топография Козьмы Индикоплова.
РГБ. Ф. 173.102. Середина XVI в.*

Климент и священномученик Власий» XV в. (ПИАМЗ)¹. Не менее важен для русской темы и образ Сильвестра, чье имя неотделимо от имени крещенного им равноапостольного Константина. Имя этого императора не раз звучит в Посланиях Филофея, который приводит великому князю Василию образ первого христианского царя в качестве примера для подражания². Так, уже в первой выходной миниатюре «Индикоплова» была заявлена специфически русская тема.

Обязательно для всех списков Индикоплова изображение Вавилонской башни. В византийских рукописях рассказ о построении башни предшествует истории Моисея и путешествию народа израильского по пустыне, тогда как в русских списках этот сюжет помещают там, где автор рассуждает о звездах и планетах, движимых ангелами. Сравнивая изображение башни в греческих и русских списках, Е. К. Редин пришел к выводу, что русские миниатюристы создали совершенно самостоятельную композицию, включившую в себя лишь отдельные детали, встречающиеся в греческих иллюстрациях³. Однако в русских списках эта миниатюра проходит определенный путь эволюции. В уваровской рукописи конца XV в. наверху башни-столпа стоят люди-звездочетцы и наблюдают за звездами в небе. Внизу по сторонам столпа – люди с котомками смотрят на звездочетцев⁴. Композиция по своему содержанию довольно точно соответствует смыслу текста Индикоп-

¹ Заиграйкина С. П. Климент / Иконография. // Православная энциклопедия. Т. 35. С. 413–462.

² Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 274.

³ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 103.

⁴ Л. 24.

плова, рассказывающего о том, что люди, наблюдая с высоты башни за звездами, в силу ограниченности человеческого разума пришли к неверному выводу о том, что небо вращается «вследствии своей шаровидности»¹. В рукописях, созданных уже в XVI веке, например РНБ или в Муз. 1152 (л. 36 об.), в изображении этого сюжета акцент сделан не на наблюдение звезд, а на процесс строительства Вавилонской башни и на момент совершающегося наказания гордецов, падающих с вершины столпа. Именно в такой редакции композиция повторяется и в других «Индикопловах» первой половины XVI в., обретая все больше занимательных деталей, иллюстрирующих строительство Вавилонской башни. Таким образом, русская интерпретация имеет своей целью прежде всего назидание: читателю должно быть ясно, как Богом наказуются звездочетцы. В миниатюрах «Индикоплов» из РНБ и РГБ для того, чтобы не оставалось сомнений в том, по чьей воле происходит «столпотворение», над башней в сегменте Неба изображается полуфигура Христа (РНБ) или Саваофа с восьмиконечным нимбом (РГБ), а надпись добавляет еще один важный нюанс, объясняющий, почему миниатюра с Вавилонской башней предшествует рассказу об устройстве мира и населяющих его народов. На миниатюре рукописи РНБ надпись гласит: «... разделени бывше языци человеци престаша зиждуще столп». На миниатюре рукописи РГБ надпись еще более выразительна: «Человеци престаша зиждуще столп и разделиша по странам всея земли». Существенные изменения коснулись композиции, которая в византийских рукописях иллюстрировала строение мироздания. Так, на л. 39 об. Ватиканского списка был изображен прямоугольный ящик, знаменующий земную твердь. Над ним – арка, означающая небесный свод, а посреди нее – изображение Христа в медальоне. В русской рукописи (Увар. 566) мастер полностью отказался от композиционной схемы Ватиканского списка (л. 37). Он изобразил лишь свод небесный в виде семи арок, пяты которых упираются в землю, и омывающее ее со всех сторон море. На земле схематично и в очень мелком масштабе, как на карте, показаны реки, города, крепости. Отчасти это изображение напоминает карту земли на л. 40 того же Ва-

¹ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 84.

тиканского списка. Арки неба в русской рукописи усеяны редкими звездами; на самой верхней дуге восседает Христос, по сторонам которого представлены два трубящих ангела. По-видимому, актуальность «звездной» темы и в этом случае внесла свои коррективы в концепцию миниатюры, где стереометрическая фигура была заменена двухмерным изображением земли и моря с перекинутой над ними аркой семи небес. Изображение Христа, сидящего на арке небесного свода с демиургическим жестом широко разведенных рук, приобрело большую конкретность по сравнению с «отвлеченностью» медальона с погрудным изображением Спасителя в Ватиканском списке. Интересно, что сразу после этой миниатюры на л. 37 об. в уваровском списке вновь изображен Христос, но уже сидящий на радуге внутри зелено-розовой мандорлы. Вверху из края мандорлы прорастают деревья. Христос представлен в типе Еммануила с жестом триумфатора, энергично воздевающего вверх десницу. Текст, сопровождающий миниатюру: «... повесивый землю ни на чем», – не оставляет сомнения в том, что смысл изображения – представить Творца, триумфально завершившего замысел творения мира. Аналогичную пару мы видим и в Увар. 60 (л. 57 об., 58 об.), Муз. 3512 (л. 76, 76 об.), Муз. 1152 (л. 57, 58). В Увар. 60 тема сотворения земли подчеркнута еще и тем, что концентрические круги мандорлы трактованы охряными колерами как твердь, из которой и произрастают деревья. Несколько иначе интерпретирована эта тема в Щук. 475 (л. 63). Здесь Христос не сидит, а стоит на арке неба. Надпись звучит следующим образом: «Стоит же небо и яже под ним твердь... не божиею силою держимо, но Божиим Словом утверждено». Таким образом, текст в сочетании с миниатюрой служит как бы торжественной «печатью», удостоверяющей роль Слова в сотворении мира. Интересно, что иконографически изображение Христа-Еммануила в мандорле очень близко образу Христа из купольной композиции «Вознесение» в соборе Мирожского монастыря, то есть восходит к древней псковской традиции. Не исключено, что композиционная схема с образом Христа-Еммануила на небесных арках могла быть инспирированной именно псковскими книжниками. В шукинском списке после изображения Христа-Еммануила, стоящего на арках неба, помещена миниатюра (л. 65), композиция которой представляет собой компромисс между исходным вати-

канским образом и решением, представленным в Увар.566: земля изображена в виде куба с горой и светилами внутри; куб венчает круглая мандорла, состоящая из concentрических кругов, внутри нее на двойной радуге восседает Христос-Еммануил, из края мандорлы растут деревья; а надпись удостоверяет в том, что эта часть композиции – «Рай Небесный». По видимому, эта миниатюра отражает переходный этап к новому решению, которое демонстрируют три другие рукописи 40-х годов XVI в. – Синод 997 из ГИМ, из РНБ, РГБ, близкие по своей художественной стилистике так называемой макарьевской школе. Миниатюры рукописи из РНБ также явно отталкиваются от византийского образца, но здесь он переработан самым коренным образом. Так, на л. 37 помещена миниатюра «Земля связана с небом по ширине», но, в отличие от Увар.566, земля представлена как прямоугольник, имеющий сводчатое завершение, в нижней части земли расположены абстрактные полосы разного цвета, означающие зоны моря и земли. Из верхней полосы произрастает прекрасное, поистине райское дерево. Надпись также подтверждает, что это мир, утвержденный Божиим Словом. На следующей миниатюре мастер постарался также, как в шукинском списке, изобразить куб с горой и светилами, а над ним поместил погрудное изображение Христа-Еммануила в мандорле, фланкированное двумя райской красоты деревьями. Надпись вверху гласит: «Царство Небесное». Так иллюстрация текста Индикоплова – «земля связана с небом по ширине» – превратилась в изображение Царства Небесного. В Синод.997 миниатюра на л. 1212 об. с точки зрения иконо-



*История Моисея. Христианская
Топография Козьмы Индикоплова.
РГБ. Ф.173.102. Середина XVI в.*

графии аналогична описанной выше, а на л. 1217 изображен уже не просто абстрактный куб, а церковный Престол, и над ним – заключенная в медальон фигура Спаса Вседержителя, ноги которого покоятся на изображениях Сил Небесных. Вся композиция обрамлена лозой с цветами. И, наконец, в самой роскошно иллюстрированной рукописи из РГБ на л. 51 об. сияющее золотом Царство Небесное изображено как Престол, над которым «парит» не Христос в мандорле, но настоящий «Спас в силах», как он изображался в центре деисусного ряда иконостаса, а по сторонам от Него – райские деревья. Таким образом, мысль переписчиков и иллюстраторов Индикоплова развивалась от скромных заметок на полях о том, что мир утвержден Божественным Словом, к образу нетленного новозаветного Царства Христа, того самого вечного Рима, который вовек не истлеет, о котором писал Козьма Индикоплов, и которое проповедовал старец Филофей.

Миниатюры «Индикоплова» стали первыми изобразительными примерами развернутых иллюстраций библейской истории от Моисея до Давида. Эта история, полная чудес и подвигов, совершенных Моисеем, должна была служить для читателя откровением о единобожии и богоизбранничестве. Как установил Е. К. Редин, принцип иллюстрирования этого цикла в русских списках отличается от византийских¹. Некоторые сюжеты, присутствующие в греческих рукописях отсутствуют в русских, а в совпадающих дается совершенно разная трактовка сюжета². Е. К. Редин уверен в том, что русский миниатюрист видел византийские образцы, но он их не копировал, а перерабатывал. Значительно больше внимания в русских списках уделено истории Иисуса Навина. Например, в византийских рукописях отсутствует изображение «Взятия Иерихона», а для русских списков оно обязательно. Любопытно, что, по наблюдениям Е. К. Редина, ближайшей иконографической аналогией русским миниатюрам со «Взятием Иерихона» служит мозаика из Санта Мария Маджоре

¹ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 199.

² Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 213

(V в.)¹. Это наблюдение ставит перед исследователями проблему иконографических источников, которыми пользовались русские мастера, помимо византийских рукописей Индикоплова. Особое внимание русские миниатюристы уделяли сюжету «Моисей поставляет Иисуса Навина на царство»: Моисей, восседающий на престоле, уподобленный Христу, совершает помазание Иисуса Навина, возлагая свою руку на его главу. Эта тема в высшей степени отвечала духу времени: идея венчания на царство по византийскому ритуалу через совершение миропомазания русского великого князя, как главы нового богоизбранного народа, стала актуальной уже в царствование Василия III, и через такие миниатюры она проходила путь кристаллизации, чтобы осуществиться в 1547 году при вступлении на престол сына Василия Ивана IV.

Итак, самые актуальные идеи времени эпохи царствования Василия III, получившие свою разработку в миниатюрах к «Христианской топографии», это тема Креста как основы Церкви, тема Неразрушимого Царства Небесного, и тема богоизбранного народа. И для изобразительного воплощения этих тем были найдены совершенно новые иконографические формулы. И, поскольку «Христианская топография» имела особую актуальность для этого времени, в дальнейшем очень многое из того, что впервые было «сформулировано» в миниатюрах Индикоплова, вышло «за пределы книжного листа» и нашло отклик и развитие в произведениях иконописи.

Так, тема Креста на фоне городской стены, разработанная в «Индикопловах», проникает и в иконопись. Примечательно появление такой композиции на одной из древних икон Успенского собора. На иконе «Спас с припадающим Киприаном», которая была привезена в Москву из Новгорода и реставрировалась в начале XVI в.², на обороте был написан Голгофский Крест на фоне городской стены.

Очень много элементов, инспирированных или просто заимствованных из миниатюр Индикоплова, мы находим в иконах «Страшного суда». На иконе начала XVI века из ГТГ мотив «Земля

¹ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 319.

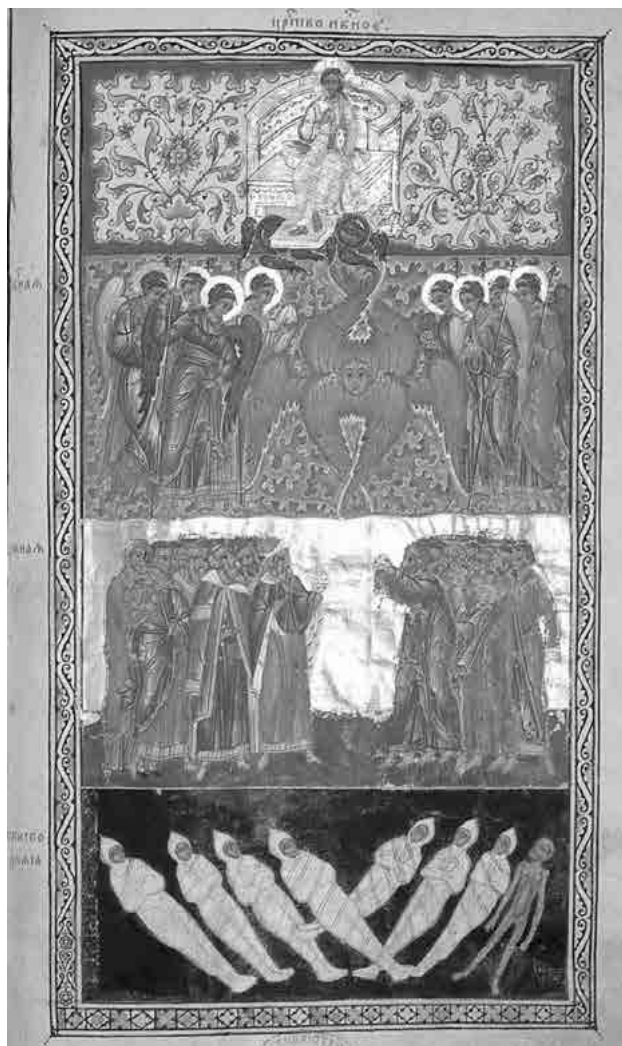
² Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI – начало XV века. М., 2007. Приложение 1. Кат. № 2. С. 202–204 (автор описания Маркин Н. Д.).

и Море, отдающие своих мертвецов» имеет вид круга, заполненного водой (море); посреди моря плавает суша (Земля). Она плоская и неправильной формы, как в миниатюрах «Земля связана с Небом по ширине», а по ее четырем сторонам – трубящие ангелы. Аналогичным образом Земля изображалась и на других миниатюрах «Индиоплова». Примером могут служить миниатюры на л.10 и 34 в Увар. 60, где по четырем сторонам Земли были представлены ангелы, а подпись поясняла, что «Ангелы держат планиту». (Аналогичная миниатюра была и в самом раннем «Индиоплове» конца XV в. (Увар.566), но ее средняя часть была утрачена (вырезана), сохранились только четыре ангела.) Иконописец явно был знаком с подобным решением изображения Земли и Моря и, взяв его за основу, наполнил ее изображением зверей и морских чудовищ, выплевывающих некогда поглощенные ими жертвы, а Землю окружив четырьмя трубящими ангелами. Очень необычно этот мотив трактован в иконе «Страшный суд» из Эрмитажа¹. Здесь на земле-шаре, который изображен так, что кажется стремительно уменьшающимся, исчезающим, стоят населяющие землю народы, и они также стремительно уходят за край земли. Нам представляется, что подобное очень неординарное решение также могло быть навеяно миниатюрами «Индиоплова», изображающими так называемых четырех антиподов: четырех человечков, стоящих на Земле друг против друга. Нельзя исключать и того, что мастер вдохновлялся антиподами, как они изображались в западных рукописях, то есть не полуобнаженными как в византийских и русских списках, а одетыми в одежды средневековых горожан. Такой пример дает нам миниатюра с изображением Земли и живущих на ней людей в книге Готье де Меца «Образ мира». Труд этого французского священника, написанный в 1245 году, пользовался популярностью у западных астрологов и был переведен на английский язык в 1480 году. Затем он переиздавался в 1490 и 1527 годах². Даты переизданий этой книги свидетельствуют как об актуаль-

¹ Страшный суд. Начало XVI века. Подвинье. См.: Косцова А. С. Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа. Икона, книжная миниатюра и орнамента. XIII – начало XVII века. СПб., 1992. Кат. № 7. С. 312–314.

² Rudolf Simek. Heaven and Earth in the Middle Ages: The Physical World Before Columbus, 1996.

*Царство небесное.
Земная. Преисподняя.
Христианская
Топография Козьмы
Индикоплова. РГБ.
Ф. 173.102. Середина
XVI в.*



ности темы строения мироздания и для западной культуры, и для древнерусской культуры начала XVI в., так и о том, что, вероятно, у русских книжников были определенные каналы, позволяющие знакомиться с тем, что создавалось на волнующую их тему в Западной Европе.

На иконе «Страшного суда» из ГТГ начала XVI в., о которой шла речь выше, есть еще один интересный мотив. В самом верхнем

ярус в центре круглой мандорлы изображен Саваоф. Его окружает кольцо с ангелами в медальонах. Крайнее концентрическое кольцо, заполненное облаками и светилами, трактовано как Небо, но кроме планет в него вписана фигура апостола Павла со свитком. Этот мотив отсылает зрителя к Посланию Павла к коринфянам о видении Рая (12:2–4). Но для нас важно то, что об апостоле Павле речь идет и в сочинениях Филофея. Вслед за Козьмой Индикопловом, который писал о том, как Павел был восхищен до неба, чтобы увидеть, как ангелы совершают ради человека беспрестанную службу, Филофей называет апостола «богоизбранным сосудом и самовидцем», который побывал посреди самых звезд и видел «самые тыя ангельские силы... ови солнце носят, друзии луну, иные звезды»¹. Впервые изображение Павла – «самовидца» ангелов – мы встречаем на иконе «Страшный суд» псковского происхождения конца XV в.² Этот факт вновь связывает идеи «Индикоплова» и псковскую землю, которая, быть может, в лице ее монастырей и их книжников, стала местом особо внимательного изучения «Христианской топографии» и ее иллюстрирования.

Текст «Индикоплова» уделяет немало внимания пророку Даниилу и его видению четырех царств, в котором, как известно, нашла свое выражение концепция исторического развития и смены империй. Показательно, что именно в иконах «Страшного суда» конца XV – начала XVI века обязательным мотивом становится изображение не только четырех зверей, символизирующих четыре царства, но и самого Даниила, несомого ангелом. Но, пожалуй, самым значимым нововведением в иконографии «Страшного Суда» в первой половине XVI века стало появление и совершенствование на протяжении этого временного отрезка мотива Царства Небесного, Небесного Иерусалима, вечного, нерушимого Рима, где пребывают Святая Троица и святые. Этот мотив постепенно обретает форму громадного облака, простирающегося на всю ширину верхнего яруса иконы, на котором утверждены и стены Небесного Иерусалима, и престол Святой

¹ Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 159.

² Шалина И. А. Древнейшая псковская икона «Страшного суда». // В созвездии Льва. Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. / Отв. ред. М. А. Орлова. М.: Государственный институт искусствознания, 2014. С. 538–579.

Троицы, и престол Бога Отца, отсылающего Сына в мир. Впервые в оформленном виде этот мотив присутствует на иконе «Страшного суда», созданной в 1547 году для Благовещенского собора Московского Кремля¹. Важнейшим нововведением в иконографию «Страшного суда», отражающим связь творцов иконописи и книжников, читателей и иллюстраторов Индикоплова, стало изображение в завершении чреды восставших на суд народов группы в русских одеждах с сопроводительной надписью «Русь», в соответствии с русской вставкой в текст «Хронографии», утверждающей нахождение «на западной стране великой страны, нарицаемой Русь»².

В иконах «Страшного суда» мы видим почти системное внедрение новых иконографических мотивов, заимствованных из миниатюр «Индикопловов». Но иногда некоторые мотивы композиций «Христианской Топографии» так поражали современников, что они даже позволяли себе инкорпорировать их в почитаемые древние образы. Так, на знаменитой новгородской иконе «Благовещение», по-видимому, в XVI в. появилась привнесенная деталь: в самом верху по центру был дописан сегмент неба в виде клубящихся облаков, который разрывает молниенный огонь. В луче этого огня чуть ниже – на уровне лика Богородицы – был написан Святой Дух в виде голубя. В щукинском списке «Индикоплова» (Щукин 475, 40-е годы XVI в.) на л. 84 помещена миниатюра «Моисей на горе Синай». Гора Синай изображена покрытой «дымом, мраком и вихрем», то есть над горой – сегмент неба, вихрящегося зеленоватыми клубами, из которого вырывается огонь. Решение этого мотива невероятно эффектно. Быть может, он повторялся не в одной только щукинской рукописи и вдохновил неизвестного нам мастера XVI в., поновителя новгородской иконы, внести его в древнюю композицию, несколько преобразовав в связи с сюжетом.

В начале XVI в. в русском искусстве распространяется новая иконография, получившая название «Суббота всех святых». Композиция имеет поярусную структуру. Верхний ярус – Царство Божие:

¹ Самойлова Т. Е. Икона «Страшный суд» из Благовещенского собора. Обретение шедевра. // Искусство христианского мира. Сб. статей. Вып. 13. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 381–400.

² Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 89.

Христос на троне и предстоящие ему ангельские силы, Богоматерь и Иоанн Предтеча. Ниже ярусы чинов святости: праведники в белых одеждах. Согласно библейской традиции, суббота была днем покоя Бога, завершившего труд Сотворения мира (Быт. II, 2). В христианской традиции понятие Субботы служило образом соединения всех праведников с Богом в конце времен. Одна из самых древних богослужебных книг – Октоих (VII в.)¹ – в день субботний вмещает чтение канонов всем святым и молитв за усопших². Один из наиболее ранних русских памятников иконографии «Суббота всех святых» – икона «Шестоднев». В каталоге ГТГ она приписывается Дионисию³, по-видимому, была создана несколько позднее, предположительно в 1520–1530-е годы XVI в.⁴ Эта композиция здесь представлена в среднике. Все персонажи изображены в «апокалиптических» белых одеждах. В таком же ключе решена композиция иконы «Суббота всех святых» второй половины XVI в. из Ростова, четко разделенная на два яруса. В верхнем – Спаситель в окружении ангелов и молящиеся Ему Богоматерь и Предтеча; в нижнем – отдельными группами чины святости⁵. Ярусы разделяет хорошо сохранившаяся надпись, в которой содержится молитва о даровании усопшим Царства Небесного: «... Преставляшаяся убо к Тебе Твоя

¹ Лозовая И. Е. Древнерусский нотированный Параклит XII века: Византийские источники и типология древнерусских списков. Москва, 2009.

² В неделю всех святых воспеваются все чины святости. См.: Никольский Н. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 654.

³ Дионисий «живописец пресловущий». Художественное наследие Дионисия. М., 2002. Кат. № 94. В ГТГ хранится также икона – часть складня-триптиха, датируемая первой третью XV в. В ее нижнем ярусе представлены чины святости, которые были частью композиции «Суббота всех святых», продолжавшейся на несохранившихся частях складня. См.: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X – начала XV века. М., 1995. Кат. № 63. Среди византийского наследия обращает на себя внимание знаменитый саккос XIV в, хранящийся в Ватикане, на одной из сторон которого в огромном медальоне изображен Христос на радуге в окружении ангелов и святых в белоснежных одеждах. За пределами круга расположены изображения Авраама с младенцами и благоразумного разбойника. См.: Byzantium. Faith and Power. N-York, 2004. Cat. № 177. P. 300. Авторы описания затруднились дать название этой композиции и отметили, что она не имеет прецедентов в византийском искусстве.

⁴ Новые открытия в русской иконописи. К 10-летию основания музея русской иконы. М., 2016. Кат. № 26. С. 110 (автор описания И. А. Шалина).

⁵ Вахрина В. И. Иконы Ростова Великого. М., 2006. Кат. № 60 (авторы описания В. И. Вахрина и Е. В. Гладышева).

красоты наслаждаться Благоволи Божественная доброты Твоя сподоби». Несмотря на то, что построение этой композиции несколько напоминает иконографию «Страшного суда», она принципиально отличается от нее тем, что здесь нет изображения самого суда. Композиция представляет мир праведников, царство святых в небесных селениях. Название «Суббота всех святых» эта иконография получила, исходя из смысла, содержания. Надпись, сохранившаяся на ростовской иконе, актуализирует тему Божественной Красоты, *de facto* тему Царства Небесного. Появление такой композиции, как нам представляется, также в значительной мере инспирировано миниатюрами «Индикоплова». В самом древнем списке «Индикоплова» (Увар. 566) на л. 111 об. мы видим четырехъярусную композицию: вверху Христос на радуге с раскрытым свитком, ниже – херувим в центре, и по сторонам от него по три архангела, в третьем ярусе – стоящие на горе молящиеся люди; в самом нижнем регистре – пещера под горой, а в ней – мертвецы в саванах. Сопровождающая надпись гласит: «Тако Бог строя венци своими людьми и показывает вся языки». Миниатюра в книге как бы подводит итог всем рассуждениям о строении мироздания и истории богоизбранного народа, и в этом смысле, во-первых, соотносится с понятием субботнего покоя, а во вторых, по своей структуре чрезвычайно близка иконографии «Суббота всех святых». В других списках мы также видим аналогичные миниатюры (Увар. 60: л. 233, Муз. 3512: л. 170). В Щук. 475 эта композиция (л. 223) имеет поясняющие надписи: «Царство Небесное», «Земля», «Преисподняя». В Синодальном списке 1542 года она усложнена тем, что в верхнем ярусе Христос восседает на престоле, а по сторонам от него растут райские деревья (л. 289). Независимо от вариаций, не меняется суть иконографии: она показывает и строение мироздания, и путь, ведущий от смерти в Царство Небесное. Эта идея, также как и поярусное построение, по сути, вполне могла стать источником вдохновения для создания иконографии «Суббота всех святых», а миниатюры «Индикоплова» – начальным этапом формирования новой иконографии.

В пятом Слове «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова самым подробным образом описывается устройство скинии Завета и дается символическое значение ее частей: семисвечник означает небесные светила, трапеза – земля, хлеба на трапезе – плоды

земли, их количество – двенадцать – соответствует двенадцати месяцам года, волнообразная цепочка вокруг трапезы – океан, венок вокруг нее – Рай. Скиния, согласно Индикоплову, – модель мироздания. Она разделена на две части: одна часть есть мир, в котором мы живем, другая – мир вечный и благой, предназначенный для выдержавших испытания жизни земной¹. Мотив Скинии в виде двуцветного шатра, как она изображена в русских списках «Индикоплова», также полюбился иконописцам. В знаменитой иконе «Благословенно воинство Небесного Царя», которую, по нашему мнению, создавали на протяжении первой трети XVI в., двуцветная Скиния – шатер – становится центром Небесного Иерусалима и местопребыванием Богородицы с Младенцем. Аналогичные изображения Скинии уже после середины XVI века появляется в сюжетах, связанных с рассказом о Моисее в иконах «Святая Троица с бытием», самая первая из которых была написана для Благовещенского собора в 1547 году². Могли ли современники пройти мимо Скинии как образа мира, не воплотив его и в архитектурных формах? В книге Э.А.Гордиенко «Новгород и его духовная жизнь в XVI веке» предпринята попытка через описание мироустройства Козьмой Индикопловом интерпретировать формы некоторых новгородских храмов первой половины XVI в.³ Исследователь анализирует особенности их архитектурной композиции и интерпретирует символику частей, согласно тем «трехмерным» моделям, которые были проработаны в византийских списках «Христианской топографии», но далеко не всегда повторялись в русских. В рукописи 1539 года в «Слове втором» напротив текста о строении мира в виде огромной комнаты с распростертым над ней сводом Э.А.Гордиенко обнаружила помету: «зри о здании». По мнению исследователя, эта помета может

¹ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 191.

² Сарабянов В. Д. Симвоико-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века. / Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1999. С. 164.

³ Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 169–171. Аналогичную попытку объяснить формы шатровых русских храмов как аллюзию на образ Скинии предпринял С. Ю. Кавтарадзе. См.: Кавтарадзе С. Ю. «По подобию святой Скинии». К вопросу о происхождении русских шатровых храмов. // Пространство иконы. Иконография и иеротопия. М., 2019. С. 161–186.

принадлежать самому Макарию¹ и говорит о том, что тема воплощения образа мира в архитектуре интересовала новгородского архиепископа. Если это так, то возникает вопрос, мог ли он пройти мимо той модели мироздания, которая уже была разработана в библейские времена и столь подробно описана на страницах Индикоплова? Быть может, идея скинии-шатра в какой-то степени нашла свое отражение в сложной программе архитектурного замысла храма Вознесения в Коломенском, построенного в честь рождения у Василия III наследника? Безусловно, такая гипотеза требует детальной проработки, но, очевидно, что сама идея шатра, как и двучастное деление внутреннего пространства с прямоугольным алтарем и охватывающая храм галерея с лестницами-всходами как нельзя более соответствуют тому образу Скинии и символическому толкованию ее частей, которое представлено на страницах «Христианской топографии». Опосредованно эту идею поддерживает программа росписи Троицкого шатрового храма в Александровой слободе, который был выстроен как домовая церковь государя и украшен фресками уже в 60-е–70-е гг. XVI в. Любопытно, что программа росписи этого шатра – родословие библейских царей, в которое вписана генеалогия первого русского царя².

В том же самом «Слове пятом» Козьмы Индикоплова автор перечисляет выдающихся лиц Ветхого Завета, указывая на их значение в истории домостроительства Спасения³. Кроме пророков он вспоминает и праотцев, перечисляя Адама, Авеля, Еноха, Ноя, Мелхиседека, Авраама, Исаака, Моисея, Иисуса Навина и дает им емкие характеристики, отмечая историческое значение каждого праотца. Посвященные им строки «Индикоплова», как одного из самых значимых для книжников XVI в. сочинений, вполне могли спровоцировать особый интерес к этим библейским персонажам, тем более, что

¹ Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 171.

² Сарабьянов В. Д. Программа росписи Покровского шатра Александровской слободы. // Александровская слобода. Материалы научно-практической конференции. Владимир, 1995. С. 39–53. Сорокатый В. М. О стиле росписи Покровской (первоначально Троицкой) церкви Александровской слободы. // Александровская слобода. Материалы научно-практической конференции. Владимир, 1995. С. 54–68.

³ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 191.

тема царской генеалогии, восходящей через Пруса к самому Августу, а от него и далее в глубь времен, стала одной из самых актуальных в правление Василия III¹. Нельзя исключать, что возникший в это время интерес к библейским праотцам, в конечном счете, привел несколько позднее к появлению праотческих чинов в иконостасе. Самые древние чиновные изображения праотцев на иконах-врезках из Благовещенского собора могут быть датированы серединой XVI столетия. И. А. Журавлева отметила, что миниатюрные изображения праотцев на этих врезках неизвестного происхождения помещены на фоне условного изображения шатра-скинии в соответствии с текстами службы Недели праотцев: «... в скиниях небесных со всеми избранными почивающа...». Аналогию этим архитектурным формам исследователь видела именно в изображениях Скинии на страницах «Индикопловов»².

Одна из обязательных миниатюр Библейского цикла «Христианской топографии» – «Несение Ковчега Завета». Композиция полностью заполняет лист. В центре в прямоугольной рамке изображено как иереи несут Ковчег Завета. Центральный прямоугольник окружен квадратными ячейками меньшего размера, в каждом из которых мы видим толпу воинов в доспехах и в полном вооружении. Каждый квадрат имеет подпись, удостоверяющую в том, что это не просто воины, но воины определенного племени (колена) израильского народа. Таким образом, все колена, окружающие несущих Ковчег священников, образуют торжественную и грозную стражу, охраняющую великую святыню. Идея таких миниатюр могла послужить источником вдохновения для создания композиции знаменитой иконы «Благословенно воинство Небесного Царя», центром которой является фигура царя Константина, окруженная со всех сторон личной гвардией императора и тремя потоками воинов пеших и конных. Напомним, что перу главного идеолога эпохи – старца Филофея – принадлежит «Послание великому князю», где старец внушает правителю ответственность перед Церковью в новой

¹ Синицина Н. В. Третий Рим – Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV– XVI вв.). М., 1998. С. 198.

² Журавлева И. А. Праотческий ряд и завершение символической структуры русского высокого иконостаса. // Иконостас. Происхождение – Развитие – Символика. Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000. С. 494–495.

исторической ситуации. Взывая к его чувству долга перед христианами, старец вдохновляет и мотивирует князя тем, что ныне он «един во всей поднебесной христианом царь», и для «доброго устроения царства» он должен во всем подражать великому царю Константину. Фактически он формирует новый образ православного царя и тем самым способствует не только сакрализации самой персоны великого князя, но и восприятию его как великой святыни христианского народа, сравнимой с Ковчегом Завета. Уникальная композиция иконы «Благословенно воинство Небесного Царя» вбирает в себя идеи Филофея и опосредованно, на образном уровне, уподобляет и царя Константина Ковчегу Завета, великой святыне богоизбранного народа, отталкиваясь от зрительного образа миниатюр «Несение Ковчега Завета»¹.

«Христианская топография» Козьмы Индикоплова имела колоссальное воздействие на литературу и искусство первой половины XVI в. Лучи ее влияния простираются и за пределы первой половины столетия, порожденные ею идеи находят свое развитие уже в искусстве грозненского времени.

Список сокращений:

ГИМ – Государственный исторический музей
ГВСМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ПИАМЗ – Псковский историко-архитектурный музей-заповедник
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская Национальная библиотека

¹ Самойлова Т. Е. Благословенно воинство Небесного Царя. М., 2020.

МЕРЗЛЯКОВА

Екатерина Борисовна

главный библиограф отдела
электронной библиотеки
Мурманской областной
универсальной научной
библиотеки



«КОЛА – ДРЕВНИЙ ГОРОД КРАЯ»: ЦИФРОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Электронная библиотека «Кольский Север» Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки (www.kolanord.ru) интегрирует ресурсы по историко-культурному наследию Мурманской области.

Сайт включает более 7000 источников: книг, периодических изданий, аудио-, видео- и фотодокументов. Основой электронной библиотеки являются тематические коллекции, охватывающие различные сферы жизни Мурманской области.

Особую ценность представляют коллекции, отражающие историю региона и представляющие широкой аудитории

редкие и малотиражные издания, а также самые современные исследования специалистов в этой области. В их числе коллекция «Кола – древний город края», посвященная старинному заполярному городу, отметившему свое 455-летие в 2020 году.

В электронной коллекции «Кола – древний город края»¹ размещены редкие краеведческие издания из фонда Мурманской областной научной библиотеки: исторические и этнографические обзоры, отчеты об исследованиях, путешествиях, экспедициях государственных деятелей, ученых, писателей, публицистов, художников, побывавших на Кольском Севере в XVIII – начале XX века, а также работы современных авторов.

Научные экспедиции, направлявшиеся в полярные широты, привлекали внимание к Кольскому Северу властей и российской общественности. Так, в 1771–1772 гг. на Русском Севере проходила экспедиция естествоиспытателей И. И. Лепехина и Н. Я. Озерецковского. Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827) в 1768 году в числе лучших семинаристов Троице-Сергиевой лавры был отправлен в Академическую гимназию при Петербургской академии наук и затем включен в экспедицию по изучению производительных сил России. В этой экспедиции он был помощником академика Ивана Ивановича Лепехина. В 1771–1772 гг. Озерецковский по поручению Лепехина самостоятельно исследовал Кольский уезд Архангельской губернии. В Коле Николай Яковлевич пробыл целый год, всесторонне изучил сам город, население края, рыбные промыслы, фауну моря и растительный мир побережий. В экспедиции он состоял по 15 декабря 1773 года. Руководитель экспедиции Лепехин отмечал, что «рачениями студента Озерецковского собрано немало приморских птиц и рыб, также и разных родов морских животных и растений, сверх того ничего им не упущено, что по предписанию моему от него было требовать можно, как-то: описание Кольской страны, образ жития и нравы живущих между Архангельском и Колою».

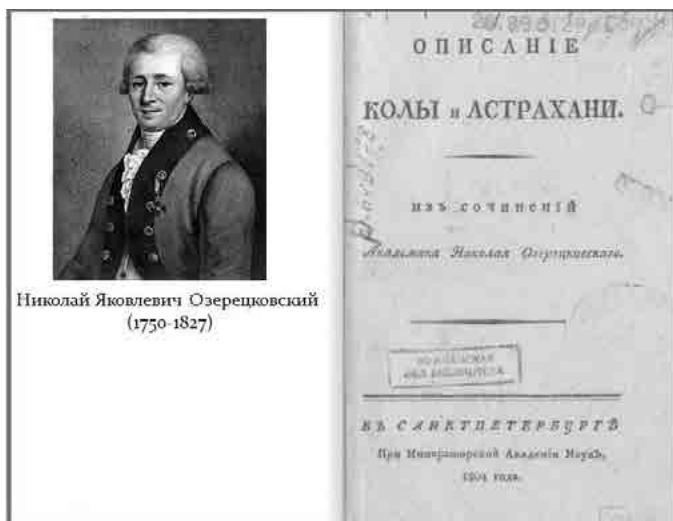
В 1804 г. по материалам экспедиции Озерецковский издал труд

¹ Кола – древний город края. Мурманск, 2015. Текст: электронный // «Кольский Север»: электронная библиотека / Мурм. гос. обл. универс. науч. б-ка. URL: <http://kolanord.ru/index.php/kola-drevnij-gorod> (дата обращения: 19.11.2020).

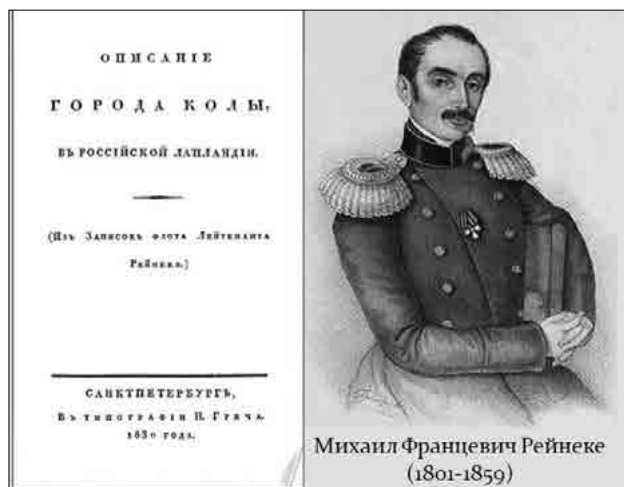


«Описание Колы и Астрахани» – это одно из первых описаний Кольского полуострова в русской печати, самая старая краеведческая книга в фонде Мурманской ОУНБ. Основной акцент сделан на естественнонаучных наблюдениях. Первая часть книги «Описание города Колы, что в Российской Лапландии» содержит сведения о климате, растительности, животном мире, истории и этнографии. Исследователь сообщал число домов и жителей, рассказывал о хозяйственной жизни, укладе и быте населения, приводил сведения о былом рыбном богатстве Кольского залива, где городские жители «у дворов своих вытаскивают из губы полные сельдей неводы», подробно описывал ярусный лов, охоту на китов. Оригинальные факты сообщаются в книге об окрестностях города, острове Кильдин, крупных озерах края Имандре и Пул-озере.

Размещена в коллекции книга исследователя Белого и Баренцева морей Михаила Францевича Рейнеке (1801–1859), ученого-гидрографа, вице-адмирала: «Описание города Колы, в Российской Лапландии: (из записок флота лейтенанта Рейнеке)» (Санкт-Петербург, 1830). В феврале 1826 г. молодой лейтенант Рейнеке был назначен начальником экспедиции, отправлявшейся к берегам Лапландии. В тот год была проведена демаркация границ России с Норвегией, и Россия потеряла часть своей территории на Севере. В конце зимы Рейнеке приехал в Колу для подготовки экспедиции.



Летом 1826 г. экспедиция в течение одной навигации произвела детальную съемку Мурманского берега от Колы до границы с Норвегией, описывая берега всего Кольского залива, реки Туломы и западной части Лапландии от острова Кильдина до губы Верес. Помимо производства гидрографических работ, Рейнеке собрал обширные сведения об истории промыслов и мореплавания жителей Кольского полуострова и Русского поморья. 10 декабря 1826 г. Рейнеке выехал из Колы и через две недели приехал в Архангельск, где составил карту и лоцию, которые и представил вместе с отчетом Адмиралтейскому департаменту. За труды по этой экспедиции он был награжден орденом св. Анны 3-ей степени. 4 марта 1827 года по предложению прославленного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна Михаил Францевич был назначен руководителем новой Беломорской экспедиции. В течение шести следующих лет Рейнеке каждое лето проводил в плавании, проводя гидрографические исследования, которые закончились осенью 1832 года. Результатом шестилетней работы экспедиции был труд, появившийся в 1833–1834 годах: «Атлас Белого моря и Лапландского берега», текст к которому вышел в двух томах – в 1843 и 1850 годах – под заглавием: «Гидрографическое описание северного берега России, составленное кап. лейт. М. Рейнеке». Гидрографические труды М. Ф. Рейнеке дважды удостоивались полной Демидовской премии Академии наук.



Двухтомная книга русского этнографа-беллетриста Сергея Васильевича Максимова (1831–1901) «Год на Севере» (1859) – одна из крупнейших работ по этнографии Русского Севера в XIX в. Это оригинальное сочинение как с научной, так и с литературной точки зрения. После неудач Крымской войны 1853–1856 гг. необходимо было реформировать российский флот, изменить рекрутскую политику, привлекать на службу жителей морских регионов. Морским министерством для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, был организован ряд литературных экспедиций. В экспедицию на Север был рекомендован молодой 24-летний литератор С. В. Максимов. Прибыв в Архангельск в феврале 1856 г., Максимов три месяца работал в архивах, изучая старинные бумаги, книги путешественников и местных историков. За лето 1856 года путешественник добрался до Колы – тогдашнего административного центра Лапландии, описал положение Колы спустя два года после сожжения ее англичанами в 1854 г., записал историю сгоревшего Воскресенского собора. Затем он побывал на Терском берегу Белого моря, на Соловецких островах, увидел бедствия, причиненные англичанами в ходе Крымской войны этому краю. В ходе поездки писатель вел записи своих впечатлений о местных обычаях, быте; особенности речи поморского населения он передал с использованием местных диалектных слов, сделав



книгу яркой и интересной для широкой публики. Книга «Год на Севере» была высоко оценена литературными и научными кругами России, ей была присуждена малая золотая медаль Русского географического общества.

Со второй половины XIX в. одной из причин литературного интереса к Кольскому Северу становится проводившаяся правительством, осознавшим стратегическую роль Европейского Севера, политика колонизации Мурманского берега Баренцева моря. Особый резонанс получали визиты на Кольский Север высоких государственных деятелей и сопровождавших их литераторов. Свои впечатления о крае, о Коле путешественники оставили в путевых записках, дневниках (путевые записки А. П. Энгельгардта, К. К. Случевского, К. А. Львова-Кочетова и др.).

Евгений Львович Кочетов (писал под псевдонимом Евгений Львов и Русский странник) (1845–1905) – беллетрист и публицист – в июне 1894 года отправился в составе экспедиции министра финансов Российской империи Сергея Юльевича Витте по Северу в связи с необходимостью строительства порта и железной дороги на Мурмане. С. Ю. Витте путешествовал с большой свитой: с деловыми людьми, репортерами и художниками. В результате 23-дневного путешествия Е. Кочетов написал книгу «По студеному морю. Поездка на Север. Ярославль, Вологда, Архангельск, Мурман, Нордкап,

Тронхейм, Стокгольм, Петербург» (Москва, 1895). Кольский залив, Екатерининская гавань, Кола, Печенга, Териберка, их природные особенности, экономическая жизнь, быт поморского населения описаны обстоятельно, живо, с многочисленными иллюстрациями. Книга стала библиографической редкостью и была переиздана в Мурманске в 2019 г. в соответствии с современными нормами русского языка, дополнена цветными иллюстрациями и фотографиями Я. И. Лейцингера конца XIX – начала XX в. Оба издания размещены в коллекции «Кола – древний город края».

Посетив в 1894 г. Архангельск и Мурманское побережье, С. Ю. Витте убедился в государственном и коммерческом значении Мурманска и в необходимости строительства Мурманской телеграфной линии. Архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгардт (1845–1903), также принимавший участие в поездке Витте, считал необходимым лично ознакомиться со всеми местными условиями строительства телеграфа и объехал от г. Кеми побережье Кандалакшского залива, а затем прошел весь путь через Кольский полуостров от с. Кандалакши до г. Колы и далее до Екатерининской гавани и вдоль Мурманского побережья. Свои впечатления он оставил в «Очерке путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году» (Архангельск, 1895).

Русский поэт, писатель, драматург Константин Константинович Случевский (1837–1904) совершил несколько поездок по России в свите великого князя Владимира Александровича, описал их в сочинении «По северу России. Путешествие Их Имп. высоч. вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны» (Санкт-Петербург, 1888), а также богато иллюстрированной «По северо-западу России» (Санкт-Петербург, 1897), где Коле посвящена отдельная глава. Мурману он посвятил цикл стихотворений «Мурманские отголоски».

Мода на бытописание середины XIX в. отразилась в сочинениях Василия Ивановича Немировича-Данченко – писателя, публициста, брата театрального деятеля Владимира Немировича-Данченко. Художественно-этнографический очерк «Лапландия и лапландцы: публичные лекции, читанные автором в 1875 г. в С.-петербургском педагогическом музее», (Санкт-Петербург, 1876) содержит впечатления автора о путешествии из Колы в Кандалакшу и по Мурман-

скому берегу в августе 1873 г., в котором увлекательно показаны его встречи с жителями, их быт. В книге еще одной путешественницы Веры Николаевны Харузиной «На Севере: (путевые воспоминания)» (Москва, 1890) описано 22-дневное пребывание в Коле, история и повседневная жизнь города.

Проектирование и строительство Мурманской железной дороги становится дополнительным стимулом для изучения края. В книге «На Кольском полуострове: отчет о поездке летом 1894 г. для осмотра местности по линии предполагаемой Санкт-Петербург – Мурманской железной дороги» (Петроград, 1915) инженера Бориса Александровича Риппаса есть глава об изучении Колы и ее окрестностей.

Однако, как написал архангельский журналист Владимир Иванович Маноцков в своей книге «Очерки жизни на Крайнем Севере. Мурман» (Архангельск, 1897), описывая мурманские рыбные промыслы, «... известная книга г. Максимова “Год на севере”, изданная 30 лет тому назад, является последней ценной книгой о севере, доступной для большой публики».

Огромный вклад в изучение истории г. Колы уже в XX веке внес один из основоположников исторического краеведения в Мурманской области Иван Федорович Ушаков¹ (1921–2002), доктор исторических наук (1980), профессор Мурманского государственного педагогического института, почетный гражданин города-героя Мурманска. Сферой его научных интересов была история Кольского Севера XI–XIX вв. И. Ф. Ушаков опубликовал более 400 научных и научно-популярных работ. Он автор 20-ти книг и брошюр. В коллекцию «Кола – древний город края» вошла его работа «Кольский острог» (Мурманск, 1960), где он критически проанализировал дату возникновения Колы и легенду о подвиге Федора Гагарки; в работах «Кола» (Мурманск, 1983), «Кольская старина» (Мурманск, 1986), «История Кольского Севера (досоветский период)» (Мурманск, 1992) собран и обобщен богатый исторический материал из архивов, редких изданий; позднее переработанные, дополненные им материалы вошли

¹ Ушаков Иван Федорович. Мурманск, 2018. Текст: электронный // «Кольский Север»: электронная библиотека / Мурман. гос. обл. универс. науч. б-ка. URL: <http://kolanord.ru/index.php/authors/u/ushakov-if> (дата обращения: 19.11.2020).



в историко-краеведческий словарь «Кольский Север в досоветское время» (Мурманск, 2001), трехтомник «Избранные произведения» (Мурманск, 1997–1998 гг.).

Первый том вобрал в себя работы по развитию морских промыслов и международной торговли на Мурмане, возникновению города Колы и защите ее от иностранных захватчиков в 1589–1623 гг., социально-экономическом развитии Колы в последующие периоды.

Во второй том включены биографии исторических деятелей и простых людей в истории Колы, их быт и занятия, культура и духовность, а также история многочисленных экспедиций по изучению Кольского края. В третьем томе собраны статьи о памятниках культуры и быта, топонимике, исторических источниках о Кольском Севере. Книги И. Ф. Ушакова стали настольными книгами для многих поколений мурманчан: краеведов, историков, учителей, студентов.

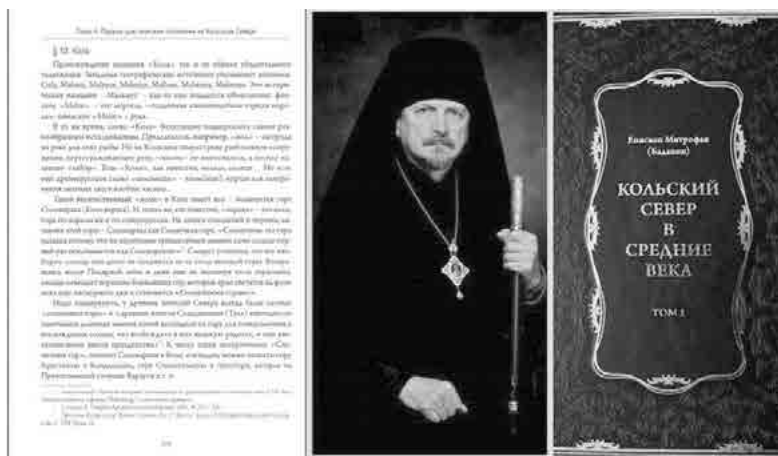
Критически переосмыслена средневековая история нашего края в работах митрополита Мурманского и Мончегорского Митрофана (Баданина)¹ с богословских позиций. В трехтомном историческом исследовании «Кольский Север в средние века» (Санкт-Петер-

¹ Митрофан (Баданин Алексей Васильевич). Мурманск, 2014. Текст: электронный // «Кольский Север»: электронная библиотека / Мурм. гос. обл. универс. науч. б-ка. URL: <http://kolanord.ru/index.php/authors/m/mitrofan> (дата обращения: 19.11.2020).

бург, 2017) на неизвестных и малоизвестных исторических документах, в том числе из зарубежных архивов, он приводит доводы в пользу более древнего происхождения Колы во времена Новгородской республики. Автор восстанавливает утраченные страницы жития святого новгородского князя Александра Невского, освободившего земли Кольского Севера от всевластия биармийцев и закрепившего за Россией древние новгородские волости Колопермь и Тре в середине XIII века. Во втором томе трехтомника в главе о первых христианских поселениях на Кольском Севере владыка Митрофан приводит в подтверждение более раннего основания Колы многочисленные исторические источники, исследует происхождение названия, прослеживает историю ее церковно-административного статуса¹. Промысел Божий о Кольском крае, его духовная история предстают перед нами в исследованиях митрополита Митрофана о подвижниках XVI в. из Собора Кольских Святых – Феодорите Кольском, Варлааме Керетском и Трифоне Печенгском. Их небывалые и удивительные труды по просвещению Кольского края светом Христовой истины изложены в книге «Преподобный Варлаам Керетский: исторические материалы к написанию жития» (Санкт-Петербург, 2011), посвященной великому святому Русского Севера преподобному Варлааму, Керетскому чудотворцу, в 1534–1540 гг. служившему священником в Коле. Митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан прослеживает во всех своих работах неразрывную связь истории нашего края с историей православия, историей православной церкви, и все исторические события обретают свой духовный фундамент.

Новые подходы к изучению Колы в конце XX – начале XXI в. связаны с исследованием повседневной жизни обычных людей, благодаря изучению хранящихся в архивах Мурманской области метрических книг православных приходов, а также некрополей как исторических источников. Начало исследованиям Кольского некрополя было положено в 1994–2010 гг. доктором исторических наук,

¹ Митрофан (Баданин, епископ). Кольский Север в средние века. В 3 томах. Т. 2. Присоединение Кольского Севера к Новгородской Руси. Аборигены края и первые христианские поселения. Североморск, 2017. С. 213–225. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/Mitrofan-Badanin/Mitrofan-Badanin_Koljskij-Sever-v-srednie-veka_tom2/216/index.html (дата обращения: 19.11.2020).



профессором П. В. Федоровым¹. В соавторстве с краеведом А. Н. Сивичевым была выпущена книга «Кольский некрополь: опыт исторической реконструкции (XIX – начало XX века)» (Мурманск, 2001). Исследования способствовали присвоению Кольскому некрополю статуса объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) регионального значения. В 2016 году на средства гранта, выделенного по распоряжению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Кольский потребальный комплекс превращен в музей под открытым небом.

В дальнейшем многолетние исследования социально-демографической истории Колы в XIX – первой четверти XX в. воплотились в проекте «Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас: в 2-х частях» (Мурманск, 2010) П. В. Федорова и А. А. Малашенкова. В атлас включены статьи на отдельные семьи XIX – начала XX в., прожившие в Коле более 30 лет. Для описания отдельных персоналий выбирались представители кольских семей, занимающие значимое положение в общественной жизни города до основания г. Александровска (1899), который стал самым северным городом Российской империи. Основной массив проана-

¹ Федоров Павел Викторович. Мурманск, 2015. Текст: электронный // «Кольский Север»: электронная библиотека / Мурман. гос. обл. универ. науч. б-ка. URL: <http://kolanord.ru/index.php/authors/f/fedorov-pv> (дата обращения: 19.11.2020).



лизированных источников составили документы, отражающие учет населения Колы. К ним относятся метрические книги Кольского собора за 1834–1841, 1863–1920 гг., сохранившиеся в Государственном архиве Мурманской области (ГАМО). Метрические книги в Коле велись сначала при Воскресенском соборе, а после его сожжения в 1854 году – при Благовещенской церкви. Также сюда вошли духовные росписи, ревизии населения, воспоминания, материалы из личных архивов. В этой работе предпринята реконструкция модели социальной структуры Колы и генеалогии семей, представлены демографические данные, брачные традиции, миграционные процессы.

В 2013 г. авторы историко-генеалогического атласа награждены медалью Российской генеалогической федерации «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» II степени. Краевед А. Малашенков¹ имеет в Коле семейные корни, входит в клуб краеведов «Коляне», созданный в 2012 г. Автор научных исследований по истории Колы и ее жителей Павел Викторович Федоров стал почетным членом клуба «Коляне». В соавторстве ими издано большое количество работ по истории Колы и Кольского Севера: «Историческое интервью: (методика прове-

¹ Малашенков Алексей Анатольевич. Мурманск, 2017. Текст: электронный // «Кольский Север»: электронная библиотека / Мурман. гос. обл. универс. науч. б-ка. URL: <http://kolanord.ru/index.php/autors/m/malashenkov-aa> (дата обращения: 19.11.2020).



дения и оформление результатов): практикум по устной истории» (Мурманск, 2012), «Человек – место – память: мемориальная культура старожильского населения северных районов Кольского полуострова в условиях социальных трансформаций» (Мурманск, 2013), «Город мой Кола: фотоальбом» (Мурманск, 2015), «Почва на северных скалах: православный некрополь Мурманского берега Баренцева моря (1863–1920 гг.)» (Санкт-Петербург, 2017), «Кольский некрополь. Кладбище Колы на Каменном острове» (Санкт-Петербург, 2017) и многие другие ценные письменные, а также устные и аудиовизуальные материалы, собранные в процессе изучения историко-культурного наследия Колы¹. Эти источники находятся как в коллекции «Кола – древний город края», так и других тематических коллекциях электронной библиотеки «Кольский Север», в краеведческом книжном фонде Мурманской ОУНБ.

«Всякий культурный человек должен знать историю своей Родины, и в частности – того края, в котором он живет»², – считал

¹ «Культурная память Колы (коллекция фотоматериалов по устной истории, фольклора, мемуаров, фотографий)» // «Культурная память современной России: Евро-Арктический Север» / Мурм. аркт. гос. ун-т, Кол. науч. центр РАН. URL: <http://cultmemory.ru> (дата обращения: 19.11.2020).

² Ушаков И. Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. Кольская земля. Мурманск, 1997. С. 9. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/UshakovIF/UshakovIF_Izbrannje-proizvedeniya_1997_tom-1/6/index.html (дата обращения: 19.11.2020).

летописец Кольского края профессор И. Ф. Ушаков. Чтобы узнать, какого мы духа, какой ценой заплачено за наше сегодня, по-новому увидеть и оценить современность – для этого нужно изучать историю. «Знание прошлого это понимание современности»¹, – писал академик Д. С. Лихачев.

Электронная библиотека «Кольский Север» открывает широкому кругу пользователей доступ к различным ресурсам по истории, как к книгам, ставшим библиографической редкостью, так и к ресурсам, созданным с помощью новых медиатехнологий. Она позволяет сделать исторический срез различных эпох, различных авторских концепций и подходов к изучению нашего края и приглашает вас к увлекательному чтению, ведь история древней Колы, «матери городов Кольских», оплота государственности и православия на Русском Севере – это захватывающая история великих духовных, ратных и трудовых побед наших предков. «Чтоб каждый ощутил: десятками нитей связан с теми, кто кровью и жизнью своей утверждал существование и величие Отечества. Чтоб каждый понял, что он не свободен от этих драгоценных связей, что сегодня он – на их месте, что нынче никто, кроме него, чести нашего Отечества не отстоит, славу его не умножит» (В. С. Маслов, мурманский писатель)².

¹ Лихачев Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. Москва, 1961. С. 7.

² Маслова В. У. Икона Божией Матери «Знамение» в Семже. // Под сенью Трифона. 2015. № 1 (7). С. 89–91. URL: http://kolanord.ru/html_public/periodika/Pod-senjyu-Trifona/Pod-senjyu-Trifona_2015-N7/90/index.html (дата обращения: 19.11.2020).

Содержание

<i>Митрополит Митрофан (Баданин)</i> Кола. Исторический статус и возраст поселения.....	10
<i>Давыдов Р. А.</i> Оборона города Колы в Крымскую войну в рапортах и воспоминаниях лейтенанта А. М. Бруннера.....	26
<i>Пискунов Т. В.</i> К истории одного портрета. Художник и его образ.....	64

НАСЕЛЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ

<i>Кириченко О. В.</i> Особенности севернорусского расселения в средневековый период.....	90
<i>Иеромонах Григорий Матрусов</i> Христианизация Скандинавии (Дания, Швеция, Исландия).....	106
<i>Устинова И. А.</i> Новые епархии на Севере России во второй половине XVII в.: проблемы открытия и территориальные споры.....	118
<i>Кожевникова Ю. Н.</i> Монастыри на территории Водлозерского стана в XVI–XVII веках: к вопросу о монастырском типе природопользования.....	127
<i>Иподиакон Алексей Красиков</i> Малые монастыри Вологды в XVII в.	138
<i>Лаушкин А. В.</i> Навигационные кресты на Соловках: XVI – начало XX в.	151
<i>Кузнецов Н. А.</i> Лев Семенович Багров (1881–1957) – историк картографии и участник освоения Арктики.....	159

ГРАДОУСТРОЕНИЕ И АРХИТЕКТУРА

Протодиакон Владимир Василик

Образ Иерусалима в северных русских городах 186

Жиров В. К.

Геометрия целостности и духовность арктического дома 201

Шахнович М. М.

Традиция пещерножительства в Карелии в позднем
Средневековье – Новом времени 227

Ходаковский Е. В.

История храмового ансамбля Успенского прихода в Варзуге
по изобразительным источникам конца XIX века 241

Алексеева Н. В.

Духовное пространство: свято – мемориальные комплексы
г. Череповца и Череповецкой округи
в конце XIX – первой четверти XX века 251

Лоскутов Д. С.

Поморское кладбище на Монастырском наволоке в Кандалакше 263

Мильчик М. И.

Деревянный «город» Кола в системе обороны Поморья
конца XVI – начала XVIII века 298

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И БЫТ

Орехова Е. А.

Кольская инвалидная команда накануне Крымской войны
(по материалам духовных росписей Кольского Воскресенского
собора 1850–1854 гг.) 330

Бардилева Ю. П.

Кольский Благовещенский приход и его прихожане в 1917–1937 гг. 337

Федоров П. В.

Философ Суслов и православная жизнь Колы в период гонений
(1920–1930 гг.) 353

Кахла Э.

Преподобный Трифон Печенгский и коренные саамы:
борьба или взаимообогащение? 361

Самойлова Т.Е.

Лицевые списки «Христианской топографии» Козьмы в русской книжности первой половины XVI века и их влияние на иконопись..... 373

Мерзлякова Е.Б.

«Кола – древний город края»: цифровая коллекция Мурманской областной научной библиотеки..... 400

Материалы международной
историко-краеведческой конференции
ТРИНАДЦАТЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЕВРОПЫ»

**г. Мурманск
18–20 сентября 2020 года**

Под редакцией
митрополита Митрофана (Баданина)

Корректор
Анна Курпиянова

Обложка
Галина Мельникова

Художественное оформление и верстка
Галина Мельникова

Подписано в печать 23.08.2021 Формат 70 x 100/16. Печ. л. 39
Заказ № 25. Тираж 500 экз.

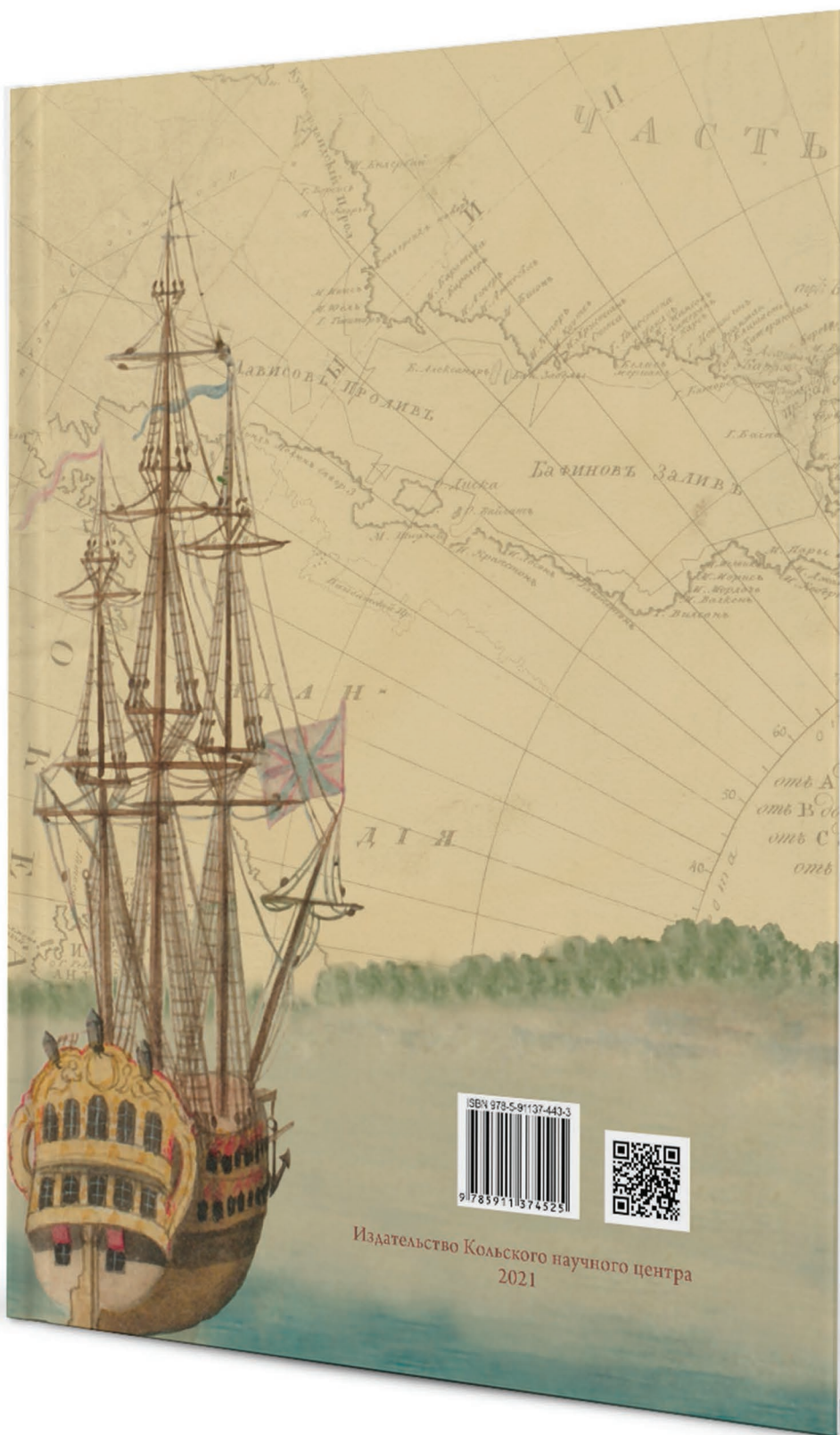
Издательство Мурманской епархии

Выбрать книги, издающиеся в Мурманской епархии
и посвященные Крайнему Северу, можно на официальном сайте:
<http://mmerparh.cerkov.ru>

Заказ на книги отправлять по электронному адресу:
eparhia_murmansk@mail.ru
или на почтовый адрес:

183010, Мурманск, ул. Зеленая, д. 11. Тел.: 8-815-25-97-61.
В свободной продаже книги во всех церковных лавках Мурманской
и Североморской епархий и в книжном магазине «Глобус»:
Театральный бульвар, д. 8.

«Отпечатано в издательстве
ФГБУН ФИЦ «КНЦ РАН»
184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
<https://rio.ksc.ru/>



Издательство Кольского научного центра
2021